

УНИВЕРСИТЕТ
ЛОБАЧЕВСКОГО

ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Национальные и международные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы
20–21 мая 2021 г.
Россия, г. Нижний Новгород

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы

Всероссийская научная конференция
с международным участием

**Национальные и международные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы**

Сборник докладов

Россия, Нижний Новгород
20–21 мая 2021 г.

УДК 347.948

ББК 67.53

Н43

Научный редактор:

В.А. Юматов – кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ф.Г. Аминев – доктор юридических наук, профессор

А.В. Князев – доктор химических наук, профессор

А.Ф. Лубин – доктор юридических наук, профессор

С.В. Оболенский – доктор технических наук, профессор

Т.Б. Радбиль – доктор филологических наук, профессор

В.А. Тимченко – доктор юридических наук, профессор

В.И. Шаров – доктор юридических наук, профессор

Н43 **Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы:** сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2021 – 352 с.

ISBN 978-5-91-326-662-0

В сборнике освещаются вопросы совершенствования теоретических и методических подходов в области судебной экспертизы в эпоху цифровизации, особенности подготовки судебных экспертов, тактические и организационные аспекты судебно-экспертной деятельности. Рассмотрены аспекты международного сотрудничества, состояние судебной экспертизы и перспективы ее развития посредством расширения взаимодействия в области изучения вещественных доказательств и экспертных исследований в рамках различных судебных юрисдикций. Представленные материалы носят инновационный характер, опираются на широкую научную и эмпирическую базу и в своей совокупности обеспечивают научно-методический уровень сборника, его проблематика в полном объеме отражает современное состояние судебно-экспертной науки и практики.

Материалы сборника могут быть использованы учеными в теоретических исследованиях, преподавателями – в учебном процессе по направлению подготовки (специальности) «Судебная экспертиза», практиками – для внедрения инновационных методов исследования объектов судебной экспертизы.

ISBN 978-5-91-326-662-0

УДК 347.948

ББК 67.53

RUDOLF CARNAP: THE LIMITING OF GENIUS, EMPIRICISM AND INDUCTIVE PROBABILITY

Bill Louw

Coventry University (UK, Coventry)

This paper sets out to explore the proposition that academic genius, even in its most abstract disciplines such as mathematics and philosophy, can be influenced by the situational, emotional and controlling (governmental) environment of the academician concerned. Rudolf Carnap (1891-1970) was a Logical Positivist and a founding member of the Vienna Circle. After the assassination of its co-founder Moritz Schlick in 1936, Carnap moved to the USA as the Wienerkreis in Vienna and Berlin collapsed and its members fled Nazi persecution. In 1936 Carnap became Professor of Philosophy at the University of Chicago and in 1954 moved to the University of California at Los Angeles. He was also appointed to a post at the prestigious Princeton University Institute for Advanced Studies (1952-1954), where he taught and researched as part of a small team of only three academics in the department of Mathematics. His colleagues were Albert Einstein and Kurt Gdel. He was told to sign a certificate that could be used to control all and any areas of scholarship in which he might choose to base his research activities. He declined to sign this document. Alan Turing had obtained his PhD from Princeton in 1938 and Carnap may have been aware of his abilities in the area of code-breaking. Influential Philosophers rebuked Carnap for claiming that he (Carnap) had the ability, intuitively, to see some, but not all, of the variables of any grammar string. Carnap's few papers written towards the end of his life (mostly on inductive probability) reveal that his interest in this area (the 'recollection of similarity'), never died. Commentaries on his work laud him, almost routinely, as a genius who always got it wrong, but almost broke through.

Keywords: genius, logical form, empiricism, logical positivism, inductive aspects of probability, corpus linguistics.

1. INTRODUCTION

In early 1937, an impecunious Bertrand Russell wrote to G.E. Moore at Trinity College Cambridge, asking if there were any vacancies on the staff. He explained: '...I want to develop my paper on "The Limits of Empiricism", & to investigate the relation of language to fact, as to which Carnap's ideas seem to me to be very inadequate.'

In Chapter 6 of his autobiography, Russell explains that he had previously run a large Seminar in Chicago, under the title Words and Facts. He adds, 'But I was told that Americans would not respect my lectures if I used monosyllables, so I altered the title to something like The Correlation between Oral and Somatic Motor Habits... the seminar was approved. It was an extraordinarily delightful Seminar. Carnap and Charles Morris used to come to it...' (Russell, 1971: 217).

From the above, we can see at once that collegiality in 1938 was regarded as being altogether more important than it is today, and as sessions today are held at a distance, on Zoom, that situation is unlikely to improve for some time. Russell spoke and read German with the fluency of a native speaker, he was able to foster agreement in conversation, even with those whose ideas may have been 'very inadequate'.

The account that follows below considers the role of the factors that can influence

academic excellence not only to the point of diminishing ‘genius’ as this term is generally understood, but also of establishing its fake application and lasting reputation. The gunshot that killed Schlick also blew apart the stable collegiality of the Vienna Circle and sealed the fate (desired only by the envious and the worried) of Logical Positivism into what has seemed like eternity. The extent to which corpus studies can heal and reverse this process will be a primary, nascent and urgent concern of this paper. We ought never to underestimate the subtextual power of corpus studies. The American philosopher Charles Sanders Peirce (1839-1914) took the view that ‘truth lies where its issues settle’. But Karl Popper (1902-1994) argued that nothing stays settled and that old theories always face the threat of serial falsification. The uneasy feeling engendered by having to wait for serial falsification adds to that period of waiting its own anxieties: worry on the part of the innocent scientist that her/his discoveries may be lost forever to fake theories and censorship; and deep concern on the part of the cover-up section that they and their actions will, finally, be named and shamed. Both of these states qualify as Wartensproblemen – the ‘problems of waiting’. They are especially acute when the most encouraging hypotheses of inductive reasoning are forced to wait because of lies and deceptions born of policy.

What, then, would qualify for looking settled when the Verification Principle of positivism and the necessary technology for amplifying that principle are already available but informally forbidden? Let us take a simple example from philosophy itself. It might have taken 9 years to get this example from Russell, simple though it is, into print in the West: ‘The present king of France is bald’. Scott Soames points out the steps that were required (before computers offered us subtexts drawn from corpora) and he demonstrates how A.J. Ayer (1910-1989) vacillated between three alternatives: (i) that material objects are logical constructions of our own sense data; (ii) that other people are logical constructions out of material objects; (iii) that both material objects and other people are logical constructions out of sense data. Whose sense data, one might ask? (Soames, 2003: 274).

MicroConcord search SW: the present * of * is
80 characters per entry
Sort : 1L/SW unshifted.

1 hich will dry up by 1997, if the present pace of lending is maintained. Aware of
2 ogic is irresistible. But if the present system of transfers is dismantled altoget
3 Ps, so be it. The weakness of the present system of divorce is its reliance on le
4 he recovery? The nature of the present recovery, of course, is more inclined t
5 ictions. I believe that once the present period of uncertainty is over (Bart's c
6 rass courts. Hamilton said: «The present image of tennis is staid and highly rel
7 statement of policy: «Since the present House of Lords is completely undemocrat
8 nd tone becomes tricky. So the present state of play is a stark separation: ar
9 The magazine concludes that the present system of regulation is ineffective. «W
10 ble and I don't pretend that the present level of benefits is anything more than
11 persuasion which argues that the present generation of teenagers is in some way

Data from the following files:

TIMES95.TXT

Before computers were applied to corpora, Ayer was forced to say that his own intuitive sense data were used to create observation statements. Where else could they reasonably have sprung from? However, as the concordance above demonstrates, the logical form of the given banishes intuitive opacity to reveal that the only admissible observation statement for Russell's example is provided by the language system as a whole, as represented by a 44 million word sample in the form of The Times corpus collected by Tim Johns. Language is its own instrumentation. Russell's jocular example subsists at a level of depth that is consistent with its untruthful status as a form akin to a hapax legomenon. The answer to the question posed by Soames is number (iii) as this is claimed, not by Ayer, but by the language itself. We may ask what right the language has to replace observation sentences with the most frequent variable? The answer is that induction and its results take the place of the observer, because the variables that are most frequent are entailed and those of the hapax given, even though entailed, are uniquely and amusingly false. The King has been replaced, not because he/and or his blood-line are dead, but because the 'system' has taken his place. Kings may disappear but governance does not. His blood-line may not have disappeared, but its purported members (even if proved today by means of DNA testing) stand nationally and by dint of revolution, disqualified. They and the 'present king's' purported state of alopecia constitute an even deeper form of non-sense. Similarity (Wittgenstein's term for shared logical form), before the advent of corpora and computers, is always identifiably and slightly naïve when compared with intuitive findings.

Without access to subtextual aspects of logical form, we see Carnap and Strawson arguing over Carnap's rendition of 'The monarch is deceased means in English that the king is dead', where Strawson demands the inclusion of the contingent meta-statement '...if and only if the king is dead' (Soames, 2003, vol.II: 130). This presumably is deemed to subsist unaided within the internal world of ClickDickens operated by Birmingham University UK, which makes no attempt whatsoever to read Dickens and the External World today, inductively and against one another, even if only to verify the current kinesic meaning of the Dickensian phrase 'with his hands in his pockets'. How much is to be dared in order to attract profound retribution remains apparently well-known, if merely unstated.

2.1. SPACE, RANDOM-ACCESS AND EVENTS AS BEING OPEN TO ANALYSIS

The Hallidayan notion of grammatical metaphor remains, by choice, largely untested computationally. I recall a conversation I had with the Late John Sinclair to the effect that the term 'teflon pan' had virtually disappeared, but was far outnumbered by the term 'teflon man' (used primarily to describe Prime Minister Tony Blair); Teflon being a coating on the internal surface of a frying pan that can be cleaned with a mere jet of water. We agreed that the latter term must now be considered more dangerous, especially as the spoken utterances of individuals had become open to analysis through semantic prosodies (Louw, 1993). Blair, upon his appointment as Prime Minister,

removed all computers from 10 Downing Street and replaced them with IBM Selectric typewriters and sheets of carbon paper. The main early casualty of computing, however, was the USA official Colin Powell, whose use of an apparently 'sexed-up' 'dodgy dossier' was recognised by its original author during a televised speech by Powell. Could Teflon clean up apparent plagiarism and its bellicose intentions? Subtextual methods seem now to be reserved for 'deep vetting' of potential migrants rather than for high crimes and misdemeanours at home. Good humour tended to prevail in all reporting of this early analysis. Benjamin Netanyahu, after much discussion of a planned visit to Israel by President Bill Clinton, described him as the 'most wanted visitor to Israel'. No concordances were used by way of corroboration, nor were they needed.

MicroConcord search SW: teflon

80 characters per entry

Sort : 1R/SW unshifted.

1 f they were made out of asbestos and Teflon and they were both pretty good night
2 are trying to coat the pig heart in Teflon and the more we can get on it, the 1
3 rce><Date>19 March 1995</Date><Headline>Teflon boy gets set for Brazil</he
4 household items, such as Velcro and Teflon. But who would have thought that s
5 treated with some machine- washable Teflon chemical and all of life's little ac
6 oulthard. In Formula One, however, a Teflon coating can wear out as quickly as a
7 ><Story><Group> SPACED OUT: Teflon, created earlier and independently,
8 s thoroughly and genteelly coated in Teflon dirt does not stick, and merely make
9 tegy is being evolved to see off the Teflon general. Privately, the hunt is on
10 om weakness. I'm afraid Barbara is a Teflon gorgon who is just plain hateful. Sh
11 aneurysm and its replacement with a Teflon graft as «not pleasant, but infinite
12 November 1995</Date><Headline>Our Teflon granny</headline><byline>Alan Ham
13 ON: Major (Aries), the man with the Teflon horoscope. Able and intelligent, but
14 er'schest,driving on a road made of Teflon in fact did the converse of conventi
15 tains and water. Manufacturers using Teflon include Burberry, Mulberry and Flyte
16 Date><Headline>Rise and rise of a Teflon leader</headline><byline>Bruce An
17 ied a coating which is smoother than Teflon, making it virtually impossible for
18 ree summer. Meanwhile Tony Blair the Teflon man of British politics has run into
19 rict Council's housing policies. But Teflon man has a number of other questions
20 Tories in Glasgow. It appears that Teflon man has struck yet again. But there
21 oothest of the team and is nicknamed Teflon Man by the House because criticism n
22 Internally Mr Quinn has been dubbed «Teflon Man», and the colleague said. Another ad
23 the Bank was that Brian Quinn, the «Teflon Man» who is standing in as deputy go
24 d by scandal but he was the original Teflon man, nothing seemed to stick. His
25 d or whether the politician known as Teflon man, because no criticism ever stick
26 timate him. He might yet prove to be Teflon man. Although we mocked his 1992 ele
27 </Date><Headline>Still sticky for Teflon man</headline><byline>Menzies Cam
28 roof is made of fibreglass coated in Teflon, not for scrambling eggs but to allo
29 as, Puma, Fred Perry, and Pringle. Teflon: Out of the frying pan and into your
30 seem to come out of the space race. Teflon pans. Buffalo Bill Cody built man-
31 why the 72-year-old is known as the Teflon president. Over the years, he has
32 . Not for nothing was she called The Teflon Princess. She enjoys attention, ev
33 this off, nothing sticks: a sort of Teflon quality. In the well-bred, like Wh
34 ere moved apart and separated with a Teflon sling. This delicate procedure, deep
35 95), has a longer, WX more efficient Teflon-coated spiral screw that is capable
36 y><Group> The recent launch of Teflon-coated, stainproof slacks came as no
37 strap wrench, socket set and 50m of Teflon tape. The Chic Simple version of sim
38 o, although as his career is made of Teflon this didn't bother him. Cost: £35 mi

39 e curry and spaghetti slide off your Teflon trousers (report, December 30), may
Data from the following files:
TIMES95.TXT

Perhaps the most vexed problem of all Wartensproblemen was felt to be related 'to philosophy and the past'. There is a book by Michael Dummett on that issue, but it was never considered to be a problem by Logical Positivists. Hebrew operates in the present tense and even Schlick, in the early 1930s argues that Logical Form operates within other communication media (film would be an example) and that its precise nature still needed to be uncovered (in Ayer, 1959:55).

Even the very nature of the 'past' became instantly divisible into 'spaces' if corpora are made more accommodating to this idea. For example, The Tim Johns corpus of only one full year of The Times newspaper allowed researchers to determine the spatial distance in the external world between the recurrence of similar events. In an unsorted concordance drawn from that corpus a co-selected term such as 'position untenable' could be accurately postulated to occur as news coverage, on average once every 6 weeks. Terms such as 'resign' or 'be let go' were simultaneously empirically recoverable as collocates, even down to gender issues relating to the purported culprits: women who refused to resign (including Margaret Thatcher) were eventually removed by the men in suits.

MicroConcord search SW: untenable CW: position

80 characters per entry

Sort : 1L/SW unshifted.

1uld make their position absolutely untenable. However, Malcolm Rifkind, the Defe
2 Shell Group find themselves in an untenable position and feel it is not possibl
3 bsidiaries found «themselves in an untenable position». The failure of the com
4 failed, leaving the company in an «untenable position». Fay was sent back to Bri
5 ways instruct her. But she's in an untenable position now. They'll have to make
6 alternative to what has become an untenable position over Bosnia. Russia has
7 ip described London's position as «untenable and unobtainable». The statement ca
8 B's position as lead regulator as «untenable», with more outspoken comments. Mr
9 cribedClaes's position in Nato as untenable. «The highest court does not lightl
10 d Lord Mackay's position would be «untenable» if his divorce reforms, which have
11 rce: Pennant-Rea's position became untenable not so much because it was immoral
12 r Foster, but that position became untenable when the nominee shone at his confi
13 on-event». But his position became untenable when Judge Jean-Marie d'Huy, in cha
14 n. In the end, the position became untenable. «Margin calls have been made and
15 hat Mr Lewis's position had become untenable when the Parkhurst trio escaped: Ju
16 y regulator's position had become «untenable». After that meeting with his cha
17 a's position as manager has become untenable,» a club statement said. Bergara,
18 g's position as captain had become untenable. What, now, of his own and that of
19 n, M Juppe's position could become untenable. Last night M Juppe dismissed the r
20 lead to Mr Li's position becoming untenable, despite the protection he has from
21 r post as her position is becoming untenable. She has sold her Washington house
22 y «pro-choice» position completely untenable. Many Republicans would probably
23 r. Such a position is increasingly untenable and will culminate in a humiliating
24 to make his position increasingly untenable.» Much of the questioning by Mr P
25 ritain's position was increasingly untenable. «While that case runs, the other c
26 to make his position increasingly untenable.» Alan Williams, Labour member of

27 s position has become increasingly untenable. As chief executive of securities t
28 Date><Headline>Easby moves into untenable position</headline><byline>By Da
29 hat the SIB's present position is «untenable». He and his fellow frontline reg
30 ite rare. If someone's position is untenable, they usually resign.» Anyone fac
31 ead him to believe his position is untenable. Nobody with the good of the Engl
32 8, said his position had been made untenable. He added: «I am taking legal advic
33 M Juppe's position awkward, if not untenable. The Government's embarrassment was
34 n. Mr Banks, 58, found his position untenable after his constituency party voted
35 Mr Crawford had found his position untenable after the Princess gave the intervi
36 ake the Prince of Wales's position untenable,» said Lord St John of Fawsley. «He
37 evelations would make his position untenable. Jack Cunningham, Labour's Shadow N
38 saying that he finds his position untenable. «It is no longer possible for me t
39 tions, to make Mr Major's position untenable. This theory does not stand up. The
40 ions that could makes his position untenable. The Editor of the News of the Worl
41 o sterling, she found her position untenable. She recalls her embarrassment when
42 a cover-up will make his position untenable. MPs believe he should have found
43 governments had made its position untenable. It would now seek permission to di
44 res could make Mr Davis's position untenable; he submitted a report to the Natio
45 old Mr Lewis that his position was untenable and discussed a statement that coul
46 at the SIB's present position was «untenable». The directors gave their «full su
47 chael thought Lewis's position was untenable,» said an aide. «There was no way h
48 the Home Secretary's position was untenable. Downing Street reiterated, however
49 , realised that their position was untenable. Therefore, they invoked force maje
50 said that Mr Aitken's position was untenable. «The unavoidable fact is that he w

Data from the following files:

TIMES95.TXT

Why would I mention in relation to Carnap something that is today considered facile? The answer is that we need to understand how difficult experimentation was for Carnap to set up institutionally. Ernest Nagel, as he wrote up an entry for Carnap in The Concise Encyclopaedia of Western Philosophy almost quips that in spite of the complexity of the tasks of experimentation that lay ahead of him, Carnap would have been blissfully happy to be able to do the work himself. He would prefer the tossing of coins to the adjudication of human behaviour. Our genius is not diminished by this fact. He offers these two sentences in order to demonstrate the matter:

1. *It is highly probable on the existing evidence that Smith is guilty.*
2. *The probability of obtaining heads with a fair coin is one half.*

(Nagel, 1975:71)

Investigations are currently working on this distinction and the potential role of natural language in resolving the matter (I am referring to the work in progress conducted by Milojkovic).

2.1.1. BENEFICIAL GEOGRAPHICAL SPACE AND ITS INFLUENCE ON RESEARCHERS

What was lost as the Vienna Circle and Reichenbach's Berlin were abandoned? The designation was the first issue to go: Carnap was asked to be termed a 'logical empiricist' in the USA. To this he raised no objection, but the request itself must have been redolent with and indicative of the anxiety of those making the request. Remember that Willard van Orman Quine (1908-2000) had not only visited Vienna,

but also went to considerable lengths to bury deep inside his dogmas of empiricism the rule that decisions on the matter of meaning would remain schematically cognitive. The fact that he drafted the entry for his own name in the Penguin Dictionary of Philosophy and sent it to Dr Thomas Mautner, the Editor of that dictionary, may have contributed to the lasting silence that has ensued about how the dogmas of empiricism determine meaning. Quine was, after all, gifted with such longevity that he may well have witnessed computational findings that might threaten the fragile primacy of intuition into the future. He would have been aware that the final blow was more likely to come from AI rather than from the philosophy of science and language, as in these latter disciplines, institutionalised threats, such as peer-review and with documents to be signed on appointment, were still in control.

There can be little doubt that Carnap suffered more than many other researchers from geographical dislocation. Matters gradually improved for some of the others. Popper moved to Christchurch in the South Island of New Zealand, but was quickly offered a post at the London School of Economics. Friedrich Waismann (1896-1959) taught for brief periods in the UK. He tried to write a book about Wittgenstein, but was unable to secure the cooperation of his all too human subject. Instead, his main publication was *The Principles of Linguistic Philosophy* (1965). He developed the notion of 'open texture' which was a measured attack on protocol sentences, because he maintained that the object of investigation 'may surprise us by showing an unexpected new feature, not previously experienced' (Mautner, 1996: 597). Such features born of philosophy continue to astound us today. But it was the loss of the positivist tradition, especially that of Auguste Comte (1798-1857) and Ernst Mach (1838-1916), whose early positivism was but poorly understood abroad and finally often overlooked.

However, when it came to dislocation there was one notable winner: Ludwig Wittgenstein (1889-1951). Although there was much about Cambridge that he disliked and mistrusted, he thrived there. His *Tractatus Logico-Philosophicus* had been the main playbook of the Wienerkreiss. But, at Trinity College, Russell's Logical Atomism and George Moore's (1873-1958) Natural Language approaches inspired Wittgenstein to produce, later in his career, a second school of philosophy that was entirely new and based upon 'meaning as use'. Russell's contacts were hugely useful. Wittgenstein had even met Gottlob Frege (1848-1925) who had fallen victim to Russell's Paradox and was unable to write any philosophy for 11 years as a result! Ludwig sat in on all of Moore's lectures and Moore attended all of Wittgenstein's lectures on what came to be known as The Blue and Brown Books. Wittgenstein also became professor at Trinity. At Oxford, Ayer had been sent to Vienna by his mentor Gilbert Ryle (1900-1976); and 'Freddie' Ayer became the only British Logical Positivist at a very tender age, largely as a result of his book (1936) written in his mid-twenties, entitled *Language, Truth and Logic*. It was my good fortune to meet him in Harare in 1980 when he came to the university as its external examiner in philosophy.

The remainder of this paper deals with the academic gymnastics of logic in an

external world that wrongly attempts to put a cap on science and expects obedience in the matter of thinking, let alone writing about sound thoughts on approved subjects. But, before we go into that, we need to mention that even Trinity College, as part of its history and the distinction of Russell's background, in particular, there was a dominant, almost secret memory: a grey eminence as former Master of the College: William Whewell (1794-1866) who discovered the phenomenon of a Consilience of Inductions. He is not even mentioned once in Russell's prize-winning tome, *The History of Western Philosophy*. Why? One possibility could be found in the fact that John Stuart Mill (1806-1873) was the academic arch-enemy of Whewell and was also Bertrand Russell's Godfather! We now deal with the apparently formulaic writing that promotes Carnap to the level of genius whilst simultaneously setting him up for demotion in all academic fields, except Induction and Probability. At the very heart of the debate around Verification, Whewell set out three different tests of hypotheses (Blake et al, 1966:211):

1. **Adequacy.** The hypothesis should be sufficient to explain all the phenomena that we have observed...or to quote Whewell: "We are never to rest in our labours or acquiesce in our results, till we have found some view of the subject which is consistent with all the observed facts."

2. **Capacity of a hypothesis to foretell phenomena that have not yet been observed.** The relatedness of King and System offered earlier in this paper may be offered as an example. It is the sort of finding that may attract censorship in order to retard the number of 'knowers' who find a subtextual path past intuitive opacity.

3. **Capacity of a hypothesis to explain and predict cases of a different kind from those which were contemplated in the formation of the hypothesis** (my underlining for emphasis). This refers to a 'leaping together' or 'Consilience of Inductions'; that is, two laws obtained by independent inductions and concerning apparently heterogeneous classes of phenomena turn out to be, both of them, deducible from one and the same hypothesis. For example, Alan Turing's mathematical hypothesis for solving the Enigma enemy code was assisted by a linguistic hypothesis supplied as hearsay, by a member of staff in the canteen at Bletchley Park. Mutual corroboration of these hypotheses is demonstrated by the leap of consilience. (Blake et al, 1966:211)

3.1 CARNAP: GENIUS WITH NO GENIUS LOCI

The spirit of place would have been different for Carnap in the UK, but as we saw in Trinity College, Cambridge, the hostility would certainly have had a different aetiology and in the result, both locations would have been destructive.

Before we conclude that Carnap was unaware of the dangers, we need only read his brief conclusion to a paper which he wrote for Volume 1 of *Erkenntnis* in 1930:

The tautological character of logic shows that all inference is tautological. The conclusion always says the same as the premises (or less), but in a different linguistic form. One fact can never be inferred from another. (According to the usual view this

does occur in inductive inference, but this subject cannot be discussed here) (my emphasis).

Why can it not be discussed especially as he goes into print? Is fear a factor as early as 1930?

And so, we look for corroboration in the work of some of the best commentators, such as

Michael Friedman (1999); R.B. Braithwaite (1964); and David Miller (1994). Progress for Carnap in the area of inductive probability had, throughout his career, been, as John Sinclair would have said: 'Like swimming in treacle!' His biggest Wartensproblem might well have been that he was waiting for science itself to break free and, at the very least, for it to let him know that it was safe at last to go ahead. No signal came.

Friedman operates at the 'genius' end of the scale as he comments upon Carnap's Preface to the *Aufbau*. He writes:

Perhaps the best way to put the point is that the logical positivists have staked out an entirely novel position that is, as it were, intermediate between traditional Kantianism and traditional empiricism: it gives explicit recognition to the constitutive role of a priori principles, yet, at the same time, it also rejects the Kantian characterization of these principles as *synthetica priori* (Friedman, 1999: 9).

For the remaining 240 pages of his book, Friedman examines all aspects of Carnap's work except the inductive aspects of probability. He ends his book almost to an apparent formula, on a negative note:

Carnap's invitation radically to transform the philosophical enterprise, and invitation deeply rooted, as we have seen, in a radically new conception of the debate in the foundations of logic and mathematics, could not have produced a more disappointing result (Friedman, 1999: 233).

Braithwaite deals more fairly with details and respects Carnap's standing in the field and as a player, but keeps the glory of naming for himself, lest he appear to favour his method:

The other sort of probability which Carnap calls confirmation, Russell credibility and Kneale, acceptability, I shall straightforwardly call reasonableness, and shall neither call it probability nor suppose that it is a quantity measurable by a number (1964: 120).

Miller tries to suggest that Positivism has longrun its course and is finally in the process of disintegration. He writes: 'This austere doctrine, feigning no hypotheses, once embraced by Mach, perhaps, or Carnap, but presumably not now embraced for long by anyone, corresponds to constructivism and intuitionism in mathematics, but is vastly less interesting. Positivism deserts theoretical science, and in its effect is scarcely distinguishable from irrationalism' (Miller, 1994: 102).

4. CONCLUSION

In Volume I of Studies in Inductive Probability (1971), Co-Edited with Richard Jeffrey, we register a sense of shock as we read page 2: Rudolf Carnap died in September, 1970. But we see in the table of contents that the long swim was over and two chapters, the latter of which was still to be completed. They occupy at least 150 pages of text. His first chapter: Inductive Logic and Rational Decisions had the following markedly new and stimulating sections: 1. Decision Making; 2. Actual Decisions; 3. Rational Decisions; 4. Credibility; 5. Permanent Dispositions; 6. Inductive Logic, 7. The Question of Acceptance.

The simplicity and clarity of the writing take us back to the power of Logical Positivism as it was in 1935. At that time, logic dealt with the behaviour of persons in situations of uncertainty (1971: 11). He recasts the making of decisions not as relative frequency, but as degree of belief with some requirements of rationality to follow. These may well, into the future, settle the still putative notion that Smith, mentioned earlier, may be guilty or innocent.

In a different location he may have met J.R. Firth and Bronislaw Malinowski and he may even have pondered collocation. He had worked with Einstein and Gödel and understood the constants of nature. But, in spite of the vilification of those who hope and believe that Logical Positivism is gone forever, we are aware that Corpus Linguistics can pick up the tasks, not only of the unfinished volume, and that eliminative induction need no longer seek to delete forms of metaphysics whose presence is authorised because they are entailed. Comte and Mach look on from above and will doubtless approve what they see because revival is on their list too.

REFERENCES

1. Ayer, A.J. (1959) *Logical Positivism*. New York: The Free Press
2. Blake, R.M. et al (1966) *Theories of Scientific Method*. London: University of Washington Press.
3. Braithwaite, R.B. (1964) *Scientific Explanation*. Cambridge: CUP
4. Friedman, M. (1999) *Reconsidering Logical Positivism*. Cambridge: CUP
5. Louw, B. (1993) Irony in the text or insincerity in the writer? In Diagnostic potential of semantic prosodies. In *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*, M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.) 152-176. Amsterdam: John Benjamins.
6. Mautner, T. (1997) *Dictionary of Philosophy*. Harmondsworth: Penguin Books.
7. Miller, D. *Critical Rationalism: A Restatement and Defence*. Chicago: Open Court.
8. Milojkovic, M.
9. Nagel, E. (1975) Entry for Carnap. In Ree, J. and Urmson, O. (eds.) *The Concise Encyclopedia of Western Philosophy*. 3rd Edition. Oxford: Routledge.
10. Peirce, C.S. (1923/2013) *Chance, Love and Logic: Essays*. Forgottenbooks.org

11. Russell, B. (1971) The Autobiography of Bertrand Russell. Vol.II. London: Allen and Unwin.
12. Soames, S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. 2 volumes. Oxford: PUP.

Рудольф Карнап: ограничения гения, эмпиризм и индуктивная вероятность

Билл Лоу

Университет Ковентри (Великобритания, Ковентри)

В работе предполагается исследовать положение, что академический гений, даже в абстрактнейших дисциплинах, какими являются математика и философия, может подвергаться влиянию своего ситуационного, эмоционального или контролирующего (правительственного) контекста. Рудольф Карнап входил в число философов, разрабатывающих идеи логического позитивизма, и был одним из основателей Венского кружка. После политического убийства еще одного его основателя, Морица Шлика, в 1936 году, Карнап переезжает в США в то время, как Wienerkreis в Вене и Берлине распадается и его члены эмигрируют, спасаясь от нацистского преследования. В 1936 г. Карнап становится профессором философии Чикагского университета, а в 1954 г. переезжает в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Также его утверждают на одной из должностей престижного Института продвинутых исследований Принстонского университета (1952-1954), где он преподает и проводит исследования в рамках группы из всего лишь трех профессоров математической кафедры. Его коллегами были Альберт Эйнштейн и Курт Гёдель. Когда ему было предложено подписать сертификат, контролирующий все и любые области науки, в которых он как учений мог бы обосноваться, он отказался подписывать этот документ. Аллан Тьюринг защитил докторскую диссертацию в Принстоне в 1938 г, поэтому Карнап мог иметь доступ к информации о его способностях в области расшифровки. Влиятельные философы упрекали Карнапа за утверждение, что он способен интуитивно себе представить некоторые, хотя и не все, лексические переменные любой грамматической цепочки. Немногие работы Карнапа, написанные к концу его жизни (в основном на тему индуктивной вероятности), показывают, что он никогда не терял интереса к этой области („воспоминании о сходстве“). В комментариях к его работам его хвалят, почти неизменно, как гения, который ошибался каждый раз, но почти добился научного прорыва.

Ключевые слова: гений, логическая форма, эмпиризм, логический позитивизм, индуктивные аспекты вероятности, корпусная лингвистика.

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ ПРИ ПОМОЩИ ЛАЗЕРНОГО ПРИНТЕРА

T.B. Ахраменко

*Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)
tatyana.ahramenko@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности стадий предварительного и детального исследования в ходе проведения идентификационных экспертиз документов, изготовленных при помощи лазерных принтеров, предложена оптимизация методов сравнительного исследования.

Ключевые слова: лазерный принтер, экспертиза, документ, идентификация, признак.

В настоящее время большинство документов на бумажных носителях во всех сферах жизнедеятельности общества изготавливаются при помощи электрофотографических устройств, в частности, лазерных принтеров. Безусловно, документация такого рода все чаще является объектом преступных посягательств либо средством совершения преступлений. Для наиболее эффективного раскрытия и расследования преступлений необходимо выработать единые подходы к идентификации знакопечатающих устройств по печатным текстам.

Процесс идентификации документов, изготовленных при помощи лазерных принтеров, как и любая другая судебная экспертиза, состоит из ряда последовательных стадий, каждая из которых предусматривает решение определенных задач.

Традиционно в качестве основных стадий процесса идентификации документов, изготовленных на лазерном принтере, рассматриваются следующие:

- 1) предварительное исследование;
- 2) детальное исследование (включая раздельное и сравнительное исследование, а также (при необходимости) экспертный эксперимент);
- 3) оценка результатов исследования и формулирование выводов;
- 4) оформление материалов экспертизы.

В данной статье более подробно остановимся на стадиях предварительного и детального исследования.

На стадии предварительного исследования осуществляется ознакомление с поступившими материалами и обстоятельствами дела, определяется корректность поставленных вопросов, устанавливаются наличие, полнота и состояние представленных объектов, а также их соответствие перечню и описанию, приведенным в постановлении о назначении экспертизы, выясняется возможность выполнения стоящей перед экспертом задачи. Кроме того, проводится предварительное изучение поступивших на экспертизу материалов с учетом их качественных и количественных характеристик, в зависимости от которых составляется план проведения экспертного исследования.

На экспертизу могут быть поставлены следующие вопросы:

- 1) Не напечатан ли представленный документ на конкретном принтере?
- 2) На одном или разных принтерах напечатаны представленные документы?

В процессе предварительного изучения поступивших материалов особое внимание следует уделить предоставленным образцам для сравнительного исследования. Для того, чтобы образцы для сравнительного исследования можно было использовать в ходе проведения экспертизы, они должны отвечать определенным требованиям, к которым относятся: несомненность происхождения образцов, необходимое количество образцов, получение образцов соответствующего качества [1, стр. 182].

Несомненность происхождения образцов для сравнительного исследования достигается неукоснительным соблюдением установленного процессуального порядка их получения и, как правило, обеспечивается лицом, назначившим экспертизу.

Рекомендуемое количество образцов для проведения идентификационной экспертизы – 10-15 распечатанных листов формата А4.

Качество предоставленных образцов зависит от того, насколько полно и объективно они передают признаки лазерного принтера. Обязательным условием в данном случае является наличие образцов, относящихся к тому же временному периоду, что и исследуемый документ, учитывая интенсивность использования лазерного принтера. Определяющим критерием здесь выступает частота заправки картриджа, а также факт ремонта или замены частей и механизмов лазерного принтера.

Бумага с образцами и бумага исследуемого документа должны иметь максимально возможное сходство по плотности, цвету, проклейке, характеру поверхности, а также, в случае наличия, по рисунку, структуре и цвету защитной сетки и иных элементов защиты или элементов художественного оформления документа.

В процессе предварительного осмотра предоставленных объектов важным моментом является оценка их состояния, обусловленного соблюдением правил упаковки, хранения и обращения с вещественными доказательствами.

В ходе раздельного исследования необходимо установить факт изготовления исследуемых документов и образцов для сравнительного исследования на лазерном принтере. В изображениях будут наблюдаться следующие признаки [2, стр. 68]:

- наличие по краям штрихов выступов и точек;
- наличие сплавленных частиц порошка в штрихах;
- блеск штрихов при косопадающем освещении;
- бугристая поверхность в наиболее темных участках штрихов;
- неравномерная окраска штрихов;
- наличие мелких точек на пробельных участках;
- ореол частиц красящего вещества вокруг основных штрихов;
- осыпание красящего вещества в местах перегиба документа.

К общим признакам лазерных принтеров можно отнести дефекты, вызванные износом комплектующих деталей и механизмов, которые будут наблюдаться в распечатанном документе:

- полоса хаотично разбросанных вдоль листа точек;
- серая полоса с нечеткими краями вдоль листа;
- увеличение насыщенности изображения по краям или в центре листа;
- тонкая белая полоса с четкими границами вдоль листа;
- посторонний фон, повторяющийся с одинаковым интервалом либо расположенный на всем листе;
- накладка фрагментов изображения вдоль листа (повторяющееся изображение);
- белая полоса (чаще по центру листа) с нечеткими границами, ширина которой увеличивается от копии к копии и т.д.

Указанные признаки не позволяют идентифицировать конкретный лазерный принтер, но их можно использовать как один из признаков при решении вопроса замены листов.

Ряд дефектов качества печатного текста имеет обыкновение повторяться: на распечатанном листе через определенные периоды повторяются черные полосы, пятна, пробелы и другие дефекты. Данные повторяющиеся дефекты могут являться индивидуализирующими признаками лазерного принтера. При описании данных признаков следует указывать:

- расстояние между группами признаков и направление повторения;
- расстояние от левого и верхнего краев листа до основного (наиболее заметного) признака;
- форма основного признака (описывается геометрическая форма, размеры, наличие выступающих элементов и их направление);
- при описании последующих (менее характерных) признаков их привязывают к основному признаку: расстояние, угол направления относительно вертикали или горизонтали.

При проведении идентификационной экспертизы необходимо учитывать, что на документах, изготовленных при помощи цветных лазерных принтеров, имеются скрытые метки размером около 0,1 мм, окрашенные в желтый цвет и невидимые невооруженным глазом, которые располагаются по всей поверхности документа, включая и незапечатанные участки. Данные метки сохраняются даже после замены любых узлов устройства.

Сравнительное исследование в процессе производства экспертизы проводится методами сопоставления и наложения. Недостатком таких методов является низкая точность анализа искажений печати и невозможность получения количественных данных об искажениях печати и достоверной идентификации принтеров.

На наш взгляд, наиболее подходящим для решения данных задач является

устройство анализа искажений печати, содержащее последовательно соединенные цифровой сканер, контроллер, блок сдвига цифрового изображения по горизонтали и вертикали, процессор, блок анализа растяжения и сжатия печати и блок идентификации печати. Недостатком этого устройства является невозможность построения карты сдвигов корреляции и, следовательно, невысокая точность идентификации печати принтеров [3].

Данный недостаток решается введением в устройство идентификации печати принтеров блока анализа сдвигов исследуемого изображения, вход которого соединен с контроллером, а выход с процессором, и блока построения карты сдвигов корреляции, вход которого соединен с процессором.

Этим обеспечивается возможность построения карты сдвигов корреляции и повышение точности идентификации печати принтеров. Карта сдвигов корреляции позволяет получить количественные данные об искажениях печати исследуемого документа относительно образцов для сравнительного исследования и, следовательно, сделать вывод от том, напечатаны ли два документа на одном и том же лазерном принтере либо на различных.

Таким образом, для более достоверного и эффективного процесса идентификации лазерных принтеров по печатным текстам, наряду с традиционными методами сравнительного исследования, необходимо применять автоматизированные устройства и программные комплексы, которые обеспечат получение количественных данных искажений печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошко, Е. Ю. Теория судебной экспертизы : курс лекций / Е. Ю. Горошко, И. А. Анищенко. Минск : Акад. МВД, 2013. 219 с.
2. Судебная техническая экспертиза документов : учебник / Н.В. Ефременко [и др.] ; под общ. ред. Н.В. Ефременко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Академия МВД, 2020. 383 с.
3. Патент РБ № 12107, МПК G 06T 5/00, 2019.08.30.

The possibility of expert examination of documents produced with a laser printer

T.V. Ahramenko

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)
tatyana.ahramenko@mail.ru*

The article discusses the features of the stages of preliminary and detailed research in the course of identification examinations of documents produced using laser printers, and suggests optimizing the methods of comparative research.

Keywords: laser printer, examination, document, identification, attribute.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО КОПИЯМ ДОКУМЕНТОВ (НА ОСНОВЕ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Н.В. Ефременко¹, М.М. Подполухо²

¹*Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, Минск)*

²*Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь
(Республика Беларусь, Минск)*

efremenko.nikolai@yandex.by, expert.pocherk@sudexpert.gov.by

Статья посвящена актуальным вопросам проведения судебной поччерковедческой экспертизы по копиям документов. На основе анализа научной литературы и экспертной практики определены задачи и пути их решения по исследованию изображений рукописей в копиях документов. Изложены этапы исследования, отражены информативные признаки, которые могут отражаться в копиях, особенности их оценки и формулирования вывода.

Ключевые слова: судебная экспертиза, поччерковедческая экспертиза, почерк, подпись, изображения почкерковых объектов, копии документов.

Анализ практики проведения поччерковедческих экспертиз в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь свидетельствует о том, что около 10% всех судебных экспертиз проведены по копиям документов, изготовленным с использованием копировально-множительной техники и прежде всего электрофотографическим способом. При этом оригиналы документов по ряду причин не могут быть получены [1].

Следует отметить, что вопрос о возможности исследования таких объектов является дискуссионным. Одними специалистами исключается возможность поччерковедческих исследований по копиям по причине невозможности исключения факта технической подделки и монтажа, другими указывается на необходимость соблюдения определенных условий, в том числе комплексности исследования с участием экспертов в области судебной технической экспертизы документов [2, стр. 519–535; 3, стр. 218–223; 4, стр. 27–32; 5, стр. 52–60].

Особенность проводимого исследования по копиям заключается в том, что идентификационная задача решается опосредованно, без оригинала рукописи. При этом материальным носителем информации о факте письма является не рукопись, а ее изображение, полученное или изготовленное с другого первоначального рукописного объекта или его промежуточной копии с помощью каких-либо технических средств [2, стр. 519–535].

В настоящее время экспертными подразделениями органов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь проводятся поччерковедческие экспертизы по копиям документов в исключительных случаях [6, стр. 16–20]. Специфика таких экспертиз обусловлена необходимостью решения дополнительных подзадач: установление способа изготовления документа в целом

и изображения подписи в частности; изучение и оценка качества и информативности изображения рукописи; исследование на предмет выявления наличия (отсутствия) признаков технической подделки и монтажа изображения рукописи или ее частей; выявление идентификационных признаков рукописи по ее изображению на копии документа, дифференциация признаков копирования и признаков почерка и пр. [3; 4; 7].

На начальном этапе следует получить сведения о наличии оригинала. В ходе осмотра документа устанавливается, что представлено на исследование – копия или оригинал документа. При наличии копии следует запросить оригинал. Как правило, копия исследуется только при физической невозможности предоставления оригинала.

На втором этапе выявляются признаки, характеризующие конкретный способ получения изображений. Решение данной задачи необходимо для полной и всесторонней оценки признаков, выявленных в ходе раздельного исследования, отнесения их к группе изменяемых либо неизменяемых в процессе копирования [3, стр. 33].

Весьма важной задачей третьего этапа является изучение качества и информативности изображения рукописи. Следует отметить, что идентификационное исследование можно проводить только по изображению высокого качества. Наиболее предпочтительны полноцветные сканированные с разрешением не менее 600ppi электронные изображения.

Оценка качества изображения рукописи проводится в аспекте определения его пригодности, т.е. является ли оно достаточно информативным для проведения почерковедческого исследования [1]. Качество копии документа зависит от: способа изготовления документа; качества оригинала исследуемой рукописи; характеристик копировально-множительного устройства; параметров копирования и пр.

На четвертом этапе устанавливается наличие (отсутствие) признаков технической подделки подписи и монтажа изображения рукописи или ее частей. Это очень важный этап, поскольку многие признаки технической подделки подписи не отображаются в их изображениях. Проведенным экспериментальным исследованием установлено, что в копиях могут отображаться признаки факсимиле, диагностические признаки почерка, сдвоенность штрихов, следы копирования через копировальную бумагу, передавливания по штрихам, обводки на просвет [7]. Также возможно установить отдельные признаки монтажа: наличие фона, перекрытие соседних букв и знаков, появление посторонних точек и штрихов, выполнение изображения рукописи с иным разрешением. Следует учитывать, что проявление признаков нередко зависит от способа нанесения изображений [3].

Пятый этап связан с выявлением идентификационных признаков подписи в ее изображении на копии документа. Как отмечают авторы [2], изучение об-

щих признаков, за исключением связности и нажима, в изображении подписи особенностей не имеет. При изучении частных признаков следует учитывать, что наиболее устойчивыми являются направление движений при выполнении отдельных элементов букв, вид соединения движений, протяженность, последовательность выполнения, размещение движений, точек начала, окончания и соединения движений и т.п.

На шестом этапе проводится оценка результатов исследования (выявленных признаков) и формирование вывода. С учетом различных экспертных ситуаций следует учитывать, что проведение идентификационного почерковедческого исследования возможно только при соблюдении следующих условий:

относительные четкость и непрерывность штрихов рукописи; распределение красящего вещества в штрихах изображения, соответствующее стандартному дифференцированному нажиму;

отсутствие значительных утолщений и наложений штрихов других реквизитов,

отсутствие признаков монтажа и технической подделки оригинала, высокая информативность подписи.

Следует отметить, что даже при наличии всех указанных условий решение идентификационного вопроса возможно далеко не всегда.

При достаточно высоком качестве изображения подписи, в котором без искажений отобразилось большое количество идентификационных признаков, отсутствии в копии признаков необычности, применения технических средств, наличии устойчивых, существенных совпадений при отсутствии существенных различий, экспертом формируется категорический положительный вывод о тождестве.

При выявлении различающихся признаков в обязательном порядке следует установить, не связано ли их появление с процессом копирования. Если данные признаки образуют достаточную совокупность, формулируется категорический отрицательный вывод.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь накоплен достаточный опыт проведения почерковедческих экспертиз по копиям документов. Однако по-прежнему сложность вызывает решение таких проблем, как оценка качества и информативности изображений, выявление и оценка идентификационных и диагностических признаков, формулирование выводов. Полагаем, что данные проблемы могут быть решены в рамках экспериментальных исследований, направленных на установление закономерностей проявления в копии признаков оригинала. Вместе с этим, приведенные выше рекомендации и порядок исследования изображений подписей в копиях документов обеспечат эффективность решения идентификационных задач и снизят возможный процент экспертных ошибок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подполухо М.М. Возможности решения задач почерковедческой экспертизы по копиям документов / М.М. Подполухо // Проблеми та перспективи розвитку судової експертизи та криміналістики : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, 16 жовтня 2020 року) / відп. ред. А. І. Черемнова. Одеса : Видавничий дім «Гельветика», 2020. С. 467-472.
2. Ефремова М.В. Методические рекомендации по исследованию почерковых объектов по электрофотографическим копиям / М.В. Ефремова, В.Ф. Орлова, А.Д. Старосельская // Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов; под научной редакцией В.Ф. Орловой. М., 2011. С. 519–535.
3. Шведова Н.Н. Некоторые особенности методики исследований копий почерковых объектов / Н.Н. Шведова // Ценные бумаги. Информационный бюллетень. ЗАО ИПК «ИнтерКрим-прес», 2012. № 11. С. 33–35.
4. Исматова Т.И. Некоторые особенности методики исследования копий почерковых объектов / Т.И. Исматова, М.А. Кочеров, Н.Н. Шведова // Судебная экспертиза: российский и международный опыт. Волгоград : Изд-во ВА МВД России, 2012. С. 218–223.
5. Исматова Т.И. Особенности диагностического исследования копий рукописных текстов, изготовленных способом цифрового монтажа / Т.И. Исматова // Судебная экспертиза. Волгоград : Изд-во ВА МВД России, 2013. № 4 (36). С. 90–99.
6. Подполухо М.М. Развитие научных и методических подходов к проведению почерковедческой экспертизы по копиям документов / М.М. Подполухо, Н.В. Ефременко // Судебная экспертиза Беларуси. 2019. № 2 (9). С. 16-20.
7. Ефременко Н.В. Исследование подписей по их изображениям в копиях документов с целью решения судебно-почерковедческих идентификационных задач / Н. В. Ефременко, М.М. Подполухо, В.О. Бондаренок; НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь. Минск : ИВЦ Минфина, 2019. 44 с.

Contemporary possibilities of conducting forensic handwriting examination on copies of documents (based on the practice of the State Committee of Forensic Examinations of the Republic of Belarus)

N.V. Efremenko¹, M.M. Podpoluho²

*¹Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)*

*²The Central Office of The State Forensic Examination Committee
of the Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)
efremenko.nikolai@yandex.by, expert.pocherk@sudexpert.gov.by*

The article is devoted to topical questions of forensic handwriting examination on copies of documents. Tasks of research of handwriting objects by their images in copies of documents and the ways of solving them are considered by examining the research literature and expert practice. The stages of the examination are stated, informative signs that can be presented in copies, the features of their assessment and formulation of expert's opinion are reflected.

Keywords: forensic examination, handwriting examination, handwriting, signature, images of handwriting objects, copies of documents.

КОРРЕЛЯЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СЕРИЙ ЭКСПЕРИМЕНТОВ, ПРОВЕДЕННЫХ В ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ, ПО ОСТАВЛЕНИЮ, ВИЗУАЛИЗАЦИИ И ИЗЪЯТИЮ ЛАТЕНТНЫХ СЛЕДОВ ПАПИЛЛЯРНЫХ УЗОРОВ С КОЖИ ЧЕЛОВЕКА

A.I. Зиле¹, A.Э. Лалль²

¹Рижский университет Стадиня (Латвия, Рига)

²Пенсионер (Эстония, Таллинн)

aelita.zile@rsu.lv, annika.lall@gmail.com

Целью данной статьи является корреляция результатов серий экспериментов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить и проанализировать опыт зарубежных стран; изучить и проанализировать возможность образования следов и механизм их образования на коже человека; изучить факторы, влияющие на качество следов; изучить агенты, используемые для визуализации и изъятия латентных следов папиллярных узоров; обобщить и проанализировать результаты, полученные в ходе серий экспериментов.

Ключевые слова: кожа человека (жертвы), следообразующий объект, следовоспринимающий объект, латентные следы папиллярных узоров.

ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Перед началом эксперимента авторы изучили зарубежный опыт проведения серий экспериментов и провели анализ существующих на практике случаев.

В 2002 году в журнале «Archives of Criminology» исследователи Отмар Ленерц, Зильке Шонборн и Михаэль Бонерт описали серию экспериментов, проведенную с апреля 2000 по май 2001 года на трупах 10 мужчин и 10 женщин в возрасте от трех месяцев до восьмидесяти шести лет. Одним из наиболее важных аспектов для визуализации следов папиллярных узоров является период

времени от оставления следов до начала их визуализации, поэтому посмертное время при проведении эксперимента варьируется от шести часов до четырех дней. Во время эксперимента, в общем, было оставлено 486 экспериментальных следов папиллярных узоров. В 150 из них можно было увидеть следы папиллярных узоров, а 59 из них можно было использовать для дальнейших исследований с целью использования этих следов для идентификации личности [1].

В рамках проекта AGIS JLS/2006/AGIS/ 042 (30-CE-0080807/00-07) «Латентные отпечатки пальцев и ДНК на коже человека», партнерами которого являлись Дания, Великобритания, Австрия, и Германия, с ноября 2006 года по ноябрь 2008 года на 40 трупах (18 мужчин и 22 женщины) в возрасте от 15 до 98 лет было оставлено 1000 отпечатков пальцев. Каждое государство-партнер оставило 250 отпечатков. Чтобы адаптировать температуру тела трупа к температуре окружающей среды, перед изъятием отпечатков пальцев трупы были извлечены из холодильника. В протоколе было указано, что отпечатки пальцев оставляются на сухой коже, а температура тела должна быть между 13 °C и 25 °C. Отпечатки пальцев оставлялись на верхней части стопы, голени, бедра, предплечья и плеча. Оставляя отпечатки пальцев, контакт был устойчивым и длился несколько секунд. Перед тем, как оставить отпечаток, донор тер пальцами лоб и шею, чтобы убедиться, что его пальцы покрыты потожировым веществом. Изъятие оставленных отпечатков начиналось через 30-60 минут после их оставления. В результате эксперимента из 1000 экспериментально оставленных отпечатков пальцев 91 отпечаток был признан действительным для идентификации личности перед переносом на агент, используемый для изъятия следов. В свою очередь, после переноса на агент, используемый для изъятия следов, 65 отпечатков пальцев были признаны действительными для идентификации личности. 407 отпечатков пальцев до переноса и 340 отпечатков пальцев после переноса могут быть подвергнуты ДНК-анализу [2].

14 декабря 1993 года на территории кладбища Гринсборо в Северной Каролине, США, было найдено тело жертвы преступления. Используя материал переноса посредством нагретой фотобумаги, и поместив его на охлажденное тело в холодной окружающей среде, был частично изъят отпечаток папиллярных узоров ладони с внутренней стороны бедра жертвы. Материал для переноса был доставлен в контролируемую теплую среду. Он был оставлен на 8 часов, а затем след, оставленный на материале, был обработан. В феврале 1994 года на мусорной свалке в Майами, штате Флорида, США, был обнаружен труп мужчины испанского происхождения. Используя нагретую фотобумагу в качестве материала для переноса и поместив ее на охлажденное тело при температуре окружающей среды 50° F (10° C), два частичных следа папиллярных узоров ладони были перенесены с кожи в районе лодыжки жертвы. В ноябре 1994 года в пустыне на юго-востоке США было найдено тело жертвы преступления. Используя пакет для заморозки Ziploc размером в четверть в качестве материала для пере-

носа, с поверхности кожи шеи жертвы были изъяты следы папиллярного узора большого пальца и пальца левой руки. 17 декабря 1994 года в Майами, штат Флорида, США, была обнаружена женщина – жертва сексуального насилия. Используя охлажденную бумагу KromeKote, был изъят отпечаток папиллярного узора пальца с кожи внутренней части бедра пострадавшей. 25 декабря 1994 года в Майами, штат Флорида, США, было совершено проникновение в дом. Произошло ограбление и убийство. С внешней стороны верхней части правой руки убитой женщины был изъят отпечаток папиллярных узоров пальца. След был изъят, используя нагретую фотобумагу в качестве материала для переноса и поместив ее на охлажденное тело в холодной среде [3].

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Эксперимент проводился авторами данной статьи параллельно в Эстонии и Латвии в 2014-2017 гг. Эксперимент проводился авторами в целях исследования:

1. Могут ли на руках (на запястьях) и на ногах (на щиколотках) убитого остаться пригодные для идентификации следы папиллярного узора пальцев рук лица, тащившего труп?
2. Влияет ли, и если влияет, то, каким образом, на отпечаток папиллярного узора на теле жертвы, на частях тела, непокрытых одеждой, вес жертвы?
3. Влияет ли, и если влияет, то, каким образом, на отпечаток папиллярного узора на коже рук и ног жертвы в местах волосяного покрова?
4. Является ли возможным на коже умершего человека оставить латентные следы папиллярных узоров?
5. Можно ли изъять отпечатки с тела жертвы, пользуясь обычными методами?
6. Какие адгезионные агенты и агенты для изъятия следов дают лучшие результаты?
7. Комбинации каких адгезионных агентов и агентов для изъятия следов дают лучшие результаты?

ОПИСАНИЕ ПРОЦЕССА В ЭСТОНИИ

На участие в эксперименте дали согласие 12 человек с Эстонии – одиннадцать (11) мужчин и одна (1) женщина. Перемещением “трупов” занимались двое мужчин, вес которых составлял около 125 кг и 85 кг. Оба были в меру упитанными и в хорошей физической форме. Остальные десять (10) участников эксперимента выполняли роль “трупов”. Возраст участников проводившегося в Эстонии авторами статьи эксперимента составлял от 22 до 35 лет [4, стр. 114].

В Эстонии эксперимент проводился в помещении, при комнатной температуре (около 20C), расстояние транспортировки “трупа” составляло около 22 м. Сначала участникам эксперимента на руки маркером были нанесены порядковые номера (1-10), затем были сфотографированы их руки (в районе запястий) и ноги (от щиколоток до колен). Таким образом, было зафиксировано также со-

стояние волосяного покрова на коже участников. Участники эксперимента сообщили вес своего тела, показатели были занесены в предварительно подготовленную таблицу. Вес участников составлял от 55 до 103 кг [4, стр. 114].

Таблица 1. Число участников, пол и вес тела

№	Пол	Вес
1	женщина	55 кг
2	2 мужчин	73-75 кг
3	2 мужчин	82-85 кг
4	3 мужчин	90-95 кг
5	2 мужчин	97,5-103,4 кг

Транспортировка / перемещение: “труп” брали за руки и за ноги (в районе запястий и щиколоток, которые были освобождены от одежды) и переместили его в подвешенном состоянии из пункта А в пункт Б, расстояние между которыми составляло около 22 м. Транспортировка / перемещение была начата в 09.05 и завершена в 09.18 (10 “трупов”) [4, стр. 114].

Обработка: Области запястий и щиколоток “трупов”, доставленных из пункта А в пункт Б, были обработаны дактилоскопическими порошками (использовались темные порошки). При обработке левой руки – Swedish Black B421000 (мелкодисперсный) и при обработке правой руки и ноги – Magna Jet Black и Sormenjälkijauhe YA9904221 [4, стр. 114].

Поскольку вес “трупов” был различным, то при транспортировке/перемещении проявились определенные проблемы. Чем тяжелее было переносимое тело, тем больше начинали потеть руки переносящих его, а “труп” чаще выскальзывал из рук. В связи с этим появлялась потребность для перемены положения рук – класть “труп” на пол. Несущие пытались улучшить захват, брались за руки переносимого неоднократно. Таким образом, места захвата несколько раз покрывались новыми следами [4, стр. 114].

При переносе “трупов” их выбор был случайным, перенос от легких к тяжелым и наоборот, не выстраивался. В связи с этим наблюдались смещения во времени. Первая жертва, весившая 94 кг, была перенесена из пункта А в пункт Б за 1 минуту. Столько же времени было потрачено на перенос двух последующих. На перенос четвертой и пятой – было уже затрачено по 2 минуты. С пятой по седьмую – 1 минута, и перенос последней, десятой, – занял также 2 минуты [4, стр. 115].

Выявление папиллярного узора следов на коже началось сразу после перемещений всех жертв. Таким образом, первая обработка началась в 9.30 с левой руки (выбор был случайным). На обработку одной жертвы порошком уходило около 10 минут. После нанесения порошка на руки, обработанные части были сфотографированы и исследованы при падающем боковом свете с увеличением (лупа) [4, стр. 115].

ОПИСАНИЕ ПРОЦЕССА В ЛАТВИИ

На коже 43 умерших людей было оставлено 1419 латентных следов папиллярных узоров. Из 43 умерших 33 были мужчинами в возрасте от 25 до 81 года и 10 женщинами в возрасте от 37 до 95 лет. Экспериментальные следы папиллярных узоров были оставлены в промежутке времени между 24 и 96 часами после смерти на следующих частях тела: шее, плечах, предплечье и руке, голени, лодыжке, груди, животе, бедрах. Принимая во внимание результаты предыдущих исследований, следы по возможности не оставляли на частях тела с волосяным покровом, потому что волосяной покров является как бы промежуточным слоем между следовоспринимающим объектом (кожа) и следообразующим объектом (папиллярные узоры). Следы были оставлены путем имитации механизма формирования следов захвата и давления, продолжительность контакта составляла от 10 до 180 секунд, использовалась переменная сила давления во время оставления следов. Следы папиллярных узоров были оставлены на коже умершего человека естественным путем, а именно так, как это происходит при доставке умершего в Государственный центр судебно-медицинской экспертизы. Во время эксперимента следы папиллярных узоров были оставлены естественным потожировым веществом на коже в естественном состоянии (кожа не очищалась и не была помыта). Следы на частях тела умершего человека были оставлены естественным потожировым веществом донора без добавления в него потожирового вещества с других частей тела донора, таких как лоб и шея. Таким образом, образование следов папиллярных узоров была приравнено к естественным условиям формирования следов. Кроме того, донорские (того, кто оставлял следы) папиллярные узоры на ладонях и пальцах рук на протяжении всего эксперимента не оберегались, они подвергались естественному процессу трения, а также другим видам воздействий, например, воздействию бытовых химикатов. Это означает, что и состояние кожи умершего человека, и состояние кожи донорских рук (папиллярных узоров) были максимально приравнены к естественным условиям [5, стр. 13].

Для визуализации латентных следов папиллярных узоров, оставленных экспериментально, использовались следующие дактилоскопические порошки BVDA (Нидерланды): черный немагнитный порошок (Special Blower Black B-35000), черный магнитный порошок (Concentrated Blower Bl), черный немагнитный порошок (Black Special B-34000), черный магнитный порошок (Magnetic Jet Black B-45100), серый магнитный порошок (Magnetic Grey B-46100). Для нанесения порошка использовалась кисточка марабу BVDA (Нидерланды) с контейнером для порошка и механизмом подачи порошка (Blower Brush with marabu feather B-52000) и магнитная кисточка (Strong Mintage brush B-60100) [5, стр. 13].

В свою очередь, для переноса визуализированных следов были использованы следующие светлые дактилоскопические пленки (агенты для изъятия следов): Kjell Carlsson Innovation AB (Швеция) Lifter (White) With Scale 143021,

Lifter (White) With Scale 143023, BVDA (Нидерланды) дактилоскопические пленки Instant lifters White B-23600, Instant lifters White B-23700, пленка для изъятия микрочастиц Microtrace tape C-103505, Fingerprint Lifters White B-14000, Remco (США) Latent Print Tape 2"x 360" LP-200, Latent Print Tape 3"x 360" LP-300, Sirchie (США) Fingerprint Lifting Tape Transparent 2"x360" No.144L2, Lifting Tape Clear 2"x60" No.144L2RJ, FOMA (Чехия) светлая дактилоскопическая пленка (Fingerprint lifter transparent), а так же BVDA (Нидерланды) белая силиконовая паста с закрепителем (White silicone with paste hardener C-1400), фотобумага для размещения дактилоскопической пленки Fullcolor, глянцевая фотобумага А4 Waterproof 480225FC250A420G, Sirchie (США) масштабная линейка на самоклеющейся основе, лопатка из полимера и ванночка из полимера для смешивания силиконовой пасты и закрепителя [5, стр. 14].

В начале эксперимента оценивалось состояние кожи умершего человека и выбирались части тела, на которых будут оставлены экспериментальные следы папиллярных узоров, имитируя механизм формирования следов захвата и давления. Перед тем как оставить следы, на выбранные участки тела наклеивалась масштабная линейка на самоклеющейся основе. Следы также были оставлены на части линейки с целью оценить достаточно ли количества естественного потожирового вещества на руках донора в момент оставления следов, поскольку в ходе эксперимента было установлено, что следы, оставленные на части линейки, визуализировались, но не оставались на коже [5, стр. 14].

В ходе эксперимента оставленные латентные следы папиллярных узоров были визуализированы при помощи шести адгезионных агентов, из которых лучшими для визуализации латентных следов папиллярных узоров были три порошка – Swedish Black, Black Special и Special Blower Black. Доминирование этих адгезионных агентов объясняется свойствами, констатированными во время эксперимента, равномерно опылять следы и одновременно не создавать сильный фон, который сделает визуализированный след слабее видимым. В ходе визуализации следов покрытие этими порошками было очень равномерным, они не загрязняли следы лишним количеством порошка, но при этом демонстрировали хорошие адгезионные свойства. Стоит упомянуть, что были случаи, когда цвет окрашенного фона лишь немного отличался от цвета окрашенных папиллярных узоров, но след не был покрыт лишним количеством порошка. Похожий цвет окрашивания оставленных следов и фона можно объяснить тем, что следовоспринимающий объект (кожа умершего человека) покрыта естественным потожировым веществом, как и следообразующий объект донора (папиллярные узоры). В упомянутом обстоятельстве выражается уникальность в том, что человеческая кожа одновременно выполняет две функции. В свою очередь, у магнитных порошков были ярко выраженные адгезионные свойства, они создавали очень сильное окрашивание фона, в результате которого опыленные порошками следы отражались как темные пятна. При работе с порош-

ком Concentrated Blower Black были получены похожие результаты [5, стр. 14].

Рис. 1. Имитированный след захвата на колене умершего человека после визуализации при помощи дактилоскопического порошка Swedish Black.

После визуализации и фиксации посредством фотографирования следов папиллярных узоров их надо было перенести на материал для изъятия. В ходе эксперимента было использовано 12 агентов для изъятия следов, из которых как доминирующие агенты лучшие результаты показали дактилоскопические пленки Gelantin Lifters White и Latent Print Tape 3"x 360" LP-300, а также силиконовая паста White silicone with paste hardener [5, стр. 15].

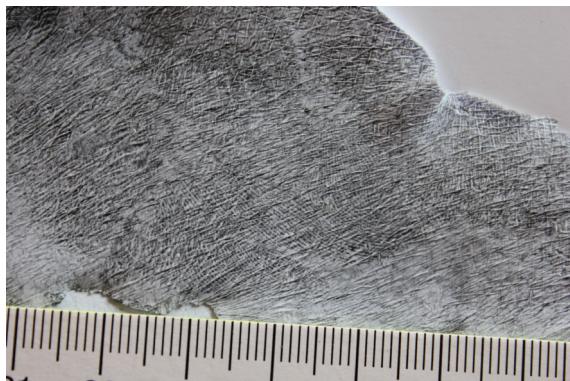

Рис. 2. След папиллярных узоров,годный для идентификации личности, опыленный дактилоскопическим порошком Black Special и перенесенный на силиконовую пасту White silicone with paste hardener.

При переносе визуализированных следов стали очевидны следующие свойства материалов для изъятия следов. Очень хорошие результаты были получены при использовании светлой дактилоскопической пленки Gelantin Lifters White, потому что ее эмульсионный слой и эластичность в процессе нанесения позволяли свободно приложить ее к той части тела, на которой были визуализированы латентные следы папиллярных узоров. Следует отметить, что эта дактилоскопическая пленка хорошо прилипала к поверхности, но слой эмуль-

ции не был достаточно прочным, чтобы удалить частицы омертвевшего слоя кожи при удалении пленки. По мнению автора, вес (сила тяжести) этой дактилоскопической пленки облегчает нанесение агента для изъятия следов без использования дополнительной силы давления, что, в свою очередь, позволяет не подвергать кожу чрезмерной деформации. Светлая дактилоскопическая пленка Latent Print Tape 3 "x360" LP-300 также позволила хорошо перенести следы, но ее отрицательной особенностью является то, что эта пленка очень тонкая и требует больше навыков при работе с ней, чем Gelantin Lifters White. Однако у дактилоскопических пленок есть одна отрицательная особенность: сложно работать с частями тела, которые могут менять форму в нескольких направлениях, потому что, например, с дактилоскопическими пленками можно работать как на ровной поверхности, так и микрорельефе, иначе качество визуализации следов может быть испорчено. Для частей тела, таких как колено и шея, было бы целесообразно использовать силиконовую пасту White silicone with paste hardener в качестве агента для изъятия следов, свойство которой принимать форму поверхности, на которую она наносится, позволяет переносить след с проблемных мест, например, таких как коленный сустав. При формировании следов кожа этого сустава может деформироваться, поэтому папиллярные узоры также могут отражаться на микрорельефных полостях кожи [5, стр. 15].

В ходе описанного эксперимента обозначились комбинации адгезионных агентов и агентов для изъятия следов – Special Blower Black и Gelantin Lifters White, Swedish Black и Gelantin Lifters White, Swedish Black и White silicone with paste hardener.

В общей сложности из 1419 латентных следов папиллярных узоров, оставленных в ходе эксперимента, после их опыления адгезионными агентами и переноса на агенты для изъятия следов было установлено следующее и следы оценивались по четырем категориям:

1. Идентификация. 37 следов папиллярных узоров были признаны годными для идентификации личности, так как содержали достаточное количество особых признаков папиллярных узоров, что, в свою очередь, образует набор этих индивидуальных признаков.

2. Отграничение/элиминация. В 66 следах папиллярных узоров содержался папиллярный узор, но особые признаки папиллярных узоров, содержащиеся в нем, не были в достаточном количестве, чтобы эти следы были пригодны для идентификации личности.

3. Намек на касание. В 202 следах отпечаталась форма фаланг пальцев и ладони, а папиллярный узор не отпечатался.

4. Нет следов. В 1114 экспериментально оставленных следах не были видны папиллярные узоры [5, стр. 19].

Результаты, выдвинутой авторами серии экспериментов, были достигнуты. В ходе серии экспериментов было обнаружено, что на коже человека можно

оставлять латентные следы папиллярных узоров, которые можно визуализировать и изъять. Также было установлено, что на формирование следов на коже человека в значительной степени влияет механизм формирования, сила давления, с которой оставляют следы, вес жертвы, а также волосы на теле, которые действуют как промежуточный слой между следообразующим объектом и следовоспринимающим объектом. В ходе эксперимента были идентифицированы адгезионные агенты и агенты для изъятия следов и определены их лучшие комбинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lenertz O., Schönborn S., Bohnert M. Daktyloskopische Spuren auf menschlicher Haut – Ergebnisse einer praxisorientierten Versuchsreihe. Archiv für Kriminologie. 2002. 210:129-138.
2. AGIS Project – Final Report JLS/2006/AGIS/042(30 – CE – 0080807/00 – 07). Latent Fingerprints and DNA on Human Skin. Bundeskriminalamt (German Federal Criminal Police) Central Services Division, ZD 31 – Crime Scene Unit, Wiesbaden. 2009.
3. Sampson W.C., Sampson K.L. Recovery of Latent Prints from Human Skin. Journal of Forensic Identification, 2005. 55, 362-379.
4. Lall A., Zile A. Experimental Series of Trace Formation on Human Skin During Arm Grip and Body Transportation. International Research and Practice Juridical Journal Criminalist №12/2016.
5. Zile A. Latentu papillārliniju rakstu pēdu vizualizēšanas un izņemšanas iespējas no miruša cilvēka ādas. Eksperimentālās sērijas rezultāti. Administratīvā un kriminālā justīcija 2017. 3 (80).

Correlation of Results of a Series of Experiments Carried Out in Estonia and Latvia on Leaving, Visualisation and Recovery of Latent Papillae Pattern Prints from Human Skin

A. Zile¹, A. Lall²

¹Riga Stradiņš University (Riga, Latvia)

²Retiree (Tallinn, Estonia)

aelita.zile@rsu.lv, annika.lall@gmail.com

The aim of this article is to correlate the results of a series of experiments. To achieve the aim the following objectives were set: to study and analyze the experience of foreign countries; to study and analyze the possibility of formation of traces and the mechanism of their formation on human skin; to study the factors affecting the quality of the traces; to study the agents used to visualize and recover latent papillae pattern prints; to summarize and analyze the results obtained in the course of a series of experiments.

Keywords: human skin (of victim), trace-forming object, trace-bearing object, latent papillae pattern prints.

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОЙ АНАЛИЗ ОБЩИХ (ОСНОВНЫХ) ПОЛОЖЕНИЙ

B.K. Кирвель

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

(Республика Беларусь, Минск)

Литовское криминалистическое общество (Литва, Вильнюс)

kirvit@tut.by

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь и государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, государственная судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, судебный эксперт, государственный судебный эксперт, судебно-экспертная организация, судебно-экспертное учреждение, орган (лицо), назначивший судебную экспертизу.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы совершенствования правового обеспечения судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) обусловлена растущей общественной потребностью в создании эффективного механизма противодействия преступности, надлежащем обеспечении защиты прав и свобод граждан, юридических лиц, укреплении правопорядка, повышении доверия граждан к органам власти и управления.

Целью исследования является проведение сравнительно-правового анализа общих (основных) положений Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» от 18 декабря 2019 г. № 281-З (далее – Закон «О СЭД» Беларуси) и Федерального закона Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (далее – Закон «О ГСЭД» России).

Объектом исследования являются отраслевые законы Республики Беларусь и Российской Федерации «О судебно-экспертной деятельности» (вступил в силу с 1 января 2021 г.) и «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 26.07.2019 № 224-ФЗ).

Сравнительно-правовой анализ общих (основных) положений указанных законов проведен в рамках Союзного государства России и Беларуси в соответствии со ст. ст. 2, 18 Договора о создании Союзного государства между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. (борьба с преступностью).

Краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме указывает на факт проведения сравнительно-правового анализа национальных отраслевых

законов отечественными и зарубежными исследователями: Шакель Н.В. [1], Ореховой Е.П. [2], Парамоной Л.Ф. [3] и др. Настоящее исследование является продолжением предыдущих работ автора [4; 5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с преамбулой Закон «О СЭД» Беларуси определяет правовое, организационное, научно-методическое, материально-техническое и иное обеспечение судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь.

В соответствии с преамбулой Закон «О ГСЭД» России определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве.

Глава 1 «Основные положения» Закона «О СЭД» Беларуси и Глава 1 «Общие положения» Закона «О ГСЭД» России состоят из тринадцати статей разных по содержанию.

В ст. 1 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель раскрывает содержание основных терминов, используемых в настоящем Законе, и их определения: 1) методические материалы; 2) орган (лицо), назначивший судебную экспертизу (следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд (судья), должностное лицо органа, ведущего административный процесс); 3) судебная экспертиза.

В ст. 9 Закона «О ГСЭД» России законодатель раскрывает содержание основных определений, используемых в настоящем Федеральном законе: 1) медицинская организация, оказывающая медицинскую помощь в стационарных условиях;

2) медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях; 3) судебно-психиатрическая экспертная медицинская организация;

4) руководитель государственного судебно-экспертного учреждения; 5) судопроизводство; 6) судебная экспертиза; 7) заключение эксперта; 8) образцы для сравнительного исследования; 9) повреждение объекта исследования; 10) уполномоченные федеральные государственные органы.

В ст. 2 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель под СЭД понимает деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебной экспертизы (далее – СЭ) и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций (далее – КУ и КК), осуществляемые судебно-экспертными организациями (далее – СЭО) и экспертами.

В ст. 1 Закона «О ГСЭД» России законодатель под ГСЭД понимает деятельность, осуществляющую в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями (далее – ГСЭУ) и экспертами, которая состоит в организации и производстве СЭ.

В ст. 1 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель под СЭ понимает экспертизу,

назначенную и проведенную в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях, гражданским процессуальным законодательством и хозяйственным процессуальным законодательством.

В ст. 9 Закона «О ГСЭД» России законодатель под СЭ понимает предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 3 Закона «О СЭД» Беларуси правовое регулирование в сфере СЭД регулируется законодательством в сфере СЭД, а также международными договорами Республики Беларусь и иными международно-правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь. Законодательство в сфере СЭД основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из процессуального законодательства, настоящего Закона и иных актов законодательства.

В ст. 9 Закона «О ГСЭД» России правовую основу ГСЭД составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации, законодательство в сфере охраны здоровья, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального государственного органа, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

В ст. 4 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель к задачам СЭД относит: 1) создание условий для применения в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности; 2) оказание содействия органам, ведущим уголовный, гражданский, хозяйственный и административный процессы, в выполнении возложенных на них задач с использованием специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности.

В ст. 2 Закона «О ГСЭД» России законодатель к задачам СЭД относит оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим до-

знание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 5 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель к принципам СЭД относит принципы: 1) законности; 2) соблюдения интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица;

3) независимости судебного эксперта; 4) объективности, всесторонности и полноты проведения СЭ; 5) допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении.

В ст. 4 Закона «О ГСЭД» России законодатель к принципам СЭД относит принципы: 1) законности; 2) соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица; 3) независимости эксперта; 4) объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

В ст. 6 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель под соблюдением принципа законности понимает осуществление СЭД на основе Конституции Республики Беларусь, соблюдения требований настоящего Закона и иных актов законодательства, а также международных договоров Республики Беларусь и иных международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь.

В ст. 5 Закона «О ГСЭД» России законодатель под соблюдением принципа законности понимает осуществление ГСЭД при условии точного исполнения требований Конституции Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности. Нарушение закона при осуществлении СЭД недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

В ст. 7 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель под соблюдением принципа соблюдения интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица при осуществлении СЭД понимает, что:

1) государство гарантирует соблюдение прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица при осуществлении СЭД;

2) при проведении СЭ не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья физического лица или унижающие его честь и достоинство; 3) проведение СЭ, требующее временного ограничения свободы физического лица или его личной неприкосновенности, осуществляется только на основаниях и в порядке, установленных законодательными актами.

В ст. 5 Закона «О ГСЭД» России законодатель под соблюдением принципа соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении ГСЭД понимает: 1) неуклонное соблюдение равноправия

граждан, их конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени; 2) иных прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации; 3) судебно-экспертные исследования, требующие временного ограничения свободы лица или его личной неприкосновенности, проводятся только на основаниях и в порядке, которые установлены федеральным законом; 4) лицо, полагающее, что действия (бездействие) ГСЭУ или эксперта привели к ограничению прав и свобод гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В ст. 8 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель под соблюдением принципа независимости эксперта понимает, что: 1) эксперт независим при проведении судебной экспертизы и подчиняется только закону; 2) воздействие на эксперта в какой-либо форме со стороны государственных органов, политических партий, других общественных объединений, иных организаций или их представителей, граждан в целях оказания влияния на эксперта или воспрепятствования в какой-либо форме его деятельности не допускается и влечет ответственность, установленную законодательными актами; 3) эксперт не обязан давать какие-либо объяснения по существу проводимых (проведенных) судебных экспертиз, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами.

В ст. 7 Закона «О ГСЭД» России законодатель под соблюдением принципа независимости эксперта понимает: 1) при производстве СЭ эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших СЭ, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями; 2) не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц;

3) лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В ст. 9 Закона «О СЭД» Беларуси законодатель под соблюдением принципа объективности, всесторонности и полноты проведения СЭ, допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении, понимает, что: 1) эксперт проводит СЭ объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов; 2) при проведении СЭ используются методические материалы, одобренные и рекомендованные Межведомственным научно-методическим советом в сфере СЭД при

Государственном комитете судебных экспертиз (далее – ГКСЭ), включенные в Реестр методических материалов в сфере СЭД. Использование иных материалов допускается при условии научно-практического обоснования примененных методов, которое приводится в заключении эксперта, данном судебным экспертом в порядке, установленном процессуальным законодательством; 3) для решения вопросов, поставленных перед экспертом, в первую очередь применяются методы, не связанные с полным или частичным уничтожением объектов СЭ либо изменением их внешнего вида или основных свойств; 4) заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность сделанных выводов.

В ст. 8 Закона «О ГСЭД» России законодатель под соблюдением принципа объективности, всесторонности и полноты исследований понимает, что:

1) эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме;

2) заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

В ст. 10 Закона «О СЭД» Беларусь законодатель выделяет государственное регулирование и управление в сфере СЭД, которое осуществляют Президент Республики Беларусь и ГКСЭ в пределах компетенции, определенной настоящим Законом и иными законодательными актами.

Президент Республики Беларусь в сфере СЭД определяет единую государственную политику и осуществляет иные полномочия в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными законодательными актами (ст. 11 Закона «СЭД» Беларусь).

ГКСЭ в пределах своих полномочий в сфере СЭД: 1) реализует единую государственную политику; 2) координирует деятельность других государственных органов, иных организаций и физических лиц; 3) проводит СЭ по уголовным, гражданским и экономическим делам, делам об административных правонарушениях, материалам проверок по заявлениям (сообщениям) о преступлениях; 4) устанавливает порядок формирования, ведения и использования Реестра методических материалов в сфере СЭД;

5) определяет перечень видов (подвидов) СЭ, проведение которых осуществляется государственными СЭО; 6) определяет перечень видов (подвидов) СЭ, проведение которых осуществляется на основании специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности по проведению экспертиз; 7) устанавливает порядок присвоения (подтверждения, снижения, лишения) квалификационных категорий работникам СЭО, занимающим должности служащих, занятых в сфере СЭД; 8) определяет перечень специальностей (направлений специальностей) высшего образования, позволяющих претендовать на присво-

ение квалификации эксперта по соответствующему виду (подвиду) СЭ; 9) определяет перечни специальностей (направлений специальностей) высшего образования, позволяющих претендовать на освоение содержания образовательных программ переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, по специальностям направления образования «Судебная экспертиза»;

10) осуществляет иные полномочия в соответствии с настоящим Законом и иными законодательными актами (ст. 12 Закона «СЭД» Беларуси).

В ст. 13 Закона «О СЭД» Беларусь законодатель выделяет лицензирование деятельности по проведению СЭ, которое осуществляется в порядке, установленном законодательством о лицензировании.

В ст. ст. 10, 11 Закона «О ГСЭД» России законодатель раскрыл содержание определений «объекты исследования» и «ГСЭУ». В ст. ст. 12, 13 законодатель раскрыл содержание определений «эксперт», а также «профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первым отличием в отраслевых законах Республики Беларусь и Российской Федерации «О судебно-экспертной деятельности» и «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» является факт правового регулирования только ГСЭД, осуществляющей только ГСЭУ и экспертами в Российской Федерации, и СЭД в Республике Беларусь, осуществляющей как государственными СЭО и экспертами, так и организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность по проведению СЭ на основании лицензии.

Вторым отличием является выделение белорусским законодателем отдельного направления обеспечения СЭД – материально-техническое обеспечение (ст. 51 Закона «СЭД» Беларуси). Российский законодатель выделяет отдельным направлением обеспечения ГСЭД финансовое и информационное обеспечение (ст. ст. 37, 39 Закона «О ГСЭД» России).

Третьим отличием является факт наличия в Главе 1 «Основные положения» Закона «О СЭД» Беларуси ст. 10 «Государственное регулирование и управление в сфере судебно-экспертной деятельности», ст. 11 «Полномочия Президента Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности», ст. 12 «Полномочия Государственного комитета судебных экспертиз в сфере судебно-экспертной деятельности», ст. 13 «Лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз», которые отсутствуют в Главе 1 «Общие положения» Закона «О ГСЭД» России. Наличие в Главе 1 «Общие положения» Закона

«О ГСЭД» России ст. 10 «Объекты исследований», ст. 11 «Государственные судебно-экспертные учреждения», ст. 12 «Государственный судебный эксперт», ст. 13 «Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к

эксперту», которые отсутствуют в Главе 1 «Основные положения» Закона «О СЭД» Беларуси и присутствуют в Главе 2 «Судебно-экспертные организации, судебный эксперт. Права, обязанности и ответственность руководителя судебно-экспертной организации, судебного эксперта».

Четвертым отличием является факт использования более широкого спектра определений российским законодателем.

Пятым отличием является факт отнесения к СЭД в Республике Беларусь ведение КУ и КК.

Шестым отличием является факт того, что белорусский законодатель не раскрывает содержание термина СЭ, а отсылает к процессуальному законодательству.

В Республике Беларусь СЭ проводятся также и в рамках хозяйственно-процессуального законодательства, в отличие от отраслевого законодательства Российской Федерации.

Седьмым отличием является факт использования более широкого спектра нормативных правовых актов российским законодателем. Белорусский законодатель дополняет правовое регулирование в сфере СЭД «международными договорами Республики Беларусь и иными международно-правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь».

Восьмым отличием является факт того, в Республике Беларусь к задачам СЭД законодатель относит дополнительно «создание условий для применения в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности». Также белорусский законодатель расширяет сферу применения специальных знаний «или иных сферах деятельности».

Девятым отличием является факт того, в Республике Беларусь законодатель дополнительно относит к принципам СЭД принципы: 1) «соблюдения интересов государства»; 2) «допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении». Российский законодатель вводит норму, что «нарушение закона при осуществлении СЭД недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации».

Десятым отличием является факт того, в Республике Беларусь законодатель дополнительно относит к принципу законности «соблюдение требований международных договоров Республики Беларусь и иных международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь». Российский законодатель дополнительно относит к принципу законности правовую норму, что «нарушение закона при осуществлении СЭД недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации».

Одиннадцатым отличием является факт того, в Республике Беларусь законодатель дополнительно относит к принципу соблюдения интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица при осуществлении СЭД, что «при проведении СЭ не

должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья физического лица или унижающие его честь и достоинство».

В Российской Федерации законодатель дополнительно относит к принципу соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении ГСЭД обеспечение иных прав и свобод человека и гражданина, в том числе и соответствие «нормам международного права», а также, что «лицо, полагающее, что действия (бездействие) ГСЭУ или эксперта привели к ограничению прав и свобод гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Двенадцатым отличием является факт того, в Республике Беларусь законодатель дополнительно к принципу независимости эксперта относит: 1) воздействие на эксперта в какой-либо форме со стороны «политических партий, других общественных объединений» или воспрепятствования в какой-либо форме его деятельности не допускается и влечет ответственность, установленную законодательными актами; 2) «эксперт не обязан давать какие-либо объяснения по существу проводимых (проведенных) СЭ, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами». Российский законодатель дополнительно относит к принципу независимости эксперта правовую норму, что «3) лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Тринадцатым отличием является факт того, в Республике Беларусь законодатель дополнительно к принципу объективности, всесторонности и полноты проведения СЭ, допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении, относит: 1) «при проведении СЭ используются методические материалы, одобренные и рекомендованные Межведомственным научно-методическим советом в сфере СЭД при Государственном комитете судебных экспертиз, включенные в Реестр методических материалов в сфере СЭД. Использование иных материалов допускается при условии научно-практического обоснования примененных методов, которое приводится в заключении эксперта, данном судебным экспертом в порядке, установленном процессуальным законодательством»;

2) «для решения вопросов, поставленных перед экспертом, в первую очередь применяются методы, не связанные с полным или частичным уничтожением объектов СЭ либо изменением их внешнего вида или основных свойств».

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ общих (основных) положений отраслевых законов Республики Беларусь и Российской Федерации «О судебно-экспертной деятельности» (2019) и «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (2001) указывает на факт дальнейшей их унификации в рамках Союзного государства России и Беларуси для противодействия преступности, обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц при проведении СЭ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шакель Н.В. Принцип законности при осуществлении судебно-экспертной деятельности: сравнительно-правовой анализ / I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. // УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск, 2018. Ч. 2. С. 331–335.
2. Орехова Е.П. Субъекты судебно-экспертной деятельности / Вопросы криминологии, криминастики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. // НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2017. Вып. №1 (41). С. 117–123.
3. Парамонова Л.Ф. Институт частной судебной экспертизы в СНГ: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 136–142.
4. Кирвель В.К. Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»: новелла в правовом обеспечении судебно-экспертной деятельности / Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. науч. стат. II Междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. // Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород : Нижегород. исслед. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 12–22 / eLIBRARY ID: 43413664.
5. Кирвель В.К. Проект Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» / Деятельность правоохранительных органов на современном этапе : наука, образование, практика : сб. статей Междунар. семинара, Минск, 3 апреля 2020 г. // Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; редкол. Т.А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. С. 193–195.

The Law of the Republic of Belarus «On Forensic Expert Activity» and the Federal Law «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation»: Comparative Legal Analysis of General (Basic) Provisions

V. Kirvel

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)

Forensic society of Lithuania (Lithuania, Vilnius)

e-mail: kirvit@tut.by

The article provides a comparative legal analysis of the institution of forensic expert activity in the Republic of Belarus and state forensic expert activity in the Russian Federation.

Keywords: forensic expert activity, state forensic expert activity, forensics, forensic expert, state forensic expert, forensic expert organization, forensic expert institution, body (person) that appointed forensic examination.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ ПРЕДМЕТА И ОБЪЕКТА СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.Л. Лужинская

*Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, Минск)
lygikova_7@mail.ru*

Автор в настоящей статье акцентирует внимание на необходимости понимания базовых категорий, таких как объект и предмет, для определения сущности судебной портретной экспертизы на современном этапе с учетом развития научно-технического прогресса и информатизации общества. В статье анализируются различные взгляды ученых по данным направлениям. На основе анализа различного рода дефиниций предмета и объекта сформулирован авторский подход к определению данных категорий сквозь «призму» информационной составляющей.

Ключевые слова: информация о внешнем облике человека, информационный подход, предмет, объект судебной портретной экспертизы, объективное отображение внешнего облика.

Для понимания сущности портретной экспертизы, как и любого другого вида исследований, необходимо осознание ее основных категорий, в частности предмета и объекта. В рамках судебной экспертизы, которую отдельные авторы сравнивают с наукой в целом, данные понятия традиционно развиваются и формируются в границах закона самой науки, ее теории и гипотезы [1].

Поскольку основой портретного экспертного исследования, определяющей соотношение теории и практики, научной и практической деятельности по установлению личности по признакам внешности человека является учение о внешнем облике человека (габитоскопия), то и предмет портретной экспертизы необходимо рассматривать сопоставимо с предметом учения о внешнем облике человека. Так как габитоскопия является разделом криминалистической техники, рассматривать ее предмет необходимо через «призму» предмета криминастики т.е. через группу объективных закономерностей действительности, обусловливающих возникновение и развитие специфической группы явлений, фактов, отношений. Таким образом, предметом криминалистического учения о внешнем облике человека являются закономерности, обусловливающие природу внешнего облика человека, проявляющиеся в его свойствах, а также закономерности созиания, исследования и использования данных о внешнем облике человека с помощью разработанных для этих целей методов и средств. Кроме того, предметом криминалистического учения о внешнем облике человека являются закономерности его собственного развития.

Предмет «учения о внешнем облике человека» понятие достаточно широкое и многогранное и основано на научных категориях, предмет же экспертизы, в частности портретной, практико-ориентирован и направлен на решение диагностических и идентификационных задач. На основании этого в контексте данной статьи речь будет идти непосредственно о предмете портретной экспертизы.

Нужно отметить, что в теории судебной экспертизы в целом, отсутствует единий подход относительно определения сущности дефиниции «предмет». Так, в «Словаре основных терминов судебных экспертиз» предмет судебной экспертизы определяется как фактические данные (факты и обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных научных познаний и исследования материалов уголовного дела». Данную точку зрения разделяют большинство ученых, таких как: А.В. Дулов [2], М.А. Чельцов [3], А.Р. Шляхов [4] и др. Вместе с тем М.Я. Сегай, В.М. Галкин предлагают рассматривать предмет судебной экспертизы через исследование вещественных доказательства с целью установления фактов имеющих значение для расследования уголовного дела [1; 5]. Иной позиции придерживается Т.М. Нагорный, который под предметом судебной экспертизы понимает решаемые ею задачи [6, стр. 42]. В свою очередь Р.С. Белкин определяет предмет судебной экспертизы через закономерности объективной действительности путем познания наукой своего предмета [7].

В контексте нашей статьи заслуживает внимания позиция Д.Я. Мирского [8] и М.Н. Ростова [9], которые связывают предмет судебной экспертизы с информацией и предлагают рассматривать его как информацию о фактах, сведениях, а не установление самих фактов. Таким образом, предложенный авторами информационный подход к пониманию сущности предмета судебной экспертизы представляется наиболее интересным и требующим более детального исследования и изучения, поскольку именно анализ информации (сведений) о фактах позволяет решить диагностические и идентификационные задачи. В подтверждении данного подхода следует обратиться к нормативным источникам. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» информация представляет собой сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления [10]. Кроме того, обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств, и является информацией [11, стр.31]. Как отмечают в свою очередь Р.С. Белкин и А.И. Винберг, «информация способствует приобретению субъектом знания об обозначенном знаками объекте. Происходит познавательное отражение содержания знака в сознании субъекта. Достигается такое познавательное отражение не столько через отдельные знаки, сколько через их определенные сочетания, связи и структуру, через систему знаков» [12].

В то же время, несмотря на приверженность к информационному подходу, одной из дефиниций, которая заслуживает внимание, является и содержащаяся в Словаре терминов портретной экспертизы 1977 года, где под предметом портретной экспертизы понимается диагностика и установление тождества личности по портретным изображениям [13]. Аналогичная дефиниция в словаре 2005 года определяется как обстоятельства связанные, во-первых, с решением диагностических задач (установления расово-этнической принадлежности,

возрастной группы, половой принадлежности изображенного на портрете человека, его профессиональных навыков, состояния здоровья), во-вторых, с отождествлением человека по признакам элементов внешности, запечатленным на материальных носителях, по мотивированному постановлению (определению) следователя или суда, на основе специальных знаний в области габитоскопии [14]. Таким образом, анализируя вышеуказанные дефиниции можно прийти к выводу о том, что «обстоятельства, связанные с решением диагностических и идентификационных задач» близки по своей сути к понятию «информация», посредством которой и устанавливаются данные обстоятельства.

На основании вышеизложенного, подводя промежуточный итог, предлагаются сущность предмета судебной портретной экспертизы понимать сквозь «призму» информации о внешнем облике человека, полученную в результате изучения материально-фиксированных объектов, таких как фотография, видеозапись, посмертная маска и т.д. Таким образом, предмет портретной экспертизы – это информация о внешнем облике человека, позволяющая на основании специальных познаний в портретной экспертизе установить тождество лиц либо его (отсутствие) либо решить диагностические задачи.

Второй из важнейших категорий при проведении как экспертиз в целом, так и в частности судебной портретной экспертизы является «объект». Именно объект экспертизы является неотъемлемым и определяющим признаком видовой принадлежности экспертного исследования, источником сведений о тех или иных событиях, с ним связано установление пределов компетенции экспертов и многое другое.

Понятие объекта судебной экспертизы неоднозначно с точки зрения науки и практики. Так, с позиции научной отрасли знания объект представляет собой род (вид), класс, категорию предметов, характеризующихся общими свойствами [15, стр. 21]. В габитоскопии в качестве объекта выделяют внешний облик человека, структура и свойства которого описываются через систему его элементов и признаков с учетом соответствующих характеристик механизма отображения внешности и целей их криминалистического использования [16].

В то же время к определению объекта конкретных экспертиз в научной литературе подходят по-разному.

Так, по мнению А.И. Винберга [17], Д.Я. Мирского [8], «происходит более углубленное познание объектов исследования и, следовательно, непрерывное расширение объема информации, получаемой в процессе исследования этих объектов, а с другой – к постоянному увеличению видов и разновидностей объектов судебной экспертизы». Вместе с тем не обходимо учитывать, что не все явления, события и предметы подпадают в область объекта судебной экспертизы. Объект экспертизы должен обладать таким свойством как относимость к событию (преступлению), т.е. из всего множества явлений, предметов, событий в сферу рассмотрения попадают только те, которые косвенно или напрямую

связанные с произошедшим событием.

Д.Я. Мирский, М.Н. Ростов [9] указывают, что «Конкретным объектом судебно-экспертного исследования всегда является материальная субстанция (человек, вещь, животное, вещества), а непосредственным объектом – свойства материальной субстанции, которые рассматриваются как информация в скрытом виде, т.е. информация как «вещь в себе»; «вещью для нас» эту информацию делает конструирование вербальной копии, ибо с этого момента свойства переводятся в сведения относительно базового факта, ставшего достоянием хотя бы одного индивида.

Так одними авторами он определяется как вещь – носитель свойств, признаков и отношений, исследование которых позволяет констатировать факты, имеющие доказательственное значение [18, стр. 37], другими – как материалы дела, посредством изучения которых познается предмет экспертизы, т.е. решаются вопросы и устанавливаются обстоятельства дела, либо как материальные носители обстоятельств дела, требующих экспертного исследования [19, стр. 26], приверженцы третьего подхода отождествляют объект с носителями информации об актах и событиях.

Анализ данных подходов позволяет констатировать, что в рамках настоящей статьи при информационном подходе к определению предмета портретной экспертизы логично согласиться с позицией авторов, которые рассматривают и объект экспертизы как носитель информации.

Однако, продолжая рассуждения на тему объекта, необходимо рассмотреть его на примере конкретной экспертизы – в данном случае – портретной. Именно это в последующем позволит сформулировать дефиницию данной категории.

Так, в отдельных литературных источниках рекомендуется рассматривать объект портретной экспертизы как сложную динамическую систему, состоящую из трех элементов. Первый элемент – источник информации о факте, наличие которого следует установить в процессе исследования. Данный элемент устанавливается по результатам исследования. Второй элемент – материальный носитель информации о факте, содержащий необходимые для решения поставленного вопроса признаки, указывающие на те или иные свойства, отношение и взаимодействие которых требуется установить. В портретной экспертизе таким носителем может являться электронный носитель информации, содержащий отображение внешнего облика человека. Третий элемент – механизм передачи информации от источника к носителю. Знание закономерностей способа трансляции информации позволяет оценить полноту, определенность и адекватность объекта исследования.

Другие авторы под объектом портретной экспертизы предлагаю понимать объективные источники информации – фото- или видеоизображения, фиксирующие внешность человека на основе закономерностей, заимствованных из других наук таких, как физика, химия, математика, судебная фотография, по-

зволяющих говорить о неизменности передаваемой информации о комплексе признаков внешности человека и достаточности ее для решения стоящих [20].

В свою очередь, не умоляя вышеназванные подходы, тем не менее, представляется, что объект портретной экспертизы может быть рассмотрен в узком и широком смыслах. Где в первом случае – это носитель информации о внешнем облике человека, а во втором – объективное отображение внешнего облика человека. Далее рассмотрим более подробно каждый из аспектов.

Так, в узком смысле слова объектом портретной экспертизы является носитель информации о внешнем облике человека, под которым понимается – любой материальный объект, на котором запечатлена графическая информация, поскольку информация не существует во вне материальной формы, любая информация, являясь субстанцией нематериальной всегда фиксируется (записывается) на материальном носителе [21].

В широком смысле слова объект портретной экспертизы предлагается понимать как объективное отображение внешнего облика человека. Именно в подтверждении данного подхода следует указать мнение А.М. Зинина, который под объектом понимает объективные изображения, т.е. не опосредованные представлением человека и дающие информацию об особенностях внешности запечатленных людей [21]. В данном случае акцент делается на объективное отображение внешнего облика человека в связи с тем, что в экспертной практике эпизодически возникает необходимость исследования субъектных отображений человека, таких как художественные портреты (живописные, акварельные и т. д.), скульптуры, субъективные портреты, на создание которых влияет значительное количество малоизученных факторов. Субъективные отображения в основном содержат признаки внешности общего или группового значения, Индивидуализирующие признаки по ним достоверно выявить не удается, либо они определяются субъективным представлением исполнителей портретных изображений.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, очевидно, что объект портретной экспертизы может быть рассмотрен в двух аспектах, что в большей степени позволит уяснить его сущность.

Подводя итог вышеизложенному, видится, что именно информационный подход к таким основным категориям судебной портретной экспертизы, как предмет и объект позволит отразить сущность самой экспертизы на современном этапе. В тоже время приходиться констатировать, что вопросы, рассмотренные в статье, требуют более детального исследования и изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сегай М.Я. Судебная экспертология: объект, предмет, природа и система науки // В зб Теорія та практика судової експертизи і криміналістики», Вип. 3. Харків, Право, 2003. С.25.

2. Дулов А.В. Состояние научных методов расследования и пути их совершенствования / А.В. Дулов // Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью : материалы межведомств. науч.-практ. конф. криминалистов и судеб. медиков, Минск, 12–14 апр. 1965 г. / М-во охраны обществ. порядка Бел. ССР ; редкол. : А.В. Дулов [и др.]. Минск, 1965. С. 8–12.
3. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. Основные понятия и принципы процесса.
4. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / 1979. 168 с.
5. Галкин В.М. О принципах судебной экспертизы по уголовным делам / В.М. Галкин // Труды Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз. М., 1970, С. 7–15.
6. Нагорный Т.М. Проблемы судебно-экспертной отрасли знаний и предмет судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Киев, 1976. Вып. 13.
7. Белкин Р.С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. М.: Юрид. лит, 1973. 264 с.
8. Мирский Д.Я. Некоторые теоретические вопросы классификации объектов судебной экспертизы, их свойств и признаков // Сб. науч. тр. ВНИИСЭ «Методология судебной экспертизы». М., 1986.
9. Мирский Д.Я., Ростов М.Н. Понятие объекта судебной экспертизы // Сб. науч. тр. «Актуальные проблемы теории судебной экспертизы». М., 1984. С. 26.
10. акон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации».
11. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. М.: Наука, 1958. 200 с.
12. Белкин Р. С., Винберг А. И. Язык науки и применение знаковой теории в криминалистике. – В кн.: Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973, с. 234.
13. Словарь основных терминов судебно-портретной экспертизы. М., 1977.
14. Зинин А.М., Буданов С.А., Черкашина И.И. Словарь основных терминов судебно-портретной экспертизы. М.: ЭКЦ МВД РОССИИ, 2005.
15. Зинин А.М., Дубягин Ю.П. Фиксация признаков внешности трупов. М., 1976.
16. Зинин А.М. Габитоскопия. Вопросы и ответы. М., 2005.
17. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А.И. Винберг. М. : Госюриздан, 1949. 132 с.
18. Нагорный Т.М. О производном объекте судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертизы. Вып. 18. Киев, 1979.
19. Орлов Ю.К. Объект экспертного исследования // Тр. ВНИИСЭ. Вып. 8. М., 1974. С. 41-42.
20. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: Курс лекций. М.: М-

сковская академия МВД России, 2002. 157 с.

21. Зинин А.М., Черкашина И.И., Акишин Д.Г. Основы судебно-портретной экспертизы отображений внешнего облика человека, запечатленных на современных носителях информации: Учебное пособие / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.М. Зинина. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 80 с., библиогр., 5 прил., 7 ил.

Informational approach to the concept of the subject and object of forensic portrait examination

E.L. Luzhinskaya

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)
lygikova_7@mail.ru*

The author in this article focuses on the need to understand the basic categories, such as object and subject, to determine the essence of forensic portrait examination at the present stage, taking into account the development of scientific and technological progress and the informatization of society. The article analyzes the different views of scientists in these areas. Based on the analysis of various definitions of the object and object, the author's approach to the definition of these categories is formulated through the «prism» of the information component.

Keywords: information about the appearance of a person, information approach, subject, object of forensic portrait examination, objective display of the appearance.

МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ НА СНАРЯДАХ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ РУЧНОГО ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

A.H. Matlak

*Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)
gfor85@mail.ru*

Идентификация гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах является одним из наиболее сложных и не решенных в настоящий момент вопросов, стоящих перед экспертными подразделениями Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Практика расследования уголовных дел, совершенных с применением огнестрельного оружия, свидетельствует об острой необходимости разработки и внедрения в экспертную деятельность методики отождествления огнестрельного оружия по следам на пулях, дроби и картечки. Рассмотрение процессов, позволяющих считать решение идентификационной задачи в случае исследования вышеуказанных объектов, создает предпосылки для формирования методики криминалистического отождествления ручного гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на выстрелянных снарядах.

Ключевые слова: идентификация, гладкоствольное огнестрельное оружие, множественный метаемый снаряд, механизм следообразования.

Гладкоствольное огнестрельное оружие является самым распространенным видом оружия, находящимся в законном владении граждан и юридических лиц.

Поэтому вполне закономерным выглядит тот факт, что именно гладкоствольное оружие чаще всего является орудием преступления по различным категориям уголовных дел, в связи с чем вопросы криминалистического исследования данного вида оружия актуальны и подлежат детальной разработке.

Особого внимания в условиях широкого распространения гладкоствольного оружия требует проблема идентификации такого оружия по выстрелянным из него снарядам – пулям, дроби и картечи. Следственная практика имеет достаточно большое количество примеров, когда обнаруженные в ходе осмотра места происшествия выстрелянные снаряды являются единственным потенциальным источником доказательства по уголовному делу. Однако, ввиду отсутствия научно обоснованной методики решения вопроса об идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на выстрелянных снарядах, такого рода объекты не исследуются в должной степени, что влечет утрату вещественными доказательствами решающего значения для установления истины по уголовному делу.

Кафедрой криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ведется активная работа по сбору и аккумулированию методической информации и практического опыта в сфере идентификационного баллистического исследования гладкоствольного огнестрельного оружия для решения задачи по формированию методики отождествления ручного гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах.

Предпосылками идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах являются индивидуальность, устойчивость и отображаемость следообразующего объекта.

В соответствии с общей теорией криминастики индивидуальность следообразующего объекта выражается в отсутствии в природе любых абсолютно идентичных предметов материального мира, в том числе экземпляров огнестрельного оружия.

Возможность многократного воспроизведения качественных характеристик канала ствола в виде признаков на выстрелянных снарядах формирует устойчивость следообразующего объекта как вторую предпосылку отождествления гладкоствольного оружия.

В свою очередь, отображаемость следообразующего объекта характеризуется наличием в следах на снарядах совокупности общих и частных признаков, установление которой позволяет установить групповую принадлежность объектов исследования, а также отождествить конкретный экземпляр оружия.

Все предметы материального мира в зависимости от их функции в процессе идентификации можно разделить на идентифицируемые (отождествляемые) и идентифицирующие (отождествляющие) [1, стр. 15]. В случае идентификационной экспертизы гладкоствольного огнестрельного оружия в качестве объектов,

тождество которых необходимо установить (идентифицируемые), выступают охотничьи гладкоствольные ружья и обрезы, изготовленные из них, самодельные объекты с соответствующей конструкцией канала ствола, а также объекты, переделанные из оружия другого вида (например, газового). Объектами, позволяющими провести отождествление (идентифицирующие), являются снаряды, применяемые при снаряжении унитарных боеприпасов к гладкоствольному огнестрельному оружию; предметы, используемые для раздельного заряжания самодельного дульнозарядного гладкоствольного оружия; прочие компоненты патронов (пыжи, контейнеры, прокладки и т.д.), которые могут содержать признаки, индивидуализирующие предмет, из которого они были выстреляны.

Для успешного решения любых идентификационных задач необходимо правильное и полное понимание механизма образования следов, особенностей взаимодействия объектов в процессе следового контакта, условий, влияющих на устойчивость отображения индивидуальных признаков.

Одним из важнейших факторов, влияющих на механизм следообразования при стрельбе из огнестрельного оружия любого вида, в том числе и гладкоствольного, является конструкция детали объекта, выступающего в роли следообразующего, а именно ствола огнестрельного оружия, свойства которого отображаются на снарядах при стрельбе. Ввиду наибольшей распространенности в качестве объектов криминалистического исследования гладкоствольных охотничьих ружей данный вид оружия будет рассматриваться в качестве основного примера в настоящей работе.

Ствол охотничьего ружья изготавливается с внутренним сквозным каналом, который в отличие от нарезного огнестрельного оружия не содержит на своих стенках каких-либо конструктивных элементов для придания направленного вращательного движения метаемому снаряду и является полостью между пульным (снарядным) входом и дульным срезом ствола. Одной из характеристик канала ствола охотничьих ружей является тип сверловки, который может быть одинаковым по диаметру на протяжении всей длины ствола, сужаться к дльному срезу либо иметь специальный вид сверловки с расширением (последний вариант встречается достаточно редко). В зависимости от типа сверловки при стрельбе из охотничьего оружия достигается различная степень рассеивания множественного метаемого снаряда (дроби и картечи).

Следует подробнее остановиться на процессах, вызывающих изменение рельефа гладкого с момента выпуска с завода канала ствола, происходящих под влиянием различных факторов, которые можно объединить в следующие группы:

- факторы эксплуатационного характера;
- факторы влияния окружающей среды;
- субъективные факторы (например, умышленное повреждение преступником ствола оружия после стрельбы).

Влияние факторов эксплуатационного характера обусловлено тем фактом, что выстрел из огнестрельного оружия – сложный многокомпонентный процесс, в ходе которого за достаточно короткий промежуток времени в канале ствола происходят различные физико-химические изменения, приводящие к изменению поверхности канала ствола. При сгорании порохового заряда в канале ствола образуется высокое давление и нагревание материала ствола, а также вступление пороховых газов в химическую реакцию с металлом, из которого изготовлен ствол. Затем при движении снаряда, сопровождаемого пороховыми газами, по нагретому до высокой температуры каналу ствола происходит разрушение поверхности канала ствола, формирующее особенности его микрорельефа.

В зависимости от условий хранения ранее использовавшегося для стрельбы оружия факторы окружающей среды также оказывают влияние на процесс образования особенностей микрорельефа канала ствола (условия повышенной влажности, отсутствие должного ухода – чистки и обработки специальными составами и т.п.) К числу факторов субъективного характера, влияющих на изменение микрорельефа канала ствола, можно отнести умышленное повреждение преступником канала ствола с целью затруднить идентификацию или даже сделать ее невозможной.

Выстрел, как отмечалось выше, это процесс, состоящий из ряда этапов, взаимосвязанных и взаимозависящих. При срабатывании (воспламенении) инициирующего состава капсюля-воспламенителя происходит горение порохового заряда, содержащегося в гильзе патрона, в результате чего образуемое высокое давление выталкивает компоненты боеприпаса (пыжи, прокладки), которые в свою очередь воздействуют на метаемый снаряд. Метаемый снаряд, например, дробовой, состоящий из элементов, расположенных по краям – периферийные дробини, и внутренних дробин, начинает движение внутри корпуса гильзы охотничьего патрона, а затем – по каналу ствола. В ходе движения внутри корпуса гильзы свое положение меняют только периферийные дробини, а внутренние остаются практически неподвижными, при этом на периферийных элементах могут оставаться следы от внутренних стенок корпуса гильзы (в случае применения металлической гильзы). После выхода из корпуса гильзы, дробини, воздействуя друг на друга проворачиваются, и на них образуются следы от дульца гильзы.

Далее полиснаряд, попадая в пространство значительно более широкое, чем корпус гильзы, изменяет свое положение, при этом периферийные дробини под силой внутренних прижимаются к пульному входу, в результате чего дульце гильзы срезает металл с поверхности дробин. Во время дальнейшего движения дроби по пульному входу канала ствола в результате действия силы трения на ней образуются овальные следы, которые могут частично перекрывать или даже полностью уничтожать ранее образованные следы от внутренней поверх-

ности корпуса гильзы и от дульца гильзы.

При дальнейшем движении полиснаряда вместе с ним по каналу ствола устремляется воздух, расклинивающий снаряд, что препятствует воздействию на него центробежной силы, в результате чего все элементы снаряда движутся по аналогии с моноснарядом – единой массой. В виду того, что усилие, сжимающее снаряд, значительно превышает упругость металла дроби, происходит деформация отдельных элементов множественного метаемого снаряда.

Во время движения дробин они контактируют друг с другом, в результате чего на их поверхности образуются контактные пятна, размерные параметры и форма которых зависят от диаметра дробин и их расположения в полиснаряде – по краям или во внутренней части. Наличие на элементе метаемого снаряда контактных пятен, а также следов от взаимодействия с пыжом позволяет судить о расположении дробины или картечины в нижнем ряду метаемого снаряда; отсутствие следов от взаимодействия с пыжом и меньший размер контактных пятен, расположенных только на одной стороне элемента, свидетельствуют о его расположении в верхнем ряду множественного снаряда; наличие нескольких контактных пятен и их локализация на противоположных сторонах элемента указывает на его расположение в среднем ряду множественного метаемого снаряда [2, стр. 125].

Элементы множественных метаемых снарядов, как правило, изготавливаются из мягкого материала – свинца, вследствие чего при поступательном движении поверхность дробин истирается о поверхность канала ствола. Участки дробин, взаимодействующие с микрорельефом канала ствола, воспринимают неровности последнего, в результате чего на дробинах образуются идущие параллельно трассы на овальных площадках элементов метаемого снаряда. Кривизна этих участков соответствует кривизне поверхности канала ствола. Именно на основе этих следов и осуществляется отождествление гладкоствольного огнестрельного оружия.

Размер элементов метаемого снаряда, тип сверловки ствола и масса порохового заряда патрона, сгорание которого образует давление достаточное для расклинивания полиснаряда при движении по каналу ствола, являются главными факторами, влияющими на форму и площадь отображения следов на дроби и картечи. Поверхность канала ствола на протяжении всей своей длины является следообразующим объектом, причем наиболее важным участком в механизме следообразования следует считать начальную и средние части канала ствола, так как по мере продвижения снаряда к дальному срезу ствола значительно снижается расклинивающее усилие, вызванное давлением пороховых газов, снижается инерция самого снаряда. Исследователи проблемы идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах указывали, что именно участок канала ствола длиной около 10 см от начала казенной части является ответственным за пластическую деформацию дробин, а размеры, форма

и кривизна следов, возникших при движении дробин на указанном участке, не изменяется в ходе дальнейшего проталкивания элементов метаемого снаряда вплоть до дульного среза [3, стр. 17]. Относительно возникновения контактных пятен на элементах метаемого снаряда отмечено, что наибольшее влияние на их появление оказывают перегрузки, вызываемые наибольшим ускорением полиснаряда на вышеуказанном участке канала ствола [4].

Особенностью механизма следообразования при стрельбе из гладкоствольного огнестрельного оружия является то, что перемещение снаряда по каналу ствола влечет появление новых следов, отображающих особенности микрорельефа канала ствола и уничтожающих следы, образовавшиеся при движении по предыдущим участкам канала ствола. Особую «опасность» с точки зрения возможности дальнейшей идентификации оружия представляют повреждения дульного среза ствола, которые могут перекрыть наиболее информативные трассы, образованные в казенной части ствола и на участке наибольшего расклинивания полиснаряда.

Таким образом, следует констатировать, что механизм образования следов на снарядах, выстрелянных из гладкоствольного огнестрельного оружия, принципиально отличается от процесса следообразования при стрельбе из нарезного оружия и зависит от различных факторов: конструкции ствола, состояния внутренней поверхности канала ствола; мощности порохового заряда и давления, возникающего в результате его сгорания; мягкости материала элементов множественного метаемого снаряда и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И.С., Грамович Г.И., Порубов Н.И. Криминалистика: учеб. пособие / под ред. Н.И. Порубова. Минск : Вышэйшая школа, 1997. 344 с.
2. Горбачев И.В. Идентификационное исследование огнестрельного оружия : метод. пособие для экспертов / И.В. Горбачев и др. М. : ВНИИСЭ, 1985. 151 с.
3. Гущин В.Ф. Идентификация гладкоствольных ружей по следам на снарядах / В.Ф. Гущин. Киев : РИО МВД УССР, 1973. 32 с.
4. Саврань Л.Ф. Вопросы совершенствования методики криминалистической идентификации гладкоствольного оружия по следам на снарядах / Л.Ф. Саврань. М. : ВНИИСЭ, 1981. 92 с.

The mechanism of formation of traces on projectiles when firing from hand-held smooth-bore firearms

A.N. Matlak

*Academy of the Ministry of Internal Affairs Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)
gfor85@mail.ru*

Identification of smooth-bore firearms by traces on projectiles is one of the most difficult and currently unresolved issues facing the expert subdivisions of the State Committee for Forensic Expertise of the Republic of Belarus. The practice of investigating criminal cases committed with the use of firearms testifies to the urgent need to develop and introduce into expert activities a methodology for identifying firearms by traces of bullets, shot and buckshot. Consideration of the processes that make it possible to consider the solution of the identification problem in the case of the study of the above objects creates the preconditions for the formation of a methodology for the forensic identification of hand-held smooth-bore firearms following the traces on the fired shells.

Keywords: identification, smooth-bore firearms, multiple projectiles, track formation mechanism.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

O.B. Pavlyut'

*Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, Минск)
olga.pavlyut@yandex.ru*

Сложившаяся система общих и частных признаков почерка, разработанная в 60-х годах XX столетия для исследования почерковых объектов преимущественно большого и среднего объема, на сегодняшний день является недостаточной ввиду увеличения количества малообъемных объектов, а также воспроизведенных с помощью технических средств. В связи с этим, внимание ученых и практиков современности целесообразно направлять, в том числе, и на уточнение системы общих и частных признаков путем усовершенствования классификации, определения новых критериев их оценки и значимости.

Ключевые слова: судебное почерковедение, судебная почерковедческая экспертиза, почерк, признак.

В настоящее время теоретическое и практическое развитие судебной почерковедческой экспертизы имеет важное значение. Это направление связано с повышением уровня судебного почерковедения, составляющего ее научную основу как на общемировом уровне в целом, так и в Республике Беларусь в частности.

Не смотря на то, что судебная почерковедческая экспертиза в части своей разработанности позволяет решать широкий круг идентификационных и диагностических задач на практике, в теории судебного почерковедения еще имеются вопросы, требующие более детальной проработки и уточнения. Сложившаяся система общих и частных признаков почерка, разработанная в 60-х годах XX столетия для исследования почерковых объектов преимущественно большого и среднего объема, на сегодняшний день является недостаточной ввиду

увеличения количества малообъемных объектов, а также воспроизведенных с помощью технических средств. В связи с этим, внимание ученых и практиков современности целесообразно направлять, в том числе, и на уточнение системы общих и частных признаков путем усовершенствования классификации, определения новых критериев их оценки и значимости.

Ввиду ограниченности объема статьи более подробнее остановимся на уточнении некоторых аспектов общих признаков почерка, основываясь на традиционно сложившейся в научном мире систематизации.

Понятием «признак» оперируют многие науки, включая криминалистику, медицину, психологию, философию и другие. Согласно мнению Р.С. Белкина: «признак – это проявление, выражение какого-либо свойства объекта. Понятие признака одно из фундаментальных понятий в криминалистической теории, тесно связанное с понятиями вещи и свойства» [1, стр. 146-147]. К одной из частных криминалистических теорий относится криминалистическое учение о признаком, рассматривающее понятие и системы признаков, различные их классификации. В криминалистике акцентируются понятия идентификационного и диагностического признаков и функциональные значения общего понятия (например, признаки внешности, почерка, травления документа и др.).

Общие признаки почерка – это свойства почерка, отображающиеся во всех или в преобладающем большинстве букв рукописи и характеризующие ее исполнение в целом. В зависимости от отображаемых свойств письменно-двигательного навыка общие признаки разделяют на три группы [2, стр. 184-185]:

1. Отражающие степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка;
2. Отражающие структурно-геометрические и динамические характеристики;
3. Отражающие пространственно-ориентационные характеристики.

К первой группе признаков относятся: выработанность почерка; степень совершенства системы движений; темп письма; координация движения; строение почерка по степени сложности.

Выработанность почерка означает способность пишущего пользоваться общепринятой системой скорописи. Степень выработанности – один из основных показателей уровня владения человеком письменно-двигательным навыком. Показателями степени выработанности почерка являются темп и координация движений пишущего.

В зависимости от уровня овладения письменно-двигательным навыком (темпом и координацией движений) традиционно различаются маловыработанные, средневыработанные и высоковыработанные почерки. На практике при определении степени выработанности движений при проведении экспертизного исследования, как правило, используется следующая градация: высокая, выше средней, средняя, ниже средней, низкая.

Маловыработанный почерк, как правило, наблюдается на начальном этапе образования навыка письма.

Средневыработанный почерк характеризуется тем, что письменно-двигательный навык еще не сформировался окончательно. Проявляется у учеников средних школ и лиц, не имеющих большой письменной практики в послешкольный период.

Высоковыработанный почерк – сформировавшийся, с характерной автоматизацией движений, быстрым темпом (признаками которого являются значительная непрерывность письма, постепенное утолщение в начале и спад нажима в окончании штрихов, упрощенное строение отдельных букв и высокая координация).

Следует уточнить, что использование характеристики высокой связности письменных знаков как признака высоковыработанного почерка на сегодняшний день актуально лишь частично и возможно только с оговорками. Это обусловлено увеличением количества высоковыработанных скорописных почерков с характерным быстрым темпом письма при интервальном выполнении письменных знаков (такие почерки можно отличить по наличию букв с конструктивным строением по форме печатных). Необходимо учитывать, что данная характеристика актуальна для лиц, обучающихся письму по методикам в 70-х-80-х годах, когда нормы и требования к письму были несколько иными.

Почерк с высокой степенью выработанности характеризует относительно высокая устойчивость к «сбивающим» факторам объективного и субъективного характера.

Степень выработанности почерка – один из самых устойчивых общих признаков и может изменяться (умышленно или от естественных и патологических сбивающих факторов) только в сторону снижения. Если, конечно, при умышленном изменении почерка отсутствует длительная письменная подготовка по конкретному объекту, как правило, подписи или записи.

Степень совершенства системы движений позволяет дифференцировать почерки высокой степени выработанности в зависимости от работы письменно-двигательного навыка. Выражается в ряде признаков: связности, темпе, преобладающей форме движений при соединении элементов письменных знаков, наклоне, размере, цикличности, разгоне, пространственно-ориентационных характеристиках.

Выделяют высокую и низкую степень совершенства системы движений. Признаки высокой степени – большая связность; цикличность в виде петлевых элементов и звеньев; преобладание петлевой формы соединения элементов букв; равномерность наклона; равномерные протяженность и размещение букв и их элементов по горизонтали и вертикали.

Признаки низкой степени совершенства системы движений – преобладание угловатой формы соединения элементов букв; малая связность; малая циклич-

ность; проявление однотипности в виде прямолинейно-угловатых движений; слабовыраженная неравномерность наклона; незначительная неравномерность протяженности и размещения букв и их элементов по горизонтали и вертикали.

Темп письма – это время, затрачиваемое пишущим на выполнение букв, слов, предложений и всей рукописи. Темп выполнения рукописи может быть быстрым, средним и медленным.

Быстрый темп, как правило, характеризуется высокой связанностью элементов письменных знаков и соединением письменных знаков между собой. Однако, исходя из экспертной практики, сегодня появляется много высоковыработанных скорописных почерков с характерным быстрым темпом письма при интервальном выполнении письменных знаков. Поэтому темп письма главным образом определяется по наличию следующих признаков: дифференцированность нажима; острые начала и окончания штрихов; наличие рефлекторных и волосяных штрихов; наличие упрощений. Таким образом, связное выполнение письменных знаков и их элементов – лишь один из признаков.

В рукописи, выполненной в среднем темпе, могут появиться слова, выполненные несвязанными движениями, часть букв и элементов письменных знаков может иметь отклонения от принятых прописей. Также следует учитывать экспертную практику, что сегодня связность уже не всегда влияет на темп, и люди с высоковыработанным почерком нередко выполняют рукописи полностью или частично в среднем темпе. При этом у них наблюдается вариационность и отличия от прописей, характерные для высоковыработанных почерков. Таким образом, средний темп отличают: слабая дифференцированность нажима или ее отсутствие; отсутствие рефлекторных и волосяных штрихов; штрихи утоншаются в заключительной части не так существенно, как при быстром темпе.

О медленном темпе движений говорят извилистость элементов, тупые начала и окончания элементов письменных знаков, их утолщение, наличие овалов и полуовалов неправильной формы, недифференцированный нажим.

Координация движений при письме – это признак, отражающий точность (согласованность) движений, реализующих письменно двигательный процесс в единую систему.

Степень координации зависит от владения пишущим письменно-двигательным навыком. Координация движений рассматривается относительно двух групп движений: первой группы – точность в соблюдении параметров мелких движений в пределах выполнения букв и их элементов; второй группы – точность в соблюдении параметров крупных движений.

Неточность координации движений первой группы выражается в признаках: извилистости, изломах прямых штрихов, угловатости овалов, неточных началах и окончаниях движений.

Признаки неточности координации второй группы – несоразмерность параметров движений (направления, протяженности, размещения при выполне-

нии сочетаний элементов, букв, слов, фраз) на протяжении всей рукописи.

Строение почерка по степени сложности. Степень сложности движений отображается в строении почерка в целом.

Высоковыработанные почерки по степени сложности движений в целом подразделяются на: простые, упрощенные и усложненные. В основу такой дифференциации положены характеристики проявления формы, направления, протяженности, непрерывности, количества и последовательности движений.

Строение почерка по степени сложности – признак, наиболее четко реагирующий на различного рода факторы субъективного и объективного характера.

Вторая группа общих признаков почерка – признаки, отражающие структурно-геометрические характеристики: преобладающая форма движений; преобладающее направление движений; преобладающая протяженность движений (размер букв, разгон, расстановка); степень связности (непрерывности) движений; динамические характеристики (степень и характер нажима).

Преобладающая форма движений в почерке. Исходя из норм прописи, в русской скорописи элементы письменных знаков и буквы выполняются и связываются в основном прямолинейно-дуговыми движениями. В почерках различных людей письменные знаки, их элементы могут выполняться и соединяться другими движениями: прямолинейными, дугообразными, угловатыми, петлевыми, округлыми, овальными, извилистыми, ломаными.

В зависимости от того, какая из указанных форм преобладает при письме, выделяют следующие виды почерка: прямолинейно-дуговой, угловатый, дуговой (петлевой), извилистый.

Признак относительно устойчив при обычных условиях исполнения, а также при изменении внешних условий письма, при отсутствии существенных изменений в механизме письма и строении почерка, как в случае перехода на письмо с подражанием буквам печатной формы. Однако существенно изменяется при намеренном искажении почерка и иногда избирается как основной способ маскировки почерка.

Преобладающее направление движений рассматривается отдельно в отношении дугообразных (криволинейных) элементов и букв в целом и в отношении основных элементов, выполняемых сгибательными движениями.

Для прямолинейных движений направление определяется: при вертикальных движениях – сверху вниз (сгибательное движение), снизу вверх (разгибающее); при горизонтальном исполнении движений – слева направо, справа налево.

Для криволинейных движений направление определяется по движению часовой стрелки: левоокружные (против часовой стрелки) и правоокружные (по часовой стрелке).

В соответствии с преобладанием определенного направления движений и в зависимости от формы движений почерки подразделяются на левоокружные,

правоокружные, смешанные (невозможно выделить преобладание левоокружных или правоокружных движений).

Следует отметить, что анатомические механизмы реализации левоокружных и правоокружных движений различны, из-за чего человеку, привыкшему к левоокружному движению тяжело перестроиться на правоокружное и наоборот (последовательность мелких движений кисти и их координированность, организация работы мышц-антагонистов существенно различаются при разном направлении дуговых движений).

Простота левоокружных движений способствует их частоте встречаемости. Преобладающее правоокружное направление на практике встречается относительно редко.

Признак относительно устойчив к естественным, а также умышленным изменениям почерка с целью маскировки.

Наклон – это направление движений при выполнении основных элементов букв (обычно – сверху вниз). По прописям это направление предусматривается как наклонное, примерно под углом 65° – справа вниз налево и реализуется в рукописи в виде правого наклона. Возможные отклонения в практической скорописи – вертикальное сверху вниз (буквы без наклона), левонаклонное – слева вниз направо (левый наклон). Дифференциация возможна и по степени наклона и степени его равномерности.

Существует зависимость неравномерного наклона от строения почерка. Как правило, неравномерный наклон при письме в обычных условиях сопутствует упрощенному почерку.

Наклон является вариационным признаком. Многие пишущие в зависимости от различных обстоятельств могут изменять его сознательно. Вместе с тем наклон относительно устойчив при письме в измененных внешних условиях.

Преобладающая протяженность движений (размер букв, разгон, расстановка).

Преобладающая протяженность движений по вертикали (размер) – определяется высотой по продольной оси строчных букв без подстрочных и надстрочных элементов: малый – высота букв до 2 мм, средний – от 2 до 5 мм включительно, большой – свыше 5 мм.

Признак малоустойчив при искажении.

Преобладающая протяженность движений по горизонтали (разгон почерка) определяется отношением протяженности движений при выполнении двухэлементных строчных букв по горизонтали к протяженности движений по вертикали по продольной оси, т. е. представляет собой отношение ширины письменных знаков к их высоте и расстоянию между ними. В зависимости от соотношения этих величин почерк по разгону делится на три группы: 1) средний разгон – расстояние между элементами письменных знаков и буквами колеблется в пределах от $\frac{1}{2}$ высоты буквы до целой; 2) большой разгон – рассто-

яние между элементами письменных знаков и буквами больше или равно их высоте; 3) малый разгон – интервал между элементами письменных знаков и буквами $\frac{1}{2}$ высоты буквы или менее.

Признак относительно устойчив к искажениям, при изменении размера почерка разгон обычно сохраняется.

Расстановка букв характеризует соотношение протяженности интервалов между буквами к ширине букв. Выделяют: широкую расстановку – размер интервалов между буквами больше ширины букв; узкую – размер интервалов между буквами менее $\frac{1}{2}$ ширины букв.

Исходя из экспертной практики, необходимость выделять расстановку возникает не часто (как правило, она поглощается разгоном). Это обусловлено характерным для процесса письма стремлением к цикличности, в результате чего средняя ширина элемента буквы и расстояние между буквами будут иметь приблизительно равную протяженность. Кроме того, в почерках с высокой связностью движений одна буква сразу переходит в следующую, и выделить расстояние между ними не всегда возможно.

Степень связности (непрерывности) движений. Под связностью почерка понимается способность исполнителя выполнять определенное количество письменных знаков без отрыва пишущего прибора от материала письма непрерывными, связными между собой движениями.

В зависимости от того, сколько букв в тексте выполняются связными движениями, выделяют следующие виды связности: отрывистое выполнение – все буквы пишутся интервально, малая связность – 2-3 буквы выполнены слитно в большинстве слов, средняя – слитно выполнены 4-5 букв большинстве слов, большая связность – слитно выполнены 6 и более букв, сплошная связность – все буквы в словах выполнены слитно.

При намеренном искажении признак малоустойчив и обычно изменяется в сторону снижения степени связности. Искусственно увеличить степень связности сложно даже людям с высокой степенью выработанности движений. И если исполнитель с устойчивым навыком мало связного или интервального письма намеренно изменяет степень связности в сторону повышения, то параметры темпа и координации движений могут снижаться.

Степень и характер нажима – этот признак отражает распределение мышечных усилий пишущего при выполнении рукописи. Нажим наиболее ярко проявляется в рукописях, выполненных перьевыми ручками.

Что касается рукописей, выполненных с применением шариковых авторучек, то экспертная практика показывает, из-за другого устройства пишущего узла дифференцированность нажима не всегда может определяться по ширине линии красящего вещества, но она все равно есть. Поэтому в совокупности оцениваются следующие параметры:

- ширина штриха исследуется в лучах видимой зоны спектра (традицион-

ный способ, позволяющий оценить распределение красящего вещества, и если он не работает, то переходим к другим методам);

- наличие/отсутствие, глубина и ширина вдавленных трасс исследуются в ИК-лучах – позволяет оценить нажим без учета распределения красящего вещества.

Степень дифференцированности нажима определяется отношением ширины элемента письменного знака, выполненного с сильным нажимом, к ширине элемента, выполненного со слабым нажимом. По степени нажима различают почерки: со слабым нажимом, средним нажимом и сильным нажимом. Сила нажима определяется:

- по ширине штриха и насыщенности красящего вещества – например, толстые, ярко окрашенные штрихи будут скорее признаком сильного нажима, а тонкие, бледные – слабого;
- по степени деформации бумаги – сильный нажим будет сильно продавливать бумагу вплоть до ее прорыва, создавая на обратной стороне хорошо заметный рельеф; слабый – не пропечатается на обратной стороне никак.

Соответственно средний нажим – что-то среднее. Все это оценивается в совокупности, так как все вышеперечисленные характеристики могут варьироваться в зависимости от материалов письма.

Проявление степени нажима не может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от твердости подложки. Здесь следует говорить лишь об отображении его сильнее или слабее. Нажим устойчивый признак. Как правило, при скорописной маскировке этот признак пишущему трудно изменить.

Идентификационное значение имеет не только сила нажима в рукописи, но и его распределение в элементах письменных знаков. Характер нажима зависит от усилий, прилагаемых на пишущий прибор, и может быть дифференцированным (ширина штрихов в сгибательных и разгибаельных движениях неодинаковая) и недифференцированным (ширина штрихов одинаковая на протяжении всей рукописи).

Дифференцированный нажим, в свою очередь, рассматривается с точки зрения стандартности. Стандартный нажим характеризуется большими усилиями при выполнении сгибательных движений и меньшими усилиями при выполнении разгибаельных. Для нестандартного нажима характерно противоположное. Недифференцированный нажим всегда нестандартен.

Степень и характер нажима является устойчивым признаком, так как зависит от особенностей физиологии исполнителя.

Третья группа общих признаков почерка отражает пространственно-ориентационные характеристики, т.е. относительное размещение фрагментов рукописи и движений, которыми они выполняются: размещение самостоятельных фрагментов документов в пределах листа бумаги; наличие или отсутствие полей, их размер, форма, конфигурация, локализация; размер красной строки;

размер интервалов между строками; размещение линии письма относительно линовки; положение строк относительно горизонтального среза листа бумаги (направление линии письма в строке); форма линии письма в строке; размер интервалов между словами; размещение движений при выполнении знаков препинания; размещение движений при выполнении знаков переноса.

Наличие и особенности проявления этой группы признаков зависят от глазомера пишущего и дают возможность эксперту судить о его навыке определенным образом размещать почерковые объекты относительно краев листа, их частей относительно друг друга и различных ориентиров. Данные общие признаки относительно устойчивы, поскольку исполнители редко обращают на них внимание, и поэтому имеют определенное идентификационное значение при установлении исполнителя текста. Не подвержены они значительным изменениям и при умышленном изменении почерка.

Представляется, что на сегодняшний день до конца не изучен вопрос в части исследования общих признаков почерка. Данный аспект, ввиду динамично развивающегося судебного почерковедения в реалиях практики правоохранительных органов, требует дополнительной проработки. Предложенное в статье уточнение отдельных критериев общих признаков, на основе уже традиционно сложившихся, будет способствовать повышению качества проведения судебной почерковедческой экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. М. : Мегатрон XXI, 2000. 336 с.
2. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теор. и метод. основы / [под науч. ред. В.Ф. Орловой] ; Гос. учреждение Рос.федер. центр судеб. экспертизы при Минюсте России. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2006. 544 с. : ил. (Библиотека судебного эксперта)

On the issue of some aspects of forensic handwriting

O.V. Pavlyut

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)
olga.pavlyut@yandex.ru*

The existing system of general and particular features of handwriting, developed in the 60s of the twentieth century for the study of handwriting objects, mainly of large and medium volume, is currently insufficient due to the increase in the number of low-volume objects, as well as reproduced with the help of technical means. In this regard, it is advisable to direct the attention of modern scientists and practitioners, among other things, to clarifying the system of general and particular features, by improving the classification, defining new criteria for their assessment and significance.

Keywords: forensic handwriting, forensic handwriting examination, handwriting, sign.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКОГО ПНЕВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ И КОНСТРУКТИВНО СХОДНЫХ С НИМ ИЗДЕЛИЙ

P.M. Ропот

*Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, Минск)
r.r.m.86@mail.ru*

Современное электромеханическое пневматическое оружие и конструктивно сходные с ним изделия являются не только модным трендом сферы развлечений, но и очередным вызовом криминалистической науке, которая должна работать на опережение складывающейся ситуации. Криминалистическое исследование подобного оружия требует от эксперта не только максимальной концентрации при решении идентификационных, диагностических и классификационных задач судебной баллистики, но и внесения соответствующих корректировок в действующие методики экспертного исследования.

Ключевые слова: судебная баллистика, пневматическое оружие, криминалистическое исследование, экспертные методики.

Пневматическое оружие и конструктивно сходные с ним изделия (ПОиКСИ) нередко служат орудием совершения различных преступлений – от хулиганств до разбойных нападений, чему способствует доступность этих изделий, а также их внешнее сходство с различными образцами огнестрельного оружия. Именно поэтому ПОиКСИ являются распространеннымми объектами судебно-баллистических исследований. При этом экспертная практика обладает достаточно эффективным инструментарием для успешного решения различных задач по криминалистической оценке ПОиКСИ.

Однако следует отметить, что современные тенденции развития рынка вооружений, растущая вовлеченность граждан в занятия и досуг, сопряженные с использованием как оружия, так и конструктивно сходных с ним изделий, диктуют необходимость постоянной актуализации специальных знаний в данной области, а также выработка наиболее действенных подходов при исследовании объектов, которые по тем или иным причинам остаются без внимания ученых, но становятся востребованными в экспертной практике. Одним из таких вопросов, на наш взгляд, является проблема криминалистического исследования ПОиКСИ, в основе функционирования которых лежит использование электрической энергии.

По каким-то причинам в действующих редакциях технических нормативных правовых актов как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, регламентирующих общие технические требования и методы испытаний ПОиКСИ, указаний на подобного рода конструкции не приводится [1; 2]. Не упоминаются данные виды ПОиКСИ и в соответствующих экспертных методиках, что вызывает определенные затруднения при исследовании указанных объектов. Вряд ли такой подход можно считать конструктивным и способствующим

повышению эффективности судебно-экспертной деятельности.

ПОиКСИ, в функционировании конструкции которых используется электрическая энергия, получили широкое распространение в середине 1970-х годов в Японии, где после Второй мировой войны действовали ограничения на оборот огнестрельного оружия, а спрос на занятие стрельбой оставался высоким. Для удовлетворения потребностей любителей стрельбы и коллекционеров огнестрельного оружия начали производиться его копии, стреляющие 6-мм шариками, которые получили название «Airsoft Gun». С созданием такого типа оружия появились и люди, объединившиеся в команды и имитирующие боевые действия с его использованием. В результате возникла новая сфера для развлечения и проведения досуга, которая получила название «Airsoft» или «Страйкбол» [3].

Одним из основных видов снаряжения, используемого в ходе данной игры в качестве оружия, является электрическое ПОиКСИ, которое может быть представлено практически всем спектром аналогов ручного стрелкового оружия (пистолетами, винтовками, автоматами, пулеметами и т.д.). Несмотря на высокую степень внешнего сходства с огнестрельным оружием, конструкция таких изделий обладает своими характерными особенностями и в большинстве своем представлена следующими основными узлами и механизмами: внешний корпус; внутренний ствол; узел «hop up»; гирбокс; аккумуляторная батарея; магазин.

Внешний корпус представляет собой деталь (совокупность деталей), которая предназначена для соединения и функционирования всех частей и механизмов и, как правило, с высокой степенью детализации повторяет конкретную модель огнестрельного оружия. В зависимости от модели корпус может быть изготовлен из сочетания различных материалов: полимеров, металла, дерева.

Внутренний ствол расположен внутри внешнего ствола, являющегося частью корпуса, и представляет собой металлическую деталь цилиндрической формы с гладким каналом, предназначенную для направления движения метаемого снаряда (металлического или полимерного шара).

Узел «hop up» состоит из камеры и резинки «hop up», которые обеспечивают подачу шаров из магазина и используются для придания им вращательного движения, что увеличивает дальность и точности стрельбы. Принцип действия данного узла состоит в следующем: шар подается в канал внутреннего ствола из магазина и толкается ноздром в резинку «hop up»; далее шар проходит через губки резинки «hop up» и в этот момент воздух из цилиндра под давлением поступает в ствол, воздействуя на шар, который, проходя через резинку «hop up» и краем задевая ее внутренний валик, выступающий в канал ствола, закручивается и дальше движется по каналу ствола.

Гирбокс – устройство, представляющее собой воздушный компрессор, который создает повышенное давление воздуха и сообщает с его помощью шару необходимую для полета энергию. Основными элементами конструкции гир-

бокса являются цилиндропоршневая группа и приводящий ее в движение электродвигатель. Алгоритм работы гирбокса включает следующие этапы: при нажатии на спусковой крючок замыкается контактная группа и к электродвигателю поступает ток от аккумуляторной батареи; электродвигатель вращает редуктор, который взводит пружину и одновременно с этим секторная шестерня тянет на себя таппет, совмещенный с нозлом; при достижении максимального сжатия пружины нозл находится в крайнем заднем положении, при котором он пропускает один шарик в начало канала внутреннего ствола; секторная шестерня заканчивает оборот и ее гребенка срывается с гребенки поршня, прекращая удерживать пружину в сжатом состоянии; пружина распрямляется за счет своей упругости и передает накопившуюся энергию поршню, толкая его вперед; поршень подает воздух из цилиндра в канал ствола через нозл, который перед срывом секторной шестерни возвращается в переднее положение, герметизирует канал внутреннего ствола посредством сопряжения с резинкой «hop up» и подает шарик в канал внутреннего ствола, одновременно перекрывая доступ другим шарам; воздух, под давлением подающийся в канал внутреннего ствола, передает энергию шарику, заставляя его двигаться вперед.

Рассмотренные особенности функционирования электрического ПОиКСИ свидетельствуют о том, что по типу устройства аккумулирования энергии они схожи с пружинно-поршневым пневматическим оружием и конструктивно сходными с ним изделиями (ПППОиКСИ), в которых для метания пули используется воздух, сжимаемый в процессе выстрела при перемещении поршня под действием сил упругости предварительно введенной пружины [1, стр. 2; 2, стр. 4]. Однако в отличие от классического ПППОиКСИ, в котором пружина взводится путем механического воздействия на ствол или специальный рычаг, основной отличительной особенностью электрического ПОиКСИ является их механизм введения пружины – за счет использования электродвигателя, что позволяет выделить такие изделия в отдельный вид ПОиКСИ.

Упоминание о подобном виде ПОиКСИ можно встретить в утратившем силу в 1991 году ГОСТ 24241-80 «Оружие пневматическое. Термины и определения», где содержалось указание на «электропневматическое оружие», в качестве которого предлагалось понимать «пневматическое оружие, в котором для сжатия воздуха используется электрическая энергия» [4, стр. 2]. Однако, по нашему мнению, данное понятие и его определение не в полной мере отражают особенности функционирования таких изделий и ведут к возникновению путаницы при установлении типа устройства аккумулирования энергии при выстреле.

Учитывая изложенное выше, наиболее однозначным, на наш взгляд, является термин «электромеханическое пневматическое оружие и конструктивно сходные с ним изделия», в качестве которых следует понимать ПОиКСИ, в которых для метания пули используется воздух, сжимаемый в процессе выстрела при перемещении поршня под действием сил упругости взводимой с использо-

ванием электродвигателя пружины (ЭМПОиКСИ).

Использование предлагаемого понятия направлено не только на конкретизацию дефиниции рассматриваемого вида ПОиКСИ, но и на унификацию криминалистического понятийно-категориального аппарата, посредством исключения из употребления таких наименований, как «Привод», «AEG» (Airsoft Electric Gun), электропневматическое оружие, электрическое ПОиКСИ и пр.

Однако важно не только правильно определять те или иные категории и уметь ими грамотно оперировать, но и знать алгоритм и особенности криминалистического исследования обозначаемых с их помощью объектов. Учитывая схожесть конструкции электромеханического и пружинно-поршневого ПОиКСИ, мы не будем приводить весь порядок экспертного исследования таких изделий. Он в общем известен и, повторимся, эффективен для успешного решения различных задач по криминалистической оценке ПОиКСИ.

Однако действующие методические подходы не учитывают отдельные особенности конструкции ЭМПОиКСИ и не содержат указаний на последовательность действий эксперта при его исследовании. Представляется, что при исследовании подобного рода объектов следует руководствоваться следующими аспектами:

1) общий порядок криминалистического исследования должен осуществляться по алгоритму изучения пружинно-поршневого ПОиКСИ;

2) описание материальной части исследуемого объекта должно проводиться в соответствии с приведенными выше конструктивными особенностями, учитывая специфику функционирования характерных для ЭМПОиКСИ узлов и механизмов;

3) при проверке взаимодействия частей и механизмов представленного объекта, установлении его исправности и пригодности для стрельбы, а также при проведении экспериментальной стрельбы с измерением его дульной энергии необходимо использовать полностью заряженную аккумуляторную батарею;

4) в случае поступления на исследование ЭМПОиКСИ с разряженной аккумуляторной батареей перед указанными действиями необходимо ее зарядить, используя штатное зарядное устройство. Данный факт следует отразить в исследовательской части заключения эксперта.

Вышеизложенное позволяет заключить, что современное электромеханическое пневматическое оружие и конструктивно сходные с ним изделия – это не только модный тренд сферы развлечений, но и очередной вызов криминалистической науке, которая должна работать на опережение складывающейся ситуации. Приведенные в работе особенности в обязательном порядке должны быть учтены при разработке новых и совершенствовании имеющихся экспертных методик, направленных на решение задач судебной баллистики. Разумеется, приведенные в статье особенности должны быть учтены повсеместно – на всех стадиях и этапах экспертизы, начиная от предварительного исследования

представленных объектов, их детального изучения, проведения экспериментов и сравнений, и заканчивая оценкой результатов исследования и формулированием выводов. Внедрение в экспертную практику данных предложений позволяет повысить точность, полноту и достоверность решения соответствующих экспертных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оружие пневматическое. Общие технические требования и методы испытаний : СТБ 1321-2002. – Введ. 07.07.2002. Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2002. 11 с.
2. Оружие пневматическое. Общие технические требования и методы испытаний : ГОСТ Р 51612-2000. – Введ. 01.01.2001. М: ИПК Издательство стандартов, 2002. 13 с.
3. История страйкбола [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://airsofthistory.ru> (дата доступа: 23.12.2020).
4. Оружие пневматическое. Термины и определения : ГОСТ 24241-80. – Введ. 01.07.1981. М.: Государственный комитет СССР по стандартам, 1980. 6 с.

Features of the criminalistic assessment of electromechanical pneumatic weapons and structurally similar products

R.M. Ropot

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)
r.r.m.86@mail.ru*

Modern electromechanical pneumatic weapons and products that are structurally similar to them are not only a fashionable trend in the entertainment industry, but also another challenge to forensic science, which must work to stay ahead of the emerging situation. Forensic research of such weapons requires the expert not only maximum concentration in solving the identification, diagnostic and classification tasks of forensic ballistics, but also to make appropriate adjustments to the existing expert research methodologies.

Keywords: forensic ballistics, pneumatic weapon, forensic research, expert techniques.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

B.A. Чванкин

*Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)
tanvad@mail.ru*

В статье на основе анализа научных и учебно-методических публикаций, подготовленных в Республике Беларусь, в области дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы, рассмотрены этапы создания и совершенствования в нашей стране экспертной методики проведения дактилоскопической экспертизы. Раскрыта сущность действующей актуализи-

рованной методики. Рассмотрены основные направления для ее дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: дактилоскопия, дактилоскопическая экспертиза, методика, классификация, объекты экспертизы.

Перед правоохранительными органами всегда стоял вопрос о необходимости расширения и совершенствования криминалистического исследования различных видов объектов, в том числе и дактилоскопических следов. Это обусловлено необходимостью судебной практики, недостаточной разработанностью теоретических и методических положений и отсутствием должных практических рекомендаций по проведению криминалистических исследований таких следов. Проведение экспертиз и исследований невозможно как без соответствующего технического, так и методического обеспечения.

В нашей стране, после серьезных научных и методических проработок, связанных как с формированием понятийного аппарата, основ дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы, их развитием и совершенствованием [1–5], была принята на «вооружение» судебных экспертов Республики Беларусь в 2016 году методика проведения дактилоскопической экспертизы [6].

В данной методике были отражены все необходимые элементы (разделы), а также созданы общие алгоритмы действий эксперта, для решения различных экспертных задач, возникающих в процессе проведения дактилоскопической экспертизы.

Однако ничто не стоит на месте, и в последние годы, в связи с дальнейшими научными и практическими изысканиями в области проведения судебной дактилоскопической экспертизы, потребовалась серьезная проработка ряда вопросов, направленных на совершенствование данной экспертной методики.

Появился ряд учебных и научных публикаций, информационных и методических писем Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, направленных на совершенствование понятийного аппарата, классификации признаков, определения их идентификационной значимости, особенностей действий эксперта на каждой из стадий методики и т.д., которые в той или иной степени были направлены на совершенствование в дальнейшем методики проведения судебной дактилоскопической экспертизы [7–16]. Кроме того, в Республике Беларусь был принят Закон «О судебно-экспертной деятельности» [17], а также ряд правовых актов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и внесен ряд изменений в Кодексы Республики Беларусь, которые направлены на совершенствование, в том числе, и методик экспертного исследования различных объектов.

В результате в 2020 году сотрудниками центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь была существенно актуализирована действующая методика проведения дактилоскопической

экспертизы [18], она была направлена на апробирование не только в территориальные подразделения Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, но и в ряд иных судебно-экспертных организаций, а также в учебные и научные организации нашей страны.

Актуализированная методика включает следующие разделы: область применения, экспертные задачи, объекты экспертизы, вопросы, решаемые экспертизой, сущность методики, основные определения и термины, последовательность действий эксперта, требования безопасности, литература.

Сущность данной методики заключается в исследовании объектов экспертизы; выявлении отобразившихся в следах общих и частных признаков на основе их качественно-количественных характеристик и оценке их совокупности при решении вопроса о пригодности (непригодности) для идентификации личности; сравнительном исследовании следов между собой; исследовании сравнительных образцов; проведении сравнительного исследования следов с отпечатками проверяемых лиц и установлении между ними наличия либо отсутствия тождества.

В представленную актуализированную методику внесен ряд существенных изменений и дополнений (при сравнении и анализе с методикой 2016 года):

расширен перечень объектов экспертизы и образцов для сравнительного исследования – добавлены следы (оттиски) подошв стоп босых ног, фотоснимки с изображением ладонных поверхностей рук (пальцев, ладоней рук), подошв стоп босых ног, слепки, изготовленные непосредственно с пальцев (ладоней) рук, подошв стоп босых ног;

в перечень «Вопросы, разрешаемые экспертизой» добавлены вопросы: «Какой рукой (ногой), какими зонами (участками) оставлены следы ладоней рук (босых ног)?»; «Каков пол человека, оставившего следы рук?»; «Принадлежат ли следы рук ребенку, подростку или взрослому человеку?»; а отдельные вопросы скорректированы с учетом объектов экспертизы;

внесены соответствующие изменения в раздел «Основные термины и определения» – раздел дополнен терминами «оттиски подошв стоп босых ног», «след босой ноги», «подошвенная поверхность ноги», «плюсна», «свод», «пята» и т.д.;

в разделе «Последовательность действий эксперта» подраздел «Предварительное исследование» дополнен: обязанностью эксперта принять меры для исключения биологической контаминации; возможностью заявлять ходатайства, исключен механизм действий при выявлении несоответствия «представленных для проведения экспертизы объектов их перечню и (или) описанию в постановлении (определении) о назначении экспертизы», а также оформления действий эксперта по составлению соответствующего акта;

упрощено описание образцов для сравнительного исследования, абзац сформулирован следующим образом – «устанавливаются типы папиллярных узоров, отобразившихся в отпечатках (контрольных оттисках) пальцев в дак-

тилоскопических картах или оттисках пальцев подошв стоп босых ног. Если тип папиллярного узора петлевой, то для отпечатков пальцев рук необходимо указывать особенность его строения – ульнарность, радиальность». Кроме того, этот этап дополнен указанием – «В случае если исследуемыми являются только следы ладоней рук допускается типы папиллярных узоров, отобразившиеся в отпечатках пальцев в дактилоскопических картах, не описывать и не оценивать их пригодность для сравнительного исследования (илюстрация лицевой поверхности дактилокарты в данном случае обязательна)»;

уточнены основания для формулирования выводов:

в форме «решить вопрос не представляться возможным» – дополнены следующими случаями: «единичность следа пальца руки, при наличии вопроса: «Какой рукой или пальцем оставлен данный след?»; отсутствие разрешения на изменение внешнего вида или основных свойств объекта (если не удовлетворено ходатайство, заявленное в установленном порядке) либо имеется соответствующий запрет в постановлении при решении вопроса: «Имеются ли на объекте следы рук (босых ног)?». В данном случае вывод в форме «решить вопрос не представляется возможным» формулируется в отношении невидимых следов рук (босых ног);

в форме «решить вопрос в категоричной форме не представляется возможным» (вероятная форма вывода). Такой вывод формулируется при решении вопроса по установлению половозрастных характеристик и роста человека, оставившего следы»;

расширен перечень случаев для составления сообщения о невозможности дачи заключения, а именно: «при невозможности проведения сравнительного исследования при отсутствии отпечатков пальцев (оттисков ладоней) рук (в случае неудовлетворения ходатайства, заявленного в установленном порядке, о предоставлении дактилокарты со всеми отпечатками пальцев (оттисками ладоней) рук и информации о дате потери элементов руки, либо указании инициатора назначения экспертизы, содержащемся в постановлении, о проведении экспертизы по представленным материалам или наличии информации в постановлении о невозможности их предоставления и т.п.)»; и «невозможности проведения сравнительного исследования в случае непредоставления образцов для сравнительного исследования при наличии пригодных следов и постановке вопроса о принадлежности их конкретному лицу (в случае неудовлетворения ходатайства, заявленного в установленном порядке, о предоставлении образцов для сравнительного исследования)»;

добавлен раздел «Требования безопасности», в котором перечислены указания о необходимости соблюдения требований охраны труда, установленных законодательными актами, нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми актами, правовыми актами Республики Беларусь, а также правовыми актами Государственного комитета судебных экспертиз.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что представленная методика существенно переработана, содержащиеся в ней актуализированные рекомендации позволяют оптимизировать процесс экспертного исследования и сократить общее время на проведение исследований, повысить объективность выводов при решении частных экспертных задач.

Однако до сих пор не нашли своего отражения в методике такие существенные аспекты, как: деятельность эксперта при фрагментарном отображении папиллярных узоров в следах, изучение и оценка таких следов; установление фактов использования «искусственных папиллярных узоров» и дальнейших действий эксперта по данным объектам и др.

На основании вышеизложенного считаем, что постоянное совершенствование действующих методик оптимизирует процесс экспертного исследования, устраниет имеющиеся на практике пробелы, а также позволяет их использовать не только в практической деятельности, как Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, так и иных субъектов судебно-экспертной деятельности, но и в образовательном процессе в качестве справочно-информационного материала при подготовке и переподготовке судебных экспертов в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирвель В.К. Искусственные папиллярные узоры: миф или реальность? / В.К. Кирвель, А.С. Башилова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2010. № 2. С. 118-121.
2. Ефременко Н.В. Потожировые следы пальцев рук человека как объект комплексной экспертизы / Н.В. Ефременко, А.С. Башилова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 2. С. 21-25.
3. Ефременко Н.В. Установление факта фальсификации следов пальцев рук / Н. В. Ефременко, А. В. Башилова // Вестн. Полоц. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. 2014. № 13. С. 175 –182.
4. Ефременко Н.В. О возможности фальсификации следов рук / Н.В. Ефременко, А.С. Башилова // Актуальные вопросы совершенствования судебно-экспертной деятельности : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23-24 окт. 2014 г. / Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь; под ред. А.И. Швед [и др.]. Минск : ГКСЭ, 2014. С. 61-63.
5. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учеб. пособие / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. И.А. Анищенко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2014. 127 с.
6. Методика проведения дактилоскопической экспертизы / Реестр судебно-экспертных методик и иных методических материалов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс] :

перечень суд-эксп. методик и метод. материалов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Минск, 2016.

7. Чванкин В.А. Классификация признаков строения папиллярных узоров при их фрагментарном отображении в следах / В.А. Чванкин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2016. № 1 (31). С. 79-83.
8. Чванкин В.А. Особенности проведения исследования по фрагментарно отобразившимся папиллярным узорам в следах рук / В.А. Чванкин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. «Экономические и юридические науки». Новополоцк, 2017. № 6. С. 201–205.
9. Кирвель В.К. Дактилоскопическая экспертиза: проблема искусственных папиллярных узоров / В.К. Кривель // Судебная экспертиза Беларуси. Минск, 2018. № 2 (7). С. 43-46.
10. Ефременко Н.В. Подготовка сообщения о невозможности дачи заключения эксперта [Электронный ресурс] / Н.В. Ефременко // I Минские криминалистические чтения : материалы Международной научно-практической конференции, (Минск, 20 декабря 2018 г.) : в 2 ч. / УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск, 2018. Ч. 2. С. 251-253.
11. Чванкин В.А. Качественная и количественная характеристика признаков в дактилоскопических исследованиях / В.А. Чванкин // Борьба с преступностью: теория и практика [Электронный ресурс]: тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД, Могилев, 2-3 апреля 2018 года / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю.А. Матвеичев (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. институт МВД, 2018. С. 433-436.
12. Методические рекомендации по использованию специализированных средств для проведения дактилоскопических исследований ладоней / В.В. Ревинский [и др.]; НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск : Право и экономика, 2018. 86 с.
13. Чванкин В.А. Особенности проведения экспертизы следов босых ног человека / В.А. Чванкин // Минские криминалистические чтения: матер. Междунар. научн.-практ. конф. (Минск, 24 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; Ч. 2 / редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2018. С. 326-331.
14. Кирвель В.К. Проблема искусственных папиллярных узоров при идентификации личности по отпечаткам пальцев рук / В.К. Кривель // Судебная экспертиза Беларуси. Минск, 2019. № 2 (9). С. 27-32.
15. Чванкин В.А. Особенности проведения судебной дактилоскопической экспертизы по следам подошвенных частей стоп ног человека / В.А. Чванкин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. «Экономиче-

- ские и юридические науки». Новополоцк, 2019. № 6. С. 196-201.
16. Дактилоскопия и судебная дактилоскопическая экспертиза : учебник / [И.А. Анищенко и др.]; под общ. ред. В.А. Чванкина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Академия МВД, 2019. 113 с.
17. О судебно-экспертной деятельности: Закон Респ. Беларусь 18 декабря 2019 г. № 281-З : принят Палатой представителей 19 ноября 2019 г. : одобр. Советом Респ. 3 декабря 2019 г. : // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
18. Методика проведения дактилоскопической экспертизы / Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. Минск, 2021.

Improving the methods of conducting forensic fingerprint examination in the Republic of Belarus

V.A. Chvankin

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus, Minsk)
tanvad@mail.ru*

Based on the analysis of scientific and educational publications prepared in the Republic of Belarus in the field of fingerprinting and fingerprinting expertise, the article considers the stages of creating and improving expert methods of conducting fingerprinting expertise in our country. The essence of the current updated methodology is revealed. The main directions for its further improvement are considered.

Keywords: fingerprinting, fingerprinting expertise, methodology, classification, objects of expertise.

ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРОИЗВОДСТВА КОМПЛЕКСНЫХ АВТОТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЭКСПЕРТОВ ДРУГИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕРТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ 13.4)

И.В. Алексеев, А.В. Калакутин

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста РФ (Россия, Нижний Новгород)
prcse-murf@ya.ru*

Основной объект исследования автотехнической экспертизы по экспертной специальности 13.4 «Исследование транспортных средств, в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки» – автотранспортное средство (автомобиль), который в современном, быстро меняющемся, мире постоянно совершенствуется, изменяется и находится в

себе применение новых инновационных достижений. Данная тенденция всемирного развития автотранспортных средств обуславливает необходимость использования при их исследовании знаний в различных областях и сферах, а возрастающий объем сложных задач, которые все чаще ставятся перед экспертными учреждениями, порождают потребность в разработке особых методов исследования. Одним из таких методов является использование комплексных экспертиз. В связи с этим статья посвящена вопросам, связанным с производством именно комплексных экспертиз. В статье рассматриваются особенности комплексных экспертиз, виды комплексной экспертизы, основные положения существующей концепции комплексной экспертизы, оформление заключений экспертов при производстве и формировании структуры комплексных экспертиз, основные сложности и ошибки при назначении комплексных экспертиз, а также приведен обзор практики производства комплексных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная автотехническая экспертиза, объект исследования судебной автотехнической экспертизы, комплексная судебная экспертиза, концепция комплексной судебной экспертизы, теория комплексных экспертиз, автомобиль.

Основными объектами исследования автотехнической экспертизы по экспертной специальности 13.4 «Исследование транспортных средств, в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки» (далее – по экспертной специальности 13.4) являются материальные объекты – автотранспортные средства в целом, их элементы, узлы и детали, которые относятся к сложным и многокомпонентным объектам, выполненным из разных конструкционных материалов с различными типами покрытий, работающими с использованием «всевозможных» горюче-смазочных материалов и веществ, также к объектам исследования относятся исходные данные и фактические обстоятельства, зафиксированные в протоколах осмотра места происшествия и автомобиля, на фотоснимках, видеозаписях, схемах (планах), в протоколах допросов очевидцев, потерпевших, актах осмотра и других разнообразных документах, что обуславливает необходимость использования при их исследовании знаний в различных областях и сферах, а возрастающий объем сложных задач, которые все чаще ставятся перед экспертными учреждениями, порождает потребность в разработке особых методов исследования вещественных доказательств. Одним из таких методов и является использование комплексных экспертиз. Именно поэтому количество и разновидность комплексных автотехнических экспертиз по экспертной специальности 13.4 в последнее десятилетие увеличивается, усложняются и способы их применения. Чем же это обусловлено?

Во-первых, основные объекты исследования автотехнической экспертизы в настоящее время могут являться и объектами исследования других видов экспертиз, которые выполняются в СЭУ Минюста России. В отношении основных объектов исследования автотехнической экспертизы по экспертной специальности 13.4 могут проводиться следующие экспертизы: криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий; криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей; трасологическая экспертиза; экспертиза маркировоч-

ных обозначений; компьютерно-техническая экспертиза; товароведческая экспертиза; пожарно-техническая экспертиза и другие.

Это отмечал еще А.Р. Шляхов: «Одни и те же предметы – вещественные доказательства – могут быть объектами исследования экспертов разных специальностей, нескольких родов судебных экспертиз. Но каждый раз такие вещественные доказательства изучаются специально для решения вопросов, относящихся к предмету данного рода и вида судебной экспертизы; из них «извлекается» посредством специальных исследований своеобразная информация» [1, стр. 18].

Во-вторых, основной объект исследования автотехнической экспертизы – автотранспортное средство (автомобиль), в современном быстро меняющемся мире, постоянно совершенствуется, изменяется и находит в себе применение новых инновационных достижений. В автомобилестроительной отрасли год от года растет число мировых и европейских премьер, новейших моделей, опытных образцов и прототипов, от полностью «оцифрованного» автомобиля с передовыми информационными и навигационными системами и многочисленными приложениями до новых электрокаров и самоуправляемых автомобилей, оснащенных электрическими и гибридными моторами и двигателями, работающими на водородных топливных элементах, которые можно считать низкоэмиссионными или не имеющими вредных выхлопов в атмосферу. Приведенные выставки «CES 2017-2020» в Лас-Вегасе показали, какими будут самоуправляемые автомобили марок BMW, Toyota и Hyundai, беспилотник от Audi, шумопоглощающий Nissan и высокотехнологичный Mercedes для «Аватара», а также воздушное такси от Hyundai. Предлагаемый компанией BMW новый интерфейс управления машиной Holo Active Touch – это голограммический дисплей в воздухе, распознающий жесты водителя. В настоящее время такие автоконцерны, как General Motors, Toyota, BMW, Daimler, Ford, Honda, Audi, Volvo, активно работают над системами обмена данными между машинами и объектами инфраструктуры. Все больше мировых автопроизводителей начинают работать над технологиями автоматизации вождения, включаясь в гонку по созданию полностью автономного автомобиля. Еще одно из магистральных направлений развития мирового автопрома – ориентация на электрический автомобиль. Согласно оптимистичному сценарию исследователей, мировой рынок легковых электромобилей приблизился к 5% в 2020 г. Однако этот показатель достигнет 30% в 2030 г., по сравнению с 1,7% в 2015 г. [8].

По сути, современный автомобиль представляет собой моторизованную компьютерную сеть, с, как минимум, двадцатью специфическими микрокомпьютерами в своем составе, а в среднем, более чем с 40 системами компьютерной (бортовой) сети. Что требует разработки совершенно новых подходов к исследованию основного объекта.

В связи с применением инновационных технологий и прогрессивной модернизацией современных автомобилей, исследование данных объектов требует

привлечение новых знаний из различных областей науки и техники, а также привлечение иных специалистов.

Так что же в настоящее время является комплексной экспертизой, согласно существующей «классической» концепции, с учетом требований процессуальных кодексов, а также Закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ГСЭД»). Хотя комплексная экспертиза уже очень давно получила широкое распространение на практике, законодательно на уровне федеральных законов урегулирована относительно недавно – сначала в ФЗ «О ГСЭД», позже в УПК РФ, ГПК РФ и АПК РФ.

К моменту опубликования ФЗ «О ГСЭД» в судебной экспертизе сложилось вполне определенное понимание понятия «комплексная экспертиза». Необходимо отметить следующие основные положения существующей концепции комплексной экспертизы:

1. Комплексные экспертизы могут проводиться только при условии, если к исследованию подключено не менее двух экспертов.

2. При производстве комплексной экспертизы исследование проводится экспертами разных специальностей. Это положение четко приводится во всех процессуальных нормативах.

3. Каждый эксперт при производстве комплексной экспертизы действует в зоне своей компетенции и не может вторгаться в чужую область знаний. Таким образом, компетенция фактически придает некий абсолютный ограничительный характер.

4. Эксперт дает заключение от своего имени на основании исследований, проведенных им в соответствии с его специальными знаниями, и несет за данное заключение ответственность в установленном законом порядке. Это общее положение касается любого экспертного исследования и подчеркивает факт независимости эксперта, его ответственность за данное заключение и гарантию достоверности его вывода.

Исключением из вышеперечисленного может являться комплексная экспертиза в рамках уголовного процесса. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» сказано, что, если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым вопросам [4, п. 12]. Аналогичную позицию занимал Шляхов А.Р., считая, что «комплексная экспертиза назначается не столько при необходимости исследования одного объекта специалистами в различных областях знания, сколько при необходимости решения вопроса, ответить на который можно лишь используя одновременно различные области знания и проводя совместные исследования», подчеркивая, что «комплексную экспертизу может провести и одно лицо, если оно владеет методикой комплексного решения вопроса» [6]. Белкин

Р.С. считал, что требует законодательного решения возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом, владеющим знаниями в нескольких областях науки и техники [7]. Как известно, в результате на законодательном уровне возобладала процессуальная трактовка комплексной экспертизы, получившая закрепление в соответствующих законах – ФЗ «О ГСЭД», УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ. Таким образом, комплексная экспертиза – это экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты различных специальностей. Комплексная экспертиза всегда проводится комиссионно и поэтому, является разновидностью комиссионной экспертизы.

Основные правовые признаки комплексной экспертизы – это участие в производстве экспертизы экспертов различных специальностей, вытекающее отсюда разделение функций между ними в процессе экспертного исследования, дача экспертами совместного заключения, формулирование общего вывода на основе не только лично проведенных исследований, но и по результатам исследований, проведенных другими экспертами.

При этом существуют и иные формы комплексности не с процессуальной, а с методической точки зрения при производстве экспертиз, которые широко распространены в экспертной практике, такие как: комплекс исследований и комплекс экспертиз.

Прежде чем перейти к обзору практики производства комплексных экспертиз рассмотрим «новую» концепцию комплексной экспертизы, предложенную ФБУ РФЦСЭ при Министерстве России и изложенную в монографии «Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы» [5]. Какие же новые сильные стороны и инновации представлены в новой концепции. Новая концепция практически не затрагивает хорошо развитых сторон теории, приведенной выше, при этом авторами введены некоторые определения, которые помогут разобраться в новой концепции.

Первый вид комплексной экспертизы – это параллельная комплексная экспертиза. Суть этого термина заключается в том, что здесь эксперты решают единую задачу, работают практически одновременно и параллельно, а само исследование носит стационарный характер. Характерной особенностью данного вида экспертизы является обязательное участие в ней экспертов разных специальностей, решающих единую задачу.

Второй вид комплексной экспертизы – это последовательная комплексная экспертиза. В данном исследовании объект как бы перемещается от одного эксперта к другому и это движение носит последовательный характер, при этом эксперт проводит автономные исследования и передает свои выводы следующему эксперту.

В данной концепции вводятся два вида задач – конечные, которые, по существу, являются главными для следователя (суда) в процессе доказывания, и промежуточные.

Покажем, какими концептами руководствовались авторы «новой» концепции, предложенной в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, какие концепты из существующей теории они использовали, считая верными, а какие отвергли по причине их неточности.

Экспертное исследование проводится двумя экспертами разных и одинаковых специальностей, а не только разных, что позволяет расширить возможности производства.

Эксперт использует только выводы предыдущего эксперта, а не всю информацию анализа предыдущего эксперта, поскольку результаты анализа всего предыдущего исследования не содержат полезной информации.

Эксперт может оценить достоверность вывода предыдущего эксперта, что повышает достоверность вывода эксперта.

Эксперт обязан оценивать вывод предыдущего эксперта, в отличие от существующей концепции, где эксперт не имел права оценивать вывод предыдущего эксперта, что повышает достоверность вывода эксперта.

Комплексная экспертиза может быть параллельной (два эксперта разных специальностей) и последовательной (эксперты имеют разную или одинаковую специальность), в отличие от существующей концепции, где комплексная экспертиза имеет единую методическую форму.

Достоверность результатов простых уровней анализа, включая вывод, может оценить любой квалифицированный эксперт, в отличие от существующей модели, где вывод, может оценить только эксперт с аналогичной специальностью.

Экспертное заключение является многоуровневым с системой чередования сложных и простых уровней, формулировка вывода располагается на простом уровне, в отличии от существующей модели экспертное заключение имеет единую структуру, как дальнейшее развитие теории судебной экспертизы.

Таким образом, резюмируя и переходя к анализу комплексных экспертиз ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России, можно констатировать, что современная теория комплексных экспертиз не требует радикальных изменений и может быть только дополнена новыми положениями, рассмотренными выше.

Из анализа материалов, поступивших в производство лаборатории судебных автотехнических экспертиз ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России по экспертной специальности 13.4 за период 2017-2020 следует, что около 28% судебных экспертиз были выполнены комплексно с другими видами экспертиз, с привлечением экспертов различных специальностей.

Наибольшее количество комплексных экспертиз по экспертной специальности 13.4 выполнено с «классическими» видами автотехнических экспертиз, таких как по экспертным специальностям 13.2 «Исследование технического состояния транспортных средств» и 13.3 «Исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасо-

логическая диагностика).»). Здесь эксперты решали разнообразный круг задач, связанный с определением технического состояния транспортных средств, узлов и деталей, определением причин неисправностей транспортных средств, установлением механизма образования тех или иных повреждений, с целью решения задач о соответствии повреждений обстоятельствам конкретного дорожно-транспортного происшествия.

На втором месте можно выделить традиционно криминалистические виды экспертиз, такие как криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (по специальностям 10.4 «Исследование изделий из металлов и сплавов», 10.8 «Исследование изделий из резины, пластмасс и других полимерных материалов», 10.6 «Исследование изделий из стекла и керамики, минералов и изделий из них, силикатных строительных материалов»). Здесь эксперты решали традиционные задачи по установлению механизма и причин образования повреждений различных элементов транспортных средств, выполненных из различных конструкционных материалов (металлы, сплавы, стекло, пластмасса и полимерные материалы). Отдельно необходимо отметить экспертов по специальности 10.2. «Исследованию лакокрасочных материалов и покрытий», с которыми мы традиционно проводим комплексные экспертизы по исследованию дефектов лакокрасочного покрытия кузовов автомобилей и способов их устранения.

В следующую группу экспертиз, выполняемых комплексно с экспертизами по специальности 13.4, вошли трасологическая экспертиза и экспертиза маркировочных обозначений. В рамках исследования по специальности 6.2 «Исследование следов орудий, инструментов, механизмов, транспортных средств (транспортно-трасологическая идентификация)» проводится комплексное исследование с целью установления механизма получения повреждений транспортного средства. А также решение задач, связанных с принадлежностью одной детали другой, или к узлу, а также совместной работе нескольких деталей (например, принадлежность деталей цилиндро-поршневой группы к конкретному двигателю). В рамках экспертизы маркировочных обозначений по специальности 23.1 «Исследование маркировочных обозначений на изделиях из металлов, полимерных и иных материалов» эксперт по специальности 13.4 может участвовать в экспертизе совместно с экспертом по специальности 23.1 для решения вопросов с целью уточнения данных о транспортных средствах, исследование маркировочных обозначений которых он проводит (например, для установления комплектации или уровня оснащенности исследуемого транспортного средства, дополнительного оборудования и соответствия перечисленного оборудования году выпуска, указанному в маркировочном обозначении или для диагностики основных блоков управления автомобиля или блоков контроля за передвижением и скоростью автомобиля (например, тахографа), где также может содержаться оригинальный заводской идентификационный номер (VIN)), а также и наоборот эксперт по специальности 23.1 может участвовать

в экспертизе совместно с экспертом по специальности 13.4 для установления данных об оригинальности заводской маркировки на транспортном средстве или каком-либо из его узлов, деталей, для решения в последующем вопросов о проведенном ремонте, замене узла или при определении рыночной стоимости исследуемой детали. Проведенное экспертом по специальности 13.4 исследование не является определяющей в формировании вывода, но в совокупности с другими выявлении факторами, может повлиять на категоричность вывода.

Несколько экспертиз в ФБУ Приволжском РЦСЭ Минюста России проведено совместно с экспертами по специальности 7.3 «Исследование видеоизображений, условий, средств, материалов и следов видеозаписей». В данном случае эксперт по специальности 13.4 может участвовать в экспертизе совместно с экспертом специальности 7.3 для решения задачи с целью уточнения данных о транспортных средствах и его отдельных узлах, зафиксированных на предоставленной видеозаписи с целью их дальнейшей идентификации, а также и наоборот: эксперт по специальности 7.3 был привлечен экспертом по специальности 13.4 для установления данных с видеозаписи, имеющейся в материалах дела, например, для улучшения видеозаписи и дальнейшего установления размерных характеристик, имеющихся повреждений или установления последовательности действий при установлении механизма получения повреждений транспортного средства. В настоящее время рассматривается вопрос о введении в экспертную специальность 13.1 части решаемых задач и объектов из специальности 7.3.

Пожарно-техническая экспертиза по специальность 14.1 – решение задач, связанных с исследованием транспортного средства, повреждённого в результате пожара, установление причин возникновения горения, выявление обстоятельств, способствующих возникновению и развитию пожара, а также установление причинно-следственных связей между имеющимися неисправностями в транспортном средстве и возникновением пожара, установление причин способствовавших этому (например, неисправность в электропроводке автомобиля, или разгерметизация топливной системы, в процессе эксплуатации или проведенных ремонтов).

Биологическая экспертиза по специальности 12.1 «Исследование объектов растительного происхождения» – решение задач, связанных с исследованием автомобиля, исследование загрязнений автомобиля, его узлов и деталей интерьера биологическими продуктами, а также установление способов их устранения.

Также на практике могут встречаться и комплексные экспертизы по специальностям 12.2 «Исследование объектов животного происхождения» и 11.1 «Исследование объектов почвенного происхождения», в основном при решении задач о причинах неисправностей автомобиля или решении задач о соответствии повреждений обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия.

Товароведческая экспертиза по специальности 19.1 «Исследование про-

мышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки» – решение задач, связанных с оценкой оборудования входящего в состав транспортного средства или специализированной техники (например, установка грузоподъемного или гидравлического оборудования), а также задач по установлению причин неисправностей и дефектов элементов интерьера транспортного средства (например, кожаной обивки сидений).

Судебная финансово-экономическая экспертиза (специальность 18.1) – решение задач, связанных с определением доли капитала или доли участника общества (классический пример последовательной комплексной экспертизы – это определение рыночной стоимости автотранспортных средств, находящихся на балансе общества, для определения доли участника общества).

Следующие виды комплексных экспертиз за анализируемый период в ФБУ Приволжском РЦСЭ Минюста России не проводились, но не исключается возможность их проведения в ближайшем будущем: взрывотехническая и взрывотехническая экспертиза при решении задач, связанных с исследованием повреждений транспортного средства в результате повреждений взрывом (взрывной волной), установлением механизма получения повреждений транспортного средства, установление технических причин взрыва транспортных средств, а также причин способствовавших этому (например, неисправность газобаллонного оборудования автомобиля топливной системы автомобиля); компьютерно-техническая экспертиза при решении задач, связанных с поиском и расшифровкой информации содержащейся в основных блоках автомобиля, а также задач связанных с диагностикой, поиском и расшифровкой информации во встроенных системах на основе микропроцессорных контроллеров и программном обеспечении систем современного автомобиля (например – операционных систем автомобиля, таких как Android Auto от компании Google, Automotive Grade от Linux и CarPlay от Apple).

Резюмируя все высказанное, можно подвести итоги и обозначить теоретические и практические пути развития комплексных автотехнических экспертиз.

Современную теорию комплексных экспертиз без применения радикальных изменений необходимо дополнить новыми положениями, закрепленными на законодательном уровне.

Большое значение имеет значение «коллективной, совместной деятельности» при производстве комплексных экспертиз, поскольку данные экспертизы осуществляются коллективом экспертов, где существуют и проблемы взаимоотношений, и положительные стороны, такие как влияние на повышение уровня достоверности вывода, что в основном определяется тем, что перед экспертами поставлена общая задача и они заинтересованы во взаимном контроле и оказании помощи друг другу.

Введение «новых» объектов исследования по специальности 13.4 в другие

специальности, чтобы используя одновременно различные области знания проводить совместные исследования (например, сделать объекты исследования современного автомобиля, такие как блоки управления или современные электронные на основе микропроцессорных контроллеров автомобиля, электрические силовые установки и двигатели, объектами других видов экспертиз, таких как электробытовая или компьютерно-техническая), а также разработать методики и алгоритмы их исследования.

При этом необходимо отметить, что большое внимание в экспертных учреждениях необходимо уделять разработке единых методик решения сложных задач, требующих проведения комплексных исследований, а также подготовке экспертов к производству экспертиз, в которых используется комплексность, способствует разработка единых методик решения сложных задач, требующих использования разных специальных знаний. У экспертов необходимо развивать способность не только к аналитической деятельности, но и умение обобщать, синтезировать, интегрировать результаты разно профильных исследований.

Проведение профилактической работы с правоприменителями с целью исключения случаев «плохого понимания», для каких целей и задач осуществляется назначение комплексных автотехнических экспертиз, а также ошибок в определении видов экспертиз и, соответственно, предмета исследования и как следствие неправильного и некорректного формулирования поставленных вопросов, подлежащих разрешению, постановки правовых вопросов.

Большое значение при производстве комплексных экспертиз имеет и тот факт, что многие приборные методы исследований экспертами смежных специальностей алгоритмированы и их результаты поддаются однозначной оценке экспертами, при том что некоторые экспертные задачи дублируются в программах дополнительной профессиональной подготовки экспертов.

При этом экспертам по специальности 13.4 необходимо четко понимать пределы компетенции эксперта, которые ограничены программой дополнительной профессиональной подготовки экспертов, а также кругом решаемых ими задач. Однако необходимо учитывать, что программа подготовки по специальности 13.4 охватывает очень большой круг задач, даже в смежных областях, без вторжения в узкую специализацию и использования специальных знаний по смежным специальностям.

Использование современной материально-технической приборной базы СЭУ Минюста России, в том числе и поставляемой в рамках федеральной целевой программы Юстиция, позволило улучшить уровень решаемости задач, в том числе и при производстве комплексных экспертиз. Из оборудования, которое используется при производстве комплексных автотехнических экспертиз, необходимо отметить программные комплексы моделирования механизма дорожно-транспортного происшествия: PC-Crash и V-sim, которые в совокупности с современными сканерами, например, FARO Scaner, который позволяет

проводить 3D сканирование автомобиля и дальнейшую обработку в программном комплексе PC-Crash, позволяют оптимизировать некоторые сложные или рутинные процессы в судебно-экспертной деятельности.

Использование современного информационного программного обеспечения, в частности КУВК (комплексного управления ведомственным контентом), позволяет использовать эту площадку для размещения и хранения современной методической литературы, доступ к которой открыт всем экспертам СЭУ Минюста.

В заключение хотелось бы констатировать, что проведение комплексных судебных автотехнических экспертиз по экспертной специальности 13.4 совместно с экспертами других специальностей позволяет успешно решать сложные задачи, с учетом необходимости использования при их решении знаний в различных областях и сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М.: Наука, 2006. 304 с.
2. Сабери Б. Современные тенденции развития автомобильной промышленности и перспективы российского автопрома. Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42.
3. «Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве». Ю.К. Орлов. МЮ РФ. РФЦСЭ. 2005.
4. Организация производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации (Методические рекомендации). ФМКМС. 2007 г.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».
6. Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ) /А.И. Усов [и др.] М.: ФБУ РФЦСЭ при Министерстве России, 2015. С. 132.
7. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. ВНИИСЭ. 1972 г.
8. Криминалистическая энциклопедия. 1997г.
9. «Финмаркет». К 2030 году доля электромобилей в глобальных продажах может достигнуть 30%. – URL: <https://www.autostat.ru/news/24804/>
10. Дефекты лакокрасочного покрытия кузовов автомобилей и способы их устранения. О.В. Хатунцева, С.В. Федотов. М.: ФБУ РФЦСЭ при Министерстве России, 2016.
11. Экспертное исследование изделий из металлов и сплавов А.Н. Федоров, А.Б. Кутынин. М.: ФБУ РФЦСЭ при Министерстве России.
12. Махнин Е.Л. К вопросу об установлении перечня повреждений автотранспортных средств, полученных в результате ДТП / Е.Л. Махнин // Теория и

практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 72-79.

13. Методические рекомендации по проведению судебных автотехнических экспертиз и исследований колесных транспортных средств в целях определения размера ущерба, стоимости восстановительного ремонта и оценки. Министерство юстиции Российской Федерации, ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы. Москва, 2018.
14. Махнин Е.Л., Новоселецкий И.Н., Федотов С.В. Исследование автомототранспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки: курс лекций / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С.А. Смирновой; Министерство юстиции Российской Федерации, ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы, 2017 г.

Practice of production of complex auto technical expertise in the expert specialty 13.4 with the involvement of experts of other specialties

I.V. Alekseev, A.V. Kalakutin

Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)

prcse-murf@ya.ru

The main object of the study of automotive expertise in the expert specialty 13.4 «Research of vehicles, in order to determine the cost of restoration repairs and evaluation» is a motor vehicle (car), which in the modern, rapidly changing, world is constantly improving, changing and finding the application of new innovative achievements. This trend in the worldwide development of motor vehicles necessitates the use of knowledge in their research in various fields and fields, and the increasing complexity of the tasks increasingly faced by expert institutions creates the need to develop special research methods. One such method is the use of comprehensive expertise. In this regard, the article is devoted to issues related to the production of precisely complex examinations. The article considers the peculiarities of complex examinations, the types of complex examination, the main provisions of the existing concept of complex examination, the preparation of expert opinions during the production and formation of the structure of complex examinations, the main difficulties and errors in the appointment of complex examinations, as well as an overview of the practice of producing complex examinations.

Keywords: forensic examination, forensic automotive examination, object of investigation of forensic automotive examination, complex forensic examination, concept of integrated forensic examination, theory of complex examinations, car.

МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

А.Ю. Афанасьев^{1,2}

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

²Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)

afanasev_alexey@bk.ru

В статье приводятся отдельные положения проведенного исследования, посвященного проблемам методологической основы криминалистики. Автором на основе сложившихся подходов к понятию «методология» и проводимых криминалистических исследований формируется представление о методологии науки криминалистики. Выявлены положительные моменты, а также типичные ошибки ученых-криминалистов. Среди основного упущения науки криминалистики обозначена неразработанность специальных методов криминалистики, а также узость в понимании методологии криминалистики. Предложено методологию криминалистики видеть в виде пути научного познания, в виде учения об организации деятельности в рамках науки криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика, методология криминалистики, методы криминалистики, научное познание.

Под методологией традиционно понимают либо совокупность методов, либо учение о методах, либо систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности. На это указывают как философские и толковые словари, так и доктринальные источники в области методологии. Так, в философском словаре М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина методология трактуется как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке, а также как учение о методах научного познания и преобразования мира [1, стр. 268]. На такое же значение ссылаются в философском словаре И.Т. Фролова [2, стр. 329]. В толковом словаре С.И. Ожегова под методологией понимается учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук [3, стр. 292].

При всем этом зачастую понимание методологии сводится лишь к совокупности методов. Такая трактовка проникла в отрасли науки, научные дисциплины и отдельные исследования. В частности, в монографиях, диссертациях, научных статьях в качестве методологической основы, главным образом, понимаются отдельные методы научного познания, то есть способы, приемы, позволяющие получать научно-обоснованные результаты и достигать цели исследования.

Аналогичная ситуация сложилась и в юридической науке, в том числе в криминалистике. Чаще всего в криминалистике выделяют всеобщие, общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания. По первым трем группам методов сложилось определенное единство. Например, всеобщим чаще всего указывают диалектический метод научного познания, общенаучными считают – анализ, синтез, дедукцию, индукцию, сравнение, моделирование, обобщение, описание, наблюдение, частнонаучными – социологический, статистический и другие [4, стр. 12; 5, стр. 10; 6, стр. 9; 7, стр. 6]. Хотя при использовании соответ-

ствующих методов в криминалистических исследованиях в целом особых сложностей не возникает, сохраняется тенденция как неправильного понимания и применения тех или иных методов, так и ошибочного определения групповой принадлежности.

Со специальными методами в диссертационных исследованиях по научной специальности 12.00.12 ситуация обстоит хуже: либо они в принципе не указываются, а, следовательно, и не используются, либо приводятся, но не являются таковыми. Так, выделяют некий структурно-криминалистический метод [4, стр. 12], к группе специальных относят статистический метод, историко-правовой и логико-юридический методы, конкретно-социологический метод, сравнительно-правовой метод [5, стр. 10], – все относятся к юриспруденции или социологии, т.е. являются частнонаучными, либо вообще не выделяют такой группы, но приводят обособленно определенные методы, например, метод обобщения судебно-следственной и оперативно-разыскной практики [6, стр. 9] и другие [7, стр. 6]. Также принято считать, что специальными методами являются – криминалистическая идентификация, криминалистическое прогнозирование, криминалистическая диагностика, моделирование преступной деятельности и т.д. По сути, речь идет о самостоятельных учениях криминалистики. Насколько это обоснованно решать каждому исследователю самостоятельно. В то же время вряд ли неразбериха в методах влияет на отдельных исследователей, поскольку так сложилось, что не методы определяют исследование, а исследование – методы. Полагаем, что такая практика не приводит к повышению уровня криминалистических исследований.

Весьма примечательно, что действующий паспорт научной специальности 12.00.12 также не дает внятного ответа относительно системы специальных методов криминалистики. Так, указывается, что метод научных исследований представляет собой систему философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность, историзм и компаративизм изучения криминалистики, судебно-экспертной деятельности, оперативно-разыскной деятельности. Далее приводятся принципы, общенаучные подходы, методы, носящие обще– либо частнонаучный, но не специальный характер [8].

Помимо обозначенного мало тех криминалистов, как и, впрочем, представителей других юридических наук, кто задумывается о том, что методология исследования есть нечто большее, чем просто совокупность методов. В действительности соотношение метода и методологии видится не как часть целого и целое, а как «человек – предстоящая деятельность» (метод) и «человек – программа деятельности» (методология) [9, стр. 51, 64]. Причем, на наш взгляд, в методологии речь идет не об элементарной программе, а об организации деятельности. Тем самым, утверждение «методология – это учение об организации деятельности» [10, стр. 20], принимается нами наиболее верно раскрывающей

методологию применительно к науке криминалистики.

Подобное понимание предполагает, как минимум, иной подход к исследованиям. Необходимо учитывать, каким образом будет выстраиваться путь научного познания и как будет выглядеть осуществляемая научная деятельность. Здесь уместно вспомнить про универсальную «схему методологии», состоящую из: характеристики деятельности (особенности, принципы, условия, нормы деятельности); логической структуры деятельности (субъект, объект, предмет, формы, средства, методы, результат деятельности); временной структуры деятельности (фазы, стадии, этапы деятельности) [10, стр. 24]. Как можно заметить, такое представление методологии науки и научной деятельности заключает в себя все ее атрибуты и иные элементы. Тем самым, подобную схему можно применить как в целом к науке, так и к отдельному исследованию.

Ключевой выступает логическая структура – именно она раскрывает деятельностный аспект. Покажем на примере: субъект – лицо, обнаружившее научную проблему, выделяет в ней определенный объект, а уже в объекте – предмет (закономерности объекта), определяет формы, средства и методы изучения избранного предмета и применяет их, а далее – получает результат – решение задач и достижение цели научного исследования. Более кратко это выглядит следующим образом: постановка научной проблемы – выдвижение гипотез – применение методов научного познания для проверки гипотез – получение научно-обоснованного результата – применение результата на практике.

Не менее важное значение должно отводится и характеристике деятельности, и временной структуре. Например, А.Ф. Лубин, помимо использования убедительной логической структуры, весьма наглядно и успешно продемонстрировал временную структуру криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Им были обозначены три этапа исследования:

первый этап – работа по изучению практики расследования различных видов и групп преступлений с упором на гипотезу о том, что криминалистические характеристики применяются некорректно;

второй этап – разрабатывалась гипотеза о методологической уязвимости научного подхода к формированию криминалистических характеристик преступной деятельности;

третий этап – разрабатывалась общенаучная база исследования, формировалась и апробировалась авторская модель механизма преступной деятельности, строилась методологическая программа ее исследования и т.д. [11, стр. 11].

Временная структура, как и, впрочем, характеристика научного исследования, ведь сугубо авторская, индивидуальная. Логическая структура исследования также уникальна, однако у нее есть и те признаки, которые могут быть универсальны для всей науки криминалистики. При всем этом, наполнение уже индивидуально. Именно степень погружения в собственное исследование указывает на уровень методологии.

Таким образом, можно подвести итоги и указать на выводы.

Несмотря на значительное количество проводимых по криминалистике исследований сохраняется тенденция как неправильного понимания и применения тех или иных методов, так и ошибочного определения групповой принадлежности. Специальным методам криминалистики не уделяется должного внимания – в отдельных исследованиях они в принципе не приводятся, а, следовательно, не используются. Сложилась практика, что не методы определяют исследование, а исследование – методы.

Методология криминалистики большинством понимается лишь как совокупность методов. Подобное понимание отсекает значительную часть смысла методологии и приижает ее место в науке в целом и в отдельных исследованиях в частности. Предлагается методологию криминалистики видеть в виде пути научного познания, в виде учения об организации деятельности в рамках науки криминалистики. В таком случае методология науки представляется как обращение науки к самой себе через исследователей и их разработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010.
4. Давыдов В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 779 с.
5. Прошин В.М. Теория и практика расследования налоговых преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2019. 54 с.
6. Малыхина Е.А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 196 с.
7. Лакомская М.Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 21 с.
8. Паспорт научной специальности 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. – URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=18&name=2192110001&f=1100> (дата обращения: 10.02.2021).
9. Педагогика и логика. М.: Касаталь, 1993. 412 с.

10. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИН-ТЕГ, 2007. 668 с.
11. Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997. 337 с.

Methodology of criminalistics

A. Y. Afanasjev^{1,2}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

*²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
afanasev_alexey@bk.ru*

The article presents some provisions of the conducted research devoted to the problems of the methodological basis of criminalistics. The author, based on the existing approaches to the concept of «methodology» and the ongoing criminalistics research, forms an idea of the methodology of the science of criminalistics. The positive aspects, as well as the typical mistakes of forensic scientists, are revealed. Among the main omissions of the science of criminalistics is the lack of development of special methods of criminalistics, as well as the narrowness in understanding the methodology of criminalistics. It is proposed to see the methodology of criminalistics in the form of a path of scientific knowledge, in the form of the doctrine of the organization of activities within the framework of the science of criminalistics.

Keywords: criminalistics, methodology of criminalistics, methods of criminalistics, scientific knowledge.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.М. Бзычkin

*ФБУ Приволжский РЦСЭ МИО РФ (Россия, Нижний Новгород)
bzichkin@yandex.ru*

Судебно-бухгалтерская экспертиза прошла основной этап своего становления при реалиях существенно отличающихся от нынешних. Ряд теоретических представлений вступает в противоречие с сложившейся практикой.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, ревизия, экспертные задачи.

Судебно-бухгалтерская экспертиза является относительно молодым родом экспертиз, теоретическая основа которого по оценкам различных ученых сформировалась на временном отрезке от середины до конца двадцатого века. Таким образом, теория судебно-бухгалтерской экспертизы имеет около полувековую историю, что для теории относительно небольшой срок, однако важным нюансом является то, что основной этап своего формирования данный род экспертизы прошел в реалиях, существенно отличающихся от современных. Плановая экономическая модель предусматривала как иные принципы функционирования самих организаций, так и иную модель взаимодействия их с государством. Кроме того, существенно отличалась и правоохранительная система.

Насколько теория, разработанная тогда, актуальна сейчас? Для ответа на данный вопрос необходимо обратится к задачам, которые призвана выполнять судебно-бухгалтерская экспертиза. Единого взгляда на этот вопрос нет, однако наиболее часто к задачам судебно-бухгалтерской экспертизы относят:

1) Выявление несоответствий как внутри бухгалтерского учета, так и между бухгалтерским учетом и иными видами учета, с последующим объяснением данных несоответствий;

2) Установление фактов искажения бухгалтерского учета специфическими «бухгалтерскими» методами;

3) Установления факта соответствия / не соответствия отражения хозяйственных операций правилам ведения бухгалтерского учета.

Основываясь на том, что выше обозначенные задачи выделяются в литературе по судебно-бухгалтерской экспертизе наиболее часто, можно было бы предположить, что на практике абсолютное большинство исследований, производимых в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы направлены на решение именно этих задач, однако это не так.

Наиболее часто перед экспертом-бухгалтером ставится задача по определению факта отражения хозяйственной операции / группы операций в бухгалтерском учете, а также задача по формированию на основании данных бухгалтерского учета или иной представленной информации выборки операций, выделенных по определенному основанию.

В теории судебно-бухгалтерской экспертизы данные задачи традиционно считаются «неэкспертными» и относятся к задачам, решаемым в рамках ревизии.

Чем обусловлено данное несоответствие между теорией и практикой? Как уже указывалось ранее, теория судебно-бухгалтерской экспертизы формировалась в реалиях отличных от современных. В СССР существовало Контрольно-ревизионное управление Министерства финансов РСФСР, которое возглавляло систему контрольно-ревизионных органов, осуществляющих контроль за исполнением государственного бюджета, за своевременным выполнением обязательств перед бюджетом и за правильным и экономным расходованием бюджетных и собственных средств учреждениями, предприятиями и организациями союзного, республиканского и местного подчинения, то есть всеми существовавшими на тот момент типами организаций [1]. После распада СССР Контрольно-ревизионный аппарат Минфина России был реорганизован. На данный момент при Министерстве финансов РФ существует Департамент государственного финансового контроля, унаследовавший задачи и функции упраздненного Контрольно-ревизионного управления МФ РСФСР, он также осуществляет контроль за расходованием бюджетных средств [2], однако абсолютное большинство организаций, осуществляющих свою деятельность в РФ, не являются получателями бюджетных средств, следовательно Департамент го-

сударственного финансового контроля МФ РФ контроля за деятельностью этих организаций не осуществляется.

Часть функции по проведению документальных ревизий в «небюджетных» организациях лежит на МВД РФ, в подразделениях которого присутствуют специалисты соответствующего профиля. Однако они не способны полностью обеспечить потребности правоохранительной системы в подобных исследованиях.

Наряду с вопросом «Кто должен производить документальную ревизию?» возникает вопрос «Как полученный акт ревизии будет оцениваться в судопроизводстве?»

Практика показывает, что даже в случае, если все необходимые для следствия факты были установлены в ходе проведенной ревизии, судебная экспертиза все равно будет назначена.

Данное обстоятельство обусловлено уголовно-процессуальным законодательством, так в статье 74 УПК РФ заключение эксперта выделено как один из вариантов доказательств, а акт ревизии нет. При этом стоит отметить, что перечень доказательств не является закрытым, так как в нем присутствует пункт «иные документы», к которому можно отнести и акт ревизии [3].

При этом стоит отметить, что при доказывании, при прочих равных, заключение эксперта имеет более высокую ценность, чем акт ревизии, еще и благодаря тому, что эксперт действует в строгом правовом поле и несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения, правовой статус ревизора же процессуальным законодательством не установлен.

Таким образом, на основании всего вышеизказанного можно сделать вывод, что вытеснение документальных ревизий в судопроизводстве судебно-бухгалтерскими экспертизами имеет ряд оснований, возникших в ходе изменений процессуального законодательства и системы государственных органов, а противоречие, возникшее между теорией судебно-бухгалтерской экспертизы и практикой по ее проведению, является следствием данных изменений.

Данное противоречие может быть решено несколькими путями. Первый путь требует внесения корректировок в процессуальное законодательство, укрепляющих позиции акта ревизии как доказательства по делу. Данные изменения позволили бы избежать ситуаций, когда в рамках одного дела для решения схожих задач производятся и документальная ревизия, и судебно-бухгалтерская экспертиза, но не решило бы проблему для тех правоохранительных органов, в структуре которых отсутствуют ревизионные подразделения. Следовательно, потребовалось бы дополнительные структурные изменения в соответствующих органах. Кроме того, подобные изменения сократили бы потребность в судебно-бухгалтерских экспертизах как минимум в два раза, что вызвало бы сокращение штата экспертов бухгалтеров. Таким образом, данный путь построения практической деятельности в соответствии с требованиями теории потребовал бы ряд изменений в законодательстве и структуре право-

охранительных органов.

Второй путь решения данного противоречия предусматривает адаптацию теории под сложившуюся практику и признание задачи по определению факта отражения хозяйственной операции / группы операций в бухгалтерском учете и задача по формированию на основании данных бухгалтерского учета или иной представленной информации выборки операций, выделенных по определенному основанию как задач, решаемых в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы. В этом случае изменений ни в законодательстве, ни в структуре правоохранительных органов не потребуется, что является существенным преимуществом данного пути решения возникшего противоречия.

Фактически выбор в пользу второго пути уже совершен так как экспертизы по определению факта отражения хозяйственной операции / группы операций в бухгалтерском учете и по формированию на основании данных бухгалтерского учета или иной представленной информации выборки операций, выделенных по определенному основанию, производятся как в государственных, так и в негосударственных экспертных учреждениях. При этом методика решения данных задач отличается высокой степенью унификации и не вызывает серьезных споров ввиду того, что для решения данных задач не требуется установления множественных логических взаимосвязей и произведения сложных математических исчислений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Совета министров РСФСР от 16 мая 1956 г. N 366 «Об организации контрольно-ревизионного управления Министерства финансов РСФСР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2771#032305668454218384> (дата обращения: 03.02.2021).
2. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 7 июня 2005 г. N 110 «Об утверждении положений о Департаменте регулирования государственного финансового контроля, аудиторской деятельности, бухгалтерского учета и отчетности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=2F572A2FCCC4D4DA6A0FDBCB47C24D20&req=doc&base=EXP&n=513172&dst=100008&fld=134&stat=refcode%3D16876%3Bdstident%3D100008%3Bindex%3D0#2kjx9b4sn7k> (дата обращения: 03.02.2021).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.02.2021).

The current state of forensic accounting

A.M. Bzychkin

Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)

bzichkin@yandex.ru

Forensic accounting expertise has passed the main stage of its formation under realities significantly different from the current ones. A number of theoretical concepts are in conflict with established practice.

Keywords: forensic – accounting expertise, audit, expert tasks.

СЛОЖНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРЕДМЕТОВ ФАЛЕРИСТИКИ

Г.Г. Бочаров

ФБУ РФ ЦСЭ при Министерстве России (Россия, Москва)

g.bocharov@sudexpert.ru

Заключение эксперта является одним из видов доказательств по делу, оценка которого является сложной задачей для лиц, не имеющих специальных знаний в требуемых областях. В статье приведены процессуальные возможности для необходимой оценки заключения эксперта. Приведен пример экспертного исследования объектов фалеристики, который не позволяет определить правильность и обоснованность проведенного исследования, что приводит к назначению повторной экспертизы. В итоге статьи указывается на необходимость комплексного исследования объектов фалеристики для получения обоснованных и достоверных выводов.

Ключевые слова: заключение эксперта, фалеристика, медали, ордена.

Заключение эксперта является одним из видов доказательства, к которому предъявляются как требования, которые устанавливаются действующим законодательством в области судебной экспертизы (кодифицированные документы, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» – далее – ФЗ №73 о ГСЭД), так и общие требования, которые предъявляются ко всем другим доказательствам по делу. Согласно ст. 88 УПК РФ доказательства должны удовлетворять требованиям относимости, допустимости и достоверности. Соблюдение указанных требований и оценка всех доказательств по делу входит в исключительную компетенцию судьи, присяжных заседателей, а также прокурора, следователя, дознавателя [1]. Как следует из перечисленных лиц, ни одно из них не обладает специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла [2, статья 2], которые необходимы для определения достоверности хода проведения исследования и выводов проведенного заключения эксперта.

Данная проблематика сложности оценки заключения эксперта лицами, в исключительные обязанности которых эта оценка входит, обсуждается достаточ-

но широко [7, 8] в научных публикациях и в большинстве своем эти обсуждения сводятся к тому, что действующее законодательство позволяет при должном опыте произвести оценку достоверности заключения эксперта посредством использования следующих способов:

- посредством сопоставления заключения эксперта с другими доказательствами по делу, в том числе с показаниями свидетелей, возражений обвиняемых или их представителей и т.д.;

- привлечение специалистов, обладающих необходимыми специальными знаниями для разъяснения используемых в заключении эксперта методов и методик исследования;

- изучение исследовательской части заключения эксперта с целью определения обоснованности сделанных выводов с приведением необходимого списка используемой литературы и методик;

- использование при проведении экспертного исследования поверенного оборудования с приведением в заключении эксперта данных о своевременной поверке;

- состязательность процесса, которая при оценке заключения эксперта сводится к возможности допроса эксперта всеми заинтересованными сторонами с целью предоставления ответов на вопросы, которые относятся к ходу проведения экспертизы и формирования выводов;

- возможность назначения дополнительной или повторной экспертизы в соответствии с нормами действующего законодательства.

Указанный общий перечень действий суда или следователя, который предусматривает законодательство, является достаточным, чтобы при необходимости опыта и возможности дать необходимую оценку практически любому заключению эксперта во всех областях науки, техники, искусства и ремесла. Однако, несмотря на это, судебные и следственные органы не всегда используют эти способы, что приводит к тому, что по одному и тому же делу назначается ряд повторных или дополнительных экспертиз на основании ходатайств стороны защиты, при этом процессуальные основания для назначения подобных экспертиз могут отсутствовать.

Представляется необходимым сделать некоторое отступление и, несмотря на кажущуюся простоту вопроса относительно оснований назначения дополнительной или повторной экспертизы, еще раз привести данные причины. Это связано в том числе и с вопросами, которые возникают в судебно-экспертных учреждениях Минюста России при регистрации и производстве данного вида экспертиз.

Итак, основанием для производства дополнительной экспертизы являются:

- недостаточная ясность или полнота ранее данного заключения [1, 2, 3, 4];
- возникновение необходимости решения новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств [1, 5].

Основанием для производства повторной судебной экспертизы являются:

- наличие у суда, судьи, лица, производящего дознание, следователя сомнений в правильности или обоснованности ранее данного заключения [1, 2, 3, 4];
- наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов [1];
- наличие противоречий в заключениях нескольких экспертов [3].

Перечисленные явно обозначенные процессуальные основания для назначения дополнительной или повторной судебной экспертизы отличаются в различных видах процессов.

Статьи кодифицированных документов и ФЗ №73 о ГСЭД [2] также явно обозначают объём исследований, который проводится в рамках дополнительной или повторной экспертизы, а именно:

- дополнительная экспертиза проводится для разъяснения сделанных ранее выводов (все виды судебных процессов) или для проведения дополнительного исследования с целью решения новых вопросов (только в рамках уголовного или арбитражного судопроизводства);
- повторная экспертиза проводится в объёме ранее заданных вопросов.

Следует отметить, что ни один из процессуальных кодексов не содержит такой часто используемый экспертами судебно-экспертных учреждений Министерства России признак отнесения той или иной экспертизы к дополнительной или повторной, как проведение экспертизы по тем же самым или новым объектам исследования. Указанное обстоятельство связано с тем, что подобное ограничение в части, например, проведения повторной экспертизы по ранее исследованным (тем же самым) объектам вступало бы в прямой конфликт с принципом независимости эксперта [2], так как, по сути, лишала бы эксперта права запрашивать какие-либо дополнительные материалы.

То же самое касается и производства дополнительной экспертизы, однако при этом подразумевается, что предоставление разъяснений или решение новых вопросов не может быть осуществлено без использования ранее проведенных исследований, что предполагает, что эти разъяснения или вопросы будут поставлены в отношении ранее исследованных объектов или материалов. При этом право эксперта на запрос дополнительных материалов сохраняется.

Как ранее указывалось, сопоставление всех материалов дела, оценка заключения и определение процессуальных мотивов назначения повторной или дополнительной судебной экспертизы находятся в исключительной компетенции органа или лица, назначающего экспертизу. Однако, указанным причинам назначения повторной или дополнительной экспертизы суды или следственные органы не всегда следуют, что подтверждается практикой производства судебных экспертиз в системе Министерства России.

Производство повторных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства России, как правило, назначается судами и следственными органами по причине «сомнений в правильности или обоснованности ранее данного

заключения». Однако каковы причины, которые привели к наличию этих сомнений, в установочной части постановления (определения) не указывается. Эксперт самостоятельно, изучая материалы дела и знакомясь с ходатайством сторон по делу о назначении экспертизы, определяет эти причины.

Одним из показательных примеров назначения повторных экспертиз является проведение повторных исследований после экспертиз, в которых или не приводится в полном объёме ход проведения экспертного исследования или отсутствуют обоснования сделанных промежуточных результатов, которые получает эксперт в ходе проведения экспертизы. Оба эти основания не позволяют следователю или суду оценить правильность или обоснованность сделанных экспертом выводов. Единственным способом решения данного вопроса является назначение повторной экспертизы.

В качестве примера можно привести такой вид исследования, как экспертиза объектов фалеристики, который в настоящее время достаточно редко встречается в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России, однако нашел достаточно широкое применение в экспертных подразделениях федеральной таможенной службы (далее – ФТС). Проведение данного вида исследований в этих подразделениях объясняется тем, что ордена и медали, а также другие предметы фалеристики чаще всего проходят как доказательства вины по делам об административных правонарушениях (в том числе по ст. 16.2 КоАП «Недекларирование либо недостоверное декларирование товаров», 16.3. «Несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации», по уголовным делам о контрабанде культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ), незаконном обороте государственных наград (ст. 324 УК РФ). Основной задачей, которая ставится перед экспертом, является определение стоимости объекта фалеристики. Как следует из логики решения данной товароведческой задачи, первоначально определяется подлинность представленного для производства экспертизы объекта фалеристики.

Как правило, большинство экспертов экспертных подразделений ФТС для идентификации ордена или медали проводят только внешний сравнительный осмотр представленного объекта и какого-либо сравнительного объекта-аналога или фотографии из литературных общедоступных источников. Однако необходимо отметить, что внешний осмотр является только одним из этапов проведения экспертного исследования и, по сути, предназначен для определения схемы исследования и методов, в том числе инструментальных, которые будут использоваться. Тем не менее, объём экспертизы, проводимой в отношении объектов фалеристики, как правило, ограничивается только проведением внешнего осмотра и сравнения без какого-либо материаловедческого или трасологического исследования. Автор отмечает, что этот объем исследования

представляется явно недостаточным для обоснованности выводов эксперта. Связано это с тем, что в настоящее время у неограниченного ряда лиц имеется свободный доступ к современному копировальному, штамповочному, литьевому оборудованию, а также к любым материалам, позволяющим изготавливать высококачественные копии государственных наград для их противоправной реализации на нелегальном рынке под видом подлинных.

В связи с этим, обеспечение обоснованности и правильности заключения эксперта, которое было оформлено по результатам проведения исследования объектов фалеристики может быть достигнуто только проведением комплексного исследования, которое включает в себя как материаловедческое исследование, так и трасологическое с целью установления общегрупповой или общеродовой принадлежности исследуемого объекта фалеристики и объекта фалеристики, имеющего достоверное подтверждение подлинности. Только в этом случае судебные или следственные органы смогут оценить правильность и обоснованность судебной экспертизы, а следовательно, определить наличие или отсутствие процессуальных причин назначения повторной экспертизы. Это позволит сокращать сроки производства рассмотрения судебных дел, так как одна из причин, по которой происходит назначение повторных экспертиз, а именно несогласие с выводами эксперта стороны защиты или подозреваемого, может быть исключена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12125178/>, свободный.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12123142/>, свободный.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL : <https://base.garant.ru/12128809/>, свободный.
4. Кодекс административного судопроизводства : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/70885220/>, свободный.
5. Арбитражный процессуальный кодекс : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12127526/>, свободный.
6. Арбитражный процессуальный кодекс : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12127526/>, свободный.

garant.ru/12125267/, свободный.

7. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е.Р. Росьинская, Е.И. Галышина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2016.
8. Хмелева А.В. Оценка следователем заключения судебного эксперта. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2016, 3-2.
9. Бурков В.Г. Фалеристика: учебное пособие. М.: РГГУ, 1999. 166 с.
10. Данилов А.Ю. Российская фалеристика. Учебное пособие. Ярославль: Издво Яросл. гос. ун-та, 2002. 123 с.
11. Bragança J.V. A Faleriistica Contributo para uma Bibliografia. Lissabon: Academia Falerística de Portugal 2016. – 70 p.
12. Аснис А.Я., Бочаров Г.Г., Селиванов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью определения их стоимости. Теория и практика судебной экспертизы. 2020;15(3):50-59.
13. Аснис А.Я., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование орденов и медалей // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 4. С. 42–51.
14. Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. М.; Вече, 2009. 333 с.

The complexity of the procedural assessment of an expert opinion on the example of a forensic examination of Faleristic Items

G.G. Bocharov

*Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
(Russia, Moscow)*

g.bocharov@sudexpert.ru

An expert opinion is a type of evidence in a case, the assessment of which is a difficult task for persons who do not have special knowledge in the required areas. The article provides procedural possibilities for the necessary assessment of the expert's opinion. An example of an expert study of Faleristic Items is given, which does not allow determining the correctness and validity of the study, which leads to the appointment of a repeated examination. As a result of the article, the need for a comprehensive study Faleristic Items is indicated in order to obtain reasonable and reliable conclusions.

Keywords: forensic science, faleristics, medals, orders.

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М.М. Виноградова, Н.Н. Бондарь

*Федеральное бюджетное учреждение Российской федеральный центр
судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
(Россия, Москва)
economist-expert@rambler.ru*

Задачи, которые решает судебная экономическая экспертиза, обусловлены экономической ситуацией в стране. Развитие экономических отношений, изменение условий хозяйствования, появление новых финансовых инструментов с неизбежностью меняют и подходы к производству экспертиз. Появление электронных носителей информации в ряде случаев приводит к необходимости проведения комплексных экономических и компьютерно-технических экспертиз.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, электронный носитель информации, финансовый инструмент, комплексное исследование.

Судебная экономическая экспертиза (СЭЭ) представляет собой исследование, проводимое уполномоченным следователем или судом лицом – судебным экспертом – для ответа на вопросы, относящиеся к сфере хозяйственных и финансовых отношений, производства и потребления различных благ. Она напрямую зависит от того, как эта сфера регулируется законодательно, какие формы и методы ведения экономики превалируют в стране в конкретный момент времени, какие финансовые инструменты используются, насколько научные достижения и технические разработки получили широкое распространение и внедрены в практику взаимодействия экономических субъектов. Если меняются экономические условия и/или законодательное регулирование, меняется содержание СЭЭ и составляющих ее родов экспертиз, корректируются и обновляются экспертные подходы к исследованию.

Так, купля, продажа, обмен иностранной валюты в небольших размерах (если сумма операций не превышала 25 рублей), использование ее в качестве средства платежа считались административным нарушением в области торговли и финансов (например, ст. 153 КоАП РСФСР от 20.06.1984 года) и преступлением, влекущим сугубые последствия, вплоть до высшей меры наказания (например, ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях» УК РСФСР 1960 года) в остальных случаях. Валюту, полученную при осуществлении внешнеэкономических операций, надлежало в полном объеме проводить через Госбанк СССР (или Внешторгбанк СССР). То есть свободный оборот валюты был фактически запрещен под угрозой наступления административной или уголовной ответственности. Для получения доказательственной информации назначались экспертизы, касающиеся полноты оприходования полученных валютных средств отделениями уполномоченных банков, соблюдения порядка, установленного соответствующими инструкциями при покупке платежных документов

тов в иностранной валюте и перечислении на счета клиента их рублевых эквивалентов, правильности документального оформления реализации товаров в валютном магазине «Березка» и др.

В настоящее время такие статьи в кодексах отсутствуют. Конечно, государственное валютное регулирование осуществляется, и Уголовным кодексом РФ предусмотрены санкции за его нарушение, однако свободное обращение иностранной валюты не запрещено, ее можно приобретать и продавать при соблюдении определенных условий, санкции же предусмотрены за нарушение правил репатриации валютной выручки, то есть возврата средств, полученных в рамках внешнеторговой сделки. Экспертизы же в большинстве случаев назначаются по вопросам, касающимся полноты исполнения условий внешнеторговых контрактов, поставок товаров, оплаты за них, причем расчеты могут проводиться как в иностранной валюте, так и в российских рублях.

Во время существования плановой экономики проводилась планово-экономическая экспертиза, основными задачами которой было исследование напряженности производственных планов, выявления сумм неправомерно полученного вознаграждения за перевыполнение планового задания благодаря припискам. С заменой плановой экономики рыночными условиями хозяйствования надобность в производстве подобных исследований отпала.

Когда учетные и отчетные бухгалтерские документы составлялись только на бумажных носителях эксперты вынуждены были проводить исследование, перелистывая толстые кипы бумаг. Теперь же учет ведется с помощью специализированных компьютерных программ и электронно-вычислительной техники, и экономически значимая информация в большинстве случаев представляется на исследование на электронных носителях. Эксперты-экономисты освоили правила обращения с такими носителями, и работа с файлами, сформированными стандартными текстовыми и табличными редакторами (Word, Excel и др.) не представляет сложности.

Можно сказать, что в данном случае экспертный подход не поменялся, поскольку непосредственным объектом исследования судебного эксперта-экономиста в любом случае является именно информация, а на каком носителе она представлена – бумажном или электронном – это вопрос другой. Однако следует отметить, что цифровые носители породили определенные сложности для производства экономических экспертиз. Поскольку информация на электронном носителе, в отличие от носителя бумажного, содержится в неявном виде в форме машинных кодов, которые должны быть преобразованы для возможности их восприятия человеком, в ряде случаев для корректной работы с ней необходимо использовать специальные средства. Последними в полной мере владеют компьютерно-технические эксперты. Поэтому взаимодействие экспертов-экономистов и экспертов-компьютерщиков, проведение комплексных исследований становится все более распространенным.

Компьютерно-техническая экспертиза позволяет установить наличие на изъятом электронном носителе значимой информации, извлечь ее без повреждения, зафиксировать так, чтобы избежать возможных изменений или потери данных, отсортировать по определенным параметрам, заданным экспертом-экономистом. Также совместные аналитические действия экспертов позволяют определить, относится ли эта информация к конкретному факту финансово-хозяйственной жизни или к деятельности конкретного экономического субъекта, которые надлежит исследовать по заданию правоприменителя. Дальнейшие шаги для решения вопросов из области экономики не представляют технической сложности, поскольку в распоряжении эксперта-экономиста будет уже та информация, которой он может оперировать в силу наличия специальных знаний.

Примером такого успешного взаимодействия может служить экспертиза, проведенная по уголовному делу о незаконном вылове биологических ресурсов. Бухгалтерские данные были представлены в электронном виде, а сам учет велся в американской программе QuickBooksPro. Эксперты по ключевым словам и параметрам определили, что на жестком диске находятся именно учетные данные, относящиеся к деятельности подозреваемого, в том числе реестр траулеров, зафрахтованных компанией, записи их судовых журналов с датами захода в порт города Пусан, сведения об объеме сданной продукции. Систематизация учетной информации, сравнение ее с данными о полученных квотах на вылов позволили сделать вывод о том, какое количество сырья и обработанной продукции было выловлено, насколько квоты были превышены, какая сумма денежных средств была получена за реализованный товар. Это позволило следствию установить сумму ущерба, нанесенного экономическим интересам нашей страны.

Понятно, что цифровизация экономических процессов, в том числе и нелегальных, порождает и будет порождать новые виды и формы преступлений, для успешного расследования которых необходимы будут совместные усилия и следователей, и экспертов.

Так, уже достаточно распространены схемы деятельности нелегальных банков, которые посредством открытия корреспондентских счетов на подставных лиц осуществляют финансовые операции для контрагентов, в том числе перевод средств за рубеж, за определенный процент от сумм переводов. Весь учет ведется электронном виде, все операции существуют только в виртуальном пространстве. Для установления направления движения денежных средств, их сумм успешно применяются знания экспертов-экономистов.

Отмывание денежных средств, полученных преступным путем, их введение в легальную экономику осуществляются разными способами, в том числе посредством направления платежей за якобы выполненные работы, оказанные услуги, поставленные товары. Эксперт-экономист не сможет сделать вывод о реальности или нереальности работ/услуг, фактическом наличии/отсутствии

товаров – это дело следствия. Однако в его компетенции сделать вывод о суммах денежных средств, переведенных в пользу продавца, установить назначение платежей, в ряде случаев выявить дальнейшее движение денег.

Существенную помощь оказывает эксперт-экономист и в гражданских спорах, например, когда они касаются обращения новых финансовых инструментов, которые существуют в электронном виде, например, опционы, торгующиеся на бирже.

Примером этого может служить экспертиза, проведенная по гражданскому спору по иску к страховой организации, которая, по мнению истца, не исполнила обязательств по договору инвестиционного страхования жизни. Экспертом было установлено, что вместо приобретения обусловленного договором продукта, денежные средства истца были вложены в продукт с совсем иными условиями обращения. После анализа данных биржи был определен доход, который надлежало выплатить истцу.

В заключение отметим, что существенную роль СЭЭ для осуществления правосудия отмечают многие авторы [1–4]. Экономическая экспертиза развивается и совершенствуется в соответствии с требованиями времени. Ее производство предполагает наличие у эксперта обширных и глубоких знаний в сфере экономики, бухгалтерского учета, налогов и налогообложения, финансов, кредита, валютного регулирования, обращения ценных бумаг и т.д., то есть тех знаний, которые принято относить к специальным, поскольку на профессиональном уровне ими владеет достаточно ограниченный круг лиц. Поэтому эксперт не останавливается в развитии, не ограничивается знаниями, полученными в высшем учебном заведении, а нацелен на получение новых и новых знаний, сопрягаясь с теми требованиями, которые предъявляет время, следственная и судебная практика. И мы не можем согласиться с претензиями некоторых авторов, которые полагают, что судебные эксперты-экономисты, особенно сотрудники государственных экспертных учреждений, застряли в прошлом веке, не владеют новыми методами, не могут проводить исследование на должном профессиональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Т.В., Федорова А.М. Экономические аспекты расследования криминальных банкротств органами внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 114–120.
2. Гончаров А.И. Судебно-экономическая экспертиза как юридическая технология нейтрализации правового конфликта (часть первая) // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 104–109.
3. Климович Л.П., Мельниченко Л.В. Назначение и производство судебных экономических экспертиз в гражданском судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 2 (6). С. 25–29.

4. Стрыгина И.Е. Судебно-экономические экспертизы в правоохранительной практике // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 70–75.

Development of forensic economic expertise in modern conditions

M.M. Vinogradova, N.N. Bondar'

*The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the
Russian Federation (Russia, Moscow)
economist-expert@rambler.ru*

The tasks that the forensic economic expertise solves are conditioned by the economic situation in the country. The development of economic relations, changes in business conditions, the emergence of new financial instruments inevitably change the approaches to the production of expertise. The emergence of electronic media in some cases leads to the need for complex economic and computer-technical expertise.

Keywords: forensic economic expertise, electronic data carrier, financial instrument, complex research.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

C.C. Воронов

*Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
Raven.22@mail.ru*

В статье приводятся типовые вопросы, ставящиеся на разрешение эксперта-бухгалтера по делам о злоупотреблении полномочиями, а также объекты экспертного исследования; рассматриваются особенности использования экономической информации для установления размера причинённого материального ущерба.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, злоупотребление полномочиями, судебная экономическая экспертиза, типовые вопросы эксперту, объекты экспертного исследования, материальный ущерб.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] к коррупционным следует относить следующие деяния: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

При этом ряд деяний, таких как дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп документируются с помощью комплекса оперативно-розыскных

мероприятий, осуществляемых оперативными подразделениями, в первую очередь подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел. Для установления факта передачи денежных средств или иного имущества, суммы денежных средств не требуется привлекать лиц, обладающих специальными экономическими знаниями.

В качестве исключения можно привести ситуацию, когда предметом взятки или коммерческого подкупа являются имущество, услуги имущественного характера или иные имущественные права. В данном случае привлечение лица, обладающего специальными экономическими знаниями, может быть вызвано необходимостью оценки стоимости имущества, услуг или прав. Однако решение подобных задач нельзя отнести к категории экспертных исследований. Таким образом, судебная экономическая экспертиза назначается, как правило, по делам о злоупотреблении служебным положением либо о злоупотреблении полномочиями.

Злоупотребление полномочиями, злоупотребление служебным положением в большинстве случаев квалифицируются по следующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации [2]: 201 «Злоупотребление полномочиями», 2011 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа», 202 «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами», 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», 2854 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа».

Вместе с тем в соответствии с перечнем № 23 Указания Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [3] к категории коррупционных могут быть отнесены (при наличии определенных условий) и другие преступные деяния. Из всего перечня преступлений коррупционной направленности остановимся только на тех, при документировании которых привлекаются лица, обладающие специальными экономическими знаниями. К подобному виду преступлений можно отнести «Присвоение или растрата» (ст. 160 УК РФ), «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» (ст. 174 УК РФ), «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» (ст. 1741 УК РФ), а также различные виды мошенничества, квалифицируемые по статьям 159, 1591, 1592, 1593, 1595 УК РФ.

Учитывая объём статьи, целесообразно рассмотреть особенности судебной экономической экспертизы по делам о злоупотреблении полномочиями, квалифицируемыми по ст. 201 УК РФ.

Анализ следственно-судебной практики показывает, что злоупотребление

полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, маскируется под видом различных законных хозяйственных операций.

Наиболее часто злоупотребление полномочиями встречается в деятельности руководителей домоуправляющих компаний.

Собирая с жителей многоквартирных домов, которые обслуживает возглавляемая им компания, оплату за предоставленные коммунальные услуги (отопление, водоснабжение, электроснабжение и т.п.) в полном объёме, поставщикам коммунальных услуг (ресурсоснабжающим организациям) денежные средства перечисляет частично.

Занижение составляет в среднем 30-40% от суммы, фактически оплаченной жильцами многоквартирных домов. При этом у домоуправляющей компании имеется реальная возможность погасить задолженность перед поставщиками коммунальных услуг в полном объёме.

В такой ситуации руководитель домоуправляющей компании действует вопреки законным интересам своей организации, поскольку страдает её деловая репутация. Контрагенты могут обратиться с претензиями, выставить неустойку или штраф.

Целью действий руководителя является извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц. Для этого руководитель домоуправляющей компании заключает ряд мнимых сделок по оказанию юридических услуг, охранных услуг, аренды помещений, аренды автотранспорта и др. Контрагентами домоуправляющей компании по таким договорам выступают либо родственники подозреваемого, либо он сам. При этом арендная плата за помещения или автотранспорт не соответствует рыночным ценам. Мнимость сделок подтверждает и тот факт, что договоры аренды во многих случаях для проведения исследования не предоставляются.

В качестве разновидности описанного способа можно назвать незаконное увеличение тарифов на содержание, ремонт и обслуживание многоквартирных домов. Руководитель домоуправляющих компаний не имеет полномочий в одностороннем порядке провести увеличение данных тарифов без согласия собственников жилых помещений. Для маскировки такого способа преступления изготавливаются подложные протоколы общих собраний жильцов, подписываются дополнительные соглашения между собственниками жилых помещений и домоуправляющей компанией, в которых указываются завышенные тарифы, заводится новая база данных «1С: Предприятие», где расчёт производится по новым тарифам.

В ходе расследования уголовного дела при указанном способе преступной деятельности на разрешение эксперта-бухгалтера могут быть поставлены следующие типовые вопросы, конкретная формулировка которых в зависимости от обстоятельств дела может меняться:

1. Какая сумма коммунальных услуг была оплачена собственниками обслуживаемых многоквартирных домов ООО УК «Тюльпан» за период с 01.01.2018 по 31.12.2020 за электроснабжение, водоснабжение, отопление?

2. Имеется ли задолженность собственников обслуживаемых многоквартирных домов ООО УК «Тюльпан» за период с 01.01.2018 по 31.12.2020 за электроснабжение, водоснабжение, отопление?

3. Какая сумма денежных средств была оплачена ООО УК «Тюльпан», ресурсоснабжающим организациям за электроснабжение, водоснабжение, отопление за период с 01.01.2018 по 31.12.2020?

4. Имеется ли задолженность ООО УК «Тюльпан» перед ресурсоснабжающими организациями за электроснабжение, водоснабжение, отопление за период с 01.01.2018 по 31.12.2020?

5. Какова сумма разницы между денежными средствами, оплаченными собственниками квартир за получение услуг по электроснабжению, водоснабжению, отоплению и фактически перечисленными ООО УК «Тюльпан» на оплату ресурсоснабжающим организациям за электроснабжение, водоснабжение, отопление за период с 01.01.2018 по 31.12.2020?

6. Какова общая сумма денежных средств, поступивших на расчетные счета ООО УК «Тюльпан» за период времени с 01.01.2018 по 31.12.2020, и на какие цели они были израсходованы?

Перечисленные типовые вопросы сформулированы с учётом реально складывающейся следственно-судебной практики. Однако мы не устаём повторять, что подобные формулировки смешивают две формы использования специальных экономических знаний: ревизию и судебно-бухгалтерскую экспертизу. Практика показывает, что в большинстве случаев следователи ставят на разрешение эксперта-бухгалтера именно вопросы, требующие обыкновенных арифметических подсчётов. Если экспертная задача решается путём обычных арифметических подсчётов, назначать судебно-бухгалтерскую экспертизу нет необходимости. Это приводит к размытию самой сущности судебно-бухгалтерской экспертизы, по сути, приравнивая экспертное исследование к обычной ревизии.

Так или иначе, на исследование эксперту-бухгалтеру в зависимости от поставленных вопросов и обстоятельств дела могут быть предоставлены следующие документы:

1) документы, содержащие юридически значимые идентифицирующие сведения об исследуемом юридическом лице: выписка из ЕГРЮЛ, свидетельство о государственной регистрации, свидетельство о постановке на учет в налоговом органе, устав;

2) документы, оформляющие трудовые отношения физического лица с работодателем: штатное расписание, приказ о приеме работника на работу, приказ о назначении работника на должность, трудовой договор, должностная ин-

структуря, доверенность на право представления интересов юридического лица, приказ об увольнении работника;

3) документы, отражающие существо заключённой сделки: договор водоснабжения, договор теплоснабжения, договор энергоснабжения, договор поставки, дополнительные соглашения к договорам;

4) документы бухгалтерского учёта, отражающие совершение хозяйственных операций в соответствии с заключёнными договорами:

- первичные документы (акты сдачи-приемки, счета-фактуры, товарные накладные);

- сводные документы (акты сверок взаимных расчетов, выписки о движении денежных средств по расчетному счету, сводные ведомости по начислениям и оплатам коммунальных услуг);

- регистры бухгалтерского учёта (анализы счёта, карточки счета и оборотно-сальдовые ведомости по счетам 50 «Касса», 51 «Расчетные счета», 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда», 71 «Расчеты с подотчетными лицами» и 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»).

5) иные материалы проверки, содержащие сведения, относящиеся к предмету исследования (материалы «чернового» (неофициального) учета, объяснения физических лиц и т.п.).

Основной задачей экспертного исследования является установление разницы между суммой денежных средств, поступивших в домоуправляющую компанию от населения за предоставленные коммунальные услуги, и суммой денежных средств, направленной домоуправляющей компанией в адрес ресурсоснабжающих организаций за предоставленные услуги за период исследования.

Для решения этой задачи эксперт-бухгалтер определяет общую сумму денежных средств, поступивших от собственников квартир, предъявленную к оплате домоуправляющей компанией за потребленные коммунальные услуги. Также эксперт-бухгалтер определяет общую сумму денежных средств, перечисленную домоуправляющей компанией в адрес ресурсоснабжающих организаций за предоставленные услуги.

Для этого эксперт-бухгалтер исследует акты сверок взаимных расчетов, выписки по расчётному счёту организации, кассовую книгу, платёжные поручения, приходные кассовые ордера, сводные ведомости по начислениям и оплатам и другие учётные документы.

Суммой причинённого материального ущерба следует считать разницу между общей суммой денежных средств, предъявленной к оплате ресурсоснабжающей организацией за коммунальные услуги, и общей суммой денежных средств, фактически перечисленной домоуправляющей компанией в адрес ресурсоснабжающей организации (при наличии реальной финансовой возможности произ-

вести оплату за счет поступивших от потребителей денежных средств). Материальный ущерб в данном случае причиняется поставщику коммунальных услуг.

В случае, когда совершено незаконное увеличение тарифов на содержание, ремонт и обслуживание многоквартирных домов, суммой причинённого материального ущерба следует считать разницу между общей суммой денежных средств, начисленных домоуправляющей компанией собственникам жилых помещений за услуги по тарифам, действовавшим до и после незаконного увеличения. Материальный ущерб в данном случае причиняется собственникам жилых помещений многоквартирного дома.

Кроме того, эксперт-бухгалтер устанавливает структуру расходов домоуправляющей компании для выделения операций, не относящихся к основному виду деятельности организации (арендная плата за помещения и транспорт, оплата охранных услуг, оплата юридических услуг и т.п.).

Для этого эксперт-бухгалтер анализирует выписки по расчётному счёту организации, кассовую книгу, платёжные поручения, расходные кассовые ордера и другие учётные документы.

При установлении в действиях руководителя домоуправляющей компании признаков хищения, содеянное должно квалифицироваться по совокупности по ст.ст. 159, 160 УК РФ.

Таким образом, перечень вопросов, которые ставятся на разрешение эксперта-бухгалтера, основные задачи экспертного исследования, а также перечень объектов судебно-бухгалтерской экспертизы зависят от конкретного способа преступной деятельности. В данной статье в силу объёма мы остановились только на одном способе преступной деятельности. Вместе с тем методика проведения экспертного исследования по делам об иных преступлениях коррупционной направленности будет иметь схожие черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
3. Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

Features of expert research on cases of corruption-related crimes

S.S. Voronov

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
Raven.22@mail.ru*

The article presents typical questions that are put to the permission of an expert accountant in cases of abuse of authority, as well as objects of expert research; the features of using economic information to determine the amount of material damage caused are considered.

Keywords: corruption-related crimes, abuse of authority, forensic economic expertise, typical questions for the expert, objects of expert research, material damage.

ИНФОРМАЦИОННО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛОВЕСНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Е.И. Галляшина, В.Д. Никишин

*ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, Москва)
vdnikishin@msal.ru*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РFFI в рамках научного про-
екта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам
в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний».
The research is financially supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR),
project No. 20-011-00190.**

В статье рассматриваются проблемы выявления экстремистских материалов в ходе мониторинга сайтов Интернета для профилактики экстремизма и обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности пользователей социальных сетей. Делается вывод, что правовая квалификация размещаемой в социальной сети информации как словесного экстремизма зависит от обоснованности вывода и качества лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: мировоззренческая безопасность, коммуникация, экстремизм, лингвистическая экспертиза.

Социальные сообщества как феномен, порожденный онлайн-сервисом для построения, отражения и организации социальных связей, породили особый виртуальный мир со своими отношениями, сетикетом, нравами, языком и формами девиантного поведения. Предоставленная в виртуальных сетевых сообществах возможность спрятаться за фантазийной маской никнейма и аватара во многое освобождает личность от бремени многих нравственных и культурных принципов. Индивид получает возможность выражать свои мысли в любой вербальной и невербальной форме, в том числе игнорируя нормы морали и этики, соблюдаемые в реальной жизни. Анонимность и ощущение безнаказанности служат своеобразными триггерами, запускающими механизм антисоци-

ального поведения пользователя в социальной сети, порождая киберагgression, кибербуллинг, киберстalking, секстинг, способствуя путем астротурфинга пропаганде радикальных и общественно опасных идей.

К числу особо опасных проявлений девиантного поведения в социальных сетях сегодня можно отнести словесный экстремизм, который является одной из наиболее актуальных и динамично развивающихся угроз информационно-мировоззренческой безопасности пользователей российского сегмента Интернета. Такие преступления, как насилиственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, терроризм, вооруженный мятеж, массовые беспорядки и т.п., всегда имеют идеологических вдохновителей. Именно идеологи вражды, ненависти и насилия прямо или косвенно провоцируют, в первую очередь, среди молодежи, радикальные проявления экстремизма, используя изощренные средства манипуляции и пропаганды, языковые методы и способы воздействия на умы и настроения масс, целенаправленно культивируя образ врага, вербую в террористические организации своих идеологических сторонников и последователей.

В этой связи для профилактики экстремизма и обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности пользователей социальных сетей необходимо своевременно выявлять и устранять из публичного пространства сообщения, имеющие экстремистскую направленность.

Законодатель определяет экстремистские материалы как «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы» [1].

К числу речевых действий, квалифицируемых как словесный экстремизм, относятся: публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степе-

ни смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии [1].

Указанные виды экстремистской деятельности совершаются вербально, то есть посредством речевых актов (стратегий) определенной языковой формы и коммуникативной направленности («призывы», «пропаганда», «оправдание необходимости», «обоснование необходимости», «возбуждение розни» и т.п.). Для выявления признаков вербальных проявлений экстремизма осуществляется мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в ходе которого осуществляется сбор, анализ и оценка материалов, оказывающих деструктивное влияние на мировоззрение и ценностные ориентиры пользователей социальных сетей с целью дестабилизации обстановки в стране или в отдельном регионе и провоцирования массовых беспорядков, совершения террористических действий [3].

Основная задача мониторинга сайтов Интернета – выявление, предупреждение и пресечение материалов, содержащих призывы к совершению преступлений экстремистской направленности, превенция размещения экстремистских материалов на различных интернет-ресурсах с целью их последующей блокировки в судебном порядке. Существенное значение для принятия судом законного и обоснованного решения по делам о признании материалов экстремистскими имеет качественно проведенная экспертиза.

Субъект, выносящий постановление (определение) о назначении судебной экспертизы текста при обнаружении признаков экстремистских материалов, испытывает немалые затруднения, сталкиваясь с необходимостью оценки правильности вывода эксперта о наличии в сообщении (публикации) в социальной сети признаков экстремизма. Зачастую в деле оказываются заключения эксперта и специалиста, содержащие взаимоисключающие выводы. Вопрос оценки таких противоречивых доказательств, полученных на основе специальных знаний, становится все более актуальным. В сети Интернет в защиту радикальных элементов стали распространяться материалы, содержащие рекомендации по противодействию объективному расследованию экстремистских проявлений посредством «организации» назначения судебных экспертиз «своим» экспертам или привлечения «своих» специалистов для опровержения выводов экспертов.

Объектом экспертного исследования выступает речевое сообщение, предназначеннное для публичного восприятия, которое имеет определенную содержательно-смысловую и прагматическую «экстремистскую» направленность. Сложность исследования сообщений в социальных сетях при подозрении на наличии в них признаков экстремистских материалов возникает из-за специфики языка интернет-коммуникации, позволяющей с помощью манипулятивных приемов скрывать истинные цели и намерения отправителя сообщения. В связи

с этим следует указать на некоторые особенности коммуникации в социальной сети, которые следует учитывать как при мониторинге социальных сетей, так и при производстве экспертизы на предмет выявления признаков экстремистских материалов.

Феномен сетевой веб-коммуникации имеет ряд специфических черт, обусловленных письменным началом создания текста и интерактивностью его трансляции:

- сообщения в социальной сети являются графически зафиксированными, то есть для них требуются материальные средства фиксации, что указывает на их письменный характер и определяет визуальную форму их восприятия;

- информация передается по компьютерно-опосредованному каналу и требует наличия соответствующих технических средств с подключением к глобальной сети;

- эмоциональная составляющая передается с помощью средств графики, что отражает интерференцию устной и письменной форм речи;

- основной целью сообщений является не фиксация информации, а ее передача, распространение, доведение до аудитории, достижение определенного перлокутивного эффекта (воздействия);

- отмечается совмещение разных типов графической фиксации текста: в нормативно-орфографическом написании и компрессионно-игровом выражаются признаки письменной речи, в ненормативно-орфографическом, эпажно-игровом написании получают отражение признаки устной речи;

- наличие обсценизмов, нелитературных, разговорных, просторечных элементов, характерных для устной речи [4];

- экспрессивно-эмоциональная окрашенность, для выражения которой используются графические невербальные символы, а также символы, уже предусмотренные запрограммированными возможностями отдельно взятого сайта: смайлы, стикеры, эмодзи, анимации, видео, заглавные буквы, знаки препинания и др.

Наличие вышеперечисленных признаков описывает характер коммуникативных намерений автора, служит маркером определенного эмоционального состояния. Невербальные компоненты подобного рода высказываний специфичны не только тем, что имеют возможность корректировать и в определенном смысле дополнять семантику верbalной составляющей, но и кардинально менять всю смысловую направленность текста.

Важной особенностью текстов электронной коммуникации выступает их мультимедийность, соединение в едином информационном пространстве текста с фотографиями, фонограммами, видеозаписями, различного рода графическими образами, анимацией, несущими дополнительные смыслы.

Невербальный компонент усиливает воздействие вербальной информации, часто несет самостоятельную информативную нагрузку, влияя на восприятие информации читателем.

Коммуникация в виртуальной среде связана с особыми отношениями, в которых находятся получатели и отправители сообщений, — с теми ролями, которые они для себя выбирают. А те, в свою очередь, мотивируют и содержание, и языковую форму сообщений. С точки зрения лингвистической прагматики представление отправителя сообщения о текущем состоянии знаний адресата включает, в том числе, и суждение о том, как адресат моделирует в данный момент состояние знаний автора отправляемого сообщения [5].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 20-011-00190.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.
2. Галышина Е.И. Судебное речеведение : учебник / Е.И. Галышина. М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. 320 с.
3. Галышина Е.И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. №6 (70). С. 33–43.
4. Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации. Автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2010.
5. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др. Под ред. профессора С.А. Смирновой. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

Information and Worldview Security of an Individual in Social Networks and Problems of Verbal Extremism Detection

E.I. Galyashina, V.D. Nikishin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)
vnikishin@msal.ru

The article deals with the problems of extremist materials detection in the process of monitoring Internet sites for the prevention of extremism and ensuring information and worldview security of social networks users. The authors conclude that the legal qualification of information posted on social networks as extremist materials depends on the validity of the conclusion and the quality of linguistic expertise.

Keywords: worldview security, communication, extremism, linguistic expertise.

The research is financially supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), project No. 20-011-00190.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

A.B. Горбачева, С.П. Голубятников

Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
alena_91_91@list.ru

Возможности использования специальных экономических знаний в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью привлекают внимание многих научных и практических работников. Методические рекомендации, разрабатываемые в свете таких возможностей, направлены на совершенствование способов выявления, расследования и предупреждения преступлений. Возможности практического применения методов расследования, основанных на использовании бухгалтерской информации о готовящихся и совершаемых преступлениях, во многом определяются состоянием научной разработки процессуальных, методологических и методических вопросов этой проблемы.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, специальные экономические знания, документальные исследования, финансово-хозяйственная деятельность.

Законодатель в действующем уголовно-процессуальном законе не выделяет оснований для обязательного назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы и документального исследования. Вместе с тем, анализ оперативно-следственной практики помогает выделить случаи, когда появляется необходимость в использовании этих форм применения специальных знаний.

Однако, необходимо отметить, что трудности, возникающие в связи с раскрытием преступлений, можно связать с отсутствием необходимых алгоритмов использования этих приемов применительно к отдельным способам совершения глубоко замаскированных преступлений в сфере экономики.

Как известно, в современной редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которая изменена с 15 марта 2013 года и утверждена Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ [1], перечень мероприятий по проверке сообщений был значительно расширен, причем полученные в ходе проверки материалы могут быть использованы в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу.

Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ закреплено: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе назначать судебную экспертизу и получать заключение эксперта в разумный срок, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов ... и привлекать к участию в этих действиях проверках, ревизиях, исследованиях специалистов...». А согласно ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств...».

Нормативное закрепление назначения судебных экспертиз и проведения документальных проверок, ревизий, исследований документов, имеет свое по-

ложительное значение, как в теории уголовного процесса, так и на практике. Вопрос о возможности и необходимости этих проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела обсуждался давно.

Собственно, указанное законодательное решение, допустившее назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела не стало неожиданностью для юридической общественности – ни для ученых-юристов, ни для практикующих работников правоохранительных органов. В литературе уделено достаточно много внимания истории развития авторских предложений о необходимости такого решения проблемы в России и анализу зарубежного опыта – УПК Республики Беларусь, УПК Казахстана и Узбекистана.

Еще в 1962 году в ходе дискуссии по данному вопросу Б.М. Комаринец высказал обоснованное мнение о необходимости производства криминалистических экспертиз в строго определенных случаях на месте происшествия параллельно с его осмотром [2].

В ходе данной дискуссии установились сторонники двух диаметрально противоположных точек зрения. Так, представители первой, исходя из объективных реальностей следственной и судебно-экспертной практики, отстаивали и отстаивают позицию о необходимости законодательного признания возможности назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовных дел [3]. Представители второй – категорически против этого возражали и возражают [4]. При этом основные доводы и тех, и других достойно освещались на страницах специальной литературы [5].

По смыслу ч. 1 ст. 144 УПК РФ можно заключить, что в качестве органа дознания до возбуждения уголовного дела по инициативе оперативного работника может быть назначена экономическая, в том числе и судебно-бухгалтерская, экспертиза. Такое впечатление от текста создается, поскольку термин «экспертиза» включен в содержание статьи без каких-либо дополнительных оговорок и ограничений.

В современных условиях, когда состояние теоретических разработок по линии экономической, в особенности по линии судебно-бухгалтерской, экспертизы находится в критическом состоянии, не исключена возможность возникновения ошибок, когда, например, следователь в материалах, представляемых ему для возбуждения уголовного дела, будет требовать представления заключения эксперта-бухгалтера [6].

Несмотря на внесение изменений в части назначения судебных экспертиз в УПК РФ, на наш взгляд, данная новелла не должна распространяться на назначение судебно-экономической экспертизы, поскольку в отличие от других криминалистических экспертиз на стадии поиска, выявления и раскрытия преступлений, а также проверки и сбора доказательственной базы законодателем предусмотрены другие формы использования специальных экономических знаний.

Общие положения о производстве судебной экспертизы, закрепленные в Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», распространяются в том числе и на производство судебно-бухгалтерской экспертизы. В соответствии со ст. 9 данного Закона судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и подготовки заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [7].

Правовой основой для проведения судебно-бухгалтерской экспертизы, помимо Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», являются процессуальное законодательство, Федеральные законы «О бухгалтерском учете», «Об аудиторской деятельности», федеральные правила (стандарты) аудиторской деятельности, положение по бухгалтерскому учету и др.

Тарасов А.А., исследуя Закон о государственной экспертной деятельности, приходит к выводу о том, что судебную экспертизу при рассмотрении сообщения о совершенном или готовящемся преступлении необходимо назначать и производить в целях установления наличия или отсутствия «достаточных данных, указывающих на признаки преступления», то есть оснований для возбуждения уголовного дела, предусмотренных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ в тех случаях, когда криминальный характер исследуемого события установлен быть не может, и в тех случаях, когда необходимо ограничить признаки преступления от схожих признаков других правонарушений. Тарасов А.А. приводит в качестве примера проверку предположения о криминальном характере наступления смерти в случае обнаружения трупа или телесных повреждений у живого лица, возможности отнесения вещества к числу наркотических, предмета к холодному или огнестрельному оружию и т.п., при этом отмечая, что в подобном режиме, как правило, не появляется необходимости в производстве судебно-бухгалтерских экспертиз, не нацеленных на выявление «признаков преступления», а предназначенных для выяснения других юридически значимых обстоятельств [8].

Помимо всего прочего следует отметить тот факт, что при внесении изменений в УПК РФ, как правило, другие нормативные акты своевременному изменению не подвергаются, в связи с чем активное применение вновь созданных правил не всегда возможно.

Так, к примеру, п. 2 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации устанавливает, что экспертизы проводятся по уголовным делам, что не предполагает проведение экспертиз до возбуждения

уголовного дела. Также, срок производства экспертизы в соответствии с п. 12 Инструкции не должен превышать 15 суток, что ставит под сомнение возможность ее проведения в стадии возбуждения уголовного дела, которая не должна превышать трех суток. Несмотря на возможность продления этого срока сначала до 10, а затем и до 30 суток, ситуация практически не меняется [9].

Так как Инструкции, которыми эксперт обязан руководствоваться в ходе производства экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, не позволяют ему приступить к проведению таковой, в настоящее время орган дознания, до-знатаватели и следователи в стадии возбуждения по-прежнему проводят исследования, а уже после возбуждения уголовного дела полученным сведениям, как правило, придают доказательственное значение путем производства экспертиз по возбужденному уголовному делу.

В результате можно сделать вывод о том, что все усилия законодателя по упрощению процесса использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела не разрешили проблему, которая существует уже несколько десятилетий.

Также нельзя забывать, что судебная экспертиза, как таковая, является способом собирания доказательств, а законодатель, изменив позиции ст. 144 УПК РФ, как бы стирает границы различия способов проверки сообщения о преступлении от способов собирания доказательств.

Анализируя законодательство зарубежных стран, можно заметить, что некоторые из них признают возможность реального производства судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела. Так, согласно ст. 270 УПК Казахстана (2014 г.): «Экспертиза назначается в случаях, когда обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть получены в результате исследования материалов, проводимого экспертом на основе специальных научных знаний» [10].

В законодательстве Республики Узбекистан в ст. 180 предусмотрено, что в необходимых случаях экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела. Однако согласно ст. 172 экспертиза назначается в случаях, когда сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, могут быть получены с помощью специального исследования, проводимого лицом, обладающим знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, то есть экспертом [11].

В этой связи следует согласиться с Е.Р. Россинской [12], которая справедливо отмечает, что Россия должна признать подход к производству экспертизы в стадии предшествующей возбуждению уголовного дела в тех случаях, когда принятие решения о возбуждении невозможно без производства экспертизы, достойным внимания и внедрения в нашу правовую систему.

Подводя итог вышесказанному, нужно признать, что усилия законодателя по расширению перечня допустимых проверочных действий нельзя оценить однозначно. С одной стороны, внесенные изменения призваны исключить ис-

кусственное умножение доказательственной базы в досудебном уголовном судопроизводстве, с другой – практическое применение рассмотренных в статье новелл пока весьма затруднительно.

Здесь же необходимо отметить, что судебные экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела должны назначаться и проводиться только в строго определенных случаях, которые в обязательном порядке следует оговорить в Законе, что же касается судебно-экономической экспертизы, то ее проведение фактически не представляется необходимым ввиду наличия других инструментов использования специальных экономических знаний, необходимых для проверки сообщений о преступлениях, а также того факта, что документальные проверки предназначены для выявления фактов преступной деятельности впервые, а экспертные исследования проводятся по уже выявленным фактам.

Как представляется, во избежание возможных нарушений процессуальных гарантий проходящих по делу лиц непосредственно в ч. 1 ст. 144 УПК РФ необходимо указать, что назначение, производство и получение заключения эксперта в стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела, допустимо лишь в тех случаях, когда признаки преступлений могут быть установлены только путем производства экспертных исследований, имея ввиду, что в распоряжении лиц, осуществляющих уголовное преследование, остаются такие средства проверки поступивших сообщений об экономическом преступлении, как документальные ревизии, проверки и исследования документов, в связи с чем, можно утверждать, что какие-либо недоразумения по поводу возможности производства судебно-бухгалтерской экспертизы до возбуждения уголовного дела будут исключены [13].

По проведенным нами исследованиям установлено, что, как правило, после поступления сообщения о преступлении инструменты для их проверки используются в следующей последовательности, в первую очередь, проводятся документальные исследования, проводимые специалистами-ревизорами, наравне с ними используются материалы ревизий, предоставленные собственником организации и органами финансово-бюджетного надзора. Документальные ревизии фактически не назначаются, предположительно, поскольку в правоохранительных органах подразделения по производству документальных ревизий отсутствуют, а процедура назначения ревизии с привлечением специалистов органов финансового контроля достаточно сложна и требует большого объема времени. Когда же по делу необходимо провести экспертное исследование в силу отсутствия необходимых специальных экономических знаний вышеуказанных специалистов или же в силу ряда обстоятельств, к примеру, сомнительности проведенной ревизии, ходатайство потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, проводится судебно-экономическая экспертиза [14].

Таким образом, судебные экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела должны назначаться и проводиться только в строго определенных случа-

ях, которые в обязательном порядке следует оговорить в законе, что же касается судебно-экономической экспертизы, то ее проведение фактически не представляется необходимым ввиду наличия других инструментов использования специальных экономических знаний, необходимых для проверки сообщений о преступлениях, а также того факта, что документальные проверки предназначены для выявления фактов преступной деятельности впервые, а экспертные исследования проводятся по уже выявленным фактам.

Возможности выбора иных форм использования СЭЗ в настоящее время ограничены в связи с особенностями действующего законодательства и действующих инструктивных материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта. № 6024 (48).
2. Комаринец Б.М. Криминалистическая экспертиза на месте происшествия // Вопросы судебной экспертизы: тез. докл. науч. конф. ТНИКЛ и каф-ры уг. права ТГУ, посвящ. 10-летию организации ТНИКЛ. Тбилиси: ТНИКЛ, 1962. С. 23–27.
3. Петрухина А.Н. Получение экспертного заключения до возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства в современных условиях: матер. науч.-практич. конф., проводимой на прокурорско-следственном факультете Военного университета. М.: Юркнига, 2006. С. 104–106.
4. Бахтадзе Г.Э. Процессуальные проблемы назначения и производства судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. М., 2006. № 5. С 90–94.
5. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: НОРМА, 2005. 528 с.
6. Голубятников С.П., Леханова Е.С. Судебно-экономические знания в деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 97–101.
7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 5 июня. № 2718 (0).
8. Тарасов А.А. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1. С. 125–127.
9. Приказ МВД РФ от 29.06.2005 № 511 (в ред. Приказа МВД России от

- 15.10.2012 № 939) «Вопросы организации и производства экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2021).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-В [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-207 (дата обращения: 15.01.2021).
 11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII [Электронный ресурс] // URL: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=111463 (дата обращения 15.01.2021).
 12. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов / [Е.Р. Россинская и др.]; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили, Ж.А. Кеворковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 383 с.
 13. Голубятников С.П., Горбачева А.В. Формы использования специальных знаний при раскрытии и расследовании экономических преступлений: сравнительный анализ // в сборнике: Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений. Сборник научных статей по итогам межвузовской научно-практической конференции. 2020. С. 35-39.
 14. Горбачева А.В. Использование специальных экономических знаний при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности: монография / под. общ. ред. С.П. Голубятникова. М.: Проспект, 2020. 248 с.

Use of materials of forensic accounting expertise in the disclosure and proof of economic crimes

A. V. Gorbacheva, S.P. Golubyatnikov

*The Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
alena_91_91@list.ru*

The possibilities of using special economic knowledge in the activities of law enforcement agencies in the fight against crime attract the attention of many scientific and practical workers. Methodological recommendations developed in the light of such opportunities are aimed at improving the methods of detecting, investigating and preventing crimes. The possibilities for the practical application of investigation methods based on the use of accounting information about upcoming and committed crimes are largely determined by the state of the scientific development of procedural, methodological and methodological issues of this problem.

Keywords: forensic accounting expertise, special economic knowledge, documentary research, financial and economic activities.

ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ

Ю.В. Граница

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

ygranica@yandex.ru

В представленной статье обсуждению подлежит вопрос, связанный экспертизой информационной безопасности бизнес-процессов в области управления финансами. В ходе исследования уточнено понятие информационной безопасности, в котором акцент от компьютерных методов и технологий защиты информации смещается в сторону изучения сущности бизнес-процессов, сопровождающих их рисков и разработке адекватных контрольных процедур в ответ на оцененные риски. Таким образом, информационная безопасность бизнес-процессов должна быть имплементирована в систему внутреннего контроля экономических агентов. В работе предложен фрагмент матрицы рисков, формируемой экономическими агентами, эффективность функционирования которой тестируется в ходе мониторинга системы контроля, а также оценивается при экспертизе информационной безопасности, проводимой судебными экспертами, аутсорсерами, аудиторами. Нами определены трудовые функции экспертов в области информационной безопасности, а также перечень профессиональных стандартов, которыми следует руководствоваться при назначении и оценке квалификации таких экспертов

Ключевые слова: информационная безопасность, система внутреннего контроля, угрозы, цифровизация, бизнес-процесс, экспертиза, матрица рисков, контрольные процедуры

На современном этапе любые типы экономических агентов испытывают потребность в достоверной информации для принятия управленческих решений в связи с чем информационная сфера играет важнейшую роль в обеспечении реализации их стратегических задач.

Катализатором все возрастающей роли информационной среды для бизнеса стала цифровизация, которую справедливо можно назвать мейнстримом антикризисных мероприятий. Цифровизация бесспорно создает преимущества для различных сфер деятельности, однако, обратной стороной цифровизации служат разноплановые информационные угрозы, которые ведут как к финансовым, так и репутационным потерям представителей различных секторов экономики. Классификации угроз информационной безопасности посвящены работы Исаевой М.Ф. [1], Удалова Д.В. [2]

Развитие сектора бизнеса в цифровой экономике возможно только при наличии сформированных элементов информационной инфраструктуры и информационной безопасности.

В принятой Указом Президента Доктрине (Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646) определены основные цели и направления развития информационной безопасности, которые преимущественно связаны с техникой и технологией обработки данных.

Техническая составляющая информационной безопасности анализируется

в работах Удалова Д.В. [2], Алпеева А.С. [3], Силуяновой К.А. [4], [5], Жидко Е.А. [6]. Аналогичный вывод можно сделать проанализировав услуги, предлагаемые экспертами на рынке, так распространена услуга экспертизы информационной безопасности, которая включает оценку установленных технических и программных решений, поиск уязвимых мест и определение их критичности.

Как справедливо на наш взгляд подчеркивается в работе Скородумовой О.Б [7] для информационной безопасности в условиях интенсивного развития информационной сферы и расширения области задач общественных наук наряду с технико-технологической составляющей возрастает роль гуманитарной компоненты. Бессспорно, экономико-правовая экспертиза позволяют оценить качество, достоверность и целостность информационных потоков предприятия.

Таким образом, под информационной безопасностью мы будем понимать совокупность методов организационного, правового, технологического характера, обеспечивающих конфиденциальность, целостность и достоверность информации о бизнес-процессах.

В процессно-ориентированной системе управления акцент делается на информационные взаимодействия как между хозяйственными операциями внутри компании, так и субъектами их осуществления – контрагентами, сотрудниками, руководством, собственниками. При этом процессы должны быть формально описаны. При описании бизнес-процессов учитывают нотации, представляющие собой язык и набор правил, для описания бизнес-процессов. Методическое обеспечения информационной безопасности на уровне каждого бизнес-процесса в организации должно быть частью описания системы внутреннего контроля экономических агентов.

Политики информационной безопасности, содержащие внутрифирменные регламенты идентификации риска, угроз, разработки контрольных мероприятий, работ по организации функционирования систем защиты информации, обеспечению мониторинга состояния параметров технических и программно-аппаратных средств защиты информации размещены на сайтах крупнейших российских компаний таких, например как ТНС-Энерго Нижний Новгород (https://cdn.tns-e.ru/iblock/dd3/Politika_informatsionnoy_bezopasnosti.pdf), ПАО Транснефть (<https://sdr2018.transneft.ru/docs/pdf/ru/information-security-of-production-facilities.pdf>).

Анализ внутренних регламентов компаний показал отсутствие взаимосвязи бизнес-процессов, рисков, угроз и контрольных процедур в описании политик информационной безопасности. Между тем, изолированное описание контрольных мероприятий без взаимосвязи с другими сегментами контрольной деятельности не дает эффективного результата. Подходы к созданию модели контроля качества в области управления и финансов представлены нами в работах [8], [9].

Для формализованного описания бизнес-процессов считаем оптимальным использовать следующую матрицу (таблица 1).

Таблица 1.
Матрица рисков бизнес-процессов
в области управления финансами экономического агента

Наименование бизнес-процесса	Идентификация факторов, позволяющих оценить информационный риск	Угрозы	Контрольные процедуры
Принятие НДС к вычету	Информация о фактическом местонахождении контрагента, местонахождении складских, производственных, торговых площадей; способы получения сведений о контрагенте (реклама, рекомендации партнеров, сайт контрагента информации о государственной регистрации контрагента в ЕГРЮЛ	Отказ в принятии НДС к вычету	<p>Проверка контрагента на основе данных из открытых источников: Прозрачный бизнес -https://pb.nalog.ru/?t=1614499567255 Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП https://egrul.nalog.ru:</p> <ul style="list-style-type: none"> • реестр дисквалифицированных лиц; • информация об адресах массовой регистрации; • сведения о лицах, в отношении которых факт невозможности участия в организации установлен в судебном порядке; • сведения о ЮЛ, отсутствующих по своему юридическому адресу; ГИР БО ФНС - https://bo.nalog.ru/ Федеральный ресурс о фактах деятельности юридических лиц https://fedresurs.ru/about Интерфакс - сервис раскрытия информации об эмитентах (www.e-disclosure.ru) Информация о судебных делах - https://kad.arbitr.ru/ Информация о юридических лицах-https://www.rusprofile.ru/id/1960263 Единый федеральный реестр сведений о банкротстве - https://bankrot.fedresurs.ru
	Отсутствие контрольной процедуры сравнения входящего НДС, указанного в счете-фактуре, договоре, первичном документе		Сверка данных путем проверки полноты, точности, непротиворечивости и корректности полученной информации в первичных юридических и бухгалтерских документах
Налог на прибыль	Риск отражения в налоговом учете закупки товаров, сырья и материалов по ценам, отличающимся от рыночных завышенных	Отказ в признании расходов при исчислении налога на прибыль	Сопоставление цен с рыночными при внесении данных в базу налогового учета
Налог на прибыль	Риск непризнания расходов вследствие отсутствия их экономической обоснованности		Создание внутреннего регламента, содержащего методики определения экономической обоснованности расходов, подтверждение соответствия документов требованиям законодательства Российской Федерации

Формирование бухгалтерской отчетности	Риск нераскрытия информации в финансовой отчетности	Модификация мнения в аудиторском заключении, потеря деловой репутации, неадекватный вывод по результатам анализа финансовых показателей отчетности	Создание внутреннего регламента, содержащего обязательный набор показателей для раскрытия отчетных данных
Формирование оценочных значений	Необоснованное формирование показателя без учета факторов неопределенности		Надзор, обеспечивающий оценку достижения поставленных целей или показателей

Информация, способствующая планированию и обслуживанию финансовых потоков, связанных с производственной деятельностью субъекта хозяйствования, должна рассматриваться как отдельный вид актива, служащего источником экономических выгод с последующей квантификацией воздействия актива на информационную систему предприятия в целом.

Концепцию внутреннего контроля целесообразно строить на анализе соотношения затрат по организации и выполнению контрольных процедур и расчетной величины минимального размера финансового обеспечения, возникшего в связи с нарушением информационной безопасности.

Для обеспечения оптимального соотношения качества финансовых данных и контрольных мероприятий по обеспечению информационной безопасности считаем необходимым:

- определять источники данных о бизнес-процессах и производить описание объектов защиты информации;
 - устанавливать взаимосвязи между информационными потоками финансовой и нефинансовой информации по каждому бизнес-процессу;
 - получить объективные метрики по финансовым потерям сектора бизнеса ввиду нарушения целостности, конфиденциальности и достоверности данных;
 - оценить соотношение между затратами на разработку и реализацию контрольных мероприятий в ответ на возникающие угрозы информационной безопасности с величиной потенциальных убытков;
 - определять уровень финансовой стабильности субъектов хозяйствования в целом на основе данных о рисках информационной безопасности;
 - разрабатываться методическое обеспечение информационной безопасности для каждого бизнес-процесса.
 - оценивать потенциальные риски информационной безопасности их влияние на хозяйственные процессы
 - проводить мониторинг экономических процессов, сбор, анализ и оценка информации, имеющей значение для обеспечения информационной безопасности;
 - выявлять экономические риски и угрозы экономической безопасности;
- Возникает вопрос о точках контроля за бизнес-процессами. Вследствие того,

что информационная безопасность должна, на наш взгляд, стать составляющей системы контроля экономического агента, проверка функционирования подсистемы будет осуществляться в ходе мониторинга системы внутреннего контроля, проводимого специально назначенным для этого должностным лицом организации не непрерывной основе

Мероприятия в области информационной безопасности предполагают комплексные меры, требующие знания и навыки в технической, организационной и экономико-правовой сферах деятельности, наиболее результативно приглашать внешних специалистов из организаций, проводящих судебную экспертизу, аудит и оказывающих аутсорсинговые услуги. Кроме того, в отдельных случаях, участие внешнего эксперта является обязательным условием ведения хозяйственной деятельности.

Учитывая цели и задачи внутреннего и внешнего специалиста в области информационной безопасности, определим профессиональные стандарты, определяющие функциональную карту деятельности эксперта (таблица 2).

Таблица 2.
Профессиональные стандарты, определяющие функциональную карту деятельности эксперта

Наименование профессионального стандарта	Трудовые функции
	<ul style="list-style-type: none">• Определение организационной структуры управления рисками, обеспечивающей контроль выполнения участниками платежной системы предприятий рисками, установленных правилами платежной систем• Выявление показателей бесперебойности функционирования платежной системы предприятия
Специалист по внутреннему контролю (внутренний контролер)	<ul style="list-style-type: none">• Организация проведения анализа информации по результатам проведения контрольных мероприятий для выявления значимых отклонений от требований правовой и нормативной базы и внутренних регламентов• Анализ рисков бизнес-процессов• Сбор информации о рисках внутреннего контроля, оценка уровня их значимости для ключевых показателей экономического субъекта, определение перспективных направлений и объектов внутреннего контроля
Бухгалтер	<ul style="list-style-type: none">• Планирование деятельности, связанной с оказанием услуг, включая организацию основных бизнес-процессов и управление ими• Выявление и оценка рисков, способных повлиять на достоверность бухгалтерской (финансовой) отчетности, в том числе рисков от злоупотреблений, и определение процедуры, направленной на минимизацию этих рисков

Внутренний аудитор	Проведение независимых внутренних проверок и консультаций по во-просам надежности и эффективности функционирования систем управления рисками, внутреннего контроля, операционной деятельности и информационных систем организации, с целью достижения стратегических целей организации
Специалист по управлению рисками	Определение ситуации и идентификация рисков деятельности организации, в том числе рисков, связанных с информационной безопасностью
Специалист по финансовому мониторингу (в сфере противо-действия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма)	Проведение финансовых расследований в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем
Специалист по защите информации в автоматизированных системах	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка и внедрение организационных и технических мероприятий по комплексной защите информации на предприятиях. • Руководство проведением работ по организации, координации и контролю выполнения проектов по вопросам защиты информации и разработкой технических средств контроля их эффективности, определение перспектив их развития. • Организация проведения специальных исследований и контрольных проверок

Таким образом, информационная безопасность-это комплексное понятие, сочетающее в себе техническую, экономико-правовую, организационную деятельность, требующая от исполнителя соответствия широкому перечню профессиональных стандартов. Для эффективной реализации деятельности в области информационной безопасности экономическим агентам стоит создавать междисциплинарные службы, объединяющие специалистов разных сфер деятельности, реализующих задачу выявления технических, правовых, финансовых угроз и разработке адекватных мер по их нивелированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Удалов Д.В. Угрозы и вызовы цифровой экономики // ИБР. 2018. №1 (30), с.12-18.
2. Исаева М.Ф. О внутренних угрозах информационной безопасности // МНИЖ. 2019. №5-1 (83). С. 26-28
3. Алпеев А.С. Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Вопросы кибербезопасности. 2014. №. 5(8). С. 39-42.
4. Силуянова К.А.К вопросу об информационной безопасности в сфере судебной экспертизы. Неделя науки СПбПУ//Материалы научной конференции с международным участием, В 3 ч. отв. ред. А.В. Рубцова, М.С. Коган. Санкт-Петербург, 2020. С. 97-100.
5. Силуянова К.А., Тебряев А.А. Экспертиза в сфере информационной безопасности//Проблемы правовой и технической защиты информации. 2019. № 7. С. 103-108.

6. Жидко Е.А. Методология формирования единого алгоритма исследований информационной безопасности // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. №. 1. С. 62-69
7. Скородумова О.Б., Скородумов Б.И., Матронина Л.Ф. — Слагаемые качества обеспечения информационной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 2. С. 1–9.
8. Граница Ю.В. Базовые элементы модели контроля качества аудиторских услуг//Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2020. № 3. С. 13-20.
9. Граница Ю.В. Аудиторская модель оценки риска отмывания доходов, полученных преступным путем, для организаций сферы услуг//Развитие сферы услуг: стратегии, инновации, компетенции. материалы всероссийской научно-практической конференции, 2019. С. 94-101.

Expertise of information security of business economic agents in the field of financial management

Y.V. Granitsa

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
ygranica@yandex.ru*

In the presented article, an issue related to the examination of information security of business processes in the field of financial management is subject to discussion. In the course of the study, the concept of information security has been clarified, in which the emphasis from computer methods and technologies for protecting information is shifted towards studying the essence of business processes, accompanying risks and developing adequate control procedures in response to assessed risks. Thus, information security of business processes should be implemented in the system of internal control of economic agents. The paper proposes a fragment of a risk matrix formed by economic agents, the effectiveness of which is tested during monitoring of the control system, and is also evaluated during the examination of information security conducted by forensic experts, outsourcers, and auditors. We have defined the labor functions of experts in the field of information security, as well as a list of professional standards that should be followed when appointing and assessing the qualifications of such experts

Keywords: information security, internal control system, threats, digitalization, business process, expertise, risk matrix, control procedures

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО КРИМИНАЛЬНОГО ПИСЬМА ЭКСПЕРТАМИ-ЛИНГВИСТАМИ

М.А. Грачев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

ma-grachev@mail.ru

В статье автор описывает трудности в изучении криминального пиктографического письма, утверждает о его изучении лингвистами-экспертами, выявляет группы устойчивых и неустойчивых татуировок, устанавливает перспективы их анализа для правоохранительных органов.

Ключевые слова: татуировка, пиктографическое письмо, криминал, вор, уголовник, функция, конспирация.

1) Татуировки – пиктографическое письмо – требуют непосредственного объяснения от самих носителей, для которых обмануть сотрудника правоохранительных органов считалось высшей доблестью. Например, изображение В.И. Ленина расшифровывалось как «Вождь Октябрьской революции». Но если это выражение поставить следующим образом:

В
О
Р,

то получится ВОР – татуировка, характерная для воров в законе.

2) Сбор материала представляет определённую трудность для лингвистов:

во-первых, далеко не каждый языковед решится исследовать этот вид пиктографии; во-вторых, обследование осуждённых пенитенциарных учреждений следует согласовать с рядом бюрократических структур; в-третьих, осуждённые имеют полное право не допустить осмотра своего тела и не объяснять значение той или иной татуировки. Заметим, что в настоящее время они этим самым создают проблемы не только исследователям, но и оперативным работникам, дознавателям и следователям. Использование материалов сотрудников правоохранительных органов также создаёт ряд проблем. Они не лингвисты и для них важно исключительно современное значение, а не происхождение. Анализ чужого пиктографического материала, т.е. собранного другими лицами, может привести к многочисленным ошибкам. Ситуация в настоящее время осложняется ещё и тем, что значительная часть уголовных тату уже теряет своё значение, а также происходит смешение криминальных с гражданскими татуировками.

3) Для знания точного значения татуировок необходимо хорошо различать и другие элементы субкультуры преступного мира: арго, жесты и мимика, условные и тарабарские языки, клички, блатные песни и особенно воровские законы. Эти элементы настолько тесно связаны между собой, что наблюдается проникновение из одной системы в другую.

4) Учётные карточки в местах лишения свободы ведутся с перечислением

всех татуировок их владельца, но документы с приметами преступников хранятся в ИУ не более десяти лет. Хотя информацию о знаменитых уголовниках следует хранить как можно дольше, так как система татуировок на теле профессиональных преступников – своеобразный паспорт его биографии. Трудность является и то, что современные профессиональные уголовники всячески стараются избавиться от лишних примет. (Именно по причине уголовники во второй половине XIX и даже в начале XX веков старались их не наносить.) Хотя и остаются места удалений на коже, хотя и задают вопросы в местах лишения свободы, а не было ли здесь на этом месте «позорной» татуировки, насилию нанесённой в прошлом за жестокие проступки перед криминальным миром. Некоторые авторитетные преступники даже не наносят на тело памятные татуировки в честь «коронации» воры в законе.

5) Татуировки используются при судебно-медицинских экспертизах в поисках трупа. Наглядным примером является случай с аббревиатурой ЗГВ на предплечье молодого человека, расшифровывающейся как «Западная группа войск». Круг поиска сразу сузился: молодой человек служил либо в Польской Народной Республике (ПНР), либо в Германской Демократической Республике. Запрос по воинским частям этих мест дал исчерпывающую информацию: молодой человек служил в ГДР.

6) Степень воздействия татуировок уголовника на окружающих зависит от среды. Наиболее концентрированно преступная среда имеет место в пенитенциарных учреждениях. Именно там носитель воровских татуировок может быть равным в группе воров в законе и хозяином над низшими кастами. И татуировки вора в законе могут воздействовать устрашающе (кинжалы, воткнутые в голову, кресты, могилы, кладбище) на новичков. Кроме того, данные татуировки имеют и воспитательно-идеологический характер со стороны профессиональных преступников [1, стр. 176].

До сих пор татуировки криминальных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их изучения. Они были объектом изучения криминалистов, литераторов, психологов, хотя и у них изучение шло, в основном, на описательном уровне.

По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимания на татуировки: трудность в собирании материала, «закрытость» данной темы для исследования, отношение к ним как к «недостойному» предмету изучения и др.

В чём представляется интерес изучения татуировки для лингвиста? Некоторые лингвисты считают, что «воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему», которая называется «пиктографически-идеографической» [2, стр. 124]. Татуировки – часть русского языка – должны быть изучены, иначе знание русского языка будет неполным без них. Их исследование может дать дополнительные сведения для развития письма в целом. Кроме

того, они помогут пролить свет на различные стороны жизни преступников, в частности, на ментальность. Восстановление истории татуировок поможет определить многие аспекты мировоззрения уголовников. Например, отношение криминального мира к религии. Известно, что религиозная тематика занимает одно из центральных мест среди татуировок.

В современных татуировках по их соответствуанию действительности можно выделить ряд устойчивых групп:

1. Татуировки, свидетельствующие об отбывании наказания в ИТУ: четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них ещё одна точка; колючая проволока.

2. Татуировки наркоманов: паук в паутине – «наркоман», изображение джина, курящего галъян – «курильщик гашиша».

3. Татуировки, которые наносятся насилино: синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколотая на спине, – все они обозначают опущенных – низшую касту криминального мира.

4. Татуировки-аббревиатуры. ТОН – «тайное общество наркоманов», ТОНЯ – «тайное общество наркоманов; я – его член».

5. Татуировки-высказывания, см. примеры: «Уйду бродягою и вором», «Сила выше права».

Как утверждал криминалист Л. Мильяненков, в 90-е годы XX в. особое внимание нужно обращать на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: череп, корона – символы стремящихся к власти; тигр или другой хищник – ярость, непримиримость; кинжал, нож, меч, топор – месть, угроза, твёрдость, жестокость; ключ – сохранение тайны; палач – чти закон воров; Мадонна – отчуждённость; факел – дружба, братство; звёзды – непокорность [3, стр.64].

Именно в ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (воры в законе не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, не служить в армии и проч.). При размывании «воровской идеи» в татуировках появляются политические мотивы. Особено много политических татуировок появилось в конце 80 – нач. 90-х гг. ХХ в. Чаще всего это рисунки с изображением К. Маркса, В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина, Л.И. Брежнева в виде чертей или вампиров; татуировки, изображающие карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой или черепа на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего наносятся на ногах): КПСС приведёт всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство – ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее – коммунизм; ВКП(б) – всероссийское крепостное право большевиков. Несомненно, такие татуировки стали возможны лишь во время «перестройки» и «гласности» (80-е годы ХХ в.). Именно тогда профессиональные уголовники, почувствовав себя «борцами» против существующего режима, стали наносить себе политические татуировки.

Различия в оттенках арестантского мировоззрения можно обнаружить при

изучении татуировок на плечах их обитателей. Некоторые уголовники, подчеркивая свою приверженность к идеи монархии, наносят на эполеты изображения двуглавого орла или вензеля последнего российского императора. Впрочем, после того как двуглавый орел снова стал государственным гербом России, популярность подобных татуировок резко сократилась.

Татуировки криминальных элементов, в основном, выполняют следующие функции: опознавательную, мировоззренческую, конспиративную, номинативную, функцию бравады и устрашения. («Чем больше татуировок – тем больше меня будут бояться новички-заключённые и законопослушные люди», – так порой отвечает на вопрос о множестве татуировок часть осуждённых.) Как видим, функции татуировок во многом сходны с функциями арго. Однако на первых местах в системе татуировок стоят опознавательная функция и функция бравады, тогда как в арго – номинативная и мировоззренческая функция.

Уголовники наносят татуировки, в зависимости от их назначения, на различные участки тела. Например, те татуировки, которые наносятся насиливо, располагаются на ягодицах, спине, лице и пальцах (например, татуировка под названием «подлое кольцо»). Их владельцами обычно являются осуждённые, принадлежащие к низшим кастам осуждённых. На видных местах накалывают татуировки наркоманы, чтобы опознать себе подобных, а также воры в законе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачев М.А. Процесс и пути перехода криминальных пиктограмм в законопослушную среду русскоязычного населения // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Москва: ФЛИНТА, 2021. С. 175-184.
2. Шарандина Н.Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте. Авто-реф. дис...канд. филолог. наук. Тамбов, 2000.
3. Мильяненков Л.А. «По ту сторону закона». СПб.: «Дамы – господа», 1992.

Problems of studying pictographic criminal writing by linguistic experts

M.A. Grachev

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
ma-grachev@mail.ru*

In the article, the author describes the difficulties in studying criminal pictographic writing, claims that it is studied by linguists-experts, identifies groups of stable and unstable tattoos, and establishes the prospects for their analysis for law enforcement agencies.

Keywords: tattoo, pictographic writing, crime, thief, criminal, function, conspiracy.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕХАНИЗМА ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ ГУБ ЧЕЛОВЕКА

К.Е. Дёмин^{1,2}, А.В. Мазурина³

¹Российский университет транспорта МИИТ (Россия, Москва)

²Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

³Экспертно-криминалистический центр Главного управления МВД России по
Московской области (Россия, Москва)

diomin.costia@yandex.ru, ku-kuwka13@mail.ru

В статье рассматривается ряд вопросов, посвященных криминалистической хейлоскопии, даны рекомендации по собиранию доказательственной информации по делам, сопряженным с обнаружением и исследованием следов губ человека.

Ключевые слова: индивидуальные признаки, красная кайма губ, механизм следового контакта, следовоспринимающая поверхность, криминалистическая хейлоскопия.

Следы кожного покрова головы человека появились в судебно-следственной практике с середины прошлого столетия. Первоначально следы губ, как объекты судебной идентификации, привлекли свое внимание японских криминалистов в 50-х годах прошлого века [11. Р. 218-222], ими были изучены отпечатки губ у 1364 человек (из них 607 женщин). В ходе проведенного масштабного исследования повторения особенностей рисунка выявлено не было, кроме этого, при изучении отпечатков губ у 49 пар близнецов совпадений особенностей деталей рисунка также не было установлено [6, стр. 50]. В 1961 г. подобные исследования были начаты в Венгрии Ш. Илларом [3; 9. С. 19-26], а позднее к ним приступил врач из Бразилии М. Сантос [10. Р. 232]. В отечественной криминалистике впервые возможности использования следов губ человека в судебно-следственной практике показал в 1968 г. А.И. Миронов, однако он в своей работе не касался специфики приемов их криминалистического исследования [8]. В определенной степени (в отношении следов губ) решению этой проблемы способствовали проводившиеся в 1980-е гг. эксперименты А.И. Дворкина и Л.Н. Викторовой [1, стр. 43], рекомендации Н.П. Майлис [7, стр. 33-34]. Особенность методики исследования данных следов, определяемую микроскопичностью идентификационных признаков, подчеркнул в ряде работ Г.Л. Грановский. Значение названных следов для моделирования признаков неизвестного преступника было показано Ш.Н. Хозиевым. Таким образом, данное научное направление можно обозначить как криминалистическую хейлоскопию — подраздел трасологической гомеоскопии, в котором изучаются свойства и характеристики губных поверхностей человека и разрабатывающий научно-технические средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов губ человека с целью раскрытия, расследования преступлений [5, стр. 93-96].

Как и другие следы кожного покрова человека, следы губ могут быть видимыми, маловидимыми и невидимыми. Многое зависит от состава и количе-

ства губного налета, условно называемого слюножировым веществом [2, стр. 59]. Если его много или в нем преобладают жировые компоненты (кожное сало, остатки пищи, губная помада), то следы хорошо различимы на стекле, фарфоре, пластмассе [4, стр. 102-104]. Следы, образованные в основном жидкой или высохшей слюной, как правило, невидимы. Окрашенные следы губ на следовоспринимающей поверхности, как правило, образуются за счет наслаживания губной помады. Следовой контакт между губами может возникнуть при следующих обстоятельствах: 1) сомкнутые или слегка раскрытие губы, невольно или повинуясь волевому усилию, прижимаются по нормали к какому-нибудь твердому предмету. Например, преступник, желая рассмотреть что-то внутри помещения через окно, касается стекла губами. Описан случай, когда убийца, не желая прикасаться окровавленными руками к ручке застекленной двери, открыл ее губами путем давления на стекло двери и оставил на нем четкие следы; 2) касание губами при питье или приеме пищи из всевозможной посуды (чашек, блюдец, стаканов, рюмок, фужеров и т. д.), а также бумажных салфеток при вытирании рта [5, стр. 6]; 3) касание мундштука папиросы или соответствующей части сигареты во время курения. Необходимо отметить, что далеко не любой контакт может привести к образованию следа. Многое зависит от механизма следового контакта, состояния губ, силы нажима, кратности касания, природы и температуры поверхности следоносителя, индивидуальных привычек.

Рассмотрим по отдельности каждый из перечисленных факторов [4, стр. 10-13].

1. Механизм следового контакта. Определяющим условием образования следа, пригодного для последующего криминалистического исследования, является взаиморасположение губ и следовоспринимающей поверхности в момент следового контакта. В идеальном случае губы должны строго по нормали опуститься на следовоспринимающую поверхность и также по нормали оторваться. Любое боковое взаимное движение приводит к образованию смазанного следа, непригодного для последующего изучения. Иными словами, на данном этапе развития трасологии для криминалистических целей можно использовать только статические следы губ.

2. Состояние губ. Как показали проведенные исследования, важным фактором, обеспечивающим получение четкого следа, является наличие в слюножировом веществе достаточного количества салистых компонентов. В свою очередь это зависит от: степени физиологической активности кожных и губных сальных желез; индивидуальных привычек (облизывать губы – жировые вещества при этом слизываются, а губы постоянно увлажняются; вытирая губы руками – губы зажижаются за счет кожного сала тыльной стороны ладони и щек; вытирая губы определенным частями одежды – губы могут зажищиваться за счет многократных загрязнений; поджимать сомкнутые губы – при этом на красную кайму попадает кожное сало и пот с кожной части губ); употребле-

ния косметических средств (помады, крема, вазелина). Если в слюножировом веществе присутствует незначительное количество салистых компонентов, на отпечатке отображаются только наиболее крупные губные борозды, а детали узора неразличимы. Излишне засаленные губы, покрытые, например, вазелином, кремом, остатками пищевого жира, оставляют сплошные следы наслоения (рис. 1, 2).

Рис. 1. След незажиренных губ.

Рис. 2. Отпечаток зажиренных губ.

Влияние болезненно измененных губ на формирование следов детально проследить не удалось. Можно только отметить, что обветренные губы образуют следы с плохо различимыми деталями, а участки губ, пораженные так называемой «простудой», дают на следе слепые пятна. Эксперименты показали, что наиболее четкие отпечатки с наибольшим количеством различных деталей могут быть получены от губ, находящихся в физиологически нормальном состоянии. При сжатии стенки мелких, неглубоких борозд смыкаются и не отображаются в следе. При растягивании происходит обратный процесс, приводящий, однако, к аналогичному результату. Вследствие эластичности и тонкости поверхностного слоя красной каймы борозды, растягиваясь, нивелируются. Поэтому на отпечатке растянутых губ мелкие детали узора также неразличимы.

3. Сила нажима. Механические свойства кожи губ, в частности ее способность сопротивляться внешнему давлению, значительно меньше, чем кожного покрова пальцев. В связи с этим уже при нажатии с незначительной силой происходит расплощивание выступающих частей поверхностного слоя красной каймы и след приобретает вид слепого пятна (рис. 3; 4). При слабом нажиме на следовоспринимающую поверхность переходит небольшое количество слюножирового вещества, линии узора становятся прерывистыми, а след в целом нечетким и фрагментарным. Таким образом, возможность образования четкого следа губ в более значительной степени, чем следы пальцев, зависит от степени нажима и становится реальной только при определенном интервале сил.

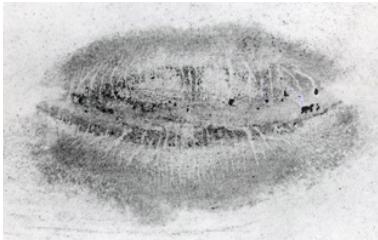

Рис. 3. След губ, полученный с большой силой нажима.

Рис. 4. Отпечаток губ, полученный с малой силой нажима.

4. Кратность касания. Установлено, что в результате многократных касаний губами одного и того же места следовоспринимающей поверхности след быстро теряет четкость и превращается в слепое пятно. Если накладываются один на другой слабые, фрагментарные следы, то детали следа становятся неразличимыми после 3-4 касаний, если полные и четкие – то после 5-6. На практике это означает, что выявить пригодные для последующего исследования следы губ на предметах с ограниченной зоной касания (кружки, чашки, стакан в подстаканнике и др.) при прочих равных условиях труднее, чем на рюмке, фужере, пиале и тому подобных предметах. Это объясняется тем, что при употреблении жидкости из емкостей, имеющих ручку, человек обычно держит ее в правой или, в зависимости от привычки, в левой руке, ограничивая тем самым зону касания губами поверхности предмета, прилегающей к ручке слева или справа. Это приводит при многократном прикосновении к емкости к насл�иванию и «сдавливанию» следов, что, естественно, затрудняет дальнейшее исследование.

5. Вид и температура поверхности следоносителя: глубина губных борозд невелика, поэтому наиболее четкие следы остаются на ровных, гладких поверхностях (стекле, фарфоре, мелованной бумаге, пластмассе и др.) [4, стр. 16-17]. При наличии на следовоспринимающей поверхности рельефа, высота которого соизмерима с глубиной борозд (бумажные салфетки), отпечаток становится фрагментарным и не содержит индивидуальные признаки. Большое значение имеет и чистота следовоспринимающей поверхности. Как правило, на красной кайме губ находится небольшое количество слюножирового вещества; поэтому на засаленных, запятнанных пальцами, грязных или пыльных поверхностях не остаются достаточно заметные следы. Исключение составляют губы, покрытые остатками пищевых жиров или помадой. В этом случае даже на грязных, засаленных предметах могут образоваться неплохие негативные отпечатки. Роль температуры следовоспринимающей поверхности сводится к следующему. Касаясь губами горячей поверхности (например, при питье горячего чая, кофе), человек, опасаясь ожога, либо слабо прикасается к чашке, либо с ней контактирует слизистая оболочка нижней губы, поскольку она постоянно увлажнена и в меньшей степени способна перегреваться. Некоторые лица пьют горячие напитки, вообще не прикасаясь к стенкам сосуда, с силой втягивая в себя воздух,

который захватывает с собой частички жидкости. Во всех этих случаях следы не образуются.

6. Индивидуальные привычки. В основном роль привычек проявляется при образовании следов губ при питье и курении. По наблюдениям, люди пьют, по крайней мере, тремя способами: 1) не касаясь губами сосуда; 2) касаясь губами кромки сосуда; 3) касаясь губами боковой поверхности сосуда (речь может идти только о следах нижней губы). В первом случае следы, естественно, не образуются. Во втором случае зона следовоспринимающей поверхности настолько мала, что в следе совершенно неразличимы какие-либо детали. Поэтому необходимым условием образования полного следа является манера питья, касаясь нижней губой боковой поверхности сосуда. Этого, однако, в некоторых случаях недостаточно. Не оставляют следы губ те лица, которые пьют, прикасаясь к боковой поверхности сосуда слизистой оболочкой губы, а не красной каймой. Только привычка пить, опуская боковую поверхность сосуда на спокойно лежащую или слегка подвернутую красную кайму, оставляет надежду на возможность образования следа. Примерно аналогичная картина наблюдается при детальном рассмотрении процесса следообразования в момент курения. Мундштук папиросы или сигареты может касаться как слизистой оболочки, так и красной каймы. Некоторые лица, особенно при курении сигарет без фильтра, подворачивают губы внутрь. Подобная привычка создает наиболее реальную предпосылку для оставления следа. Если, однако, в целом оценивать возможность образования и выявления следов губ на окурках, то можно отметить целый ряд неблагоприятствующих факторов, к которым относятся: неоднократность касания, увлажнение мундштука слюной, привычка гасить сигарету или папиросу в пепельнице, раздавливая окурок (исключение составляют электронные сигареты).

Существует заинтересованность в возрастной устойчивости признаков внешнего строения губ. Проведенные наблюдения ограничивались отрезком времени в пять лет. При этом выяснилось, что за этот период строение губ ни у одного из испытуемых не претерпело никаких изменений [2, стр. 58-63.]. Очевидно, указанный период слишком мал для окончательного суждения о степени устойчивости строения губ во времени. Однако полученных данных достаточно для утверждения, что степень устойчивости внешнего строения губ достаточна для решения вопроса о тождестве, по крайней мере, в случаях, когда момент оставления следа — вещественного доказательства и получения сравнительных образцов не разделены значительным промежутком времени.

Таким образом, следы губ, пригодные для последующего исследования, могут образовываться на табачных изделиях только при очень благоприятном стечении обстоятельств, так большое значение имеет наличие на губах помады, которая способствует образованию хороших следов, несущих необходимую идентификационно значимую информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворкин А. И., Викторова Л. Н. Возможности отождествления человека по отпечаткам губ. М.: ВИИПРМПП, 1980. 44 с.
2. Дёмин К.Е., Мазурина А.В. О следах губ человека как объектах трасологических экспертиз // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Вып. 7. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2016. С. 58-63.
3. Иллар Ш. Отпечатки губ. М: ВНИИСЭ, 1978. 46 с.
4. Криминалистическое исследование следов губ человека. Учебное пособие / К.Е. Дёмин, А.В. Мазурина; под ред. К.Е. Дёмина. М.: ЮИ МИИТ, 2018. 48 с.
5. Криминалистическая техника : учебник для вузов / К.Е. Дёмин [и др.] ; ответственный редактор К.Е. Дёмин. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 380с.
6. Леви А. А. Зарубежная следственно-оперативная техника. М., 1977.
7. Майлис Н. Экспертное исследование следов губ // Соц. законность. 1981. № 6. С. 33—34.
8. Миронов А.И. Трасологическое исследование следов рельефа кожи человека. М., 1968. 44 с.
9. Illar S. As sjaknyomokrol // Belugyi szemle. 1972. № 11. S. 19—26
10. Santos M. Queiloscopy, a supplementary stomatological means of identification // Journal of Legal Medicine. 1967. № 2.
11. Suzuki K., Tsuchihashi Y., Suzuki H. A trial of personal identification by means of lip print // Japanese Journal of Legal Medicine. 1968. № 23. P. 218—222.

On the peculiarities of the mechanism of formation of traces of human lips

K.E Demin^{1,2}, A.V. Mazurina³

¹Russian University of transport MIIT (Russia, Moscow);

*²Moscow university of the Russian Interior Ministry name V. Y. Kikot
(Russia, Moscow)*

*³Forensic Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Moscow region (Russia, Moscow)*

dioimin.costia@yandex.ru, ku-kuwka13@mail.ru

The article discusses a number of issues related to forensic cheiloscopy, and provides recommendations for collecting evidentiary information on cases involving the detection of traces of human lips.

Keywords: individual signs, red border of the lips, mechanism of trace contact, trace-receiving surface, forensic cheiloscopy.

ВЛИЯНИЕ ОТМЫВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Ю.В. Жильцова

ННГУ им. Н.И.Лобачевского, (Россия Нижний Новгород)

Gilcova_Julya@mail.ru

Сегодня мир стремительно меняется, новые вызовы касаются абсолютно всех сфер, поэтому важно иметь эффективную систему государственного управления, в том числе для наблюдения за деятельностью экономических субъектов и контроля за определенными финансовыми операциями, так как «отмывочная деятельность» и финансирование терроризма оказывают прямое негативное влияние на все аспекты жизни общества и представляют угрозу национальной экономической системе.

Ключевые слова: рейтинговые оценки, макроуровень, факторы, последствия, национальная экономика, социальное здоровье общества.

В Указе Президента РФ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» закреплено, что существует неразрывная взаимосвязь и взаимозависимость национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны [1].

В настоящее время термин «национальная безопасность» имеет разнообразную трактовку. Но уже никто не отрицает, что национальную безопасность региона и страны можно прямо связать с экономической безопасностью, и даже использовать термины «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» как синонимы.

Общеизвестно, что серьезную угрозу национальной безопасности России представляют проблемы, связанные с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма (далее ОД/ФТ). ОД/ФТ скрываются от общества и противостоят полезному развитию национальной экономики.

В России, также как и в мировой практике, сразу несколько государственных органов занимаются противодействием ОД/ФТ: Росфинмониторинг, МВД России, ФСБ России, ФСКН России, Прокуратура РФ, в том числе такой обосновленный финансовый институт, как Центральный Банк России.

Банк России на регулярной основе (ежегодно) выпускает официальный сборник, в котором представлены аналитические и статистические материалы о событиях в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. Данный сборник содержит обзор изменений национального законодательства, российские и международные новости, а также информацию международных рейтинговых институтов для понимания места России в мире.

Базельский институт управления (Basel Institute of Governance) опубликовал последний рейтинг стран по уровню риска ОД/ФТ (Basel Anti-Money Laundering

Index) в июле 2020 года. Исследование было проведено на основе комплексных оценок 141-го государства (всего в мире насчитывается 195 стран). Преимущественно рейтинг формируют такие существенные факторы, как:

- эффективность системы противодействия ОД/ФТ (весовой коэффициент в совокупной оценке составляет 65%),
- подверженность страны коррупции (10%),
- прозрачность функционирования государственного сектора (5%),
- прозрачность функционирования финансового сектора (10%),
- политические и правовые риски (10%) [2].

При составлении рейтинга также учитывается информация, полученная из следующих источников:

- Государственного департамента США (доклад «О торговле людьми»),
- Всемирного банка,
- Всемирного экономического форума.

Таблица 1.
Фрагмент рейтинга лучших стран мира по уровню риска ОД/ФТ («чердак»)

Наименование страны	Баллы	Место в рейтинге 2020
Эстония	2, 36	1
Андорра	2, 83	2
Финляндия	2, 97	3
Болгария	3, 12	4
Острова Кука	3, 13	5

Источник: Составлено автором на основе источника [2].

Интересно, что самые высокие рейтинги и соответственно самые низкие риски отмечены в Эстонии, которая была республикой Советского Союза, а также в Болгарии, входившей в Варшавский договор стран социализма от 1955 года, вместе с этими двумя странами в пятерку лидеров вошли Андорра, Финляндия и Острова Кука, не имеющие социалистического прошлого. Четыре страны-лидера географически располагаются в Европе, а Острова Кука – в Полинезии.

Таблица 2.
Фрагмент рейтинга худших стран мира по уровню риска ОД/ФТ («подвал»)

Наименование страны	Баллы	Место в рейтинге 2020
Мозамбик	7,81	137
Лаос	7,82	138
Мьянма	7,86	139
Гаити	8,15	140
Афганистан	8,16	141

Источник: Составлено автором на основе источника [2].

В «подвал» рейтинга, то есть в число стран с худшими показателями и самыми высокими рисками, вошли такие государства Азии, Северной Америки

и Африки, как Афганистан, Гаити, Мьянма, Лаос и Мозамбик. Эти страны отличаются неустойчивостью политического строя, их сотрясают революции, перевороты и восстания, закономерно, что аспектам борьбы с легализацией преступных доходов уделяется крайне мало внимания при слаборазвитой системе государственного контроля.

В 2000 году Россия входила в «черный список» Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ, The Financial Action Task Force (FATF)). ФАТФ рекомендовала экономически развитым странам мира применение финансовых санкций против России. Но уже в 2002 году в России начал свою деятельность Комитет по финансовому мониторингу, который стал членом международной группы финансовых разведок Эгмонт (Egmont). В настоящее время Росфинмониторинг является официальным представителем региона «Евразия» в составе координирующего органа – Комитета Эгмонт. За последние 20 лет международный имидж России в сфере противодействия ОД/ФТ изменился благодаря эффективной работе Росфинмониторинга, которая соответствует международным стандартам, сохраняет и возвращает миллиарды рублей в национальную экономику.

Российская Федерация в рейтинге 2020 года заняла 52 место с результатом равным 5,51 балла, то есть оказалась в конце первой половины, что не может получить самой высокой оценки. При этом в 2019 году Россия занимала 48 место в рейтинге с результатом 5,75 балла [3]. Динамика за год показала снижение рейтинга страны на три пункта при незначительном абсолютном повышении бального показателя на 0,24 (темпер роста оценки в баллах составил 0,042 %). Следует отметить, что в целом динамика рейтинга имеет отрицательный характер при повышении бальной оценки, что объясняется изменениями в рейтингах и бальных оценках других стран. Средний индекс для 141-й страны за 2020 год составил 5,22, что незначительно лучше значения российского показателя.

ФАТФ определила три разноуровневые сферы влияния последствий ОД/ФТ с точки зрения положений современной экономической теории и других экономических и социальных наук (см. табл. 3).

Таблица 3.
Сфера, которым наносится урон последствиями ОД/ФТ

Макроуровень	Мезоуровень	Микроуровень
1. Институты национальных экономик	1. Институты региональных экономик (территориальных единиц)	1. Домохозяйство
2. Международные институты мировой экономики, международные корпорации и их объединения		2. Индивид

Источник: составлено автором на основе источника [3].

Результаты отмывания преступных доходов, которые отражаются на институтах национальной экономики, принято представлять как совокупность

негативных факторов и процессов. Перечислим важнейшие из них, по нашему мнению, в табл. 4.

Таблица 4.

Негативные факторы от отмывания преступных доходов и финансирования терроризма и последствия их влияния на макроэкономику

Фактор	Последствия
1. Снижение качества активов коммерческих банков и других финансовых компаний.	Экономическая безопасность банковского сектора страны составляет один из главных элементов рыночной экономики. Надежность банка во многом зависит от структуры и качества его активов. Центральный банк России установил для каждого коммерческого банка обязательные нормативы, если последние не соблюдаются, то это грозит штрафами, ограничениями деятельности вплоть до отзыва лицензии.
2. Неустойчивость фондового рынка.	Например, падение фондового рынка отрицательно скажется на всей экономике, и, в первую очередь, на банках, так как они являются основными игроками на российском фондовом рынке.
3. Картельныеговоры.	Неоправданно завышенные цены по государственным контрактам. «Вывод» значительных сумм из бюджета.
4. Теневая (скрытая, неформальная) экономика.	Теневая экономика показывает проблемы в наложенной системе государственного контроля. Наносится ущерб бюджетной системе, так как происходит недоимка налоговых платежей и сокращение финансирования различных государственных, в том числе социальных программ. Скрытая занятость населения.
5. Низкая эффективность бюджетного процесса.	Этот фактор тесно связан с теневой экономикой и сопровождается низким качеством контроля и всей деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления и других участников бюджетного процесса, так как они не владеют статистической информацией о реальных активах. Увеличивается налоговая нагрузка на легальный бизнес (налоговое неравенство).
6. Коррупция и преступность в государственном секторе.	Подрывает доверие к власти со стороны бизнеса, населения, зарубежных партнеров и международных организаций.

Источник: составлено автором.

Так же среди негативных факторов – последствий отмывания доходов принято выделять резкие скачки спроса на капитал, которые сопровождаются изменением процентных ставок. Колебания спроса на капитал должны прямо зависеть от существенных изменений в национальной экономике, например, перепроизводство или дефицит определенной конечной продукции, появление инновационных производств, появление дешевого сырья и т.д. На рынке капитала товаром выступают деньги. По сути, спрос на капитал – это спрос бизнеса и населения на заемные средства с целью инвестирования.

В настоящее время ФАТФ дифференцирует последствия рисков отмывания денег и финансирования терроризма на всех уровнях следующим образом:

1. социальные;

2. экономические;
3. структурные;
4. экологические.

Безусловно, все негативные факторы, перечисленные выше, влияют не только на национальную экономику, но и на социальное здоровье российского общества. Важнейшими индикаторами социального здоровья являются смертность населения, уровень счастья, социальное настроение, протестный потенциал и другие. В свою очередь индикаторы социального здоровья позволяют оценить эффективность всей государственной политики и, в том числе, национальной системы противодействия ОД/ФТ.

Российский банковский сектор как первичное звено финансового мониторинга активно занимается противодействием ОД/ФТ. Ежегодно Росфинмониторинг на основе информации, предоставленной коммерческими банками, прекращает противоправную деятельность, а также препятствует выводу денежных средств из России за рубеж. Но нельзя не отметить, что в целом структура платежного баланса России за 2020 год оценивается как кризисная. Чистый вывоз капитала из России частным сектором за январь–сентябрь 2020 г. увеличился на 66,4% по сравнению с показателем за аналогичный период 2019 г. и составил 35,6 млрд. долл. США. По итогам 2019 г. данный показатель составлял 21,4 млрд. долл. США [4, стр. 32].

В ноябре 2020 года глава Росфинмотиринга Ю.А. Чиханчин на XVIII конференции Ассоциации Российских Банков по исполнению кредитными организациями требований противодействия ОД/ФТ заявил, что «в глобальном масштабе обостряются деструктивные процессы, террористические проявления, идет отвлечение колоссальных ресурсов на борьбу с пандемией» [5]. В 2021 году дополнительную нагрузку на Финмониторинг создают программы финансирования национальных проектов, а также меры правительственный поддержки бизнеса и граждан в период пандемии, вызванной COVID-19. Таким образом, важнейшими задачами государственного управления являются подъем национальной экономики на докризисный уровень, решение проблемы занятости населения и снижения доходов, и вместе с тем повышение ранга законопослушности финансового сектора путем совершенствования законодательной базы, реализации возможностей цифровизации, организации эффективной системы государственного учета, контроля, надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант-плюс: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 05.01.2021).
2. Basel AML Index: 9th Public Edition. Ranking money laundering and terrorist

financing risks around the world. [Электронный ресурс] // сайт. – URL: https://baselgovernance.org/sites/default/files/2020-07/basel_aml_index_2020_web.pdf (дата обращения: 05.01.2021).

3. Global Money Laundering & Terrorist Financing Threat Assessment. July 2010. [Электронный ресурс] // сайт. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Global%20Threat%20assessment.pdf> (дата обращения: 09.01.2021).
4. Жильцова Ю.В., Саванина И.Р. Оффшорные зоны и бегство капиталов: причины и инструменты дестимулирования // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 22. 2020. С. 28-39.
5. Выступление директора Росфинмониторинга Ю.А. Чиханчина на XVIII конференции АРБ по исполнению кредитными организациями требований ПОД/ФТ. 15.11.2020. [Электронный ресурс] // Росфинмониторинг: сайт. – URL: <http://www.fedsfm.ru/releases/4773> (дата обращения: 08.01.2021).

The impact of money laundering and terrorist financing on the national economic system of Russia

Y.V. Zhiltsova

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
Gilcova_Julya@mail.ru*

Today, the world is changing rapidly, new challenges concern absolutely all areas, so it is important to have an effective system of public administration, including for monitoring the activities of economic entities and monitoring certain financial transactions, since «laundering activities» and the financing of terrorism have a direct negative impact on all aspects of society and pose a threat to the national economic system.

Keywords: rating assessments, macro-level, factors, consequences, national economy, social health of the society.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

И.О. Жук

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
zhuk64@rambler.ru*

Наиболее предпочтительными формами использования специальных познаний при расследовании преступлений данной категории является участие специалиста в отдельных следственных действиях и судебная экспертиза.

Ключевые слова: специальные знания, преступления террористической направленности, назначение экспертизы.

Наибольшую тревогу в последнее время вызывает не только рост преступлений террористической направленности, но и тенденция расширения использования взрыва и других видов вооружения как способа совершения преступления.

В 2020 году зарегистрировано 2342 преступления террористического характера (+29,7%) и 833 преступления экстремистской направленности (+42,4%). Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 623 (+67,9%) преступления совершены, в том числе:

- пресечено на стадии приготовления и покушения – 71 (+18,3%);
- за пределами Российской Федерации – 226 (+218,3%) [1].

По данным Национального антитеррористического комитета за 2020 год спецслужбы в РФ предотвратили 61 преступление террористической направленности, в том числе 41 теракт. Силовики также пресекли деятельность 55 за конспирированных ячеек террористов. Кроме того, десятки боевиков убиты в ходе контртеррористических операций. Среди них – восемь главарей банд. Задержаны были еще 36 руководителей группировок, а также 162 боевика и 591 пособник террористов. За год силовики изъяли 600 единиц оружия, свыше 100 тысяч патронов, более ста самодельных взрывных устройств, более 3 тысяч мин, гранат и прочих боеприпасов. Полсотни подпольных мастерских по переделке оружия были уничтожены. На территорию РФ не допустили почти 150 человек, имеющих отношение к экстремистской или террористической деятельности [2].

При этом в правоприменительной практике расследование подобных дел вызывает значительные затруднения. Как правило, такие уголовные дела являются многоэпизодными, с большим количеством фигурантов, требующими производства большого объема следственных действий, назначения и выполнения сложных экспертных исследований.

Приведем несколько иллюстраций этого года.

В Калужской области ФСБ РФ совместно с Росгвардией пресекли деятельность ячейки террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (запрещена в России).

По данным правоохранительных органов, участники террористического подполья «осуществляли антиконституционную деятельность, основанную на доктрине создания так называемого всемирного халифата», намеревались разрушить «институты светского общества» и свергнуть действующую власть. Кроме того, вели пропаганду среди жителей региона и вербовали в свои ряды местных мусульман [3].

В январе 2021 года сотрудники ФСБ России предотвратили террористический акт в Республике Башкортостан, был задержан гражданин России 1995 года рождения, осуществлявший подготовку вооруженного нападения на сотрудников правоохранительных органов. Отмечается, что из тайника молодого человека были изъяты компоненты самодельного взрывного устройства, а так-

же огнестрельное оружие.

Кроме того, подчеркивается, что задержанный, судя по переписке в гаджетах, получал инструкции от террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам» (запрещена на территории РФ) – одной из основных радикальных исламистских группировок в Сирии. Сам признался и показал на месте, где он должен получить оружие и самодельное взрывное устройство для взрыва людей [4].

Все изменения, связанные с террористической направленностью, отражаются в различных материальных источниках в виде определенной потенциальной информации.

Специальные знания необходимы для того, чтобы потенциальная информация, заложенная в вещной обстановке события, стала реальной, установленной в ходе расследования, что невозможно без помощи специалистов.

Институт использования специалистов – «сведущих лиц» в расследовании преступлений был известен еще в дореволюционном законодательстве России. Так, в 325 статье Устава уголовного судопроизводства 1864 года можно прощать: «Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или в каком-либо ином занятии» [5, стр. 44-47].

Как известно, под специальными познаниями понимаются знания, умения и навыки, которыми обладает лицо (специалист) в результате получения соответствующего специального образования и (или) опыта практической работы по соответствующей специальности [6, стр. 402-403].

Тем не менее, большинство ученых специальными познаниями считают теоретические знания в различных областях науки, техники, искусства, ремесла в совокупности с опытом практической деятельности в данной области, причем к специальным ими не относятся «общедоступные, очевидные и широко известные знания», специальные познания не имеют массового распространения, то есть это те знания, которыми профессионально владеет лишь узкий (ограниченный [7, стр. 26]) круг специалистов [8, стр. 702].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные авторы говорят не о знаниях и познаниях, а о сведениях. Одним из основных признаков специальных познаний они считают наличие у лица определенной совокупности сведений, полученных в результате специальной подготовки, позволяющей решать вопросы в определенной области знаний [9].

Р.С. Белкин полагал, что специальные познания – это профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства, необходимые для решения вопросов, возникших при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел [10, стр. 217].

На наш взгляд, наиболее удачно определил специальные познания В.И.

Шиканов. По его мнению, специальные познания – это знания и практический опыт, оказавшиеся необходимыми для всестороннего, полного, объективного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания в уголовном судопроизводстве, которые в зависимости от конкретных обстоятельств дела могут относиться к самым различным отраслям естественных и технических наук, различным видам искусства и ремесла, употребляться для обозначения любой возможной совокупности знаний (практического опыта, навыков) за вычетом общезвестных, то есть таких, которые входят в общеобразовательную подготовку граждан [11, стр. 20].

Специальные познания необходимы как обязательный элемент при исследовании обстоятельств преступлений террористической направленности, которые в большинстве случаев, связаны с умышленными действиями людей. Применение специальных познаний приводит к появлению ориентирующей, консультационной информации при работе специалиста или доказательственной при производстве экспертизы или проведении других следственных действий с его участием.

Проанализировав имеющую литературу, можно заключить, что в ней имеется исчерпывающий перечень процессуальных и иных форм применения специальных знаний при расследовании различных преступлений: 1) непосредственно оперативным сотрудником в ходе документирования преступной деятельности; 2) непосредственно лицом, производящим дознание (дознавателем); 3) непосредственно следователем; 4) судом; 5) путем получения справок и консультаций у специалистов; 6) путем привлечения специалистов для участия в оперативно-разыскных мероприятиях; 7) путем привлечения специалистов для участия в следственных действиях (ст. 168 УПК РФ); 8) путем ревизии (инвентаризации, документальной проверки); 9) путем экспертизы [12].

Для расследования преступлений террористической направленности, наибольшее значение имеют следующие специальные знания:

- криминалистические;
- технические;
- естественнонаучные;
- юридические.

Специальные криминалистические знания при расследовании преступлений террористической направленности включают в себе умение обращаться с криминалистической техникой, навыки обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, знания из разделов криминалистической тактики, методики расследования преступлений данной категории и т.д. Ключевой составляющей данной сферы являются знания по криминалистической взрывотехнике, о понятиях и видах взрывных устройств, их элементах и следовых картинах взрыва.

Специальные технические знания, необходимые для расследования преступлений данной категории, включают в себя инженерно-технические знания о

конструкции взрывных устройств, способах их установки и приведения в боевое положение, умения обращения с взрывными устройствами и их основными частями, навыки обезвреживания и уничтожения взрывных устройств и т.д.

Специальные естественнонаучные знания, необходимые для расследования преступлений данной категории, схожи с технической группой знаний, поскольку объектами экспертного исследования выступают следы взрыва, элементы изъятых и обезвреженных взрывных устройств.

Так, установление геометрических параметров взорванного взрывного устройства, а именно его формы и размеров, позволяет получить дополнительную информацию, необходимую для оценки первоначальной массы заряда взрывчатого вещества, а также для восстановления (реконструкции) первоначального вида устройства. Анализ размеров и формы осколков с выявлением на них поверхностей, ранее являвшихся внешними или внутренними поверхностями оболочки, поверхностей разрывов нередко позволяет установить геометрические параметры взрывного устройства.

Взрывотехническая экспертиза, как правило, носит комплексный характер, и ее проведение требует привлечения специалистов, обладающих знаниями в различных областях: химии, физике, металловедении, трасологии и др. Кроме того, по факту взрыва нередко возникает необходимость в назначении других видов экспертиз.

В частности, это могут быть судебно-медицинская, дактилоскопическая, токсикологическая, баллистическая, металловедческая и другие экспертизы.

В качестве рекомендаций правоприменительной практики можно выделить следующие позиции:

1. При назначении нескольких видов экспертиз следует определить их последовательность с учетом необходимости обеспечения сохранности криминалистических следов, являющихся объектами последующих исследований, а также с учетом их информативности.

2. Сроки предоставления вещественных доказательств и правильность их упаковки. При назначении взрывотехнической экспертизы на исследование должны быть представлены не только предметы и документы, изъятые в ходе проведения следственных действий, но и сами процессуальные документы: протоколы следственных действий (вместе с фототаблицами, материалами видеозаписи) и заключения других экспертов, о чем следователи в некоторых случаях и забывают.

3. Эффективность проведения взрывотехнической экспертизы нередко зависит от правильности постановки вопросов, выносимых на ее разрешение. При формулировке вопросов необходимо учитывать, что хотя эксперт вправе указать в заключении на обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых не были заданы вопросы, однако на практике господствует принцип: «Каков вопрос – таков ответ» [13, стр. 21-31]. Поэтому вопросы должны быть

конкретными и ясными, не допускающими двойственного толкования.

4. На многие из них поставленных вопросов эксперту ответить не представляется возможным ввиду непредоставления следователем необходимых вещественных доказательств, документов, материалов в полном объеме. Эксперт вынужден запрашивать их дополнительно, что еще больше затягивает проведение экспертизы.

Специальные юридические знания, необходимые для расследования преступлений данной категории, включают в себя юридические знания положений уголовного кодекса РФ, составов преступлений, таких как: терроризм, умышленное убийство, бандитизм и др., положений уголовно-процессуального кодекса РФ, федеральных законов «Об оружии», «Об оперативно-розыскной деятельности», постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и др., а также иные прикладные знания, необходимые для решения частных задач уголовного судопроизводства, применяемые при расследовании иных видов преступлений.

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что наиболее предпочтительными формами использования специальных познаний при расследовании преступлений данной категории является участие специалиста в отдельных следственных действиях и судебная экспертиза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состояние преступности за 2020 год (январь-декабрь) // URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 12.02.2021).
2. 16. Николаев П. Ячейка сторонников халифата: кого задержала ФСБ в Калужской области. ФСБ ликвидировала исламистскую ячейку под Калугой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru> (дата обращения: 27.01.2021).
3. Николаев П. Ячейка сторонников халифата: кого задержала ФСБ в Калужской области. ФСБ ликвидировала исламистскую ячейку под Калугой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru> (дата обращения: 27.01.2021).
4. <http://www.gazeta.ru/social/2021/01/22/13450976.shtml> (дата обращения: 22.01.2021)
5. Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963. С. 44–47.
6. Энциклопедия судебной экспертизы. М., 1999. С. 402–403.
7. Надгорный Г.М. Гносеологические аспекты понятия «специальные знания» // В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. М, 1980. Вып. 21. С. 26.
8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд. испр. и доп. М., 1973. С. 702.
9. См.: Александров М.К. Экспертиза на следствии и в суде. М., 1947; Соко-

- ловский З.М. Понятие специальных познаний // В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1966. Вып. 6.
10. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 217.
11. Шиканов В.И. Использование специальных познаний. Иркутск, 1976. С. 20.
12. Гончаренко В.И. Научно-технические средства в следственной практике. К.: Вища школа, 1984; Грамович Г.И. Научно-технические средства: современное состояние, эффективность использования в раскрытии и расследовании преступлений. Минск, 1989; Закатов А.А., Оропай Ю.Н. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании преступлений. К.: РИОМВДУССР, 1980; Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях. М.: Изд.-во «Экзамен»; Изд.-во «Право и закон», 2004; Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М.: Юрид. лит., 1990; Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000; Скорченко П.Т. Криминалистика: технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М.: Былина, 1999; и др.
13. Российская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М. 1996. С. 21-31.

On the use of special knowledge in the investigation of terrorist crimes

I.O. Zhuk

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod)
zhuk64@rambler.ru*

The most preferred forms of using special knowledge in the investigation of crimes of this category are the participation of a specialist in individual investigative actions and forensic examination.

Keywords: expertise, terrorist crimes, the appointment of the examination.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ФУНКЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

C.Ю. Журавлев

*Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
monah07@yandex.ru*

Изменяется и дополняется понятийный аппарат криминалистики. Обращается внимание на культурно-криминалистические акценты в познавательной деятельности субъекта юридического познания. Даётся характеристика и показывается взаимосвязь экспертного фактора и экспертной функции в процессе юридического познания. Высказываются конкретные предложения по совершенствованию организационно-правовых рамок деятельности эксперта.

Ключевые слова: Криминалистическая культура правоприменения и правотворчества, криминальная реальность, приоритеты юридического познания, экспертный фактор и экспертная функция юридического познания, криминалистическая культура и теория судебно-экспертной деятельности, комплексность и междисциплинарность криминалистической методики расследования и методики экспертной деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

Правотворчество и правоприменение, как сферы общественной жизни, международный опыт реализации судебно-экспертной функции [1, стр. 116-120] предполагают, что в обществе могут быть как государственные, так и негосударственные судебные эксперты. Деятельность указанной категории специалистов должна осуществляться в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26 июля 2019 г.), Регламентом по проведению оценки пригодности (валидации) методик в судебно-экспертной деятельности и Регламентом по проведению межлабораторного профессионального тестирования (МПТ) в области судебной экспертизы [2, стр. 43-47; 3, стр. 64-68; 4, стр. 46-53].

В предлагаемой публикации автор предпринимает попытку выделить некоторые аспекты взаимообусловленности элементов криминалистической культуры правоприменения и теории судебной экспертизы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Криминальная реальность – это измененное состояние общественных процессов, информационных ресурсов, документов, различных материальных объектов, интеллектуальной сферы людей, как результат влияния злонамеренной человеческой воли и обусловленных ею действий, нарушающих права и свободы личности, отношения в сфере экономики, общественный порядок и безопасность, требования государственной власти, военной службы, а также обеспечения мира и безопасности человечества.

Понимание реальности изучаемой субъектом расследования (субъектом юридического познания) предполагает необходимость установления ряда обстоятельств: кто стоит за событиями, где протекали события, как и в какой последовательности все происходило, кому выгодно данное событие и кто в нем непосредственно участвовал, что способствовало негативному развитию ситуации и какие факторы могли бы повлиять на минимизацию вреда, какова перспектива развития негативной тенденции в будущем и т.п. Главным в исследовании и последующем судебном разбирательстве – это понять суть той деятельности, которая изучалась и была определенным образом квалифицирована, осознать вредные результаты этой деятельности для общества и отдельных граждан.

Сущность криминалистической культуры состоит в способности правопри-

менителя обнаружить и распознать измененные состояния указанных выше групп объектов, которые попали в сферу деятельности субъектов, которые реализуют свои безнравственные установки. Главное состоит в обнаружении и фиксации различий между исходным состоянием конкретного объекта и его фактическим содержанием на момент его изучения.

Информация, которая может содержаться в измененных состояниях объектов, является базой для объяснения существа криминальных процессов в настоящий момент, понимания событий прошлого, а также прогнозирования развития криминальной ситуации. Способность обнаружить, зафиксировать, проанализировать и использовать полученную информацию в доказывании – это главное в криминалистической культуре правоприменения.

Ключевым участником процесса познания криминальной реальности является государственный или негосударственный судебный эксперт. Он как знаток в определенной сфере науки, техники, искусств или ремесла имеет право дать заключение по определенному специальному вопросу, который возник у следователя или суда. Эксперт вовлекается в процесс либо его сторонами для аргументации процессуальной позиции, либо привлекается судом для устранения возникающих в деле противоречий.

Ведущие представители экспертного сообщества отмечают, что деятельность эксперта не всегда связана с правоприменительной деятельностью. Представляется интересной позиция С.А. Смирновой о правовом статусе института экспертизы. Она полагает, что следует аккуратно относиться и различать общеязыковое и правовое понятие экспертизы. Используемый в общеязыковой практике термин «экспертиза» в смысле вывода или мнения авторитетного специалиста, не связанный с установлением в рамках закона или нормативного регламента юридического факта, не может рассматриваться как правовая категория [5, стр. 143].

Криминалистическая культура и теория судебной экспертизы взаимообусловлены в процессе юридического познания [6, стр. 41-46]. Эта позиция соглашается с мнением Ю.Г. Корухова. Он понимает предмет судебно-экспертной деятельности как закономерности возникновения и существования материальных носителей информации об уголовно-релевантных и гражданско-релевантных обстоятельствах обнаружения, изъятия и исследования этих объектов [7, стр. 59-60].

Интересно и другое совпадение. Например Г.Г. Омельянюк определяет методику судебно-экспертной деятельности как специальную программу действий эксперта, основанную на системе научно обоснованных методов, приемов и средств, применяемых для изучения свойств объектов судебной экспертизы, и используемую для решения экспертной задачи – установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы [8, стр. 14]. Данная позиция прямо соотносится с нашим пониманием методики

расследования. Мы рассматриваем её как программу действий, основанную на системе методических и тактико-технических средств по обнаружению, фиксации, специальному исследованию, анализу и оценке доказательственной информации в целях её использования для характеристики обстоятельств расследуемых событий, понимания содержания вредной для лиц, организаций и природы деятельности, а также роли участвующих в ней субъектов.

Научная позиция Е.Р. Россинской о единстве природы всех родов и видов судебных экспертиз, независимо от вида процесса, и вывод о необходимости единства процессуальных форм использования специальных знаний достаточно актуальна. Но её утверждение со ссылкой на позицию Р.С. Белкина о том, что в современной криминалистике нет места общетеоретическим проблемам судебной экспертизы и, что криминалистическая наука не может заниматься разработкой организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности [9, стр. 55-56], на наш взгляд, несколько расходится с тенденциями развития общей теории криминалистики [10, стр. 94-96; 11, стр. 414-423].

Положительная сторона позиции тех, кто поддерживает необходимость развития экспертологии как отдельной науки, заключается в том, что данная дискуссия привлекает внимание к необходимости критичной самооценки криминалистов. В ее теории сформировалась линия принадлежности криминалистического знания исключительно к вопросам раскрытия и расследования преступлений. Попытки изучения роли криминалистического знания в других сферах деятельности, в других процессах, не получили своего развития.

Мы понимаем объект криминалистики как взаимообусловленные закономерности развития криминальной реальности и деятельности по расследованию её проявлений. Данный подход расширяет криминалистический кругозор, увеличивает возможности проведения исследований, в том числе и на стыке с теорией судебно-экспертной деятельности [12, стр. 162-174]. Данный взгляд на объект криминалистики является предпосылкой для тесного взаимодействия криминалистики и теории судебной экспертизы. У них общая теоретическая платформа – идентификационная, прогностическая, диагностическая. Безусловно, есть и отличия в организационных, методических и технико-инструментальных средствах познания криминальной реальности.

Комплексность криминалистического знания непосредственно предполагает необходимость внедрения инновационных механизмов повышения качества экспертного производства, совершенствование вопросов валидации экспертных методик, сертификации экспертов и экспертных организаций, стандартизации судебно-экспертной деятельности, в том числе на международном уровне [13, стр. 26-35]. Аргументы о необходимости международного сотрудничества по данному направлению, в том числе для защиты интересов и престижа России, приводит С.А. Смирнова в своем диалоге с В.Я. Колдиным по вопросам современного облика и перспектив развития судебно-экспертных технологий

[5, стр. 137-144].

Ключевую роль в формировании криминалистической культуры и профессионального экспертного сообщества играет юридическое образование. Необходимость его реформирования – важнейшая задача. В работах по данной тематике обращается внимание на необходимость его реформирования «снизу», выделяются комплексность и междисциплинарность обучения юристов. Подчеркивается приоритетность практики как индивидуальной формы обучения студентов по выработке умения работать самостоятельно [14, стр. 10-13]. В наших работах мы обозначаем вопросы формирования компетенций в контексте их профилизации [15, стр. 62-72], междисциплинарную роль криминалистической культуры [16, стр. 67-72], акцентируем внимание коллег-педагогов на криминалистические средства обучения методическому и тактическому содержанию работы по расследованию преступлений, которые имеют междисциплинарный характер [17, стр. 49-62].

В криминальной реальности реализация экспертной функции имеет свои особенности. Они обусловливаются направленностью преступной деятельности и содержанием реализуемых криминальных схем. Специалисты преступного мира непосредственно включены в процесс преступной деятельности. На этом фоне характер участия судебных экспертов в процессе юридического познания диаметрально противоположный. Процессуальная самостоятельность эксперта приводит к его существенной изоляции от познавательных процессов расследования и доказывания. Поэтому следует обратить внимание на необходимость гармонизации следственных и экспертных технологий, несовершенство которых нередко представляет основную проблему расследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт исследования взаимовлияния криминалистической культуры и экспертного фактора правоприменения позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Криминалистическую культуру правоприменения и теорию судебной экспертизы необходимо рассматривать как взаимообусловленное знание. Учитывая то, что единство природы всех родов и видов судебных экспертиз, независимо от вида процесса, диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний, можно констатировать, что взаимосвязанное криминалистическое знание может быть реализовано во всех видах процесса.

2. Отличительной особенностью специалистов преступного мира, специалистов криминальной реальности является их непосредственная включенность в технологии подготовки и реализации преступного замысла. При этом процессуальная самостоятельность государственного судебного эксперта приводит к его существенной изоляции от познавательных процессов обнаружения и расследования преступлений.

3. Высокая познавательная включенность государственного судебного эксперта в процесс обнаружения и расследования преступлений предполагает наделение его правом участвовать в получении образцов для исследования, знакомиться с ними до начала экспертизы, высказывать предложения по корректировке вопросов следователя в постановлении о назначении экспертизы а также формировать и представлять свое мнение о содержании криминальной реальности, следы которой являются объектом экспертного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говорина Н.В., Кузьмин С.А., Усов А.И. Основные аспекты деятельности Европейской сети судебно-экспертных учреждений на современном этапе // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 1.
2. Омельянюк Г.Г. Актуальные проблемы аккредитации судебно-экспертных организаций и сертификации негосударственных судебных экспертов в Министерстве России // Недвижимость: экономика, управление. 2012. № 2.
3. Омельянюк Г.Г. К вопросу о валидации судебно-экспертных методик // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. 2010. № 2 (18).
4. Омельянюк Г.Г. О Регламентах по проведению профессионального тестирования в судебно-экспертных учреждениях и оценке пригодности (валидации) методик в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. 2011. № 1 (21).
5. Смирнова С.А., Колдин В.Я. Судебно-экспертные технологии: современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 4.
6. Журавлев С.Ю. Криминалистическая культура правоприменения: содержание и дискуссионные вопросы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13).
7. Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы. Материал для Ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989; Основы судебной экспертизы. Ч. 1.: Общая теория. М., 1997.
8. Омельянюк Г.Г. Использование инновационных механизмов повышения качества экспертного производства при совершенствовании законодательства о судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. №1 (33). 2014.
9. Россинская Е.Р. Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3.
10. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000.
11. Россинская Е.Р. Криминалистика и судебная экспертиза: взаимосвязи и

разграничения / Избранное. М.: Норма, 2019.

12. Лубин А.Ф. Некоторые особенности парадигмы научной школы «криминалистические средства обеспечения экономической безопасности России» // Концепция формирования и использования криминалистического комплекса методических и тактических средств обнаружения и расследования преступлений в сфере экономики: материалы 7-го Межвузовского научно-практического семинара «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт» (Москва, 12 февраля 2016 г.) / под общ. ред. А.Ф. Волынского, Б.Я. Гаврилова, А.Ф. Лубина. М., 2016.

13. Смирнова С.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. №1 (41). 2016.

14. Смирнова С.А. Комплексирование в российском юридическом образовании: классический подход и инновации // Теория и практика судебной экспертизы. №2 (42). 2016.

15. Журавлев С.Ю. Развитие криминалистической культуры обучаемых как условие формирования компетенций в контексте их профилизации // Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России: сборник статей / под ред. Е.Е. Черных. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020.

16. Журавлев С.Ю. Криминалистическая культура междисциплинарного обучения // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50).

17. Журавлев С.Ю., Лапшин В.Е. Криминалистические средства обучения методическому и тактическому содержанию работы по расследованию преступлений // Научно-технический портал МВД России. 2019. № 3 (31).

The expert factor in the criminalistic culture of law enforcement

S. Y. Zhuravlev

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
monah07@yandex.ru*

The conceptual apparatus of forensic science is changing and supplemented. Attention is paid to the cultural and forensic accents in the cognitive activity of the subject of legal knowledge. A characteristic is given and the relationship between the expert factor and the expert function in the process of legal knowledge is shown. Specific proposals are made to improve the organizational and legal framework of the expert's activity.

Keywords: Forensic culture of law enforcement and lawmaking, criminal reality, economic and criminal reality, the main priorities of legal knowledge, the expert factor and the expert function of legal knowledge, forensic culture and the theory of forensic

activity, the complexity and interdisciplinarity of forensic investigation methods and methods of expert activity.

ОБ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

О.В. Зайцева¹, К.И. Дорофеев²

¹Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)

²Договорно-правовой департамент МВД России) (Россия, Москва)

deyaldelwer@mail.ru, moskowlirik@mail.ru

Авторами проведен анализ законодательства Германии, Австрии, Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии и правоприменительной практики использования экспертизы шкал COPINE, SAP, Sexual Definitive Offences Guideline, I-KiZ и теста Миллера с целью изучения опыта регулирования преступлений против половой неприкосненности и половой свободы несовершеннолетних.

Ключевые слова: информация порнографического характера, сексуально откровенные материалы, преступления против половой неприкосненности несовершеннолетних, экспертные шкалы.

Анализ правоприменительной практики зарубежных стран показал, что судами при рассмотрении уголовных дел по преступлениям против половой неприкосненности и половой свободы несовершеннолетних, активно используются экспертные шкалы, позволяющие относить спорные объекты к информации порнографического характера с участием несовершеннолетних. По мнению авторов, отдельные положения исследуемых законодательных актов и экспертных методик могут быть имплементированы в российское законодательство с учетом его особенностей с целью повышения эффективности и результативности противодействия преступлениям анализируемого вида.

В ходе анализа установлено:

1. В основу законов вышеперечисленных стран (за исключением США) положены общие принципы, отраженные в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, и (или) Конвенции Совета Европы О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений CETS № 201 (далее – Конвенция) [1; 2]. В определении детской порнографии, содержащемся в тексте Конвенции, можно выделить следующие признаки информации порнографического характера с участием несовершеннолетних: (1) возрастной аспект: лицо должно являться или быть похожим на несовершеннолетнего (согласно тексту Конвенции: не достигшим 18 лет); (2) содержательный аспект: в исследуемом материале должны быть запечатлены действия сексуального характера, полу-

вой акт, его имитация, гениталии; (3) мотивационный аспект: материал должен использоваться в сексуальных целях [2, ст. 20]. И хотя эти принципы универсальны, в зависимости от законодательства конкретной страны они могут трактовать как в более широком (к порнографии могут относиться объекты, не направленные на сексуальное возбуждение адресата), так и в более узком смысле (например, возраст согласия вступления в половой акт начинается с 16 лет).

2. В странах с англо-саксонской правовой системой при анализе материалов, на которых предположительно запечатлены несовершеннолетние в сексуальном контексте, используется термин «*sexual explicit material*» (далее – откровенно сексуальный материал), под которым следует понимать изображение или описание сексуальной активности, полового акта (в том числе с животными) или его имитации, гениталий, анального отверстия. В определении «сексуально откровенных материалов», содержащимся в уголовном кодексе США, в докладе Федеральной торговой комиссии к откровенно сексуальным материалам также относятся: фото- и видеофиксация, а также описание мастурбации, садистского и мазохистского взаимодействия, сексуализированные намеки. Производство и распространение сексуально откровенных материалов мотивировано сексуальным возбуждением потребителя [3, § 2256; 4, с. 12]. В этой связи можно утверждать о некоторой тождественности терминов «откровенно сексуальные материалы» и «информация порнографического характера». Вместе с тем в законодательстве США, Канады, Новой Зеландии и Австралии к сексуально откровенным изображениям также относятся изображения, на которых запечатлена обнаженная грудь (вторичные половые признаки) [5, с. 163.1 (1); 6, с. 473.1; 7, с. 474.22(1)(a)(iii)]. Тогда как экспертная практика России к гениталиям относит изображения или описания только первичных половых признаков (например, мужской половой член и др.).

3. В рамках проведенного исследования обнаружено сходство термина «откровенно сексуальный материал», раскрытоого выше, и термина «*obscenity*» (далее – непристойность), применяемого в судебной практике США при анализе материалов порнографического содержания. С целью законодательного закрепления указанного понятия высшей судебной инстанцией США предпринимались неоднократные попытки дать исчерпывающий перечень критериев «непристойности» на основании поступающих на рассмотрение материалов уголовных дел, а также ввести критерии пристойности («общественные стандарты»), с которыми необходимо сравнивать спорные объекты. Однако в последующем понятие «общественные стандарты» так и не было законодательно детализировано, а наличие субъективных признаков в ранее принятых решениях Верховного суда США привело к противоречивой правоприменительной практики [8]. В этой связи стали высказываться мнения о невозможности регулирования оборота непристойных материалов (порнографии), в частности распространяемых посредством сети Интернет [8]. Исходя из анализа критериев

теста Миллера, применяемого для проверки материала на непристойность, данный термин все же является родовым по отношению к термину «откровенно сексуальный материал».

4. Изучение экспертных шкал свидетельствует о наличии классификационной системы построения материалов порнографического характера в зависимости от степени тяжести изображений или описаний откровенно сексуального контента. В этой связи наиболее «тяжкими» по содержанию являются материалы, содержащие сцены группового секса, садистского или мазохистского взаимодействия с несовершеннолетними, сексуального взаимодействия несовершеннолетних и животных [9–11]. Особенностью указанных квалификационных систем является их направленность на идентификацию ранее не установленных несовершеннолетних лиц, оказавшихся жертвами сексуального насилия, а также оказание помощи судьям в определении лицу наказания с учетом степени тяжести совершенного им деяния. Особенностью этих экспертных шкал выступают следующие обстоятельства. Критерии указанных шкал закреплены законодательно (в решениях высших судебных инстанций), тогда как вопросы решения экспертных задач отнесены к компетенции судебского корпуса. Научный интерес также представляют первые уровни таких экспертных шкал как COPINE и SAP (несексуализированные изображения детей). Разработчиками шкалы I-KIZ предлагается учитывать контекст их размещения и представления (название, место размещение, наличие сексуализированных комментариев) [12].

5. В законодательства отдельных стран наблюдается тенденция, согласно которой неправомерные деяния, связанные с «апскертингом», выделяются в отдельную разновидность преступлений против половой неприкосновенности. Под понятием «апскертинг» следует понимать скрытую съемку intimных частей тела (как обнаженных, так и прикрытии одеждой) с последующим распространением этих фотографий третьим лицам [13, § 184к]. К «апскертингу» также может быть отнесена скрытая съемка в общественных раздевалках, туалетах, душевых кабинах, кабинках для переодевания [14, § 120а, 15]. К intimным частям тела отнесены гениталии (в том числе прикрытые нижним бельем, колготками, полотенцем, ладонью), лобковая область, ягодицы и женская грудь [15]. Фотографирование зоны, прикрытой леггинсами, которые человек носит под платьем или юбкой, не будет рассматриваться как преступление, поскольку они не отнесены к категории нижнего белья [15].

Итак, изучение существующей правоприменительной практики правоохранительных органов зарубежных стран свидетельствует о наличии у большинства национальных государств правовых актов, предусматривающих уголовную ответственность за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних. В законодательстве отдельных государств отмечается тенденция по дополнительной регламентации неправомерных действий, связанных с сексуальной экс-

плуатацией детей. Так, к категории откровенно сексуальных материалов ими относятся: сексуальные действия, интимные части тела, насильтственные сексуальные практики. Также в европейском законодательстве наблюдается тенденция к криминализации ряда онлайн практик, возникших в результате развития телекоммуникационных средств и сетей (апскернг, онлайн груминг, сексуальная эксплуатация детей с последующим оборотом полученной аудиовизуальной продукции и др.). С учетом приведенных практик, ряд законодательных инициатив может быть успешно использован в законодательстве Российской Федерации для еще большей эффективности противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений» [Резолюция 66/138 на 89-ом пленарном заседании 66-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН].
2. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» (CETS № 201) от 25.10.2007.
3. 18 U.S. Code.
4. Virtual Worlds and Kids: Mapping the Risks // www.ftc.gov. – URL: <https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/reports/virtual-worlds-and-kids-mapping-risks-federal-trade-commission-report-congress/oecd-vwrpt.pdf> (дата обращения: 14.02.2020).
5. Criminal Code Act 1995.
6. Criminal Code Canada.
7. Crimes Act 1961 of New Zealand.
8. E. Morgan Laird The Internet and the Fall of the Miller Obscenity Standard: Reexamining the Problem of Applying Local Community Standards in Light of a Recent Circuit Split. Santa Clara law review. 2012. Vol. 52. P. 1506.
9. Taylor, M. & Holland, G. & Quayle, E. Typology of Paedophile Picture Collections. The Police Journal. 2001, 74, p. 97–107.
10. Vella, P. Understanding computer evidence // web.archive.org/ – URL: <https://web.archive.org/web/20110902210908/http://www.1gis.co.uk/img/evidence.pdf#> (дата обращения: 20.02.2020).
11. Sexual offences definitive guideline // sentencingcouncil.org. – URL: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/wp-content/uploads/Sexual-offences-definitive-guideline-Web.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
12. Combat of the Grey Areas of Child Sexual Exploitation on the Internet // I-KIZ-Zentrum für Kinderschutz im Internet. – URL: <https://childrens-rights.digital/hintergrund/index.cfm/topic.273/key.1585> (дата обращения: 14.02.2020).
13. Strafgesetzbuch Deutschland.
14. Gesetzestext // Hass-im-Netz-Bekämpfungs-Gesetz. – URL: <https://www.1585>

parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXVII/I/I_00481/fname_848999.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

15. Erläuterungen // Hass-im-Netz-Bekämpfungs-Gesetz. – URL: https://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXVII/I/I_00481/fname_848999.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

On Aspects of legal prevention of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors (in field of foreign experience)

O. V. Zaytseva¹, K. I. Dorochev²

¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)

²Legal and Treaties Division Ministry of Internal Affairs (Russia, Moscow)

moskowlirik@mail.ru, deyaldelwer@mail.ru

Current paper deals with the legislation of Germany, Austria, the United Kingdom, the United States, Canada, Australia and New Zealand and the law enforcement practice of the COPINE-, SAP-scales, Sexual Offences Definitive Guideline, I-KiZ-scale and the Miller's test with the aim to study the foreign experience in the regulation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors.

Keywords: pornography, sexually explicit materials, crimes against the sexual integrity of minors, expert scales.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ИСПОЛНИТЕЛЯ НА ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ)

T.E. Зорина, П.Г. Лесникова

ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)

prcse-murf@ya.ru

В статье рассматривается пример влияния информации о состоянии здоровья лица на проведение почерковедческой экспертизы по подписи, а также проблемы, возникшие в ходе производства экспертизы, и пути их преодоления.

Ключевые слова: возраст, диагностические признаки, болезненное состояние.

Процесс формирования письменно-двигательного функционально-динамического комплекса (далее – ПД ФДК) представляет собой длительный и сложный процесс приобретения навыка выполнения буквенно-цифровых символов. На наш взгляд, ПД ФДК начинает формироваться еще в дошкольном возрасте, от момента попытки ребёнка удержать в руках любой письменный прибор (карандаш, ручка, кисть и т.д.), а не от момента обучения его письменности в рамках школьной программы, так как именно с первой попытки изобразить что-либо с помощью орудий письма начинают функционировать в головном мозге процессы по правильному и быстрому приспособлению к письменности. Лю-

бое изображение палочек, кружочков учит ребёнка правильно держать письменный прибор, учит мозг быстрее оправлять импульсы через нервную систему в плечевой пояс верхних конечностей для выполнения изображений, выбирать максимально удобную руку для письма и т.д. В начальной школе каждый из нас познаёт первый этап формирования ПД ФДК с уже имеющимся подготовительным этапом.

Затем, в течение длительного времени, который условно делится на три этапа, последний из которых завершается, приблизительно, в возрасте 25 лет, процесс обучения письму приводит человека к установлению выполнения письменных знаков родного языка, то есть языка, на котором человек говорит и думает, к автоматической процедуре. То есть в теории, в конечном результате, каждый из нас должен выполнять любые по сложности рукописные записи и подписи в быстром темпе с высокой координацией движений и высокой степенью совершенства системы движений – высоковыработанным почерком. Имея сформированный письменный навык, каждый человек должен уметь выполнять рукописные записи и подписи с приближением к нормам прописи с небольшим отклонением от них. Большинство из нас на протяжении всей жизни приобретает, развивает и доводит до автоматизма данный навык.

С другой стороны, почерк может незначительно претерпевать изменения под действием внешних и внутренних факторов. К внешним факторам могут быть отнесены: необычная подложка, непривычная поза выполнения записей и подписей, необычный пишущий прибор (к примеру, художественная кисть или гвоздь); внутренними «сбивающими» факторами могут являться различные, в том числе и болезненные, состояния организма человека или его прямой умысел на изменение почерка.

В данной статье не будут рассматриваться влияния внешних факторов и влияние прямого умысла на процесс выполнения рукописных записей и подписей, так как эти особенности обширны и требуют отдельного рассмотрения, а возможно и дополнительного изучения. Важно помнить, что при производстве судебно-почерковедческой экспертизы на начальном этапе эксперт должен проработать все версии выполнения записи или подписи при выявлении диагностических признаков.

Влияние состояния здоровья на процесс письма очень велико и это один из самых сложных случаев, с которым может столкнуться эксперт в своей профессиональной деятельности.

Не возникает больших проблем с экспертизами, где проверяемый человек является лицом пожилого возраста (60-75 лет), старческого возраста (75-90 лет) или долгожителем (свыше 90 лет). Информацию о возрасте таких лиц можно найти в материалах дела (в определении или постановлении, в протоколах допросов, в представленных образцах), в самом исследуемом документе. При этом понимается, что у человека в результате естественных физиологических

изменений организма могут появляться: трепор рук, ухудшение состояние зрения, могут быть инсульты, при которых одна сторона тела лишена двигательной функции полностью или частично. В таком случае, эксперту-почерковеду стоит более детально обратить внимание на материалы дела, так как в них могут присутствовать сведения о психофизиологическом состоянии предполагаемого исполнителя. В случае необходимости, эксперт может реализовать свое право заявить ходатайство о предоставлении дополнительной информации об исполнителе рукописных записей или подписи.

Для лиц, которым за 50 лет, также свойственно влияние болезненного состояния организма. В соответствии со статистическими данными, в последнее десятилетие заболевания, способные оказывать влияние на процесс письма, поражают более молодых людей. Это связано с состояние окружающей среды, образом жизни (питание, наличие вредных привычек и т.п.), выполняемой работой и т.д. Но какие экспертные версии стоит рассматривать эксперту-почерковеду, если проверяемому лицу нет и 40 лет?

На примере из экспертной практики рассмотрим более подробно особенности производства судебно-почерковедческой экспертизы, в которой обнаруженные диагностические признаки были связаны с состояние здоровья проверяемого лица, которому на момент выполнения исследуемого документа было не более 38 лет.

В производство эксперту-почерковеду поступила судебная почерковедческая экспертиза по гражданскому делу. На стадии предварительного исследования, которая состоит из следующих этапов: ознакомление с материалами, поступившими на исследование, изучение поставленных вопросов, ознакомление с обстоятельствами дела, предварительное изучение исследуемого объекта, оценка сравнительного материала, составление плана исследования, эксперт обратил внимание на необычность в формулировке вопроса. Суд обязал эксперта провести не только идентификационное исследование: установить сам или не сам выполнил подпись предполагаемый исполнитель, но и определить возможность влияния каких-либо «сбивающих» факторов на процесс выполнения подписи. При этом в определении суда отсутствовала информация об исполнителе, то есть не указывался возраст, состояние здоровья и т.д.

При изучении объекта исследования (рис. 1) эксперт-почерковед установил, что подпись имеет явные нарушения координации движений 1-й и 2-й групп: выраженное расстройство координации движений 1-й группы, проявившейся в начальной части подписей в виде извилистости овальных и прямолинейных элементов; незначительное нарушение координации движений 2-й группы, проявившиеся в размещении подписи не на линии бланковой строки; а также замедленный темп выполнения: темп выполнения – от среднего до замедленного (о замедленности свидетельствует недифференцированный нажим). На данном этапе эксперт-почерковед выдвинул две экспертные версии: 1) подпись выполнена намеренно измененным почерком; 2) подпись выполнена под действием

«сбивающих» факторов, которые могли быть связаны с непривычной позой выполнения или необычным психофизиологическим состоянием исполнителя.

Рис. 1. Исследуемая подпись.

В распоряжение эксперта-почерковеда были предоставлены экспериментальные образцы, условно-свободные и свободные. Экспериментальные образцы представляли собой высоковыработанный подписной почерк с высокой степенью совершенства системы движений; свободные и условно-свободные сочетали в себе как образцы с явными диагностическими признаками в виде нарушения координации движений и непривычного для лица темпа, так и с высоковыработанным почерком.

Изучая сравнительный материал (рис. 2, 3, 4), эксперт-почерковед разделил все образцы условно на две группы. В первой группе подписи и рукописные записи были выполнены в привычном для исполнителя темпе с высокой координацией движений и высокой степенью совершенства системы движений, то есть высоковыработанным почерком; вторые образцы имели нарушения координации движений 1-й и 2-й групп и замедленный темп. То есть признаки необычности проявились в образцах, что позволило эксперту отклонить мысль о намеренно измененном почерке, а рассматривать версию о действии на исполнителя «сбивающих» факторов, носящих временный характер.

Рис. 2. Свободный образец.

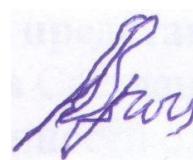

Рис. 3. Условно-свободный образец.

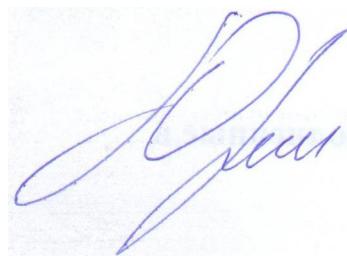

Рис. 4. Экспериментальный образец.

Для подкрепления вышеуказанной версии эксперт-почерковед изучил материалы гражданского дела, где был документ проверяемого лица, в котором

указывалась дата его рождения, согласно которому на момент выполнения подписи предполагаемому исполнителю подписи было 38 лет, что исключает появление нарушений координации из-за пожилого или старческого возраста.

Эксперт-почерковед реализовал право на получение необходимой ему информации о состоянии здоровья на момент подписания документа, а также диагнозах, которые были поставлены предполагаемому исполнителю до выполнения подписи, путем направления ходатайства о предоставлении дополнительных сведений.

Помимо информации о состоянии здоровья, эксперт-почерковед запросил дополнительно экспериментальные образцы, для рассмотрения экспертной версии о проявлении признаков необычности в результате оказания психологического давления на исполнителя в момент выполнения подписи.

При выполнении запроса у суда возникли сложности в части предоставления информации из медицинских учреждений, а также отбора дополнительных экспериментальных образцов. В части первой проблемы, суд не знал информации о состоянии здоровья, а так же в каких медицинских учреждениях лечился предполагаемый исполнитель подписи. Данный вопрос решился благодаря вызову сторон и предоставления информации о поликлинике и больницах, в которых состоял на лечении исполнитель подписи. Суд направил официальный запрос на предоставление выписного эпикриза из больниц и поликлиники. При этом важно помнить, что запрос такой информации – это право суда. Любые запросы подобного рода должны выполняться, независимо от наличия медицинской тайны. Возникает вопрос о соблюдении конституционных прав гражданина, которые могут быть нарушены, так как информация должна быть передана огласке третьим лицам – эксперту. В данном случае эксперт – процессуальное лицо, в обязанности которого входит в том числе не разглашение сведений, которые стали ему известны в процессе производства судебной экспертизы.

Сложность возникла при отборе дополнительных экспериментальных образцов из-за непонимания требования эксперта-почерковеда: от проверяемого лица требовалось выполнить подписи в быстром и медленном темпе в положении сидя и стоя. Такие экспериментальные образцы требовались для проверки экспертной версии о степени влияния позы в момент выполнения подписи на появление диагностических признаков. После изучения экспериментальных образцов установлено, что непривычная поза письма не оказывала существенного влияния на процесс письма у предполагаемого исполнителя, то есть диагностические признаки, которые были выявлены в исследуемой подписи, не обнаружены.

Также из суда поступили выписные эпикризы из двух медицинских учреждений. По полученным данным из выписок эксперт-почерковед установил, что на момент подписания исследуемого документа проверяемое лицо находилось на лечении в стационаре из-за последствий после аварии, которая произошла

незадолго до составления документа. В результате аварии у лица была посттравматическая энцефалопатия (возникла вследствие закрытой черепно-мозговой травмы) с правосторонним гемипарезом.

Если обратится к любому медицинскому источнику, расположенному в медицинских энциклопедиях или во всемирной системе «Интернет», то диагноз можно расшифровать следующим образом: «Посттравматическая энцефалопатия — это сложный комплекс общемозговых и очаговых неврологических расстройств, сочетающихся с интеллектуально-мнестическими и поведенческими реакциями в ответ на травму головного мозга» [15]; «Правосторонний гемипарез является патологией, представляющей собой правостороннее поражение мышц тела. Она характеризуется заметным снижением силы и общей двигательной способности мускулов, возможен неполный паралич конечностей» [16].

Данные расшифровки поставленного диагноза показали эксперту-почерковеду на наличие травмы, которая могла оказать существенное влияние на двигательную функцию правой руки. Правая рука исполнителя подписи не была способна выполнить мелкие и точные движения, связанные с написание рукописных записей и подписей. Наличие черепно-мозговой травмы могло повлечь также какие-либо незначительные изменения в двигательной функции левой руки. Наличие признаков необычности в образцах подписей предполагаемого исполнителя в указанный период времени (в период наличия заболевания) указывало на то, что полученная травма и ее последствия оказали влияние на процесс письма, т.е. являлись «сбивающим» фактором.

В итоге, при сравнении исследуемой подписи с предоставленными образцами предполагаемого исполнителя была установлена совокупность признаков, указывающих на выполнении исследуемой подписи самим лицом. Выявленные диагностические признаки, указанные выше, были объяснены болезненным состоянием исполнителя в момент выполнения подписи, которые имели временный характер, так как после продолжительного лечения владение правой рукой восстановилось.

Таким образом, сведения о состоянии здоровья исполнителя помогают эксперту-почерковеду объяснить появление диагностических признаков и рассмотреть всевозможные экспертные версии в отношении исследуемых объектов. Судам и сторонам, при назначении судебно-почерковедческой экспертизы, следует предоставлять максимально возможное количество достоверной информации о возможных психофизиологических особенностях лица в момент выполнения записей и подписей, направлять информацию о состоянии здоровья предполагаемого исполнителя, тем самым уменьшая время производства экспертизы, так как на удовлетворение ходатайства эксперта уходит много времени, что в целом затягивает рассмотрение дела. Все собранные данные значительно улучшают качество производства судебно-почерковедческих экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. От 26.07.2019 N 224-ФЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
7. Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
8. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В.Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Министерстве России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 544 с.
9. Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов: 2-е изд., перераб. и доп.; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Министерстве России. М.: Наука, 2007. 341 с.
10. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов (издание второе переработанное и дополненное) – под ред. В.Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Министерстве России. М.: 2011. 538 с.
11. Судебно-почерковедческая диагностика / В.Ф.Орлова; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Министерстве России. 2-е изд. М.: Наука,

2006. 207 с.

12. Орлова В.Ф. Исследование подписей, выполненных в необычных условиях (Методическое пособие для экспертов), МЮ РФ, РФЦСЭ, Москва, 2002 г.
13. Исследование подписей, выполненных в необычных условиях (Методическое пособие для экспертов) / В.Ф.Орлова, А.В.Смирнов; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: 2006. 215 с.
14. Теоретические (естественнонаучные) основы судебного почерковедения / А.И. Манцветова, В.Ф. Орлова, И.А. Славуцкая; отв.ред. А.Р. Шляхов; 2-е изд.; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: Наука, 2006. 443 с.
15. Посттравматическая энцефалопатия: патогенез, степени, проявления, как лечить, прогноз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sosudinfo.ru/golova-i-mozg/posttravmatischeeskaya-encefalopatiya/>
16. Что такое правосторонний гемипарез? Причины появления у детей и взрослых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doktor-ok.com/zabolevaniya/nervno-myshechnye/dtsp/parez/pravostoronnij-g.html>.

Influence of information on the state of health of the performer on the process of producing forensic handwriting examination (case from practice)

T.E. Zorina, P.G. Lesnikova

Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)

prcse-murf@ya.ru

The article examines an example of the influence of information on the state of health of a person on the conduct of a handwriting examination by signature, as well as the problems that arose in the course of the examination, and ways to overcome them.

Keywords: age, diagnostic signs, painful condition.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ТОЧНОСТИ И КАЧЕСТВА ПРОВОДИМЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.В. Козиков

ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
ykozikov@gmail.com

Актуальность использования современных инновационных технологий, таких как лазерное 3D сканирование в судебной экспертизе вызвано необходимостью получения максимальной точности, высокого качества и информативности проведенных исследований.

Ключевые слова: лазерное 3D сканирование, системы компьютерного моделирования.

В настоящее время большое распространение получили технологии бес-

контактных измерений за счет быстроты, точности и производительности. Судебные эксперты в своей работе используют различные лазерные устройства, например, рулетки, уровни, нивелиры, тахеометры и т.д. Данные приборы зарекомендовали себя как надежные помощники, обеспечивающие удобство и точность измерений. У создателей подобного оборудования возникла цель – повысить производительность оборудования и для обработки результатов использовать вычислительные мощности персонального компьютера. Результатом прогресса в данной сфере явилось появление 3D-сканирующих систем.

Наземное лазерное сканирование – бесконтактная технология измерения 3D поверхностей с использованием специальных приборов, лазерных сканеров. По отношению к традиционным оптическим и спутниковым геодезическим методам характеризуется высокой детальностью, скоростью и точностью измерений. 3D лазерное сканирование применяется в архитектуре, промышленности, строительстве дорожной инфраструктуры, геодезии и маркшейдерии, археологии.

Принцип работы прибора заключается в следующем: производя до миллиона измерений в секунду, представляет объекты в виде набора точек с пространственными координатами. Полученный массив данных, называемый облаком точек, может быть впоследствии представлен в трехмерном и двухмерном виде, а также использован для измерений, расчетов, анализа и моделирования.

Применение лазерного 3D сканирования весьма широко: технология используется для выполнения топопланов, расчёта объёмов демонтажных и земляных работ, мониторинга и анализа коллизий, фасадной и исполнительной съёмки, создания сечений и разрезов существующих сооружений, а также для создания проектной документации. Примеры видов проекций здания полученных при 3D сканировании представлены на рис. 1.

Рис. 1. Примеры видов проекций здания полученных при 3D сканировании.

ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ 3D СКАНИРОВАНИЯ

1. 3D сканирование при демонтажных работах.

Точная профессиональная оценка фактического состояния реконструируемого объекта позволяет подобрать оптимальную технологию работ по демонтажу. При этом в технологии 3D сканирования реализован принцип дистанционного зондирования («безотрожательности»), позволяющий собирать информацию об исследуемом объекте, находясь на расстоянии от него и не устанавливая дополнительных устройств и приспособлений (марок, отражателей и т.п.). Это особенно актуально при работах на опасных сооружениях.

2. 3D сканирование при общестроительных работах в строительстве.

Благодаря непревзойденной скорости сканирования, технология позволяет производить регулярные аудиты выполнения строительных работ. По результатам сканирования проводятся обмеры и вычерчиваются исполнительские схемы без необходимости повторного выезда на объект.

3. 3D сканирование при подготовке фасадных работ.

На основе облака точек, получаемого при съёмке на строящемся объекте, в постобработке в камеральных условиях возможно вычерчивание 2D чертежей фасада без повторного выезда на объект. Кроме того, плотность и полнота съемки, а также панорамная фотосъемка, дают детальное изображение всех элементов фасада без необходимости ведения абриса. Пример в различиях отображения здания на фотографии и в 3D модели представлен на рис. 2.

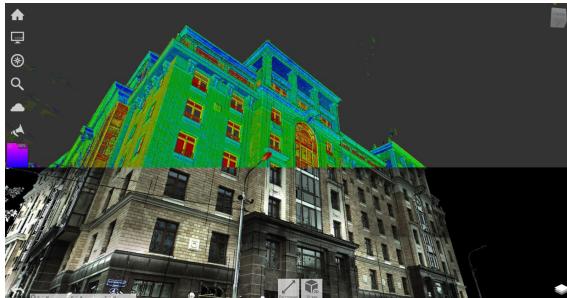

Рис. 2. Здание на фотоснимке и в 3D модели.

4. 3D сканирование при локальной съёмке выполненных конструкций с максимальной плотностью (детализацией).

Технология не имеет альтернатив при необходимости получения исполнительной съемки выполненной конструкции с высокой плотностью. Например, для создания исполнительной геодезической схемы выполненной фундаментной плиты для расчета объема и выполнения полимерной стяжки пола с точностью до 2 мм.

5. 3D сканирование существующих строений и коммуникаций.

Использование 3D сканера при анализе уже существующих строений и коммуникаций значительно сокращает время производства съемки и трудозатраты.

ты. По полученному облаку можно сразу строить сечения и разрезы, полнота и плотность точек которых позволяет наглядно видеть всю ситуацию и элементы, что отличает 3D сканирование от традиционных методов съемки. Пример сформированной 3D модели коммуникаций котельной представлен на рис. 3.

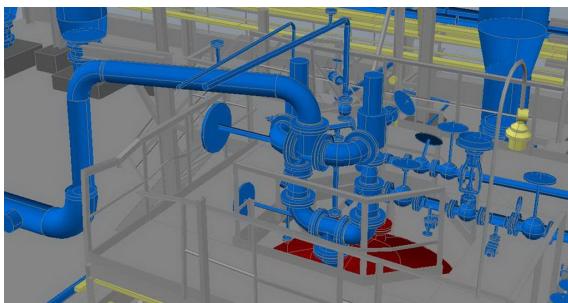

Рис. 3. Сформированная 3D модель коммуникаций котельной.

3D сканирование позволяет получить высокоточные 3D модели поверхностей, зданий и сооружений. Произведение высокоточных замеров и обмеров местности, рельефа и объектов недвижимости, а также их дальнейшее воссоздание на бумаге в плане или в виртуальной трехмерной модели всегда было одной из самых острых инженерных проблем, а в судебно-экспертной деятельности эта проблема по-прежнему актуальна. Строительно-технический эксперт по роду своей деятельности часто выступает в роли проектировщика или конструктора, занимаясь исследованием строительных объектов и территорий, разработкой проектно-сметной документации и выявления дефектов строительных конструкций.

Технология лазерного 3D-сканирования нашла применение и хорошо зарекомендовала себя при производстве строительно-технических экспертиз, а также других родов инженерно-технических экспертиз. Для строительно-технических экспертиз, данная технология позволяет проводить экспертные исследования даже в отсутствии проектной и иной технической документации по объекту.

Технология лазерного сканирования в судебно-экспертной деятельности при производстве строительно-технических экспертиз продолжает развиваться. В настоящее время она уже позволяет наиболее полно, точно, быстро и качественно выполнить работы по фасадной и интерьерной съемке, реинжинирингу (оцифровизации существующих объектов недвижимости), архитектурным обмерам, фиксации и мониторингу технического состояния объекта исследования, качественного и количественного контроля за проведением строительных работ, определению объемов выполненных работ и дальнейшему определению их стоимости, что ощутимо сокращает затраты труда современного судебного строительно-технического эксперта.

Информация, полученная с трехмерной модели, построенной при помо-

щи 3D-сканирования, высокоточна и максимально реалистична, и является важным исходным данным для эксперта при производстве судебных строительно-технических и стоимостных экспертиз. Таким образом, современные цифровые, информационные и аддитивно-модульные технологии позволяют существенным образом упростить и ускорить исследовательскую работу, проводимую в рамках судебных строительно-технических экспертиз, что влечет за собой повышение качества и достоверности экспертной деятельности, целесообразности и эффективности рекомендуемых экспертом технических решений и выводов экспертных заключений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев А.Б. Современные технологии 3D-сканирования // Материалы III Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд. «Наука и Просвещение», 2019.
2. Думнов С.Н. К вопросу применения метода лазерного сканирования при производстве судебной автотехнической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019.
3. Белых Т.В., Давиденко П.В., Жариков И.С. Проблемы методологического аппарата проведения судебной строительно-технической экспертизы // В сборнике: Молодежь и XXI век – 2018, материалы VIII Международной молодежной научной конференции: в 5 томах. 2018. С. 249-252.
4. Жариков И.С., Давиденко П.В. Эффективное использование BIM-технологий при проведении строительно-технических экспертиз // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2018. №1. С. 42-49.

Modern technologies in the production of forensic construction, technical and land management examinations, used to improve the accuracy and quality of research

Yu. V. Kozikov

*FBU Privolzhsky RCSE of the Ministry of Justice of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
ykozikov@gmail.com*

The relevance of the use of modern innovative technologies such as 3D laser scanning in forensic science is caused by the need to obtain maximum accuracy, high quality and information content of the research.

Keywords: laser 3D scanning, computer modeling systems.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ НОВЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА

C.В. Козменкова

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
skozmenkova@yandex.ru*

В статье исследуется проблема разработки частных методик судебной экономической экспертизы в условиях применения новых федеральных стандартов бухгалтерского учёта для коммерческих, некоммерческих организаций, а также учреждений бюджетной сферы. При этом эксперт-экономист должен обладать специальными познаниями как по «старым», так и по «новым» бухгалтерским стандартам, которые имеют существенные отличия. Применение на практике различных правил ведения финансового учёта и составления отчётности значительно усложняет разработку частной методики в случае проверки хозяйственных операций, отражённых в бухгалтерском учёте и отчётности как по правилам ПБУ, ФСБУ, так и МСФО, а также повышает значение профессионального суждения эксперта-экономиста.

Ключевые слова: положения по ведению бухгалтерского учёта (ПБУ), федеральные стандарты бухгалтерского учёта (ФСБУ), международные стандарты финансовой отчётности (МСФО), экономическая экспертиза, оценка имущества и обязательств, справедливая стоимость.

Судебная экономическая экспертиза как вид деятельности предполагает использование специальных знаний в сфере бухгалтерского учёта, налогообложения, экономики и финансов [1, стр. 11; стр. 7, стр. 969].

Эксперт-экономист должен обладать знаниями в сфере их нормативного регулирования. Нормативное регулирование бухгалтерского учёта предполагает его ведение на основании законов, указов президента, постановлений правительства, приказов Минфина РФ, указаний Центрального банка России, отраслевой документации и локальных актов [6, стр. 971]. В настоящее время в сфере бухгалтерского учёта осуществляется реформирование его методики в связи с применением международных стандартов финансовой отчётности. Федеральным законом 402 «О бухгалтерском учёте» предусмотрена разработка федеральных стандартов бухгалтерского учёта. Однако процесс этот занимает значительное время. Проекты стандартов, составленные на основе МСФО, обсуждаются на уровне профессионального сообщества. Таким образом, нет 100% заимствования текста МСФО. На 1 января 2021 года утверждено 4 федеральных стандарта для коммерческих и некоммерческих организаций и 17 стандартов для организаций бюджетной сферы. Следует отметить, что нормативное регулирование бухгалтерского учёта в современных условиях значительно усложнилось. Так, бухгалтер в настоящее время вынужден пользоваться следующими группами стандартов:

- разработанными и утверждёнными с конца 90-х годов XX столетия до 2011 года включительно (ПБУ);

- разрабатываемыми начиная с 2015 года и по настоящее время (ФСБУ) для коммерческих организаций и организаций общественного сектора;
- международными стандартами финансовой отчётности при составлении как консолидированной, так и индивидуальной финансовой отчётности (МСФО).

Применение МСФО для составления консолидированной финансовой отчётности вопросов не вызывает, поскольку они применяются на основании ФЗ-208 «О консолидированной финансовой отчётности». Однако использование МСФО при составлении индивидуальной финансовой отчётности вызывает сомнения. Так, в ФЗ-208 чётко определено, что консолидированная финансовая отчётность составляется на основе МСФО, а индивидуальная – на основе ПБУ. Между тем, Министерство финансов РФ утвердило официальный перевод МСФО на русский язык приказом №217н от 28.12.2015 года. В ФСБУ по отдельным вопросам (например, обесценения) рекомендуется их прямое использование, например, МСФО (IAS) 36 «Обесценение активов» и МСФО (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости». Считаем, что в этом случае возникает коллизия в регулировании бухгалтерского учёта в России.

Следует отметить, что если бухгалтер до настоящего времени при ведении бухгалтерского учёта запасов использовал ПБУ 5/01 «Учёт материально-производственных запасов», то начиная с 2021 года он применяет в своей работе ФСБУ 5/2019 «Запасы». Между тем, эксперт-экономист при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы вынужден будет руководствоваться по делам, включающим бухгалтерские документы до 2021 года, ПБУ 5/01, а по экспертизам, охватывающим период включая 2021 год, как ПБУ 5/01, так уже и ФСБУ 5/2019. То же самое произойдёт и по основным средствам, поскольку в настоящее время в учёте применяется ПБУ 6/01, но уже утверждено ФСБУ 6/2020 «Основные средства». Возникают сложности и при проведении финансово-аналитической и финансово-кредитной экспертизы. Так, если организация в финансовой отчётности не представит информацию ретроспективно, то есть запасы будут учтены до 2021 года в соответствии с ПБУ 5/01, а начиная с 2021 года перспективно, в соответствии с ФСБУ 5/2019 (то же и по основным средствам, только начиная с отчётности за 2022 год), то данные финансовой отчётности будут несопоставимы, и можно сделать неверные выводы относительно финансового состояния исследуемой организации, преднамеренного либо фиктивного банкротства [3, стр. 398], кредитоспособности, платёжеспособности, ликвидности и по другим исследуемым вопросам.

Исследуем подробнее ФСБУ 5/2019 и 6/2020, разработанные на основе МСФО 2 «Запасы» и МСФО 16 «Основные средства» и имеющие значительные отличия от ныне действующих ПБУ 5/01 и 6/01.

1. Критерии признания и виды основных средств и запасов. По основным средствам в критериях признания выделены основные средства, предназначенные

ные «для охраны окружающей среды и для предоставления за плату во временное пользование». Непонятно, в этом случает словосочетание «для предоставления за плату во временное пользование» относится к основным средствам, предназначенным для охраны окружающей среды, или существует отдельно? По нашему мнению, текст требует уточнения и редакции. В пункте 10 ФСБУ 6/2020 даётся определение такого объекта, как «инвестиционная недвижимость». Известно, что существует отдельный международный стандарт с аналогичным названием. Если Россия ориентируется на МСФО, почему по такому объекту учёта, как инвестиционная недвижимость не разработано отдельное ФСБУ? И как планируется в дальнейшем быть с такими учётными объектами? Также возникает вопрос об объектах социально-культурной сферы. Если строго следовать критериям признания основных средств, получается, что объекты социально-культурной сферы вообще не должны присутствовать на балансе организации, ведь они не приносят предприятию прямую экономическую выгоду. Если в советское время практически каждое промышленное и сельскохозяйственное предприятие имело на балансе объекты жилищной и социальной сферы, то в настоящее время таких объектов остались единицы, практически все они переданы на баланс органов муниципальной власти. Однако и в настоящее время остались хозяйства, особенно в сельской местности, имеющие такие объекты на балансе. Действительно, сельскохозяйственные организации, имеющие полноценную инфраструктуру, в современных условиях не имеют проблем с оттоком населения и являются финансово устойчивыми. Таким образом, данные объекты оказывают прямое воздействие на деятельность предприятия и его финансовые результаты, поэтому их признание и учёт требуют дальнейшего исследования. Одной из проблем является признание в учёте земель, особенно сельскохозяйственного назначения, и биологических активов. Во многих странах земли учитываются как отдельный актив, то есть не входят в состав основных средств, так как по землям не начисляется амортизация, а сельскохозяйственные угодья относятся одновременно как к средствам труда, так и к предметам труда. Учитывая огромную ценность сельскохозяйственных угодий, в бухгалтерском учёте следует формировать информацию о вложениях в землю и её отдаче, то есть учитывать качество земель. В соответствии с МСФО 41 «Сельское хозяйство», в состав биологических активов входят растения и животные. Это живые организмы, оценка и учёт которых имеют значительные отличия от прочих запасов. По МСФО в отчёте о финансовом положении биологические активы учитываются отдельно от основных средств и запасов. В России уже давно разработан проект стандарта по учёту биологических активов, который, если говорить о применении правил МСФО в федеральных стандартах, нужно окончательно обсудить на уровне отраслевого научного и практического сообщества и принять хотя бы как отраслевой стандарт, хотя, если исходить из требований МСФО, стандарт должен быть федеральный.

2. Оценка основных средств и запасов в бухгалтерском учёте и отчётности.

Значительные изменения претерпела оценка основных средств. Так, если в настоящее время применяются в учёте первоначальная и восстановительная, а при составлении отчётности балансовая (остаточная) стоимость, то новым стандартом предписываются следующие виды оценки: первоначальная стоимость (стоимость, по которой объект принимается в состав основных средств и эксплуатацию), переоценённая стоимость (регулярно переоцениваемая стоимость, близкая к так называемой «справедливой стоимости»). По поводу справедливой стоимости в учёте не переставая идут дискуссии, каким образом её определять, нужна ли она в принципе и т.д. Привлекать оценщиков для постоянной оценки по рыночной стоимости – это дорогое удовольствие, которое необходимо только для, практически, публичных акционерных обществ, представляющих финансовую отчётность на фондовырынки. Сложнее всего понять, для чего нужна справедливая стоимость организациям государственного сектора. Ранее нами был исследован этот вопрос. Получается, что при последующей оценке и «доведения» до «справедливой стоимости», в том числе уценке имущества, такие активы можно продавать фактически по заниженной стоимости [2, стр. 40]. Таким образом, перед экспертом-экономистом встаёт ещё один сложный вопрос относительно подтверждения правильности оценки основных средств по справедливой стоимости (либо констатация неверной оценки), поэтому требуется комплексная экспертиза [8, стр. 364]. В отчётности основные средства отражаются по балансовой стоимости. Это не новое понятие, однако если ранее балансовая стоимость рассчитывалась как разность между первоначальной или восстановительной стоимостью и накопленными амортизационными отчислениями, то в настоящее время введено новшество, которое заключается в том, что балансовая стоимость рассчитывается как разность между первоначальной стоимостью и накопленными амортизационными отчислениями и их обесценением (п. 25 ФСБУ 6/2020). Возникает вопрос: если объект оценивается по переоценённой стоимости, то по какой оценке он должен быть представлен в бухгалтерском балансе? Об этом в п. 25 ФСБУ не сказано ни слова. Также с оценкой соотносится и такое понятие, как «ликвидационная стоимость». Новшеством является то, что, в соответствии с зарубежными методиками учёта, начисление амортизации и выбытие объекта основных средств осуществляется с учётом так называемой ликвидационной стоимости. Для отечественного учёта это новое понятие. Определение ликвидационной стоимости дано в ФСБУ 6/2020, пункт 30. Однако, кроме определения, требуется ещё и детальная методика учёта, которая на сегодняшний день отсутствует. Поскольку такого понятия не существует в Налоговом кодексе, то в процессе налоговой экспертизы эксперт-экономист при проверке налога на прибыль будет пользоваться положениями НК РФ, однако при проведении особенно финансово-экономической экспертизы эксперт столкнётся с трудностями правильности определения лик-

видационной стоимости.

3. Прочие проблемные вопросы учёта основных средств и запасов:

- отражение в учёте приобретённых запасов за вычетом будущих скидок, которые планируется получить от поставщиков (п. 12 ФСБУ 5/2019). Не очень понятен смысл: обычно покупатель получает от поставщика имущество после подписания договора поставки либо купли-продажи, если же в договоре стоимость не определена, перед каждой поставкой она уточняется отдельным документом. Таким образом, по этой фразе хотелось бы получить более подробные пояснения Минфина РФ;

- создавать резервы под обесценение основных средств и запасов. Также ФСБУ 5/2019 и 6/2020 по поводу обесценения отсылает научных и практических работников к МСФО 13 «Оценка по справедливой стоимости». Между тем, существует ещё методика и техника учёта. Какими бухгалтерскими документами и записями отражать оценку по справедливой стоимости? Нужны методические рекомендации и, думается, изменения в плане счетов бухгалтерского учёта финансово-хозяйственной деятельности организаций. И ещё одно: требование по отражению в учёте обесценения отдельных активов, в том числе запасов, возникло ещё в ПБУ 5/2001. Оно также не применяется большинством организаций, так как существует принцип экономичности: подтверждение обесценения слишком затратно для предприятий.

4. Раскрытие в финансовой отчётности информации о запасах и основных средствах. В пояснениях отдельно должна быть раскрыта информация об инвестиционной недвижимости и основных средствах, отличных от неё. Требуется раскрытие информации в соответствии со статьёй 45 (14 подпунктов) и статьёй 46 (6 подпунктов), а по ФСБУ 5/2019 – статьёй 45 (7 подпунктов). И это только по двум учётным объектам.

Таким образом, можно на основе проведённого исследования сделать вывод, что с принятием новых федеральных стандартов значительно возрастает ответственность эксперта-экономиста при разработке частных методик экономических экспертиз [4, стр. 189; 5, стр. 1123], что «отодвинет» на неопределённое время утверждение типовых методик проверки, а также значительно повышается роль профессионального суждения эксперта-экономиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козменкова С.В., Зубков Д.Д. Возможности применения специальных экономических знаний при расследовании дел о нецелевом расходовании бюджетных средств. // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. 2019. №15 (471). С. 11–16.
2. Козменкова С.В. Справедливая стоимость: характеристика и влияние на экономическую безопасность // На страже экономики. 2020. №4 (15). С. 38–44.

- Сунгатуллина Л.Б. Применение сценарного подхода к диагностике и предупреждению возможного банкротства предприятия. / Л.Б. Сунгатуллина, Ю.И. Чупова // Международный бухгалтерский учёт. 2020. Т. 23. №4 (466). С. 395–413.
- Сафонова М. Ф. Развитие методики бухгалтерской экспертизы в условиях цифровой экономики / М.Ф. Сафонова // Международный бухгалтерский учёт. 2019. Т. 22. № 2 (452). С. 187-204.
- Тимченко В.А. Объекты судебно-экономической экспертизы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. №2. С. 200–206.
- Цыганов В.И., Козменкова С.В. Нормативное правовое регулирование бухгалтерского учёта: история и современность // Международный бухгалтерский учёт. 2019. Т. 22. №9 (459). С. 968–982.
- Юматов В.А. Компетентность и компетенция судебного эксперта: содержание и объём понятий // Вопросы экспертной практики. 2017. №S1. С. 391–400.
- Юматов В.А., Юматова Э.Г. Комплексный подход в судебной экспертизе в структуре правовой и экспертной деятельности // «Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы». Сборник докладов международной научной конференции. 2020. Нижний Новгород.: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 364–373.

Features of the methodology of forensic economic examination in connection with the application of new federal standards accounting

S. V. Kozmenkova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
skozmenkova@yandex.ru

The article examines the problem of developing private methods of forensic economic examination in the context of the application of new federal accounting standards for commercial, non-commercial organizations, as well as public sector institutions. At the same time, an expert-economist must have special knowledge, both in the «old» and in the «new» accounting standards, which have significant differences. The application in practice of various rules for maintaining financial accounting and reporting significantly complicates the development of a private methodology in the case of checking business transactions reflected in accounting and reporting both according to the rules of PBU, FSBU, and IFRS, and also increases the value of the professional judgment of an expert-economist.

Keywords: accounting regulations (PBU), federal accounting standards (FSBU), international financial reporting standards (IFRS), economic expertise, property and liability valuation, fair value.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕГРАЦИИ ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Д.А. Кудряшов

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия. Москва)
dima.kudryashov.d@mail.ru*

В настоящей статье рассматриваются актуальные пути интеграционного развития экспертных технологий в судебно-баллистической экспертизе и отдельные подходы к их внедрению в экспертно-криминалистическую деятельность. Автором раскрывается принцип работы автоматизированных баллистических идентификационных систем, а также содержание понятия электронных информационных фондов. Обозначается проблематика нормативно-правовой регламентации экспертных технологий.

Ключевые слова: судебно-баллистическая экспертиза, экспертные технологии, автоматизированное рабочее место эксперта-баллиста, информационно-поисковая система, автоматизированная баллистическая идентификационная система.

Современный этап развития судебной экспертизы характеризуется повсеместным внедрением инновационных цифровых и ИТ-технологий в судебно-экспертную и криминалистическую деятельность, что на сегодняшний день, является одним из наиболее эффективных способов повышения ее уровня доступности и качества.

Использование вышеобозначенных технологий позволяет сократить временные, трудовые и финансово-экономические затраты на выполнение повторяющихся, рутинных процессов, связанных с организацией и производством судебных экспертиз. В частности, способствует более эффективному, качественному, а также, что немаловажно, своевременному и оперативному получению, использованию и хранению криминалистически значимой информации.

Современные экспертные технологии представляют собой динамическую систему программно-технических комплексов интеграции криминалистически значимой информации. Их основным назначением является применение современных и инновационных систем (системы электронного документооборота, автоматизированных систем получения экспертных данных, систем обработки цифровых изображений, систем искусственного интеллекта, биометрических, миарных, робототехнических и других систем) для получения необходимой криминалистически значимой информации.

В этой связи, можно говорить о том, что за последние годы кардинально изменился статус и место экспертных технологий в структуре института судебных экспертиз. Подобная картина развития экспертных технологий наблюдается в большинстве родов и видов судебных экспертиз, с учетом специфики их организации и производства. Наиболее характерно она прослеживается в процессе развития криминалистических экспертиз, в частности, например, в судеб-

ной баллистике и судебно-баллистической экспертизе.

Проанализировав криминалистическую и экспертную литературу по обозначенной тематике, а также следственную и судебно-экспертную практику назначения, организации и производства судебно-баллистических экспертиз и исследований, можно выделить основные пути интеграционного развития экспертных технологий в судебно-баллистической экспертизе.

Во-первых. Использование технологий наноструктурирования экспертно-криминалистических средств.

Одним из механизмов реализации данного направления является разработка с последующим применением в практике производства судебно-баллистических экспертиз и исследований технико-криминалистических средств, содержащих нанообъекты или наноструктурированные материалы. Например, на основе углеродных нанотрубок изготавливается баллистический желатин (гель) [1, стр. 66], который обладает более совершенными характеристиками, максимально приближенными к характеристикам материала преграды или мышечной ткани человека, по сравнению с применяемыми материалами на практике. При ситуационном моделировании обстоятельств выстрела применение баллистического желатина (геля), в качестве преграды, позволяет достигать в заданных условиях максимально приближенных характеристик (вязкости, плотности, тягучести и т.д.).

Во-вторых. Применение на практике при производстве судебных экспертиз автоматизированных рабочих мест эксперта.

Автоматизированное рабочее место эксперта представляет собой комплекс технических средств и программного обеспечения, разработанный для автоматизации процесса профессиональной деятельности эксперта. Современное автоматизированное рабочее место эксперта представляет собой компьютеризированное и механизированное рабочее место, оснащенное новейшими экспертно-криминалистическими средствами и программно-техническими комплексами автоматического получения, хранения, переработки и использования криминалистически значимой информации при решении различных экспертных задач. Оно является воплощением инновационных технологических решений, позволяющих обеспечить единый подход к производству судебных экспертиз, стандартизировать их методическое обеспечение и в целом оптимизировать их производство.

В связи с особенностями производства судебно-баллистических экспертиз, комплектация автоматизированного рабочего места эксперта-баллиста специфична. В целях оптимизации организации и производства баллистических исследований представляется необходимым интегрировать в единый комплекс технический компонент и информационную составляющую, открывающую доступ автоматизированному поиску, выполнению расчетов, по необходимости, созданию электронных форм экспертных заключений и т.п.

С нашей точки зрения, а также с позиции других авторов [2], вышесказанное позволит существенно оптимизировать процесс технического сопровождения профессиональной деятельности экспертов, в том числе экспертов-баллистов, тем самым обеспечивается необходимый уровень информационного сопровождения производства баллистических экспертиз и доступ к систематизированным электронным информационным фондам по отдельным объектам судебно-баллистических экспертиз.

В-третьих. Разработка электронных информационных фондов, содержащих необходимые электронные материалы (справочники, каталоги, учебные пособия, методические рекомендации и т.п.).

Подобные источники информации позволяют оперативно отыскать необходимые сведения о различных объектах экспертных исследований. В современных реалиях, когда номенклатура объектов исследования составляет десятки тысяч наименований, а сроки производства судебных экспертиз сжаты, электронные базы данных (фонды), а также различная экспертно-криминалистическая литература в электронном виде способны оказать неоценимую помощь судебным экспертам-баллистам, особенно при проведении сложных комплексных ситуационных экспертных исследований. Информационное сопровождение таких экспертиз включает не только традиционные функции информационного обеспечения, но и достижение в дальнейшем его более высокого уровня развития. Данный уровень должен предусматривать анализ и всестороннюю комплексную оценку новых полученных сведений, с последующим их обобщением и составлением прогнозов развития данного направления экспертно-криминалистической деятельности и реализации отдельных положений экспертной профилактики.

В-четвертых. Применение на практике при производстве судебных экспертиз автоматизированных информационно-поисковых систем.

Автоматизированные информационно-поисковые системы представляют собой некое программное обеспечение либо программно-аппаратный комплекс, предназначенный для реализации процессов ввода, обработки, хранения, поиска, представления криминалистической информации. При производстве судебно-баллистических экспертиз реализуются такие формы автоматизированных информационных систем, как информационно-поисковые системы, например, ИПС «ОРУЖИЕ», ИПС «ПАТРОН» и т.д., а также автоматизированные идентификационные баллистические системы АБИС «АРСЕНАЛ», АБИС «РАМЭК» и т.д.

Существующие в настоящее время идентификационные баллистические системы, основанные на различных принципах действия (профилографы, оптико-механические системы, оптические сканеры), являются только автоматизированными, но не автоматическими системами, т.е. в любом варианте предполагается участие человека, а вовсе не исключается такая возможность.

Процедура идентификации в них строится с учетом статистических свойств обрабатываемой информации и основывается на количественных способах оценки совпадений и различий. Процессы исследования строятся на использовании компьютерной техники, что гарантирует надежность и быстроту обработки информации [3, стр. 44].

В-пятых. Внедрение и использование информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности.

Информационно-коммуникационные экспертные технологии в целом можно рассматривать как процессы и методы взаимодействия между собой различных участников судопроизводства (суда, следователя, эксперта, руководителя экспертного учреждения и т.д.), связанные с организацией и производством судебных экспертиз, реализация которых осуществляется с применением устройств вычислительной техники и технологий телекоммуникаций посредством поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения криминалистически значимой информации.

Анализ теории и практики свидетельствует о том, что применение на сегодняшний день информационно-коммуникационных экспертных технологий наиболее эффективно в процессе производства комиссионных, комплексных или ситуационных баллистических экспертиз и исследований. Также данные технологии, в последнее время, достаточно активно внедряются в дидактический и учебный процесс при подготовке экспертных кадров, а их отдельные компоненты, за относительно небольшой промежуток времени, стали практически неотъемлемыми элементами современных дистанционных образовательных технологий.

В-шестых. Применение технологий 3D-сканирования при фиксации различных объектов судебной экспертизы и технологий 3D-моделирования при производстве судебных экспертиз.

В современной экспертно-криминалистической литературе рассматриваются возможности применения, в качестве средства фиксации различных объектов и предметов преступления, а также обстановки место происшествия в целом (например, фиксации исследования поверхностей тела человека, нанесенных огнестрельных повреждений в целях оперативного установления орудия преступления, оставившего следы, а также реконструкции обстоятельств применения огнестрельного оружия), системы оптического бесконтактного 3D-сканирования. При 3D-сканировании в дополнение к поверхностной фиксации используются методы визуализации внутренних повреждений в поперечных сечениях, полученных с помощью многослойной компьютерной томографии и магнитно-резонансной томографии. Полученные данные затем объединяются в 3D-модель и мы видим картину места происшествия в трехмерном пространстве (в действительности).

Соглашаясь с мнением отдельных авторов [4, стр. 39], констатируем, что

преимущества использования 3D-методов в судебной баллистической экспертизе, например, при решении задач идентификации огнестрельного оружия по следам на выстрелянных пулях и стрелянных гильзах нельзя отрицать. Качество оцениваемых в ходе производства баллистической экспертизы общих и частных признаков в следах детерминируется характеристиками сканирующего устройства, реализованного в автоматизированных баллистических идентификационных системах, о которых уже было сказано ранее, и позволяет не только повысить информативность и качество полученных изображений, но и более точно производить поиск баллистических объектов по заданным параметрам.

Применение технологий 3D-моделирования представляется наиболее целеобразным в ходе проведения комплексных исследований или ситуологических (ситуационных) экспертиз. Хотя такое положение не исключает применение технологий 3D-моделирования в проведении моноэкспертиз, если этого требует решение поставленного перед экспертом вопроса. Основной задачей 3D-моделирования является получение реалистичного конечного изображения с последующей возможностью его визуализации. Для достижения обозначенной задачи необходимо построить трехмерную модель. В этом и заключается основной принцип 3D-моделирования.

В-седьмых. Использование искусственного интеллекта в судебной экспертизе.

Использование искусственного интеллекта в судебной баллистике является новейшим современным направлением развития инновационных технологий. Однако, несмотря на сказанное, данные технологии получают значительное интенсивное развитие как в России, так и за рубежом. Так, например, помимо прототипов SMART-оружия, в настоящее время уже существует несколько полноценно разработанных моделей подобного рода огнестрельного оружия. В России разработано SMART-ружье MP-155 Ultima, в Германии – пистолет Armatix iP1 Smart System и другие прототипы.

Таким образом, разделяя мнения отдельных ученых [5, стр. 140], мы пришли к выводу, что на сегодняшний день экспертные технологии представляют собой сложный механизм материальных взаимодействий. В данном контексте представляется актуальной проблематика нормативно-правового регулирования современных инновационных экспертных технологий. Изучение передового опыта, в том числе и зарубежного, в аспекте возможностей современных экспертных технологий подчеркивает актуальность их дальнейшего развития и совершенствования, что значительно расширяет возможности производства как моноэкспертиз, так и более сложных и трудоемких комиссионных, комплексных и ситуологических (ситуационных) баллистических экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокофьева Е.В. Наноstructuringие технико-криминалистических средств обеспечения раскрытия и расследования, а также средств предупреждения преступлений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 80-85.
2. Дусева Н.Ю. Автоматизированное рабочее место эксперта-криминалиста: требования и современные решения. / Н.Ю. Дусева. – Текст: электронный. // Общество: политика, экономика, право. – URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2019/4/law/duseva.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
3. Кокин А.В. Некоторые практические аспекты применения автоматизированных баллистических идентификационных систем при исследовании следов огнестрельного оружия на пулях // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. №2. 2015. С. 44-46.
4. Полякова А.В. Перспективы развития судебной баллистики в свете применения современных способов фиксации криминалистической информации. // Законность и правопорядок. №4 (24). 2019. С. 36-41.
5. Смирнова С.А., Колдин В.Я. Судебно-экспертные технологии: современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. Том 14, №4. 2019. С. 137–144.

On the issue of the features of the integration of expert technologies in the production of forensic ballistic examinations

D.A. Kudryashov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.

Kikotya (Russia. Moscow)

dima.kudryashov.d@mail.ru

This article discusses the current ways of integrating the development of expert technologies in forensic ballistic expertise and individual approaches to their implementation in forensic activities. The author reveals the principle of operation of automated ballistic identification systems, as well as the content of the concept of electronic information funds. The problem of normative legal regulation of expert technologies is indicated.

Keywords: forensic ballistic examination, expert technologies, automated workstation for a ballista expert, information retrieval system, automated ballistic identification system.

АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

И.В. Латышов

Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)
latyshov@gmail.com

В статье рассмотрены возможности использования аппаратно-программных комплексов «POISC» в решении задач криминалистических экспертиз. Преимуществом этой продукции – комплекса «POISC-MC», фото-модуля «POISC», баллистического сканера «POISC» – является сведение их разработчиком в единую технолого-информационную платформу, где каждый из элементов выполняет свою функцию, дополняя познавательные ресурсы других аппаратно-программных комплексов. Такой подход позволяет на качественно новом уровне осуществлять исследование объектов, использовать инновационные сервисные программы измерения, расчета, построения моделей, выделения и анализа участков со следовой информацией, проводить сравнение следов с использованием специальных программных функций и приложений, оперировать систематизированной информацией об объектах учета, вести их поиск в базе данных, обеспечивать комфортный режим подготовки и наглядность иллюстративного материала к заключению эксперта.

Ключевые слова: криминалистическая экспертиза, аппаратно-программный комплекс, 3D моделирование следов, разметка признаков.

Характерной тенденцией развития криминалистических экспертиз является разработка и внедрение в их производство технически сложных приборов и оборудования. Часть из них приходится на аппаратно-программные комплексы, объединяющие технологические ресурсы как собственно приборов, так и прилагаемых к ним прикладных компьютерных программ. Их внедрение в экспертную практику расширяет горизонты познания, раскрывает новые возможности экспертного исследования объектов.

Запрос криминалистической экспертизы на создание технических средств и программного обеспечения определяет тот факт, что этот класс экспертиз ориентирован на изучение внешнего строения объекта, определение его состояния и функциональных характеристик. Соответственно, в сферу их интересов входят аппаратно-программные комплексы, обеспечивающие производство: визуального осмотра объекта, контроля его состояния, выявления признаков в следах; измерений объектов и следов, фиксации результатов измерений, разметок признаков; сравнительных исследований следов; моделирования выявляемых следов и использования модели при производстве экспертного исследования; систематизации сведений об исследуемых объектах и следах на них, создания и ведения справочников; подготовки заключения эксперта-криминалиста.

Отметим, что большая часть из известных в экспертно-криминалистической практике аппаратно-программных комплексов не решают столь широкого перечня вопросов, так как изначально создаются под конкретные исследова-

тельские задачи отдельных видов криминалистических экспертиз – технико-криминалистической экспертизы документов, судебно-баллистической экспертизы и пр.

Имеет место также практика применения аппаратно-программных комплексов, изначально разработанных для исследования объектов одного вида криминалистических экспертиз, в решении задач экспертиз других видов [1, стр. 181–184].

Однако, в том или другом случае обращение к технологическим ресурсам аппаратно-программных комплексов обычно затрагивает вопросы выявления и анализа следовой информации. Сегодня же требуется нечто большее.

В современной повестке дня все более актуальны задачи по систематизации криминастики значимой информации об объектах исследования, оперированию данными сведениями, созданию инструментария, позволяющего на качественно новом уровне проводить операции измерения следов, их сравнения, построения 3D моделей следов, обеспечивать комфортный режим работы по подготовке заключения эксперта, а также иллюстративного материала к нему. Положительный опыт в этом направлении есть.

В числе таких инновационных продуктов – разработки ООО «СДЦ инжиниринг» (г. Санкт-Петербург) – аппаратно-программные комплексы: «POISC-MC», фото-модуль «POISC», баллистический сканер «POISC», позволяющие решать широкий спектр задач по производству криминалистических экспертиз, ведению криминалистических учетов (рис. 1-3).

Особенностью аппаратно-программных комплексов «POISC» является свечение их в единую технолого-информационную платформу, где каждый из элементов выполняет свою функцию, дополняя возможности других аппаратно-программных комплексов.

Рис. 1. Станция ввода данных: «POISC-MC».

Рис. 2. Станция ввода данных: «POISC» фото-модуль.

Рис. 3. Станция ввода данных: баллистический сканер «POISC».

В результате в области производства криминалистических экспертиз аппаратно-программными комплексами «POISC» обеспечивается:

- получение изображений исследуемых объектов высокого качества и больших увеличений;
- работа с изображениями посредством использования сервисных программ измерения, расчета, построения моделей, выделения и анализа участков с криминалистически значимой следовой информацией;
- сравнение следов с использованием специальных программных функций и приложений;
- систематизация в базе данных криминалистически значимой информации об объектах учета;
- проведение поиска в базе данных по заданным параметрам и характеристикам объектов;
- подготовка иллюстративного материала к заключению судебного эксперта.

Аппаратно-программные комплексы системы «POISC» отличает:

1. Высокое качество полученных изображений объектов и их частей. Важно, что выделение деталей структуры исследуемого предмета или следа даже при значительных увеличениях информативно и достаточно для их экспертного анализа, сравнения и оценки (рис. 4).

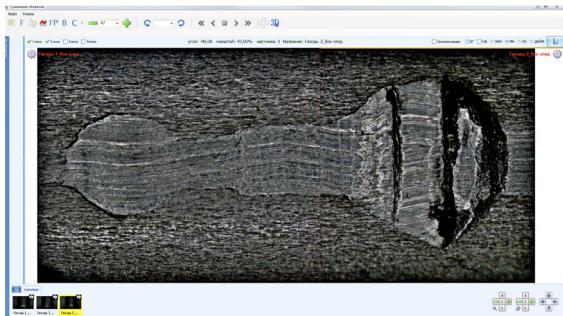

Рис. 4. Совмещение динамических следов производственного механизма на стержнях гвоздей.

2. Широкая линейка инструментов для измерения с высокой точностью изучаемых предметов и следов, проведения разметки признаков. Это актуально при измерении следов, оценке сравниваемых деталей строения объектов (рис. 5).

3. Адаптация инструментов под конкретные особенности внешнего строения сравниваемых следов. Так, в динамических следах трасологически выраженные участки нередко отображаются не по всей плоскости следа, а со смещением к одному из краев либо имеет место их чередование с зонами слабой выраженности следа. В этих случаях при совмещении трасс в следе можно использовать функцию «сплиттер» и выбрать необходимую геометрию линии разделения (прямая, ломаная, извилистая и пр.).

Сравнение способом наложения технологически обеспечивает функция «калька», что актуально для следовой картины следа с ярко выраженным особыми особенностями микрорельефа (рис. 6).

Рис. 5. Измерение и разметка сравниваемых следов сверления.

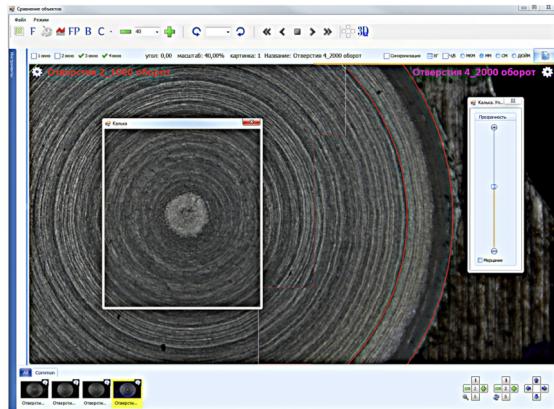

Рис. 6. Сравнение следов сверления (1000 об/мин и 2000 об/мин) с помощью функции «калька» и «ломаный сплиттер».

Предварительные результаты получены в отношении возможности программного моделирования характеристик динамических следов в зависимости от параметров встречного угла следообразующего объекта. Соответствующая программная функция «модуляция» может быть полезна в случаях сравнения динамических следов на объектах, изъятых с различных мест происшествия, если известно, что следы образованы одним и тем же орудием, а само орудия взлома не было изъято.

Рассмотренный аспект требует дальнейшей основательной научно-методической разработки, прежде чем будет представлен разработчиком в итоговом перечне прикладных программ и инструментария аппаратно-программных комплексов.

4. Возможность построения и использования в решении экспертных задач 3D моделей следов с функциями их прямой либо обратной проекции (рис. 7).

Отметим, что использование дополнительной характеристики трехмерного следа повышает возможности экспертического анализа следа, его сравнения. Особую актуальность это имеет в случаях сравнения следов с «дефицитом» характерных особенностей строения (частных признаков). Примером служат случаи образования следов на гильзах деталями современных моделей огнестрельного оружия с малым настрелом. Высокая чистота обработки поверхностей отдельных следообразующих деталей (чашки затвора) является причиной практического отсутствия частных признаков в следах, что затрудняет их использование при отождествлении оружия. В любом случае можно констатировать проблему экспертной оценки 3D признаков, необходимость серьезной научно-методической проработки вопроса.

5. Развернутое информационное сопровождение экспертического исследования, ведения криминалистического учета объектов.

Программное обеспечение аппаратно-программных комплексов «POISC»

включает в себя возможность обращения к справочной информации по исследуемым объектам. В настоящее время основная их часть касается конструктивных и тактико-технических характеристик огнестрельного оружия и патронов к нему (рис. 8). Ведутся работы по систематизации и хранению информации о других объектах экспертных исследований (следах автотранспортных средств).

Рис. 7. 3D модель следа бойка на капсюле гильзы, стрелянной в 9 мм пистолете ИЖ-71.

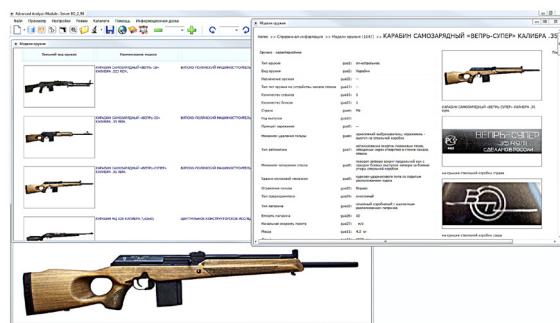

Рис. 8. Страница электронного каталога моделей гражданского огнестрельного оружия технолого-информационной платформы «POISC».

6. Возможности решения иных задач криминалистического исследования объектов. В их числе проблема определения очередности нанесения пересекающихся штрихов в рукописных материалах. Экспериментально подтверждена эффективность использования в этих целях функции «лекало» (рис. 9–10).

Рис. 9. Исходное изображение пересекающихся штрухов.

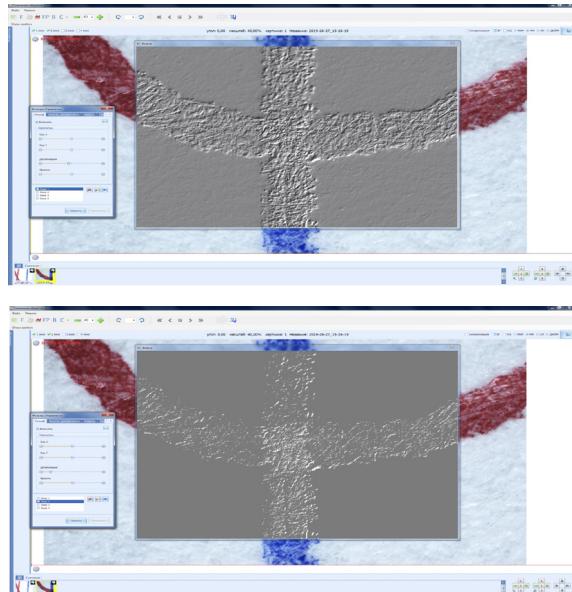

Рис. 10. Зона пересекающихся штрухов в различных режимах функции «лекало».

В целом же, опыт создания модельной линейки аппаратно-программных комплексов «POISC» на базе единой технолого-информационной платформы заслуживает внимания науки и практики, представляет собой перспективное направление развития криминалистических экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латышов И.В. Возможности использования аппаратных ресурсов видеоспектрального компаратора «Docucenter Nirvis Projectina» при производстве судебно-баллистических исследований следов выстрела / И.В. Латышов, А.В. Кондаков, В.А. Васильев, М.Е. Пахомов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Международной II науч.-практ. конф. / редкол. Н.Н. Шведова [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2014. С. 181–184.

Hardware and software systems for the production of forensic examinations

I.V. Latyshov

*Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Saint Petersburg)
latyshov@gmail.com*

The article describes the possibilities of using hardware-software complexes «POISC» in solving problems of forensic examinations. This product – the POISC-MC complex, the POISC photo module, the POISC ballistic scanner – has a number of advantages. The advantage of these systems is their reduction, into a single technological and information platform, where each of the elements performs its function, complementing the cognitive resources of other hardware and software systems. This approach allows the study of objects at a qualitatively new level. It becomes possible to use innovative service programs for measuring, calculating, building models, identifying and analyzing areas with trace information. It is also possible to compare traces using special software functions and applications, operate with systematized information about accounting objects, search for them in a database, provide a comfortable preparation mode and clarity of illustrative material for the expert's conclusion.

Keywords: forensic examination, hardware and software complex, 3D modeling of traces, marking of signs.

ПРЕДМЕТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ РАБОТНИКОВ И СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СО СПЕЦИАЛИСТАМИ И ЭКСПЕРТАМИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

А.Ф. Лубин^{1,2}, С.А. Лубин²

*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
(Россия, Нижний Новгород)*

*²Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
ale-lubin@yandex.ru, lubin.s@yandex.ru*

Рассмотрены особенности предмета взаимодействия оперативных работников и следователей со специалистами и экспертами при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы (при выявлении и расследовании налоговых преступлений). Представлены отдельные положения криминалистической характеристики налоговых преступлений. Определена роль специалиста-бухгалтера в ходе оперативно-разыскных мероприятий. Сформулированы некоторые тактические рекомендации при подготовке и проведении судебно-бухгалтерских экспертиз.

Ключевые слова: налоговые преступления, документирование результатов оперативно-разыскных действий, специалист-бухгалтер, судебно-бухгалтерская экспертиза.

Министр финансов Баварии Эрвин Губер однажды устало пошутил: «В Германии стремление к уклонению от уплаты налогов проявляется сильнее, чем инстинкт к размножению» [1]. Это сказано о ФРГ, которая считается страной законов, а нация – одной из самых законопослушных. Это написано о государ-

стве, в котором:

а) существует обязанность (и привычка) передачи информации «компетентным» налоговым органам в случае заключения подозрительных сделок, внесения или получения крупных финансовых сумм, приобретения предметов роскоши, получения наследства и др.;

б) действует развитая система так называемых контрольных уведомлений между различными налоговыми инстанциями;

в) ведется крупномасштабный налоговый розыск.

В России ситуация качественно иная. Вышеперечисленные обстоятельства совсем отсутствуют или слабо выражены. Как бы то ни было, Российское государство должно и может исполнять свои полномочия только в рамках имеющегося бюджета. Только в этих пределах оно гарантирует сохранение существующего социально-экономического строя для большинства – «инсайдеров», включенных в общественный процесс, и одновременно поддерживает меньшинство – «аутсайдеров» (безработных, малообеспеченных, инвалидов и пр.).

Сложность государственного управления финансово-экономическими процессами состоит, главным образом, в необходимости увеличения налоговых поступлений и одновременном снижении налогового бремени в зависимости от категории налогоплательщиков. Вероятно, «ничто не требует столько мудрости и ума, как определение той части, которую у подданных забирают, и той, которую оставляют им» [2].

Налоговый кодекс РФ определил понятие налога, как обязательного взноса в бюджет соответствующего уровня или во внебюджетный фонд. В этом кодексе можно видеть общие принципы налогообложения и налогового учета в РФ: 1) всеобщность; 2) стабильность; 3) справедливость; 4) определенность; 5) удобность; 6) равнонапряженность; 7) достаточность; 8) однократность; 9) обязательность; 10) подвижность; 11) надежность; 12) календарность и др. [3, стр. 130].

Однако существует множество возможностей – активных или пассивных – скрывать свои доходы от налогообложения, увеличивая тем самым свое личное состояние и сокращая размер «общественного блага». Все эти способы являются уголовно-наказуемыми вне зависимости от целей таких действий. Так, в УК РФ предусматривается ответственность за уклонение гражданина от уплаты налога (ст. 198) и уклонение от уплаты налога организаций (ст. 199). Пожалуй, помещения в текст уголовного закона указанных статей недостаточно для того, чтобы они выступили единственным инструментом в противодействии преступлениям в указанной сфере. Для этого потребуются комплексные средства – уголовно-процессуальные, криминалистические, оперативно-разыскные, судебно-экспертные.

Одним из таких средств является судебно-бухгалтерская экспертиза, которая позволяет с помощью бухгалтерских знаний установить скрытые свойства

и взаимосвязи предметов и явлений. Без применения таких знаний становится практически невозможным выявить признаки сокрытия объекта налогообложения [4, стр. 55], а также искажения исходных документов.

В этом плане возрастает значимость такого рода знаний. Поэтому использование оперуполномоченным и следователем бухгалтерских знаний, возможностей и сущности бухгалтерской экспертизы – важное и, пожалуй, единственное средство повышения эффективности практической деятельности. Подобная «сентификация» – внедрение науки в криминалистическую методику налоговых расследований – способствует формированию системы доказательств по уголовному делу.

Формы использования бухгалтерских знаний: 1) непосредственно оперуполномоченным в ходе документирования налогового преступления; 2) доносителем (лицом, производящим дознание); 3) следователем; 4) судом; 5) путем получения справок и консультаций у специалистов-бухгалтеров; 6) путем привлечения специалистов-бухгалтеров для участия в оперативно-разыскных мероприятиях; 7) путем привлечения специалистов-бухгалтеров для участия в следственных действиях; 8) путем ревизии; 9) путем бухгалтерской экспертизы [5; 6; 7].

При всем этом необходимо учитывать, что для превращения бухгалтерской информации в доказательства требуется обращать внимание и на тактические рекомендации [8, стр. 374]. Документирование, то есть адаптация данных, полученных в ходе оперативно-разыскных мероприятий [9], заключается не только в фиксации бухгалтерской информации путем составления соответствующих ситуаций документов, но и выявлении оперативно-разыскным путем фактических данных, их фиксация и подготовка для последующего использования.

Предмет взаимодействия оперуполномоченных и следователей со специалистами и экспертами обретает юридическую силу, если он отвечает определенным условиям. Первое условие – относимость, т.е. отношение оперативно-разыскной бухгалтерской информации к конкретному делу оперативного учета или к уголовному делу. Второе условие – процедурно-удостоверительное. Бухгалтерская информация, полученная оперативно-разыскным путем будет иметь юридическое значение лишь в случаях, если она добыта:

- субъектами, уполномоченными на проведение соответствующих оперативно-разыскных действий (см. ст. 6 Закона об ОРД);
- при помощи оперативно-разыскных мероприятий, указанных в законе об ОРД и с соблюдением предусмотренного законом и ведомственными нормативными актами порядка (см. ст. 7 Закона об ОРД).

Наконец, третье условие – надлежащая фиксация. Бухгалтерская информация должна быть зафиксирована в соответствующих оперативно-служебных документах.

Предмет, на который направлены бухгалтерские знания оперуполномочен-

ного и специалиста-бухгалтера, – это проверка оперативно-разыскных версий о возможных путях сокрытия прибыли от налогообложения. Такое сокрытие чаще всего совершается путем: 1) завышения данных о материальных затратах в первичных документах; 2) необоснованного (незаконного) получения или использования налоговых льгот.

В таких случаях требуется изучение и исследование документации. В соответствии с п. 5 ст. 6 Закона об ОРД оперуполномоченный может самостоятельно назначить исследование бухгалтерского документа. При возбужденном уголовном деле инициатива оперуполномоченного о проведении исследования специалистом-бухгалтером или экспертом-бухгалтером, на наш взгляд, нуждается в согласовании со следователем.

Анализ судебной практики показывает, что если следователь, «доверяя рапорту» оперуполномоченного, не считал необходимым проверить источник происхождения того или иного доказательства (справку или заключение эксперта), то ходатайство защитника об его исключении из системы доказательств, как правило, удовлетворяется [10, стр. 142–157].

Определение разумных пределов предмета взаимодействия – дело весьма сложное. Оперуполномоченный не приветствует возбуждения уголовного дела во время негласного документирования. Участие специалиста-бухгалтера в документировании, в известной мере, позволит избежать злоупотреблений, порождаемых ложным пониманием интересов дела.

Мы стали перед необходимостью признать типичной ситуацию: конкретный специалист-бухгалтер, участвовавший в документировании налогового преступления, может участвовать и в следственных действиях, как средствах проверки допустимости доказательств, полученных в ходе ОРМ. К числу таких относятся:

- 1) осмотр предоставленных документов (копий), компьютерных файлов и иных объектов;
- 2) допрос лиц, проводивших оперативно-разыскные мероприятия и привлекавших при этом;
- 3) проведение бухгалтерских экспертиз и др.

Получается так: специалиста-бухгалтера могут допрашивать как специалиста, следовательно, он может впоследствии быть назначен в качестве эксперта. Хотя суждения специалиста-бухгалтера не заносятся в протокол и не являются доказательствами, однако эти сведения могут быть положены в основу версий и тактики их проверки.

Основаниями для назначения судебно-бухгалтерской экспертизы, как правило, служат:

- 1) обоснованные возражения обвиняемого против выводов налоговой проверки, если для проверки возражений необходимы специальные познания и не требуется проводить повторную проверку;

2) несоответствие между выводами проведенной по требованию следователя налоговой проверки и другими материалами дела (в том числе и при отсутствии возражений со стороны обвиняемого), если оно не может быть разрешено без специальных знаний;

3) в случаях наличия противоречия в выводах первичной и повторной налоговой проверки;

4) при использовании ревизором для определения материального ущерба сомнительной методики;

5) необходимость вызвана выводами другого вида экспертизы.

В судебно-бухгалтерской экспертизе по налоговым преступлениям исследуются сведения:

1) о природе денежных средств, поступивших к организации, источниках финансирования ее деятельности;

2) о плательщике денежных средств, перечислившим на лицевой счет в банке или внесшим денежные средства в кассу организации;

3) о факте расходования денежных средств, поступивших к организации;

4) о целевом назначении расхода денежных средств по каждой операции и в целом за исследуемый период деятельности организации;

5) о получателе денежных средств, перечисленных или выданных из кассы организации.

Следователь не осуществляет ни административного, ни процессуального руководства экспертом-бухгалтером. Он вправе присутствовать при экспертном исследовании, но не вправе давать какие-либо указания относительно сущности выводов и содержания заключения. Право выбора методики исследования относится к компетенции эксперта-бухгалтера.

Эксперт-бухгалтер не делает оценок из области права, не отвечает на вопросы о правомерности или неправомерности действий обвиняемого лица. Он выполняет научное исследование экономических процессов по материалам уголовного дела, не вторгаясь в сферу юридической квалификации конкретных действий лиц, проходящих по делу.

Таким образом, представляется возможным обозначить в качестве вывода то, что проблема уклонения от уплаты налогов относится к одной из вечных проблем современности. «Налогонеплательщики-профессионалы» в изобретении новых схем преступной деятельности опережают субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений в изобретении средств противодействия. Существует закономерность: чем больше суммы недоплаченных налогов, тем значительнее противодействие. Бремя доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях – это обязанность, исполнение которой нужно считать искусством, тогда, в зависимости от ситуации, часть этого бремени можно считать предметом взаимодействия со специалистами и экспертами. Это – выигрыш темпа, начало формирования системы доказательств для принятия спра-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Электронный ресурс]: URL <https://stihi.ru/2008/07/09/1056> <https://www.kritika24.ru/page.php?id=24242> (дата обращения: 06.03.2021).
2. [Электронный ресурс]: URL <https://www.kritika24.ru/page.php?id=24242> (дата обращения: 06.03.2021).
3. Асанбеков Т., Биримкулова К., Чалова К. Налоговый учет и аудит расчетов с бюджетом: проблемы и решения. Бишкек: Эркин – ТОО, 1999.
4. Кулеш В.А. Налоговая адвокатура (или как защищаться от финансовых санкций). Изд. 2-е испр. и доп. М., 1999.
5. Булохов А.Г. Пособие по судебно-бухгалтерской экспертизе. М., Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.
6. Голубятников С.П., Кравченко Ю.М., Меджевский А.А. Основы судебной бухгалтерии. Н.Новгород: НИиРИО НВШ МВД РФ, 1994.
7. Голубятников С.П., Целищев А.Я. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. Учебник для специальных средних учебных заведений МВД СССР. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1990.
8. Балашов А. В. Взаимодействие следственных органов и органов дознания при расследовании налоговых преступлений. М.: Юрид. лит., 1979.
9. Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность. М.: БЕК, 1997.
10. Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы. М., 1998.

The subject of interaction of case officers and investigators with specialists and experts in the production of forensic accounting expertise (in the identification and investigation of tax crimes)

A.F. Lubin^{1,2}, S.A. Lubin²

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

²Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia

(Russia, Nizhny Novgorod)

ale-lubin@yandex.ru, lubin.s@yandex.ru

The article considers the specifics of the subject of interaction of case officers and investigators with specialists and experts in the production of forensic accounting expertise (in the identification and investigation of tax crimes). There are presented some provisions of the criminalistic characterization of tax crimes. The role of a specialist accountant in the course of operational search activities is determined. Some tactical recommendations are formulated in the preparation and conduct of forensic accounting examinations.

Keywords: tax crimes, documenting the results of operational investigative actions, specialist accountant, forensic accounting expertise.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА С УСМОТРЕНИЕМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ТЕЗИСЫ)

А.М. Лютынский

Северо-западный институт Университета им. О.Е. Кутафина
(Россия, Вологда)
anton040677@gmail.com

В статье обосновывается позиция об избыточности применения специальных знаний в области лингвистики и психологии для квалификации преступлений экстремистской направленности. Сформулировано мнение о необходимости именно судебного усмотрения для квалификации преступлений и толкования оценочных терминов уголовного закона.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; квалификация преступлений; судебное усмотрение; вербальный экстремизм.

В рамках настоящей статьи хотелось бы поднять вопросы, не теряющие своей актуальности в течение уже довольно долгого времени. Речь идет о дискуссии о сложившихся подходах в судебной, следственной и экспертной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности в отношении т. н. «речевого экстремизма», т. е. письменных и устных высказываний, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 280, 282 УК РФ. Впрочем, рассматриваемые проблемы актуальны и для других правовых ситуаций, когда юридической оценке подлежит текстовое или словесное высказывание.

Эта тема является частным случаем проблемы использования специальных знаний, с помощью которых дается правовая оценка публичных высказываний. Не пытаясь в рамках краткого сообщения охватить все аспекты темы, упомянем те, которые образуют контекст и заслуживает отдельного анализа и обсуждения:

правовое регулирование организации судебной экспертизы (в т.ч. этика экспертной деятельности, требования к образованию эксперта, внедрение и учет в практике методик экспертного исследования, отраслевые принципы экспертного исследования и др.);

правовое регулирование ограничения публичных высказываний в контексте свободы слова;

качество и юридическая техника уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за определенные виды публичных высказываний.

Мы рассмотрим здесь лишь вопрос соотношения квалификации преступлений экстремистской направленности (в частности, ст. 280 «Публичные призыва к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ), полномочий правоприменителя и сложившейся практики использования специальных знаний для принятия процессуальных решений.

Важным исходным моментом будет напоминание о позиции, которая давно сложилась в правовых науках [4, стр. 68] и подтверждена в судебной практике в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается» [8]. Это положение основано на законе, регулирующем государственную судебно-экспертную деятельность, который в ст. 2 определяет, что ее задачей «является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла».

В целом можно поддержать позицию, что во многих случаях узкоспециализированные правовые знания (некоторые авторы называют их технико-правовыми вопросами [4, стр. 69]) могут, должны использоваться и на практике используются для исследования отдельных обстоятельств уголовного дела, если они не определяют уголовно-правовую квалификацию деяния.

Предположим, что сложившаяся ситуация с привлечением специальных знаний в какой-то мере обусловлена еще одной важной позицией Пленума Верховного Суда РФ, который указал, что «в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.)» [9, п. 23].

При этом высший орган судебной власти еще раз напомнил, что «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [9, п. 23].

Однако анализ практики и публикаций по теме позволяет критически отнестись как к реализации этих разъяснений, так и к самой необходимости во многих случаях применения специальных знаний.

Предметом исследования экспертиз по делам экстремистской направленности как правило выступает смысловая направленность материала. Д.Н. Лозовский, доказывая необходимость применения специальных знаний по данной

категории дел, сообщает, что в практике сложилось три подхода к исследованию смысловой направленности материалов по этим делам: лингвистический, психологический; социально-психологический [5, стр. 184]. М.В. Ворошилова и ее соавторы в своей публикации приводят пример комплексной психолого-лингвистической экспертизы, задачей которой является «анализ смысла и оценка воздействия на сознание» [2, стр. 182]. Авторы приводят в качестве примера вопросы, поставленные перед экспертом по конкретному уголовному делу по ст. 280 УК РФ: «Содержится ли в представленных материалах информация, содержание которой направлено на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей? Имеются ли в представленных материалах данные о возможной принадлежности лиц к определенным организациям, сообществам? Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц эмоциональные переживания ненависти и вражды?» [2, стр. 182-183]

Интересно, что в данном примере, где приведены отдельные выдержки из заключения, эксперты ссылаются не только на методы исследования, но и на нормативный документ Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» № 27-19-99 от 29.06.99 [6], имеющий рекомендательный характер, видимо, в первую очередь предназначенный для сотрудников органов прокуратуры.

Психологическая часть приведенной в публикации комплексной экспертизы осуществлена, как указывает эксперт в приведенной публикации, по методам психодиагностики. В частности, в ходе экспертизы осуществлялась демонстрация роликов, представленных на исследование, опрос просмотревших лиц по специальной анкете. Как можно понять, экспериментальным путем устанавливаются особенности воздействия исследуемых материалов на группу людей. Не будучи специалистами в производстве психодиагностических исследований и не давая оценки содержанию методики, позволим себе усомниться в самой сути такого исследования: по существу в ходе экспертизы моделируются некоторые элементы и признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, экспериментально воспроизводятся последствия преступления. Другими словами, эксперт проводит психологический эксперимент, который не может не вызывать возражений с этико-правовой точки зрения.

Кодекса этики судебного эксперта пока нет, однако существуют предложения по его введению и содержанию. Так, один из авторов предлагает свой вариант такой кодификации, в котором предлагается указать: «судебный эксперт должен ... уважать нравственные устои и традиции народов, считаться с культурной самобытностью различных этнических и социальных групп и религий, не допускать возникновения конфликтных ситуаций» [1, стр. 95].

Критикуя практику назначения психолого-лингвистической экспертизы, сошлемся на мнение Е.И. Галышиной, авторитетного ученого (юриста и филолога), которая более подробно обосновывает критический подход к практике назначения такого рода экспертиз [3, стр. 29].

На наш взгляд, такая «комплексность» может быть обусловлена сложной конструкцией ст.282 УК РФ, диспозиция которой представляет собой совокупность нескольких оценочных категорий: «действия», «направленные на возбуждение ненависти», «по признакам расы» и т. д.

На наш взгляд, во многих случаях применения специальных знаний по рассматриваемой категории дел можно говорить о проблеме подмены субъекта оценки фактических обстоятельств дела. Несмотря на сложившийся доктринальный подход и разъяснения Верховного Суда РФ, которые мы приводили выше, рискнем утверждать, что в ходе лингвистической и тем более психолингвистической экспертизы по сути производится фактическое толкование уголовно-правовой нормы, которая содержит описание признаков, образующих объективную и субъективную сторону состава преступления. По существу, зачастую эксперты оценивают фактические обстоятельства деяния с точки зрения терминологии нормы УК РФ, толкуя термины уголовного права применительно к конкретной ситуации, делая это не напрямую.

Например, в приговоре Петрозаводского городского суда по уголовному делу № 1-874/2013 1-58/4 от 13 января 2014 г. суд признал наличие в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, в том числе с учетом заключения эксперта-лингвиста, в котором было указано, что «...в представленном на исследование сообщении имеются призывы к осуществлению враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности» [7].

Публикации позволяют сделать вывод, что эксперты анализируют предназначенные для восприятия неподготовленного человека образы, тексты и т. д., дают их толкование. Неясно, зачем здесь применять специальные знания, достаточно житейского, культурного, образовательного и профессионального опыта правоприменительной практики, которые в обязательном порядке предполагаются у судьи, следователя, прокурора.

Важно отметить, что анализ преступлений, который проводится в ряде описанных случаев, важен и интересен с точки зрения криминологии, юридической психологии, судебной лингвистики и других наук, а также для общественной практики и учета в уголовной политике государства. Однако исследование таких обстоятельств в рамках экспертизы по уголовному делу представляется избыточным и подменяющим суть правоприменения и судейского усмотрения.

Применение специальных знаний в области лингвистики и иных гуманитарных наук, изучающих тексты, на наш взгляд, необходимо лишь в редких случаях интерпретации сложных религиозных и исторических текстов, где требу-

ется глубокий анализ различных форм лексики, исторического и культурного контекста. Большинство случаев применения ст.ст. 280 и 282 УК РФ не требуют специальных познаний, т. к. как правило, эти преступления совершаются лицами, преследующими цель донесения своих высказываний до максимально широкого круга лиц на понятном языке. Для постижения этих высказываний не нужно быть ученым-лингвистом.

Тем более необоснованным кажется привлечение специальных знаний в частных случаях применения и толкования терминов уголовного права. Наделение терминов юридически значимым смыслом — это задача: а) законодателя, создающего норму (и имеющего возможность дать легальное толкование терминов); б) правоприменителя, в первую очередь, суда. Именно суд должен в своем решении самостоятельно соотнести признаки состава преступления — юридической модели — и фактические действия (в т.ч. в виде высказываний и текстов) конкретного лица и сделать вывод о соответствии или несоответствии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминев Ф.Г. Значение этического стандарта судебного эксперта при расследовании преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Философия права. 2017. №4 (83).
 2. Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Карапетян А.А. Отрывок про скринхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Политическая лингвистика. 2013. №1 (43).
 3. Галышина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №7 (47).
 4. Князьков А.С. Проблемы доказательственной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. №4 (14). С. 66-74.
 5. Лозовский Д. Н. К вопросу о проведении судебных экспертиз по делам экстремистской направленности // Общество и право. 2015. №4 (54).
 6. «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» № 27-19-99 от 29.06.99. URL: Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национала (migimo.ru).
 7. Приговор Петрозаводского городского суда по уголовному делу № 1-874/2013 1-58/4 от 13 января 2014 г. URL: Приговор № 1-874/2013 1-58/4 1-58/2014(1-874/2013;) 1-58/2014 от 13 января 2014 г. : СудАкт.ру (sudact.ru) (дата обращения: 10.02.2021).
 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

9. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”.
10. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ.

On the problem of correlation of the expert's conclusions with the discretion of the law enforcer in criminal procedure (theses)

A.M. Liutynskii

*Northern-West institute, University n.a. O.E.Kutafin (MSAL) (Russia, Vologda)
anton040677@gmail.com*

The article substantiates the position on the redundancy of using special knowledge in the field of linguistics and psychology to qualify crimes of an extremist orientation. An opinion is formulated about the need for judicial discretion for the qualification of crimes and the interpretation of evaluative terms.

Keywords: linguistic expertise; qualification of crimes; judicial discretion; verbal extremism.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ТОВАРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

H.A. Malikova

*Общество с ограниченной ответственностью Независимое
Профессиональное объединение «Эксперт Союз» (ООО НПО «Эксперт
Союз») (Россия, Нижний Новгород)
sharowa.natalya07@mail.ru*

В настоящее время большое влияние в сфере судебных экспертиз занимает судебная товароведческая экспертиза. И это неслучайно, поскольку каждый день люди приобретают товары, качество которых не всегда отвечает заявленным требованиям. В том числе, судебная товароведческая экспертиза играет большую роль при расследовании уголовных дел, связанных с хищением или фальсификацией. Однако, не стоит забывать и о проблемах, с которыми может столкнуться судебный эксперт при исследовании объекта экспертизы.

Ключевые слова: товароведение, судебная товароведческая экспертиза, проблемы экспертизы.

Судебная товароведческая экспертиза (далее СТЭ) является одним из основополагающих видов исследований в области судебно-экспертной деятельности. Ее роль неоценима при рассмотрении дел в рамках гражданского, арбитражного (продажа товара, неудовлетворяющего заявленным требованиям) и уголовного (кража, фальсификация) процессов. Объектом исследования СТЭ являются как импортные, так и отечественные товары, в том числе сырье, комплектующие, оборудование и т.д.

Товароведческая экспертиза решает такие задачи, как:

1) определение принадлежности товара (или множества товаров) к определенной группе (модели, виду и т.д.);

2) определение причинно-следственной связи изменения качества товара (наличие дефектов (пороков) и определение вида – производственный, эксплуатационный или иное);

3) определение соответствия или несоответствия качества товара или группы товаров требованиям нормативной документации (ГОСТ, Технический Регламент Таможенного Союза (ТР ТС) и т.д.);

4) определение соответствия или несоответствия маркировки, упаковки, сроков и условия хранения (транспортировки) товара (группы товаров) требованиям нормативных документов;

5) определение рыночной стоимости товара на определенную (например, день кражи) или фактическую дату с учетом физического износа.

Как показывает экспертная практика, в процессе назначения и производства судебных товароведческих исследований присутствуют свои определенные недостатки и упущения. Наиболее актуальными из них являются следующие:

1. Максимальные сроки (согласования, периодические отложения судебных заседаний) рассмотрения дела в отношении товаров, которые имеют определенный срок хранения и срок годности;

2. Неактуальные методики товароведческих исследований вследствие развития научно-технического прогресса;

3. Ограниченные компетенции эксперта-товароведа;

4. Вводящая в заблуждение эксперта формулировка вопроса;

5. Отсутствие единой системы методик и терминологии в области проведения товароведческих исследований.

Рассмотрим каждую проблему более подробно.

Согласно приложению №2 Приказа Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» выделяются 2 (два) вида (рода) судебных экспертиз в области товароведения:

1) 19.1. Исследование промышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки;

2) 19.2. Исследование продовольственных товаров, в том числе с целью проведения их оценки.

Согласно ст. 19 ФЗ №79-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», основаниями для производства судебной экспертизы служат определение суда, постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя. Судебная экспертиза считается назначенней со дня

вынесения соответствующего определения или постановления.

При этом важно учесть, что далеко не всегда постановление следователя или определение суда направляется в адрес судебно-экспертного учреждения в момент его изготовления. На практике нередко возникают ситуации, когда определение или постановление поступает в экспертную организацию в течение длительного промежутка времени (месяц и более). Причиной тому является согласование, движение дела от судьи в канцелярию и из канцелярии к руководителю экспертного учреждения. Однако, данный факт не является существенным для судебного эксперта-товароведа, если объектом исследования будет являться непродовольственный товар. А как поступить эксперту, если товар является продуктом с определенным сроком годности? Примером тому могут служить товары сельскохозяйственного назначения (корм для животных или биологически активные добавки).

Приведем случай из практики. В производстве суда города N имеется дело по иску А к ответчику В о взыскании долга (50%) по договору купли-продажи. Объектом спора выступает продукция сельскохозяйственного назначения, срок хранения (по ГОСТ) которого составляет 3 (три) месяца с даты изготовления. При этом к договору купли-продажи была приложена спецификация, в которой был описан основополагающий показатель качества – содержание протеина и диапазон его значения (37-39%). Продукт был продан ответчику в июле. В течение 4 (четырех) месяцев ответчик не оплачивал товар и мотивировал отказ от оплаты тем, что продукт не содержал заявленного истцом количества протеина. Истец считал иначе, вследствие чего был вынужден обратиться в суд для взыскания долга по договору купли-продажи и спецификации к нему.

Истец обратился в суд только в декабре, по истечении почти 5 (пяти) месяцев. А это, в свою очередь, значит, что продукт уже начал терять свои потребительские свойства (прогоркание жира, образование микотоксинов и т.д.). Не мог обойти стороной и такой показатель как протеин. Здесь также снижаются как качественные, так и количественные характеристики.

Назначение дела к слушанию, отложение даты заседания по разным причинам и, соответственно, назначения экспертизы привело к тому, что прошло еще 10 (десять) месяцев с момента подачи иска. Судом была назначена судебная товароведческая экспертиза и заявлены следующие вопросы:

– соответствует ли качество «наименование продукта сельскохозяйственного назначения» (протеин 37-39 %) условиям договора купли-продажи от «XX.07.XXXXг.», спецификации к указанному договору купли-продажи?

– каково содержание протеина в шроте «наименование продукта сельскохозяйственного назначения»?

– какое было содержание протеина в «наименование продукта сельскохозяйственного назначения», представленном ответчиком для экспертизы по состоянию на «XX.07.XXXXг.» (в момент поставки товара по договору купли про-

дажи от «ХХ.07.ХХХХг.»).

Экспертом был осуществлен осмотр и отбор проб объекта исследования. В первую очередь устанавливалось содержание протеина в исследуемом продукте сельскохозяйственного назначения, которое осуществлялось лабораторным методом под наблюдением эксперта. По второму вопросу фактическое содержание протеина составило ≈26% (двадцати шести процентов), что существенно отличалось от заявленных требований. Таким образом, на основании данных по вопросу № 1 экспертом был сделан вывод о том, что качество исследуемого продукта не соответствует условиям договора купли-продажи от «ХХ.07.ХХХХг.», спецификации к указанному договору купли-продажи.

Сложность данной экспертизы возникла при ответе на третий вопрос. Причиной стало то, что в настоящее время отсутствует какая-либо методика (в том числе формула), которая бы позволила определить процент снижения определенного показателя (в том числе протеина). Как было отмечено ранее, качественные и количественные характеристики продукта по истечении срока хранения и срока годности снижаются. Однако, неясно каковы именно проценты их снижения. Так, с одной стороны, был затянут срок подачи иска, с другой – отложение судебного разбирательства также сыграло роль в части ухудшения качества исследуемого продукта.

Другой актуальной проблемой в области судебной товароведческой экспертизы являются устаревшие методики ГОСТ. Здесь также следует обратиться к предыдущему судебному разбирательству по установлению процентного содержания протеина в продукте сельскохозяйственного назначения.

Так, согласно п. 8 ГОСТ 13496.4-2019 «Корма, комбикорма, комбикормовое сырье. Методы определения содержания азота и сырого протеина» определение содержания протеина производится на установке типа Кильдаля с последующей отгонкой аммиака. Однако, следует учесть, что наука не стоит на месте и в настоящее время вместо установки Кильдаля используется современное оборудование «Комплекс для определения белка Keltrum», который, в свою очередь, осуществляет мокрое озоление, отгонку паром (дистиллятор) и титрование, что намного облегчает работу эксперта и дает наиболее точные результаты.

Также следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, определение протеина в продукте сельскохозяйственного назначения не входит в компетенцию эксперта-товароведа, а больше относится к компетенции эксперта-химика. С другой – следует отметить тот факт, что эксперт-товаровед при получении высшего образования изучает предметы в области химии и физико-химического метода анализа с подробным изучением методов определения показателей в каждом сегменте (роде) товаров. Таким образом, эксперту зачастую приходится привлекать аккредитованную лабораторию для проведения исследования, заранее уведомив об этом суд (направив соответствующее ходатайство), назначивший экспертизу.

Большую роль в области судебно-экспертной деятельности является правильная формулировка вопросов в определении суда или постановлении следователя. На практике нередко возникают случаи, когда некорректная формулировка вопроса вводит эксперта в заблуждение и, соответственно, приводит к нерациональному использованию методов, а в дальнейшем – иискажению выводов. Так, в лучшем случае, эксперта могут вызвать в судебное заседание для пояснения заключения, в худшем – будет назначена повторная экспертиза, которая в конечном итоге затягивает ход расследования или рассмотрения дела. Таким образом, при назначении судебной товароведческой экспертизы и дальнейшем направлении определения или постановления в адрес судебно-экспертного учреждения судье, следователю следует заранее осуществить консультацию с экспертом с целью определения верной постановки вопроса.

Следующей наиболее важной проблемой является то, что нет единой системы методик и терминологий в области проведения товароведческих исследований, а это, в свою очередь, приводит к тому, что каждый эксперт использует свои доказательственные значения. По этой причине предлагается систематизировать методики и терминологии в отношении каждого рода (вида) товаров в виде общероссийского классификатора. Эта тема была освещена ранее в работе Мишина А.В. и Мазуренко П.Н. «Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы».

Подводя итоги вышеизложенному, полагается, что комплексное решение обозначенных проблем позволит повысить эффективность судебных товароведческих экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
2. Приказ Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // СПС «Консультант Плюс».
3. ГОСТ 13496.4-2019 «Корма, комбикорма, комбикормовое сырье. Методы определения содержания азота и сырого протеина».
4. Мишин А.В., Мазуренко П.Н. «Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы» // Вестник экономики, права и социологии. 2017. №1. С. 89.

Actual problems of appointment and production of forensic commodity expertise

N.A. Malkova

*Limited liability company independent professional association "Expert Union" (LLC IPA "Expert Union") (Russia, Nizhny Novgorod)
sharowa.natalya07@mail.ru*

Currently forensic commodity expertise has a great influence in the field of forensic examinations. And it is not a coincidence, because every day people buy goods which quality does not always meet the stated requirements. In particular, forensic commodity expertise plays an important role in the investigation of criminal cases related to theft or falsification. However, let's not forget about the problems that a forensic expert may face while examining the object of expertise.

Keywords: commodity science, forensic commodity expertise, problems of expertise.

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ПОДХОДОВ К ПРОИЗВОДСТВУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О КЛЕВЕТЕ

T.B. Mysnikova, N.B. Ryabova

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
tanyjka@rambler.ru, bvspoil@mail.ru*

Рассматривается семантический подход, применяемый в СЭУ Минюста России при производстве лингвистических экспертиз, на примере экспертной практики ФБУ ПРЦСЭ Минюста России, в сравнении с грамматическим подходом.

Ключевые слова: судебная экспертиза, лингвистическая экспертиза, семантическое исследование, дела о клевете.

Лингвистические экспертизы по делам о клевете, защите чести, достоинства, деловой репутации назначаются в ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России чаще всего в рамках статей 128.1 УК РФ, 152 ГК РФ. В законодательстве под клеветой понимается «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [1]. Определение «порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» сведений предполагает квалификацию деяния, учет влияния информации на мнение о лице, что не относится к предмету лингвистической экспертизы. Недостоверность, ложность информации, установление ее соответствия или несоответствия действительности выходит за пределы компетенции эксперта. Обозначенные в законах выражения «заведомо ложные» и «публичное распространение» отсылают к некоей злонамеренности лица, сообщившего информацию, и предполагают установление мотивов лица и обстоятельств передачи информации. Это относится к компетенции правоохранительных органов. При этом известные и предоставляемые экспертам обстоятельства функционирования, размещения объекта исследования учитываются при анализе

коммуникативной ситуации.

С учетом методических положений в работе [2], рекомендованной к применению Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, экспертом выявляется информация об особых поступках, действиях лица (организации). Понятие «информация в форме утверждения о фактах, событиях» является соотносимым с названным в законе понятием «заведомо ложные сведения». То есть экспертом должно быть выявлено, сообщается информация о конкретных поступках: о нарушениях закона, о недостойном или выходящем за рамки здравого смысла поведении, – или дается обобщенная оценка личности человека. При производстве экспертизы также должна быть установлена языковая форма выражения информации, должны быть отграничены утверждения о фактах, событиях (выражающие знание автора, его отношение к сообщаемому как к соответствующему действительности) и авторское мнение (его разновидности). В рамках производства экспертизы по делам о клевете экспертами решаются вопросы в следующих формулировках: какова форма выражения негативной информации (утверждение о фактах и событиях, мнение, предположение, оценочное суждение); выражена ли негативная информация в форме утверждения о фактах и событиях.

Отметим, что в 2019 и в 2020 годах появились изменения в законодательстве. В частности, предусматривается наступление ответственности за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации (под видом достоверных сообщений), об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (статья 207.1 УК РФ; пункты 9, 10, 10.1, 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ). Решение задач при производстве соответствующих лингвистических экспертиз сходно с решением экспертных задач по делам о клевете: выявляется форма выражения информации и (или) информация в форме утверждения о фактах, событиях. При этом предметом речи являются различные обстоятельства: устанавливается информация, например, о распространении коронавирусной инфекции и о действиях, о принимаемых в связи с данным явлением мерах.

Методические положения в пособии [2] предполагают учет особенностей ситуации общения при исследовании объектов. Выявление выраженных в объекте значений оказывается связано с особенностями функционирования объекта, с широким контекстом.

Наиболее традиционный объект для судебной лингвистической экспертизы по названным категориям дел – письменный текст. В связи с возрастающей ролью сети Интернет в жизни людей можно отметить, что большую часть среди исследуемых объектов составляют объекты, функционирующие в рамках интернет-коммуникации.

Ресурсы в сети Интернет предполагают возможность общаться с достаточно

широкой аудиторией, мгновенно писать и отправлять сообщения, делать посты, записи по определенным темам, интересам, заявленным автором (отправителем информации ресурса, канала, группы).

Объектами могут быть как электронные письменные тексты, например, в содержании каналов приложений (программ), страниц в социальных сетях, так и звучащие тексты в составе видеороликов, размещенных, например, на видеохостинге «YouTube».

Один из объектов исследования, видеоролик, относился к тематическому каналу «Х экопатруль» данного видеохостинга. Из информации о нем (общедоступный источник) известно, что этот информационный ресурс посвящен окружающей среде, природе. Видеоролик был помещен в информационное поле, связанное с экологическими проблемами, с соответствующими действиями (с вырубкой леса и загрязнением окружающей среды).

Следует отметить, что информация на «YouTube» в основном представлена как ориентированная на ответные действия аудитории, в том числе на демонстрацию одобрения.

Также при исследовании текста учитываются иные факторы, влияющие на создание смысла, в том числе время создания текста, – все, что включено в речевое сообщение и передает информацию. Содержание объектов в большинстве случаев соотносится с актуальными событиями, и коммуникативная деятельность отправителя информации связана с выражением своей точки зрения по значимым вопросам, является средством реагирования на относительно недавние события.

Например, один из исследованных текстов размещен в апреле 2020 года, и в нем упоминалась распространяющаяся «смертельно опасная болезнь». Актуальный социокультурный контекст размещения объекта характеризовался изменениями в жизни россиян, связанными с распространением коронавирусной инфекции и с принимаемыми мерами ограничительного характера в рамках введения режима повышенной готовности. В условиях своей значимости в обществе данные обстоятельства вызвали противоречивое отношение людей, стали появляться различные трактовки и самого события, и его причин, последствий. В приведенном выше примере о «смертельно опасной болезни» с учетом коммуникативной ситуации устанавливается, что речь идет о таком предмете речи, как коронавирусная инфекция.

Формальный подход рассмотрения текста в отрыве от его окружения, неучет контекста, может привести к неполноте исследования, к неопределенности выявленной информации.

Следует также отметить наличие границ учета сопутствующей информации при выделении выраженных в объекте значений. Так, в тексте, размещенном 12 апреля 2020 года, при сообщении о действиях в соответствующий день («сегодня») «конкретной известной организации» представляется невозможным

однозначно конкретизировать предмет речи и лежащее в основе авторского сообщения событие, поскольку данная дата может соотноситься с любым событием, важным, с точки зрения автора (с празднованием Вербного воскресенья и ритуальными службами, с Днем космонавтики).

На основании имеющихся в СЭУ Минюста России методических положений ([2]) в соответствии с характером задач для установления наличия (отсутствия) информации выявляются значения, содержащиеся в тексте, проводится письменная фиксация данных значений. Посредством исследования содержательной стороны значимых единиц языка выявляются и представляются в явном виде выраженные в тексте значения, с учетом словарных данных и особенностей коммуникативной ситуации. Фиксируются явно и скрыто выраженные обязательные компоненты значений, раскрываются эллиптические конструкции, выявляются пропозиции, пресуппозиции, следствия. Также проводится анализ модальной организации предложений, позволяющий выявить языковые показатели, значимые для квалификации высказываний как утверждений о фактах и событиях или как выраженных в форме мнения и его разновидностей.

Семантический подход к анализу формы выражения информации был предложен и подробно описан в работе Кукушкиной О.В. [3]. При выявлении информации, выраженной в форме утверждения о фактах и событиях, учитываются критерии совершенности действий, их конкретности, наблюдаемости и безальтернативности. То есть принимается во внимание содержание высказывания, и передаваемая информация (как объективное содержание, так и субъективное) оценивается по семантическим критериям, признакам (с учетом языковых средств выражения).

Например, во фрагменте: «Сегодня проходила спланированная акция по инфицированию населения руководством организации Х. Используя в качестве распространителей, руководство собрало сторонников Х в специальном месте, и они нарушили санитарные правила <...>» – речь идет о действиях сторонников Х: они не выполняли при сборе на мероприятии свод положений, определяющих порядок охраны и поддержания здоровья населения. Также сообщается о действиях руководства организации Х: они созвали своих сторонников в предназначенном для мероприятия пространстве. В данном случае действия представлены как совершенные, они происходили. Об этом свидетельствуют соответствующие языковые средства выражения данной информации: глаголы в форме изъявительного наклонения, в прошедшем времени («собрали», «нарушили»). Действия представлены как конкретные, наблюдаемые, они относятся к физической сфере и могут быть зафиксированы в результате внешних наблюдений. Речь идет о частных, локализованных во времени и в пространстве описанных событиях, они имели место. Для передачи информации используются соответствующие языковые средства выражения – акциональные глаголы в прямом значении. Что касается субъективной стороны содержания, то дей-

ствия представлены как безальтернативные: информация преподносится как достоверная, не сопровождается показателями неуверенности, мнения (отсутствуют соответствующие маркеры).

В отношении информации в первой части приведенного выше фрагмента («Сегодня проходила спланированная акция по инфицированию населения руководством организации X. Используя в качестве распространителей <...>») установлено, что речь идет о действиях руководства организации X, обозначенных при помощи выражений: «акция по инфицированию», «используя в качестве распространителей». При подходе, в рамках которого учитываются только словарные значения слов и грамматические особенности, может быть выявлено, что речь идет о действиях руководства X, информация о них передается посредством отлагольных существительных, причастия, деепричастия, глагола в изъявительном наклонении, в повествовательном предложении при отсутствии маркеров неуверенности, мнения. На основании данных факторов может быть сделан вывод о том, что информация выражена в форме утверждения о фактах и событиях: руководство X спланировало мероприятие, использовало сторонников, распространяло инфекцию. Однако следует отметить, что в утвердительном повествовательном предложении может содержаться информация, выраженная в разной форме (не только в форме утверждения о фактах, событиях). Наличие или отсутствие субъективных показателей, указывающих на выражение мнения и его разновидностей, также не является определяющим при установлении формы выражения информации.

С учетом семантических критериев при выявлении формы выражения устанавливается, что информация о наличии у руководства X планов (о том, что они наметили мероприятие заранее) касается действий, не являющихся конкретными, наблюдаемыми. Данные действия не относятся к физической сфере, поскольку для передачи информации используется причастие («splанированная») от глагола не акционального, а семантически относящегося к области замыслов, образа мыслей. Речь идет о действиях, которые относятся к ментальной сфере третьих лиц и не подлежат проверке как совершившиеся или нет в действительности.

В приведенном фрагменте выявляются следующие компоненты значения, связанные с руководством организации X:

- руководство организации X совершало действия (и данные действия представлены как «инфицирование», то есть распространение инфекции);
- руководство организации X использовало сторонников для распространения инфекции.

В данном случае при наличии признака совершенности действий устанавливается отсутствие такого критерия, как конкретность, наблюдаемость действий. Действия не относятся к физической сфере, не могут быть зафиксированы в результате внешних наблюдений. Речь идет об авторской интерпретации

события, конкретных действий лиц. Языковым средством выражения является описательная конструкция со значением сравнения, с соответствующим предлогом (в качестве – как кто-нибудь, в виде чего-нибудь, в роли кого-нибудь [4, стр. 270]): «использует в качестве распространителей». Также языковым средством выражения является отглагольное имя существительное с предлогом, указывающие на цель совершения действий («акция по»). Использование названных конструкций, несмотря на отсутствие явных показателей мнения (маркеров типа «я думаю», «я считаю»), в контексте с последующим перечислением действий указывает на автора как носителя мнения. Во фрагменте сообщается о явлении распространения инфекции, о проявлении данных последствий и о соответствующих целях, замыслах руководства Х. Излагается авторская трактовка конкретных действий, названных в контексте (сбор в специальных местах, нарушение санитарных правил) и конкретизирующих, описывающих обозначенное в начале фрагмента распространение инфекции.

Таким образом, согласно семантическому подходу, представляется важным при выявлении формы выражения информации учитывать не только субъективную сторону содержания (модальную рамку), грамматическое построение высказываний, языковые средства выражения информации (наклонение глаголов, маркеры мнения и его разновидностей и т.п.), но и признаки объективной стороны содержания. Учет только наличия или отсутствия в высказываниях маркеров истинности (уверенности) и мнения (его разновидностей) может привести исследователя к неверным выводам.

На основании вышеизложенного, в условиях появления изменений в законодательстве и случаев назначения повторных экспертиз, выполняемых экспертами из различных экспертных учреждений, представляется важным сотрудничество экспертов для обмена опытом и достижения единообразия в исследовательских подходах. Отметим, что для производства экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма, созданы межведомственные методики: Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (№ 11/П/2-184), и Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности (№ 11/П/2-183), – одобренные и рекомендованные к применению в экспертной практике решением Национального антитеррористического комитета (протокол от 12.02.2019 № 11/П/2-180ДСП).

В настоящее время в СЭУ Минюста России проводятся различные семинары, конференции по проблемным вопросам исследований, с целью совершенствования методических подходов к производству экспертиз. Проведение конференций на базе высших учебных заведений, в том числе ННГУ, обеспечивает исследователям и экспертам из различных экспертных учреждений, подразделений возможность сотрудничества и обмена научным опытом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. УК РФ Статья 128.1. Клевета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8a73d26dba7976d6c43cc94aa1515368fef256f0 (дата обращения: 10.02.2021).
2. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и др.; под ред. профессора С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.
3. Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. № 3 (43). С. 132-145.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007.

On the issue of the difference approaches in forensic linguistics researches within libel cases

T.V. Myasnikova, N.B. Ryabova

Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)

tanyjka@rambler.ru, bvsSpoil@mail.ru

The article explores an application of the semantic method on examples from forensic linguistics researches in Privolzhsky Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice. The semantic method demonstrated in comparison with research of utterance grammar.

Keywords: forensic science, forensic linguistics, semantic method, libel cases.

ЭРИСТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ И РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

A.H. Novosёлова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

antonina40@yandex.ru

Судебно-лингвистический анализ текстов на наличие в них оскорблений – одна из трудно решаемых проблем судебной экспертизы. В статье рассматриваются отдельные аспекты проблемы, в частности, в текстах эристического дискурса и текстах, содержащих явную или скрытую речевую агрессию, возможно использование близких или идентичных речевых приёмов, что может привести к неточной квалификации инвективности при проведении СЛЭ.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, инвектива, оскорбление, речевой акт, коммуникация, эристический дискурс, речевая агрессия.

Судебно-лингвистический анализ текстов на наличие в них оскорблений – одна из трудно решаемых проблем судебной экспертизы. В работах Н.В. Голева, В.И. Жельвиса, И.А. Стернина, В.А. Ефремова и др. рассматривались различные аспекты феномена оскорбления с лингвистической и юридической точек зрения.

Г.В. Кусов, с точки зрения прагматики, учитывающей реализацию языка в речи, под оскорблением понимает «такой иллоктивный речевой акт, при котором, вследствие речевой агрессии, происходит понижение социального статуса адресата путем использования приемов коммуникативного давления» [1]. Анализируя дефиницию Г.В. Кусова, определяем, что оскорбление является актом речевой агрессии, т.е. намеренным использованием языковых средств с целью выразить свою неприязнь, враждебность к адресату. К тому же при оскорблении происходит понижение социального статуса человека.

В определении Г.В. Кусова указывается и способ оскорбления – приемы коммуникативного давления, одним из которых является речевая агрессия. Данное определение дает нам представление о понятии «оскорбление» в лингвистическом понимании, в котором, в отличие от юридического понимания, указываются функции используемых речевых средств, цель и приемы для достижения психологического эффекта оскорбления. Речевая агрессия, как правило, связана с использованием инвективной лексики. Однако чёткого определения речевой агрессии пока нет.

В нашей статье мы подразумеваем узкое понимание речевой агрессии, данное О.Н. Быковой: «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [2]. Точками соприкосновения в данном определении являются концепты «оскорбление», «преднамеренное причинение вреда», соотносимые с самим понятием.

Диагностика акта речевой агрессии, особенно имплицитной, – достаточно трудоёмкий и сложный процесс. Судебно-лингвистическая экспертиза должна установить, в числе прочих фактов, как отнесенность речевого акта к определённому лицу, так и форму оценки данного лица.

Ю.В. Щербинина выделяет «отрицательное коммуникативное намерение говорящего», «несоответствие высказывания характеру общения и «образу адресата», «отрицательную эмоциональную реакцию адресата на данное высказывание» как факторы, указывающие на наличие речевой агрессии [3]. Таким образом, исходя из этого определения, констатируем, что речевая агрессия целенаправлена, сознательна, эмоционально негативна, контролируется адресантом.

Антропоцентрический методологический подход в лингвистике заставил вновь обратиться к опыту античности, в частности, к эристике, но уже с современных позиций. Изначально зародившись в античные времена как искусство

споря, в современной лингвистике эристика получила более широкое понимание не только как мастерство речевой конфронтации, но и включила в себя анализ социальных, культурных, дискурсивных, лингвистических, психологических и иных аспектов.

Под дискурсом в данном случае, с точки зрения коммуникативного подхода, нами понимается «тип диалогического высказывания», «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [4, стр. 5]. Таким образом, речевое взаимодействие субъектов в процессе коммуникации, столкновение их ментальных и вербальных систем, нахождение точек соприкосновения и противостояния в этих системах в процессе анализа действительности во время коммуникации составляет сущность эристики на современном этапе.

Существенная черта дискурса в широком смысле, по мнению Гийому Ж., Мальдице Д., – сопоставление дискурса участников коммуникации и их коммуникативных намерений [5, стр. 124]. Эристический дискурс предполагает диалог, в то время как агрессивный дискурс всегда является антидиалогом, конфронтацией.

То коммуникативное противоборство, которое возникает в процессе речевого взаимодействия, и является одним из факторов речевой агрессии. Представляется, что крайне важным для понимания заявленной проблемы является тезис об универсальности эристического компонента в системе речевого взаимодействия на различных его уровнях, выдвинутый И.Г. Тамразовой [6]. Глобальная воинственность, особенно пронизывающая, на наш взгляд, вербальные компоненты коммуникации, наблюдается во всех сферах жизни. Это привело к повышенному использованию коммуникантами агрессивно-вербальных языковых средств и приемов во всех сферах жизни.

О выборе речевой агрессии как стратегии в диалоге писали Д. Таннен, Д. Уолтон, А.В. Зайцев, А.А. Пелипенко и др. Понимая, как и И.Г. Тамразова, «под эристическим в речи критическое речевое поведение» [6], отметим, что здесь, на наш взгляд, и кроются точки соприкосновения и у эристического диалога-полемики, и у речевой агрессии в любом дискурсе.

Проблема неточной квалификации инвективности связана с различными трактовками самого понятия речевой агрессии и использования в эристическом дискурсе и инвективных речевых актах схожих приёмов. Так, В.И. Жельвис, А.К. Михальская рассматривают речевую агрессию как приемлемую коммуникативную стратегию, связанную с повышенной эмоциональностью и необходимостью разрядки.

Коммуникативно-дискурсивный подход позволяет определить сущность речевой агрессии как особого типа речевого поведения, во многом схожего с эристическим дискурсом. Отсюда проблема установления и определения оскорблений как способа речевой агрессии, влияющей на потенциальную ком-

муникацию адресата, что вновь обращает нас к эристическому дискурсу, где решается схожая задача. Объединяет их диалогический тип речевого поведения, преднамеренная деформация коммуникативного пространства для достижения коммуникативной цели.

Различие состоит в том, что в эристическом дискурсе адресант пытается доказать свою правоту, используя различные приёмы, в том числе и эристические уловки, не имея конечной цели в виде создания коммуникативного дисбаланса. В агрессивном дискурсе целью является именно создание коммуникативного дисбаланса, вовлечение в конфликт и шире, оскорбление.

В эристическом дискурсе на первый план выходит доказательство своей позиции в споре, в агрессивном – обсуждаемая проблема уходит в сторону, а на первый план выступает инвективность, выражение негативного отношения к адресанту языковыми средствами. В результате речевой агрессии у адресата и его окружения возникает стойкий негативный образ адресата, созданный речевыми средствами.

Трудность квалификации при проведении судебно-лингвистического исследования состоит в том, что в процессе эристической аргументации используются те же фигуры речи и приемы, что и при речевой агрессии.

Так, например, довод, построенный на катахрезе, номинация собеседника, носящая имплицитно оскорбительный характер, основанная на звучании слов, их полисемии, может использоваться в качестве приема речевой агрессии и эристической аргументации.

Буквализация косвенного речевого акта используется и как прием речевой агрессии, и как эристическая фигура (– Как Вы после этого можете в глаза людям смотреть? – Прямо и спокойно, в отличие от Вас). Прием «наклеивания» ярлыков – параморфоза (– Этот зубной рвач во всех смыслах, я ему уже двести штук отнес) также свойствен и одному, и другому феномену.

Амплификация как намеренное нагнетание негативных подробностей (Не ты ли вещал о необходимости экономии? – И что же мы видим? Расход, затем неожиданная трата, не предусмотренный никаким семейным бюджетом несанкционированный «заход» в общую копилку...) и повторы усиливают агрессивную речевую тональность высказывания.

Объединяют оба феномена и негативного характера изобразительность (она является значимым качеством речи), и разнообразные языковые ловушки: двусмысленность, неполнота, абсурдность и т.д.

Так, например, слабо аргументированное или вовсе не аргументированное верbalное воздействие на адресата, типичное для речевой агрессии, используется в устном дискурсе в виде эристического приема ускорения речи.

Думается, что одним из факторов, допускающих неточную квалификацию инвективного высказывания, является существование речевой агрессии и эристической аргументации в одних и тех же коммуникативных сферах: публици-

стической и разговорной.

Одним из фактов, устанавливаемых судебно-лингвистической экспертизой, является отнесённость оскорбительных сведений к определенному лицу.

Кроме того, в актах речевой агрессии налицоствует прежде всего оценочный характер высказывания, а не фактологический, как того требует методика судебно-лингвистического исследования. Эксперт же не может проанализировать оценочное высказывание на соответствие фактам действительности.

Проблема определения состоит в том, что в текстах эристического дискурса отнесённость высказываний к определенному лицу может быть полемическим приёмом, а оценочный характер высказывания может не нести в себе негативную оценку, несмотря на кажущуюся негативной внешнюю форму выражения.

Возникает также проблема установления коммуникативного намерения адресанта. Так, нужно учитывать, что слова с ярко выраженной негативной оценкой могут использоваться без намерения оскорбить, скажем, из-за недостаточного лексикона адресанта, неточного понимания и интерпретации того или иного слова.

Следовательно, выявленная судебным экспертом в исследуемом дискурсе имплицитная либо явная речевая агрессия – это некое образное выражение, позволяющее, на взгляд автора высказывания, лучше донести свою точку зрения до адресата (чаще всего это связано с негативно оценочными каламбурными образованиями).

Эмоциональная напряжённость эристического дискурса, как и агрессивного, недостаток времени для подбора речевых средств при устном высказывании, психологические особенности языковой личности и т.д. – это те факторы, которые необходимо учитывать при проведении судебно-лингвистического исследования.

Резюмируя сказанное, отметим, что проблема определения речевой агрессии при наличии близких или идентичных с эристическим дискурсом речевых приёмов требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2004. <https://perviydoc.ru/v20348/>.
2. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск, 1999. <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/1999>. Вып. 1-8.pdf.
3. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. М: Едиториал УРСС, 2006. 360 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-01-014-scherbinina-yu-v-verbalnaya-agressiya-izd-2-e-m-izd-vo-lki-2008-360-s>.
4. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы линг-

- вокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.
5. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 124–136.
 6. Тамразова И.Г. Эристическая полемика как тип речевого взаимодействия (на материале французского и русского языков). <https://cyberleninka.ru/article/n/eristicheskaya-polemika-kak-tip-rechevogo-vzaimodeystviya-na-materiale-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov>.

Eristical argumentation and speech aggression: problems of definition during the forensic linguistics analysis

A.N. Novoselova

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
antonina40@yandex.ru*

Forensic linguistics analysis of text in order to identify affronts is one of the most difficult to solve problems of legal expertise. The article is concerned with certain aspects of the problem, in particular, it's possible to use nearest equivalent or identical speech techniques in texts of eristic discourse and texts containing covert or stark speech aggression, it can lead to inaccurate definition of invectivity during the forensic linguistics analysis.

Keywords: linguistics analysis, invective, affront, speech act, communication, eristical discourse, speech aggression.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

И.В. Огорелков

*ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (Россия, Москва)
ogorelkov.69@mail.ru*

В статье рассматриваются перспективы развития судебной автороведческой экспертизы. Цель статьи заключается в классификации объектов автороведческой экспертизы, характеристике основных задач, которые решает эксперт-авторовед. Автором приводится перечень перспективных направлений развития судебной автороведческой экспертизы.

Ключевые слова: судебная автороведческая экспертиза, объект автороведческой экспертизы, автороведческая диагностика, речемыслительный навык, автороведческая идентификация.

Автороведческими исследованиями решаются задачи диагностики и идентификации авторов текстов анонимных и псевдонимных документов.

Диагностика (установление облика автора документа) призвана способствовать получению информации о поле, возрасте, образовании, родном языке, национальной принадлежности, профессии, психических отклонениях, месте

жительства предполагаемого автора анонимного и псевдонимного документа.

Идентификация (установление автора документа или факта составления ряда документов одним автором) позволяет доказывать причастность к составлению анонимных документов конкретных лиц.

Автороведческое исследование принадлежит к числу тех криминалистических исследований, которые связаны с изучением проявлений навыка речи и мышления, или речемыслительного навыка. Этот навык не относится к врожденным свойствам личности, а приобретается конкретным индивидуумом в процессе обучения соответствующим нормам, принадлежащим к различным сферам человеческого общения. В данном случае имеются в виду общепринятые нормы языка, речи и мышления, овладевая которыми человек вырабатывает умение понимать других людей и быть понятым ими.

В процессе автороведческого исследования текста документа определяется содержание речемыслительного навыка, отразившегося в исследуемом тексте, проверяется устойчивость навыка — наличие последовательного проявления признаков навыка на протяжении всего высказывания, исключаются элементы подражания чужим навыкам.

В результате составляется модель отразившегося в тексте речемыслительного навыка, состоящая из языковых, речевых и мыслительных признаков навыка, на основании которой эксперт-авторовед делает предположения о социально-биографических характеристиках автора текста исследуемого документа (пол, возраст, уровень и характер образования, профессия, социальное положение, психический статус), а также проводит сравнительные исследования навыков в нескольких текстах (при идентификации).

Объектом автороведческой экспертизы является текст документа (рукописный, печатный, электронный). Типовым объектом экспертизы является текст, состоящий из 100-150 слов.

Носителями текстов могут являться:

- книги, брошюры, журналы, листовки, заявления, обращения, жалобы, письма, статьи;
- электронные ресурсы (интернет-сайты, интернет-страницы, блоги, Web-архивы);
- тексты стенограмм аудио- и видеозаписей.

Не являются объектами автороведческой экспертизы:

- схемы, таблицы, рисунки и иные графические изображения;
- тексты на иностранных языках и языках народов России;
- тексты на языках народов России.

Ранее автороведческие диагностические и идентификационные задачи, в основном, решались на основе анализа смысловых и языковых структур, выявленных в исследуемых документах. Считалось, например, что экстремистская тематика, выступление от имени группы лиц, наличие высказываний угрожаю-

щего характера свойственны для письменной речи мужчин, а бытовая направленность текстов, эмоциональность суждений характерны для женщин.

Созданные во времена Советского Союза методики с большой степенью вероятности определяли возраст автора (на основе анализа ценностных ориентаций), уровень его образования, степень владения русским языком (который считался обязательным предметом в школьной программе любой советской республики), наличие или отсутствие психических отклонений от нормы.

С развитием интернет-технологий, расширением информационной базы современного русского языка, изменением политической ситуации потребовалась основательная переработка традиционных автороведческих методик.

В период 2007-2018 гг. были разработаны методики и методические рекомендации [1-4], позволяющие решать следующие диагностические и идентификационные задачи автороведческой экспертизы:

- комплексное изучение анонимных и псевдонимных документов различного объема и содержания (экстремистского, политического, бытового);

- систематизация признаков письменной речи автора, которые используются при определении социально-биографических характеристик автора исследуемого документа;

- выявление факта маскировки письменной речи автора документа;

- построение лингвистической модели речемыслительного навыка автора документа;

- дифференциация методов определения пола, возраста, профессии, национальной принадлежности автора документа по степени их соответствия характеру объекта;

- установление факта составления нескольких документов одним лицом (или разными лицами) на основе анализа выделенных в исследуемом тексте лексических, стилистических, синтаксических признаков письменной речи автора текста;

- описание психологического портрета автора анонимного документа.

Основными перспективными направлениями развития автороведческих диагностических и идентификационных исследований в настоящее время являются:

- исследование особенностей текстов на русском языке, составленных иностранцами, с целью установления национальности авторов текстов;

- разработка новых методов решения диагностических и идентификационных задач на основе компьютерных технологий;

- создание специализированных словарей для диагностики профессиональной сферы деятельности авторов документов;

- создание информационных массивов текстов с различными видами маскировки письменной речи автора;

- оценка сопоставимости особенностей письменной речи одного автора при

использовании им различных стилей речи.

Результаты проводимых методических работ по автороведению позволяют значительно повысить эффективность автороведческих диагностических и идентификационных экспертиз, расширить получаемую в результате данных исследований информацию о социально-биографических характеристиках автора анонимного и псевдонимного документа и в итоге содействовать его розыску.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Огорелков И.В., Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 232 с.
2. Огорелков И.В., Рубцова И.И., Ермолова Е.И. Определение пола и возраста автора анонимного текста по письменной речи: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 250 с.
3. Огорелков И.В., Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И. Установление факта маскировки письменной речи в тексте анонимного документа: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2013. 64 с.
4. Огорелков И.В., Голощапова Т.И., Красовская Е.А., Девятова М.А. Методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз по материалам интернет-переписки. М.: ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2015. 78 с.

Prospects for the development of forensic autoscience expertise

I. V. Ogorelkov

Moscow State Budgetary Institution "Moscow Research Center" (Russia, Moscow)
ogorelkov.69@mail.ru

The article discusses the prospects for the development of forensic autoscience expertise. The purpose of the article is to classify the objects of the author's expertise, to characterize the main tasks that the expert author solves. The author provides a list of promising directions for the development of forensic authorship expertise.

Keywords: forensic authorship expert examination, object authoring expertise, autorudial diagnostics, verbal and imaginative skill, autorological identification.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА СИТУАЦИОННЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

A.B. Полякова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

anastasia.polikova811@yandex.ru

Статья посвящена проблемам определения места и природы ситуационной экспертизы в существующей системе судебных экспертиз. Проанализированы позиции сторонников и противников самостоятельности данного исследования. Рассмотрена самостоятельность судебной ситуационной экспертизы исходя из комплексного критерия, положенного в основу классификации родов и видов судебных экспертиз. На примере судебно-баллистической экспертизы проанализирована возможность выделения из неё аспектов, посвященных исследованию ситуаций применения огнестрельного оружия и боеприпасов.

Ключевые слова: ситуациянная экспертиза, обстоятельства произошедшего события, классификация, судебная экспертиза, система.

Системный характер общей теории судебной экспертизы определяет, что каждый её элемент представляет собой сложную многоуровневую структуру, взаимосвязан с другими компонентами, самой системой, что обуславливает возникновение системообразующих взаимосвязей. Одним из важнейших признаков системы является динамичность и развитие. Система общей теории судебной экспертизы (далее – ОТСЭ) не является закрытым образованием, она подчиняется тенденциям дифференциации и интеграции научного знания, взаимодействуя с другими науками, практикой и совершенствуя свой теоретический аппарат. Возникновение необходимости пополнения системы судебных экспертиз новым родом или видом ставит перед исследователями вопрос по установлению его места в сложившейся классификации.

Дискуссионным вопросом в ОТСЭ является выделение ситуационной экспертизы в качестве отдельного компонента классификации. Одним из первых о ситуационных экспертизах при решении задач судебной баллистики писал В.Ф. Черваков в 1937 г. Концепция ситуационной экспертизы была разработана Л.Г. Грановским, который выделил в качестве её объекта событие, изучаемое по материальным отображениям в вещной обстановке места происшествия. Он также подчеркивает, что должна быть проанализирована информация, которая содержится в динамической структуре ситуации в целом, а не отдельных её элементов. В предмет данной экспертизы, относя при этом её к классу криминалистических экспертиз, включает установление обстоятельств, относящихся к отдельным элементам состава преступления, время его совершения, личность потерпевшего и преступника, механизм взаимодействия участников, описание всех этапов совершения преступления и др. [1, с. 3-5]. Что в таком случае остается делать следователю, если эксперт возьмет большинство его полномочий по правовой квалификации? Данные положения совершенно не применимы с точ-

ки зрения уголовно-процессуального законодательства.

Концепция Л.Г. Грановского была поддержана такими видными учеными как А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская, которые выделили ситуационный вид экспертизы исходя из решаемых задач. Р.С. Белкин определил ситуационную (ситуалогическую) экспертизу как экспертизу, которая занимается исследованием ситуации по следам и объектам, а также устанавливает механизм происшествия и его элементы [2]. Идея признания места происшествия в целом как объекта судебной экспертизы была высказана Б.М. Комаринцем, а также поддержана В.Е. Лапшиным в его диссертационном исследовании, однако многие вопросы природы и места данной экспертизы в системе еще не оставались неясными [3]. Н.П. Майлис выделила ситуационную экспертизу в качестве самостоятельного рода экспертиз, аргументируя свою позицию тем, что следы, орудия преступления, предметы и вещи причинно-связаны между собой, а также данная экспертиза имеет место и в трасологической, судебно-баллистической, судебно-медицинской экспертизе и некоторых других, и данные направления как раз войдут в новый род и будут пополняться с развитием системы судебных экспертиз [4].

Противником выделения ситуационной экспертизы в качестве отдельного рода/вида являлся основоположник теории криминалистической диагностики Ю.Г. Корухов. Он утверждал рассмотрение ситуационной экспертизы как метода, а не как экспертного исследования и анализ ситуации преступления базируется на диагностике, так как основан на исследовании свойств и состояний объекта [5]. Кроме того, он завершает дискуссию об отнесении ситуационных задач к классу диагностических. А.Ю. Бутырин, также не разделяя самостоятельность ситуационной экспертизы, позиционирует скорее решение ситуационных задач и подзадач, связанных с реконструкцией вещной обстановки произошедшего.

Для того, чтобы определиться с местом ситуационной экспертизы в системе ОТСЭ необходимо определить те положения, в соответствии с которыми происходит выделение судебных экспертиз и отнесение их к определенному классу. Исходя из комплексного критерия, предложенного А.Р. Шляховым, судебные экспертизы выделяются на основании предмета, объекта и методики экспертного исследования. В дальнейшем данный критерий пополнился характером применяемых специальных знаний.

Многие авторы подчеркивают, что в круг решаемых задач ситуационной экспертизы относится именно группа ситуационных задач. Хотя одни лишь экспертные задачи не могут служить критерием дифференциации экспертных исследований и имели место только на этапах развития учения о задачах судебной экспертизы. Преобладающей позицией на современном этапе является их деление на идентификационные и диагностические, последние как раз полностью поглощают установление обстоятельств произошедшего события и конкретных его сторон.

Если рассматривать объекты данной экспертизы, то сторонники самостоятельности ситуационной экспертизы выделяют в качестве таковых совокупность следов и предметов, составляющих обстановку события преступления, вещную обстановку места происшествия. Однако материальная обстановка события и материальные комплексы, в том числе ситуационные, имеют место в каждой судебной экспертизе и исследуются лицом, который обладает соответствующими знаниями, умениями и навыками работы с объектами. Е.И. Блинникова, перечисляя конкретные объекты ситуационной экспертизы, полностью дублирует объекты судебно-баллистической экспертизы без уточнения специфических сторон данных объектов, что ставит под вопрос обоснованность данного исследования. Кроме того, она подчеркивает, что объект исследования в диагностике изучается в его статическом положении, а в рамках ситуационных экспертиз необходимо исследование динамики события, рассмотрение вещной обстановки с происходящими в ней изменениями.

При этом многие обращают внимание именно на целостность и динамичность системы вещной обстановки, подчеркивая важность данной экспертизы. Но для эффективного решения диагностических задач эксперт и так должен рассматривать установление обстоятельств произошедшего события с учетом компонентов, входящих в событие/обстановку, и их взаимосвязей. Например, решение задач судебно-баллистической экспертизы по установлению дистанции выстрела, местоположения стрелявшего и потерпевшего не обходится без анализа внешней обстановки производства выстрела, характера препятствий, типа, вида и особенностей применяемого огнестрельного оружия, боеприпасов, факторов, влияющих на выстрел, что предопределяет решение задач на основании исследования не только каждого компонента системы, но и их взаимосвязей и взаимодействия для установления целостной картины.

Применительно к предмету ситуационной экспертизы её сторонниками выделяются факты, фактические данные, относящиеся к обстоятельствам конкретного события, а также возможностям наступления последствий от определенных действий в конкретных условиях. Так, например, Д.С. Коровкин и А.С. Ягунов понимают под судебно-баллистической ситуационной экспертизой специальное экспертное исследование, проводимое в установленной законом процессуальной форме и направленное на получение имеющих значение для следственных и судебных органов обоснованных фактических данных относительно обстоятельств и условий применения огнестрельного оружия и боеприпасов в ходе совершения преступления [6]. При такой формулировке из предмета каждой отраслевой судебной экспертизы нужно вывести ту совокупность фактических данных, которая связана с обстоятельствами рассматриваемого события.

Так, если предметом судебно-баллистической экспертизы является установление фактов, фактических данных, определяемых на основании изучения

огнестрельного, пневматического, ствольного газового, огнестрельного оружия ограниченного поражения оружия и боеприпасов, их взаимодействия при выстреле, явлении внутренней и внешней баллистики выстрела, их отображения на препараде, из поля зрения данного рода экспертизы будут вычленены важнейшие стороны взаимодействия систем и их компонентов «оружие» – «метаемое снаряжение» – «препарад/потерпевший», что существенно обеднит данную область исследований.

Если собрать под эгидой одной ситуационной экспертизы все исследования обстановки произошедшего события применительно к любому преступному деянию, возникает проблема квалификации и компетентности судебных экспертов, которые будут привлекаться для её проведения. Сторонники ситуационной экспертизы настаивают на существовании экспертов-интеграторов, специалистов-универсалов, однако, как будут готовиться данные лица и каким комплексом специальных знаний будут обладать, не предлагается. Специфичность и особенность протекания процессов, взаимодействия объектов применительно к тем, что изучаются родами экспертиз, предопределяет невозможность обладания одним лицом таким количеством специальных знаний, а тем более умений и навыков. Одним из разрешений данного вопроса считают назначение комплексной ситуационной экспертизы, которая, по нашему мнению, не имеет никакого особого статуса нежели производство комплексной судебной экспертизы исходя из сочетания возможностей существующей классификации судебных экспертиз, например, медико-трасологической, медико-баллистической, авто-трасологической и т.д.

Что касается методического обеспечения производства данной экспертизы, считаем нецелесообразным рассмотрение ситуационной экспертизы как способа проверки определенных версий, подтверждения/опровержения показаний определенных лиц, возникновения определенных событий. По сути, здесь также имеет место подмена некоторых следственных действий, в частности, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, которые проводятся следователем. С трудом представляется возможным разработка собственных методик ситуационных экспертиз, в силу того что в отдельных родах и видах имеются методики решения диагностических задач, направленных на выяснение обстоятельств события (например, методика установления дистанции и направления выстрела в судебно-баллистической экспертизе).

На основании проведенного анализа считаем, что выделение ситуационной экспертизы в качестве самостоятельной категории не соответствует критериям выделения и включения в существующую классификацию нового рода и вида судебной экспертизы. Безусловно, нельзя отрицать важности исследования вещественной обстановки места происшествия, материальных комплексов, входящих в её состав, что требует от ученых и практиков совершенствования методик установления обстоятельств произошедшего события, отдельных компонентов

и их взаимосвязей в рамках отдельных родов и видов. Перспективной областью также является повышение объективности исследования обстановки за счет современных средств и технологий, например, трехмерных реконструкций произошедшего события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановский Г. Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // Рефераты науч. сообщений на теорет. семинаре — криминалист. чтениях. 1977. Вып. 16. С. 3-5.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. М.: Издат. группа «Норма-инфра», 2001. 990 с.
3. Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2003.
4. Майлис Н.П. Ситуационная экспертиза: закономерности и перспективы развития. Науч.-практ. жур. «Теория и практика судебной экспертизы» № 2(18). ГУ РФЦСЭ. М. 2010.
5. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч.-практ. пособ. М., 1998. 284 с.
6. Коровкин Д.С., Ягунов А.С. Современное состояние и перспективы развития ситуационной судебно-баллистической экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2012, № 2 (54). С. 149-152.

Problematic issues of determining the place of situational examinations in the theory of forensic science

A. V. Polyakova

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
anastasia.polyakova811@yandex.ru*

The article is devoted to the problems of determining the place and nature of situational expertise in the existing system of forensic examinations. Advocates and opponents of independence of this research were analyzed. The article considered the independence of forensic situational expertise based on a complex criterion that is the basis for the classification of general and types of forensic examinations. Using the example of forensic ballistics, the author analyzed the possibility of distinguishing aspects of study of situations which used firearms and ammunition.

Keywords: situational expertise, circumstances of the event, classification, forensic examination, system.

ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ ВОДИТЕЛЯ ПРИ НАЕЗДЕ НА ПЕШЕХОДА НА НЕРЕГУЛИРУЕМОМ ПЕШЕХОДНОМ ПЕРЕХОДЕ

В.Н. Пронин¹, В.Г. Григорян², С.М. Утенков¹

¹*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)*

²*ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Россия, Москва)*

prcse-murf@ya.ru

В статье рассматриваются общие подходы к экспертной оценке действий водителя относительно Правил дорожного движения при расследовании дел, связанных с наездом на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе. Определяются пределы компетенции эксперта при производстве судебной автотехнической экспертизы по данной категории дел.

Ключевые слова: дорога, проезжая часть, водитель, пешеход, наезд на пешехода, нерегулируемый пешеходный переход.

Трактовка регламентаций отношения водителей транспортных средств и пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах на протяжении многих десятилетий является поводом для различных дискуссий, как правового, так и экспертного характера. С одной стороны, пешеходные переходы предназначены для пересечения дорог пешеходами. С другой стороны, пешеходы не должны создавать опасности для движения водителям транспортных средств, в том числе и при переходе дороги по нерегулируемому пешеходному переходу.

Отсюда шло, да и до настоящего времени идёт, неоднозначное толкование того, кто же, водитель транспортного средства или пешеход, на нерегулируемом пешеходном переходе имеет преимущественное право на движение.

Сами Правила дорожного движения Российской Федерации (далее – Правила дорожного движения), действующие с 1 июля 1994 года, не говоря уже про более ранние редакции, в данной части неоднократно претерпевали изменения.

Основной пункт Правил дорожного движения, действующих с 1 июля 1994 года, регламентирующий отношения водителей транспортных средств и пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах – пункт 14.1.

В первоначальной редакции этот пункт имел следующее содержание: «Водитель транспортного средства обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу».

В редакции Правил дорожного движения, действующих с 20 ноября 2010 года, данный пункт имел следующее содержание: «Водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, обязан снизить скорость или остановиться перед переходом, чтобы пропустить пешеходов, переходящих проезжую часть или вступивших на нее для осуществления перехода».

Наконец, в редакции Правил дорожного движения, действующих с 29 ноября 2014 года, данный пункт имеет следующее содержание: «Водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному пере-

ходу, обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим дорогу или вступившим на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления перехода».

Очевидно, что изменение содержания указанного пункта Правил дорожного движения направлено на более определённую регламентацию отношений водителей транспортных средств и пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах. Однако, каково бы ни было содержание этого пункта, его требования толковались и продолжают толковаться по-разному не только участниками дорожного движения, водителями и пешеходами, но и органами или лицами, рассматривающими эти отношения и принимающими процессуальные решения.

Действительно, казалось бы, что требование «уступить дорогу» однозначно предоставляет преимущественное право на движение на нерегулируемых пешеходных переходах пешеходам.

Пункт 1.2 Правил дорожного движения:

««Уступить дорогу (не создавать помех)» – требование, означающее, что участник дорожного движения не должен начинать, возобновлять или продолжать движение, осуществлять какой-либо маневр, если это может вынудить других участников движения, имеющих по отношению к нему преимущество, изменить направление движения или скорость»;

««Преимущество (приоритет)» – право на первоочередное движение в намеченном направлении по отношению к другим участникам движения».

В то же время пункт 4.5 Правил дорожного движения содержит следующую регламентацию действий пешеходов: «На нерегулируемых пешеходных переходах пешеходы могут выходить на проезжую часть (трамвайные пути) после того, как оценят расстояние до приближающихся транспортных средств, их скорость и убедятся, что переход будет для них безопасен».

Таким образом, пешеходы, как и любые другие участники дорожного движения, имеют не только права, но и обязанности. То есть с пешеходов не снимается ответственность за обеспечение безопасности при переходе дороги, в том числе и по нерегулируемому пешеходному переходу.

К тому же, всем известно, что для остановки транспортного средства объективно требуется исчисляемое десятками метров расстояние и если пешеход появится на переходе на меньшем расстоянии, чем требуется для остановки транспортного средства, то водитель лишён технической возможности уступить дорогу этому пешеходу.

По мнению авторов, это и есть предмет экспертного исследования при производстве судебных автотехнических экспертиз по делам, связанным с наездами на пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах.

В соответствии с требованиями пункта 14.1 Правил дорожного движения «Водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим дорогу или вступившим на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления пе-

рехода». Обязанность водителя «уступить дорогу» наступает с момента начала выхода пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе на дорогу. До начала перехода дороги у водителя, согласно указанному пункту, такой обязанности нет. Следует подчеркнуть, что термин «дорога» охватывает не только непосредственно проезжую часть, но и другие элементы её обустройства.

«Дорога» – обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. Дорога включает в себя одну или несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы при их наличии» (пункт 1.2 Правил дорожного движения).

Таким образом, если пешеход движется в поперечном для транспортного средства направлении и на нерегулируемом пешеходном переходе начинает пересекать дорогу, находясь на любом из её элементов, для водителя наступает обязанность уступить дорогу данному пешеходу. То же самое можно сказать и в том случае, если пешеход двигался в ином направлении по какому-то элементу дороги (по обочине, по тротуару), а на нерегулируемом пешеходном переходе изменил направление движения на поперечное с целью пересечения проезжей части.

При этом в пункте 14.1 Правил дорожного движения также содержится как бы альтернативное требование «...или вступившим на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления перехода». На самом деле такое содержание указанного пункта 14.1 Правил дорожного движения не предоставляет выбор водителю, каким пешеходам, переходящим дорогу или вступившим на проезжую часть, уступать дорогу. Просто обустройство очень многих улиц в населённых пунктах таково, что непосредственно к проезжей части других элементов дороги не примыкает. И до вступления на проезжую часть пешеход на дороге, по которой движется транспортное средство, не находится.

Действительно, обустройство почти всех улиц, например в Нижнем Новгороде, таково, что между проезжей частью дороги и параллельным тротуаром имеется грунтовая полоса, засаженная деревьями. Правда доводилось знакомиться с мнением, что такой тротуар, отделённый от проезжей части полосой деревьев, также является составной частью дороги, ссылаясь на приведённый выше термин «Дорога». С таким мнением нельзя согласиться хотя бы потому, что полоса деревьев между проезжей частью и тротуаром заведомо дорогой не является. А такое расположение, что вот здесь дорога, здесь не дорога, здесь опять дорога, совершенно абсурдно.

Кроме того, встречаются улицы, где грунтовая полоса между проезжей частью и тротуаром достигает ширины в несколько десятков метров и признавать этот тротуар, который с проезжей части может быть даже не виден, составной частью дороги совершенно не логично. И поскольку проезжая часть является неотъемлемой частью дороги в терминологии Правил дорожного движения, все

остальные элементы, перечисленные в определении «дорога», могут быть её составными частями только будучи смежными с проезжей частью, а не отделёнными от неё различными элементами, не являющимися, с технической точки зрения, дорогой.

С учётом вышеизложенного эксперальное исследование, направленное на оценку действий водителя, наехавшего на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе, должно начинаться с определения удаления транспортного средства от места наезда в момент, определённый содержанием пункта 14.1 Правил дорожного движения. Если, конечно, в постановлении о назначении экспертизы не заданы другие условия проведения экспериментального исследования.

В общем случае, при движении транспортного средства прямолинейно и перемещении пешехода по нерегулируемому пешеходному переходу в попечном направлении, сравнением вычисленного удаления с величиной остановочного пути транспортного средства при экстренном торможении можно получить результат по вопросу о наличии (отсутствии) у водителя технической возможности экстренным торможением избежать наезда.

При отсутствии у водителя технической возможности предотвратить наезд на пешехода, пресекающего проезжую часть на нерегулируемом пешеходном переходе, путем применения экстренного торможения, следует вывод об отсутствии в действиях данного водителя несоответствий требованиям как п. 10.1 ч. 2, так и п. 14.1 Правил дорожного движения, находящихся, с технической точки зрения, в причинной связи с фактом рассматриваемого наезда.

Это связано с тем, что в данном случае водитель действиями пешехода заведомо был поставлен в условия необходимости применения экстренного торможения для предотвращения наезда и вынужден был принимать меры, предусмотренные и требованиями п. 10.1 ч. 2 Правил дорожного движения, согласно которым при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства.

При наличии у водителя технической возможности экстренным торможением предотвратить наезд на пешехода следует вывод о несоответствии, с технической точки зрения, его действий требованиям п. 10.1 ч.2 и п. 14.1 Правил дорожного движения.

Этот вывод обусловлен тем, что Правила дорожного движения точно не регламентируют, каким именно способом водитель должен снизить скорость движения транспортного средства, чтобы уступить дорогу пешеходу, пересекающему проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу (вплоть до экстренного торможения или без такового, осуществляя управление транспортным средством в нормальном эксплуатационном режиме).

По поводу существующего мнения о том, что поскольку водителю предписано на нерегулируемом пешеходном переходе уступить дорогу пешеходам и,

соответственно, пешеходам предоставлено преимущественное право на движение, то водитель, уже приближаясь к нерегулируемому пешеходному переходу, должен рассчитывать на возможность перехода по нему пешеходов, то есть даже при отсутствии на пешеходном переходе пешеходов должен предвидеть возможность их появления именно на этом пешеходном переходе и быть готовым к тому, чтобы уступить дорогу, следует отметить следующее.

Такой подход имеет право на существование, особенно в отдельных дорожно-транспортных ситуациях. Например, при нахождении вблизи данного нерегулируемого пешеходного перехода в поле зрения водителя детей, которые в ряде случаев могут представлять опасность в более ранний момент. Но при рассмотрении конкретного дела такая оценка действий водителя будет юридической, основанной на анализе всех доказательств по делу в их совокупности и на определённом правовом толковании требований Правил дорожного движения правоприменителем, рассматривающим в установленном порядке конкретное дело.

К компетенции эксперта при производстве судебной автотехнической экспертизы не относится ни оценка доказательств по делу, ни оценка субъективных качеств водителя, в том числе и наличия у него возможности предвидения появления на нерегулируемом пешеходном переходе пешеходов.

В случае приведённой выше оценки действий водителя правоприменителем при назначении судебной автотехнической экспертизы может быть дополнительно проверена версия о наличии (отсутствии) у водителя технической возможности предотвратить наезд на пешехода с иного момента, а не с момента выхода пешехода на нерегулируемый пешеходный переход. Например, с момента, когда ребенок, находящийся в поле зрения водителя, внезапно изменил направление своего движения и побежал в сторону нерегулируемого пешеходного перехода.

В любом случае, как и по всем делам о дорожно-транспортных происшествиях, включая и дела о наездах на пешеходов на нерегулируемом пешеходном переходе, расследование ведётся и решение принимается соответствующими должностными лицами и органами (следователем, судом). Судебная автотехническая экспертиза назначается ими только при необходимости решения вопросов, требующих специальных знаний в области судебной автотехники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правила дорожного движения Российской Федерации.
2. Судебная автотехническая экспертиза. Часть II. Теоретические основы и методики экспертного исследования при производстве автотехнической экспертизы (Пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей). Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз (ВНИИСЭ). Москва, 1980.
3. Свод методических и нормативно-технических документов в области

экспертного исследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. Министерство юстиции Российской Федерации. Всероссийский научно-исследовательский институт судебной экспертизы. Москва, 1993.

4. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения, на участках ДТП: Учебное пособие. – М.: Издательство «Экзамен», издательство «Право и закон», 2003. 208 с.

Expert study of the actions of the driver when hitting a pedestrian at an unregulated pedestrian crossing

V.N. Pronin¹, V.G. Grigoryan², S.M. Utenkov¹

¹Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)

²Russian Federal Forensic Science Centre (Russia, Moscow)

prcse-murf@ya.ru

The article considers general approaches to expert assessment of the driver's actions regarding the Rules of the Road when investigating cases involving a pedestrian at an unregulated pedestrian crossing. The limits of competence of the expert in the production of forensic automotive expertise in this category of cases are determined.

Keywords: road, carriageway, driver, pedestrian, accident of running-down the pedestrian, unregulated crosswalk.

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Т.Б. Радбиль

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

timur@radbil.ru

В работе рассматриваются возможности приложения постклассической теории речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме. Обсуждаются принципы и методы выявления и последующего экспертного анализа таких речевых актов экстремистского характера, как оправдание и / или обоснование враждебных, насильственных действий, а также противоправных, запрещенных законодательством идей, взглядов или отношения по отношению к определяемым законодательно лицам / группам лиц (по признаку расы, национальности, происхождения, религиозној принадлежности и пр.) и как обвинение этих групп лиц в совершении указанных противоправных действий. Приводятся примеры анализа сложных случаев употребления речевых актов оправдания, обоснования и / или обвинения, выраженных в спорных высказываниях и / или текстах как в прямой, так и в косвенной форме, в реальных лингвоэкспертных исследованиях по делам об экстремизме. Делается вывод, что речевые акты оправдания, обоснования и обвинения имеют комплексную иллоктивную силу и при этом могут быть отнесены к дальней периферии императивных речевых актов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, постклассическая теория речевых актов, оправдание, обоснование, обвинение

Методология и методика производства речеведческих экспертиз сегодня отличается ярко выраженной установкой на интердисциплинарность, ее отличает комплексный подход к проведению экспертного исследования и тенденция к активному внедрению новых методов исследования языка и текста. Это отражено и в новейших изысканиях в области как общей теории судебной экспертизы [1; 2], так и методологии производства речеведческих экспертиз на современном этапе [3; 4]. В частности, применительно к интересующим нас в данной работе принципам производства лингвистической экспертизы по делам об экстремизме мы можем отметить использование научного инструментария таких инновационных направлений в науке о языке, как лингвокогнитивный [5; 6; 7], лингвокультурологический [8; 9; 10], коммуникативно-дискурсивный [11; 12] подходы. Одним из таких перспективных направлений в современном гуманитарном знании является теория речевых актов [13; 14; 15], которую, в ее классическом изложении, конечно, не назовешь новой (она создана в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в.). Однако на постклассическом этапе научной эволюции теории речевых актов были разработаны ее новые приложения, которые как раз имеют особую значимость для производства лингвистической экспертизы по делам об экстремизме.

Также и в наших работах [16; 17] мы уже отмечали те узловые пункты инновационного развития классической теории речевых актов, которые представляют интерес для лингвоэкспертной практики. Это касается введения в научный оборот новых типов речевых актов, которые представляют некооперативную (конфликтную или манипулятивную) коммуникацию (напомним, что в классической теории речевых актов речь шла только о «правильных», т.е. не нарушающих принцип кооперации [13]), а также развития оппозиции прямых и косвенных речевых актов, предложенной еще Дж.Р. Серлем [18; 19]. Все сказанное выше представляется справедливым и для конкретных разновидностей лингвоэкспертной практики – в частности, для лингвистической экспертизы по делам об экстремизме.

На важность использования данных лингвистической прагматики и теории речевых актов в лингвистической экспертизе указывает и А.Н. Баранов: «Не менее существенна для экспертизы текста **лингвистическая прагматика** [здесь и далее выделено автором – А.Б.]. В особенности **теория речевых актов**, определяющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв» [5, стр. 18-19]. Прежде всего нам важна общая направленность этой теории: в рамках теории речевых актов мы на самом деле анализируем не семантику употребленных слов и выражений, мы анализируем **действия, совершенные с помощью слов**. Действительно, такие понятия, как «возбуждение вражды или ненависти», «призыв к насилиственным действиям», «унижение» – все это разнообразные словесные действия. Ведь именно **действия**, а не слова,

какими бы они ни были, подлежат юрисдикции суда.

Согласно теории речевых актов, когда человек произносит какое-то высказывание в условиях реального речевого взаимодействия, на самом деле он совершает некое действие посредством произнесения данного высказывания, такое, как вопрос, просьба, приказание, объяснение, негодование, извинение и пр. Это и есть «речевой акт» – целенаправленное речевое действие, совершающееся в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [15, стр. 151-152].

Сама структура речевого акта в основных чертах воспроизводит модель обычного, неречевого действия: в ней присутствует намерение, цель и производимый эффект (результат). Есть области, в которых вся совокупность действий сводится к речи. Это политика и дипломатия, управление и юриспруденция, дело- и судопроизводство. И тем и другим свойственны намерения, мотивы, цели – явные и скрытые, побочные эффекты, результаты – прямые и косвенные, следствия, оценки – утилитарные и этические. Человек несет ответственность как за речевые, так и за неречевые действия, если они нарушают принятые нормы поведения.

В теории и практике экспертных лингвистических исследований по делам, связанным с экстремизмом, считается, что возможны следующие разновидности законодательно запрещенных значений слов, выражений, высказываний и целых текстов:

- (1) пропаганда определенных взглядов (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноты человека по признакам, указанным в законодательстве);
- (2) призыв (побуждение) к тем или иным «экстремистским» действиям, террористическим действиям;
- (3) оправдание или обоснование определенных действий и взглядов (терроризма, совершенных противоправных – дискриминационных, насилиственных и др. – действий);
- (4) обвинение конкретного лица в определенных действиях;
- (5) унижение человеческого достоинства по признакам расовой, национальной, религиозной, языковой, социальной принадлежности;
- (6) угроза применения насилия в отношении определенных лиц; совершения определенных действий (поджога, взрыва и др.);
- (7) возбуждение вражды (ненависти, розни) к определенной группе лиц (национальной, религиозной, социальной, языковой) [20].

Описанные выше проявления экстремистской деятельности имеют все признаки некооперативных (вербально-агрессивных) речевых актов. Согласно Дж. Р. Серлю, речевые акты характеризуются **иллокутивной силой** – тем коммуникативным намерением, которое лежит в основе произнесения того или иного высказывания. Характер иллокутивной силы лежит в основе базовой **классификации** речевых актов.

ификации речевых актов Дж. Р. Серля. Все множество речевых актов делится на пять основных классов: (1) **репрезентативы**; (2) **директивы**; (3) **комиссивы**; (4) **экспрессивы**; (5) **декларации** [18, стр. 170-194].

Впоследствии классификация Дж. Р. Серля была расширена и дополнена, в частности, появилась классификация речевых актов на **искренние и неискренние** (в том числе манипулятивные), были выявлены речевые акты **деликта** – речевой агрессии [21]. Кроме этого, в еще одной работе Дж. Р. Серль провел важное разграничение между **прямыми и косвенными** речевыми актами: под косвенным речевым актом понимается такой речевой акт, в котором эксплицирована, т.е. словесно выражена, одна коммуникативная цель, а конвенционально подразумевается другая [19, стр. 195-222].

Именно использование достижений постклассической теории речевых актов в лингвистической экспертизе, на наш взгляд, позволяет достоверно квалифицировать определенные законодательно запрещенные высказывания «экстремистского» содержания как действия с помощью слов, подлежащие впоследствии, в процессе судопроизводства, правовой оценке.

В настоящей работе мы рассмотрим только некоторые из разновидностей «запрещенных» речевых актов экстремизма. В центре нашего исследовательского внимания находятся две группы речевых актов, которые отражают в чем-то полярный тип «экстремистского» действия: это, с одной стороны, речевые акты с иллокутивной доминантой ‘оправдание’, а с другой стороны – речевые акты с иллокутивной доминантой ‘обвинение’. Специфика указанных разновидностей состоит в том, что даные речевые акты представлены не одним типом, а группой близких по иллокутивной силе речевых актов, среди которых один тип будет базовым, прототипическим. Так, например, в число речевых актов с иллокутивной доминантой ‘оправдание’ входит прежде всего сам прототипический речевой акт оправдания, но, помимо этого, в этот кластер можно отнести речевой акт обоснования, одобрения, экземплификации и некоторые другие, смежные с ними. А в число речевых актов с иллокутивной доминантой ‘обвинение’, помимо самого обвинения, входят речевые акты осуждения, порицания, упрека и пр.

Причем интересующие нас типы коммуникативной направленности в спорном высказывании или тексте могут быть выражены как в **прямой**, так и в **косвенной** форме. **Прямое** выражение запрашиваемой информации недвусмысленным образом эксплицировано (развернуто, озвучено) в самом высказывании посредством соответствующих языковых средств. **Косвенный** (словесно невыраженный, скрытый, имплицитный) способ ввода информации имеет две разновидности: (а) в виде **пресуппозиции**, которая представляет собой невербализованное, т.е. не высказанное прямо, суждение, которое полагается «по умолчанию» как общезвестное или безусловно истинное условие для содержания осуществляемого высказывания; (б) в виде **инфериенции** (импликации) – в

отличие от пресуппозиции, это так называемое «выводное знание», т.е. информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на контекст, ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире и пр. [16; 17].

Ниже мы представим методику выявления диагностических лингвистических признаков указанных речевых актов (как в прямой, так и в косвенной форме) и приведем ряд примеров из реальной экспертной практики.

Начнем с группы речевых актов с иллокутивной доминантой ‘оправдание’. Прежде всего рассмотрим прототипический для этой категории непосредственно **речевой акт оправдания**. Для начала приведем языковое значение перформативного глагола оправдывать / оправдать (исключив семантику юридического акта оправдания подсудимого): «1.2. Считать что-л. допустимым, непредосудительным; 3.1. Подтверждать на деле правильность, истинность, основательность чего-л.; 3.2. Доказывать, обосновывать правомерность, правильность чего-л.» [22]. На базе указанных групп значений формируется и значение отглагольного существительного оправдание: «Обоснование справедливости или целесообразности чего-л.» [22].

Словарный анализ позволяет нам выявить базовую иллокутивную силу для речевого акта оправдания. Согласно классификации Дж.Р. Серля, оправдание относится к речевым актам – репрезентативам (констативам), основная коммуникативная направленность которых состоит в информировании, сообщении сведений адресату. Однако перед нами – не чистое сообщение. Оно сопровождается модальной оценкой говорящим сообщаемой информации с точки зрения ее целесообразности, правильности, правомерности. Модальная рамка подобных высказываний ‘Я считаю правомерным, правильным, целесообразным, что Р’. Кроме того, словарная дефиниция отглагольного существительного оправдание позволяет увидеть связь с близким оправданию по значению речевым актом обоснования.

Применительно к интересующей нас тематике содержанием оправдания как разновидности «экстремистского» значения является оправдание враждебных, насилистенных действий, противоправных, запрещенных законодательством идей, взглядов или отношения по отношению к определяемым законодательно лицам / группам лиц (по признаку расы, национальности, происхождения, религиозно принадлежности и пр.). Тематически это могут быть военные или террористические действия, действия по дискриминации, геноциду, а также соответствующие идеология и взгляды. «Говорящий так или иначе дает понять адресату / аудитории, что он солидаризируется с взглядами и действиями представителей определенной идеологии, оправдывает и обосновывает их, восхваляет и идеализирует их, а с другой стороны – напротив, выражает враждебное и негативное отношение к тем, кто не принимает определенную идеологию, оправдывает и обосновывает, восхваляет и идеализирует действия, направлен-

ные против тех, кто не является сторонниками этой идеологии (в том числе через одобрение, героизацию, восхваление и пр.)» [20].

Для речевого акта оправдания в прямой форме нет единственного стандартного языкового средства выражения, если не считать редко употребляющегося перформатива *Я оправдываю X или Нужно / следует оправдать X*. Реально же языковыми признаками для выявления наличия речевого акта оправдания служат разнообразные классы языковых выражений типа *Правильно / справедливо, что..., И это правильно / справедливо...* и синонимичные им конструкции, например: «Только к 1953 г. Сталин разгадал все еврейские игры и понял все механизмы бессструктурного управления вождями. **Он понял, как правильно надо решать еврейский вопрос.** В 1953 г. Сталин решил раздавить жидов, как бешеных собак, полностью и окончательно. Он начал пропагандистскую кампанию по борьбе с безродным космополитизмом. Развернул дело еврейских “врачей-вредителей”».

Последний пример иллюстрирует такую смысловую составляющую речевого акта оправдания, как то, что оправдываемые действия нуждаются в поддержке и подражании. Мы видим, что это находит свое выражение в такой разновидности репрезентатива, как экземплификация (приведение примера, рассмотрение чьих-либо действий в качестве образца), героизация (рассмотрение какого-либо лица или его действий в качестве символа чего-либо) и под., например: «*России нужен русский Гитлер! России нужен русский Франко! России нужен русский Пиночет!*».

Иллоктивная сила оправдания соответствует коммуникативной цели ‘убеждение адресата в правильности, правомерности, целесообразности действий X.’ Подобная цель является прототипической, на ее основе возможны и другие импликации, которые лежат в основе косвенной формы реализации иллоктивной силы оправдания:

(1) оправдываемые действия достойны всяческой хвалы (речевые акты восхваления или одобрения); подобная импликация имеет определенный смысловой нюанс в сравнении с чистым оправданием, имея модальную рамку ‘Я считаю хорошим, что Р’ / ‘Мне нравится, что Р. имеет место’ – одобрение ориентировано на общеоценочный предикат ‘хорошо’, а оправдание связано с нормативной частнооценочной реакцией ‘правильно’ (иными словами, одобряем мы иной раз не обязательно то, что правильно, потому что этот речевой акт зависит от личных пристрастий и вкусов говорящего); восхваление имеет большую степень интенсивности в выражении иллоктивной силы одобрения и обязательно связано с вербализацией, озвучиванием субъекта / объекта восхваления во вне, для социума, тогда как одобрение как внутреннее, психическое действие возможно и без слов); как правило, это выражается конструкциями с оценочным модусом типа *Хорошо, что Р, И это хорошо, Х. хорошо, Мне нравится, что Р. и их синонимами*, например: «*Но смерть любого жида делает мир чище [-> и это хорошо]*»;

(2) говорящий тем или иным образом показывает, что всякий должен действовать следующим образом (речевые акты инструкции, руководства); как правило, это выражается модальными конструкциями с семантикой целесообразности / необходимости типа (*Вам / тебе нужно / необходимо / следует* и их разнообразными синонимами, например: «*От реальной борьбы уклониться не удастся. Жиды притерли нас к стенке, и у нас есть два выхода: или погибнуть без борьбы, или бороться и победить*»;

(3) говорящий солидаризируется с оправдываемыми идеями и взглядами (речевые акты согласия, подтверждения и пр.) и под.; эта импликация соотнесена, по мнению авторов уже приводившегося источника, с коммуникативной целью ‘демонстрация взглядов или отношений (иногда с помощью символики)’: «Цель «демонстрация» отличается от цели «убеждение» тем, что автор не выражает заинтересованности в изменении точки зрения адресата. Он публично (чаще всего с помощью символики) демонстрирует свою солидарность со взглядами, осуждаемыми обществом. Использование символов запрещенной идеологии – знак положительной оценки этой идеологии, ее одобрения и солидаризации с ней, а значит, и ее оправдания» [20]. Например, в фрагменте: «*Любое перемирие – это для нас поражение! Мы готовы на продолжительную войну до победного конца!*» – вербализовано суждение о готовности говорящего продолжать войну. В зоне инференции (нестрого логического следования) легко восстанавливается информация ‘так как считаем это правильным, необходимым, целесообразным’.

К речевым актам с иллокутивной доминантой оправдания можно отнести **речевой акт обоснования**. Обоснование в логике и классической риторической теории является основным средством апелляции к логосу (т.е. к разуму адресата) посредством рациональных доводов. Ср. языковое значение перформативного глагола обосновывать / обоснововать: «Приводить убедительные доводы для подтверждения чего-л., подкреплять доказательствами что-л.» [22]. **Речевой акт обоснования** имеет следующую коммуникативную направленность – это утверждение говорящим целесообразности, необходимости, допустимости, желательности, правильности чего-л. (действий, событий, идей, взглядов отношений и т.п.) посредством логической рациональной аргументации (доказательства), демонстрации, экземплификации (приведения примеров), цитирования авторитетных источников или ссылок на них и под. В случаях, когда речевые акты обоснования направлены на утверждение необходимости, правильности каких-либо взглядов, достижения каких-либо результатов или желательного для говорящего положения дел, эти речевые акты как раз и являются частью сложного, комплексного речевого акта пропаганды определенных взглядов [20], идеологии, основанные на иллокутивной цели ‘убеждение’.

Применительно к интересующей нас теме – это убеждение адресата в следующем:

(1) насильственные и враждебные действия одной группы людей по отношению к другой группе людей по признакам, указанным в законодательстве по экстремизму, являются правильными, необходимыми, целесообразными и под. Обоснование необходимости противоправных действий в отношении представителей определенной группы (дискриминации, насилия, геноцида и др.) имеет много общих черт с их оправданием, но отличается от последнего именно наличием доводов, аргументов, примеров и под. (если оправдание ограничивается констатацией типа ‘Правильно, что Р’, то обоснование имеет более развернутую мыслительную схему ‘Правильно, что Р, потому что Х’;

(2) идеи и взгляды, запрещенные законодательством по экстремизму, являются истинными, а альтернативные им идеи и взгляды, соответственно, являются ложными. Основанный на иллютивной цели ‘убеждение’ речевой акт обоснования противоправных идей и взглядов имеет модальную рамку типа ‘Я хочу, чтобы ты понял, что Р, и на основании этого принял мою точку зрения’.

Как правило, обоснование требует развернутой структуры мысли, поэтому в стандартных «экстремистских» текстах малого объема оно не представлено. Но есть речевые жанры «экстремистских материалов», которые базируются именно на обосновании – это разного рода манифесты, воззвания, программы и под.

Так же, как и в случае с речевым актом оправдания, для речевого акта обоснования в прямой форме трудно найти какую-либо стандартную единообразную форму выражения. Прежде всего это наличие соответствующей «лексики вражды», которая оформляется синтаксическими конструкциями, присущими функциональному типу речи «рассуждение» – обороты и придаточные с семантикой причины и следствия, причинно-следственные предложно-падежные конструкции. В следующем примере аргументация приводится, так сказать, в сокращенном виде: «*Жидов ненавидели всегда и все. Ненавидели за их преступления и за их подлый склад ума*».

К косвенным формам выражения речевого акта обоснования можно отнести разнообразные формы использования «чужой речи» – прямое и косвенное цитирование, аллюзии и реминисценции и другие формы ввода «прецедентных текстов», применительно к интернет-коммуникации – например, посты и репосты, комментарии, включающие высказывания другого автора, без эксплицитно выраженного отношения публикатора к цитируемому им материалу.

Например, публикатор «экстремистских» материалов в социальных сетях, называющий себя *Сайд Абу Саад*, самим фактом перевода, подготовки к публикации и последующего опубликования (поста и репоста) выражает одобрение того, что написано в исходном тексте, солидаризируется с его автором.

Кроме того, исходя из содержания собственного заключительного авторского комментария публикатора, называющего себя *Сайд Абу Саад*: «*Наши брат перёвёл нам текст для того, чтобы бы не сидели на месте, подобно неверным,*

а действовали едино, подобно воинам», можно заключить, что он обосновывает необходимость «действовать подобно воинам», признает эти действия правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Содержание же указанных действий подробно изложено в исходном тексте, с которым солидаризируется публикатор.

А в этих текстовых сообщениях приведена развернутая аргументация необходимости продолжать **джихад** (священную войну) против **кафиров** («неберных») в любых условиях, на любой территории, до полной и окончательной победы, о том, что нельзя ничем оправдывать ее прекращение в той или иной ситуации, в том или ином временном периоде или месте:

(а) «В этом труде, большую часть которого я перевел из труда шейха Ахмада Али Абдуль-Азиза, главная задача была в том, чтобы показать заблуждения многих мусульман в том, что Джихад не действует тогда, когда у мусульман нет силы»;

(б) «<...> утверждениям заблудших о том, что джихад не действует с отсутствием сил, никто из ученых Уммы на протяжении веков не отменил оборонительный джихад из-за отсутствия сил у муджахидов. // Напротив, все они в отсутствии сил у муджахидов говорили о том, что эта обязанность переходит к соседним территориям мусульман и так дальше по нарастающей, пока у мусульман не наберется достаточно сил для отражения агрессии кафиров»

(в) «Несмотря на все, что пережили афганцы, шейх не отменил джихад и не обвинил в разрушениях муджахидов, и мы это хорошо видим из этой фатвы. // Но нам будут кричать – зачем вы обвиняете Кадырова и воюете против его правительства, ведь они говорят о том, что они мусульмане! // Да, мы воюем против этого правительства, которое во много раз хуже, чем правительство Наджибуллы в Кабуле при советской оккупации, и то против него шейх Ибн Баз призвал вести джихад...».

Еще одна группа речевых актов экстремистской направленности, интересующая нас в данном исследовании, – это речевые акты с иллокутивной доминантой 'обвинение'. Они, как было сказано выше, в определенной мере полярны по иллокутивной силе речевым актам оправдания или обоснования. Если в первом случае говорящий считает правильными чьи-то противоправные действия или взгляды по отношению к группам лиц, указанным в законодательстве по экстремизму, то в последнем случае говорящий утверждает, что сами эти группы лиц совершают противоправные действия или придерживаются противоправных взглядов, вменяя данным группам лиц ответственность за указанные действия или взгляды.

Прототипической, базовой разновидностью этих речевых актов является непосредственно речевой акт обвинения. Его языковое значение можно истолковать следующим образом: «1. Считать виноватым, неправым; осуждать, упрекать». – Виноватый «Совершивший какой-л. проступок, промах, прови-

нившийся в чем-либо, виновный» [22]. Данный речевой акт, применительно к интересующим нас случаям «экстремистских» речевых актов, в качестве своего содержания имеет те же предметы речи, что и в случае с рассмотренным ранее речевым актом оправдания – военные или террористические действия, действия по дискриминации, геноциду, а также соответствующие идеология и взгляды. Коммуникативная направленность обвинения – приписывание адресантом ответственности за совершающее действие какой-либо группе лиц, выделяемой по указанным в законодательстве об экстремизме признакам, и одновременно – признание данного совершающего действия преступным, незаконным, нарушающим нормы морали, антигуманным и пр. В этом случае как бы совмещаются две иллокутивные цели: (1) утверждение об ответственности X-а за совершенное Р; (2) негативно-оценочная квалификация Р как нарушающего какие-либо нормы.

Языковыми признаками обвинения в прямой форме прежде всего являются перформативные конструкции типа Я / мы обвиняю / обвиняем или синонимичные им Ты / вы / он (она) / они виноват / виноваты, виновен / виновны; Это вина X-а и под.

Вот пример стандартной речевой конструкции обвинения, выраженного в прямой форме, где эксплицирован предикат с семантикой обвинения, адресат обвинения и содержание неправильных действий (в чем обвиняется X.): «Жиды **виноваты** в трагедии 11 сентября».

Конструкция обвинения может быть развернутой, где более подробно вербализуется содержание противоправных действий или взглядов (подчеркнуто в приводимом примере), ответственность за которые возлагается на адресат обвинения: «А на самом деле во всех бедах армян и в трагедии народов региона **виновато** только одно зло: Это армянская церковь! Это она столетиями **промывала мозг армян, внушая им ненависть к соседям и всякий бред о величии и исключительности армянского народа**».

В случае косвенной формы выражения обвинения могут не вербализоваться адресаты обвинения (они выводятся из широкого контекста в режиме референциальной инференции), может не эксплицироваться предикат обвинения, но при этом посредством импликации дается понять, что Х-у вменяется ответственность за содеянное: «*Ведь именно они [из контекста выводится – армяне] являются основателями мирового сетевого терроризма* [–> ответственны за создание], возникшего в середине 19 века и действующего по сей день. Это их “Асала” и “Гчак”».

Обвинение в косвенной форме может быть опущено в пресуппозицию – невербализованный компонент высказывания, обязательный для правильного восприятия его смысла: «Эти помешанные армяне, *сжигающие села и города, должны понять, что за свое варварство они ответят* и будут платить нам компенсацию до 7-го поколения». – Здесь у выражения с причастным оборотом

«армяне, сжигающие села и города» имеется пресуппозиция ‘армяне сжигают села и города’, а из фрагмента «они ответят» выводится инференция: ‘они ответственны за свои действия, указанные выше’.

На основе базовой иллокутивной силы ‘обвинение’ возможны импликации, которые лежат в основе косвенной формы реализации иллокутивной силы обвинения. Это осуждение, порицание и упрек.

Если обвинение является антонимичным речевым актом по отношению к оправданию, то осуждение является антонимичным речевым актом по отношению к одобрению, что видно из его языкового значения: «Выражать неодобрение кому-л., чему-л.; считать что-л. дурным» [20]. Здесь, как и для оправдания и обвинения, мы исключаем юридизированные разновидности значений слов. Модальная рамка осуждения: ‘Я считаю Р. плохим / Я считаю, что Р. плохо’. В пропозициях осуждения имеется общеоценочный модус: ‘Плохо, что Р’. Именно это делает осуждение более личностно окрашенным, более субъективным, так как оно не содержит обязательного указания на нарушение нормы. С другой стороны, его иллокутивная сила менее интенсивна, осуждать можно и за какие-либо незначительные поступки или привычки (более того, оно, как и рассмотренное выше одобрение, зависит от личных вкусов и пристрастий, и мы, в частности, можем осуждать и то, что не обязательно вменяется в ответственность объекту осуждения – например, грубость, невежливость, плохие манеры и под.). При этом осуждение часто сопровождает обвинение, будучи импликацией последнего.

Языковые признаки – перформатив типа *Я осуждаю* и его перифразы *X. достойно осуждения, X. поступил / вел себя предосудительно* и синонимичные им конструкции. Но чаще всего предикат осуждать выводится в виде импликации из выражения, где вербализованы оценочные показатели типа плохо, дурно, несправедливо и пр., например: «*Израиль – вопиющая несправедливость 20 века, когда средневековыми методами на крови палестинских детей возникло еврейское государство*». – Здесь также имплицитно изложено содержание осуждения (за что осуждается «неправильная» деятельность): ‘использованы средневековые методы’, ‘при этом была пролита кровь палестинских детей’.

Идея осуждения также может имплицитно выводиться из самой семантики слов, обозначающих конкретные действия, за которые осуждается адресат осуждения (убивать, уничтожать, предавать и пр.), например: «*Армяне больше никогда не будут иметь отдельный статус в Азербайджане. Они ничем не лучше талышей, лезгин и других этнических групп. В отличие от них, они всегда были привилегированными гражданами, но предали родину. И не один раз!*». – Здесь скрыто выражен модус неодобрения излагаемого ‘Плохо, что’ [армяне предали родину] и модальная рамка ‘Я осуждаю, что’ [армяне предали родину].

Речевой акт упрека: ‘Высказанное кому-л. или обращенное к кому-л. неодобрение, неудовольствие, обвинение’ [22] – имеет дополнительный семантический компонент ‘нарушение ожиданий говорящего / сознательное нарушение

негласного соглашения, конвенции', и поэтому чаще всего используется для выражения особенностей межличностных отношений: в условия успешности речевого акта упрека входит обязательное личное присутствие конкретного упрекаемого или обязательная возможность доведения содержания упрека до его сведения каким-либо образом (поэтому в «экстремистских материалах», как правило, обращенных к неопределенной большой аудитории, используется редко).

Речевой акт порицания: «Выражение неодобрения, осуждения» [22] – включает дополнительный смысловой оттенок назидательности, рекомендательности, что обуславливает обязательную экспликацию моральной нормы, с которой связано порицание. Иллокутивная сила 'обвинение' здесь выражена менее интенсивно (из-за наличия установки говорящего на исправление объекта или адресата), что делает этот тип речевого акта распространенным в морализирующих контекстах (например, в педагогической деятельности или в производственных отношениях, в общественной жизни), но также малоупотребительным в «экстремистских материалах». В наших материалах нашелся только один пример: *«Перевел и подготовил Сайд Абу Саад.// Призываите к одобряемому и порицайте порицаемое!!!! Наш брат перевёл нам текст для того, чтобы бы не сидели на месте, подобно неверным, а действовали едино подобно воинам».*

В заключение отметим, что все указанные речевые акты (оправдание, обоснование, обвинение), особенно в их прототипических разновидностях потенциально могут быть отнесены к дальней периферии императивных речевых актов, к которым относится основной тип «запрещенного» в законодательстве об экстремизме речевого действия –призыв, а значит, эти речевые акты, не в меньшей степени, чем призыв, имеют сильный перлокутивный эффект (потенциально высокую степень речевого воздействия), и потому они широко используются в пропагандистских материалах экстремистского характера. Их выявление предоставляет определенные трудности и требует достаточно высокой экспертной квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Объекты судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов II Международной научной конференции (г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г.). Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 254–262.
2. Louw B. Further and better empiricism for forensic purposes // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов I Международной научной конференции (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 16-17 мая 2019 г.) / гл. ред. В.А. Юматов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевско-

го, 2019. С. 3–10.

3. Галышина Е.И. Проблемы использования специальных юридических и лингвистических знаний для выявления признаков криминогенности информационных материалов в условиях интернет-коммуникации// Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов II Международной научной конференции (г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г.). Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 64–72.
4. Надеина Т.М., Чубина Е.А. Судебное речеведение как научно-методологическая основа судебных лингвистических экспертиз // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов I Международной научной конференции (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 16–17 мая 2019 г.) / гл. ред. В.А. Юматов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 255–261.
5. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2011. 592 с.
6. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
7. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.
8. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: Сб. научн. трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желухиной; Институт языкоznания РАН. М.: Азбуковник, 2003. С. 24–45.
9. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Под ред. Л.В. Рацбурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
10. Радбиль Т.Б., Рацбурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
11. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: Учебное пособие. Воронеж: ВорГУ, 2001. 228 с.
12. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 285 с.
13. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
14. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
15. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике:

- Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
16. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
17. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18–21.
18. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
19. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.
20. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российской федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 96 с.
21. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
22. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. I. 1222 с.

The post-classical speech act theory in processing linguistic expertise in extremism cases

T.B. Radbil

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
timur@radbil.ru*

The paper examines the possibilities of applying the post-classical speech act theory in the processing linguistic expertise in extremism cases. The principles and methods of identifying and subsequent expert analysis of such speech acts of an extremist type as justification and / or substantiation of hostile, violent actions, as well as illegal, prohibited by law ideas, views or attitudes towards persons / groups of persons defined by law (on the basis of race, nationality, origin, religious affiliation, etc.) and how these groups of people are accused of committing these illegal actions. Examples of the analysis of difficult cases of the use of speech acts of justification, substantiation and / or accusation, expressed in controversial statements and / or texts, both in direct and indirect form, in real linguistic expert studies on extremism cases are given. It is concluded that speech acts of justification, substantiation and accusation have a complex illocutionary force and, at the same time, can be attributed to the far periphery of imperative speech acts.

Keywords: linguistic expertise, extremism, post-classical speech act theory, justification, substantiation, accusation.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПОЛИМЕРНЫХ И БУМАЖНЫХ БАНКНОТ

Н.А. Репникова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

n.repnickowa@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности изготовления и элементы защиты полимерных и бумажных банкнот, выявлены их преимущества и недостатки. Изучены средства защиты, характерные только для полимерных денежных билетов.

Ключевые слова: деньги, полимерная банкнота, прозрачное окно, теневое изображение.

Современная банкнота – это не расписка, напечатанная на простом листе бумаги, как это было во времена Екатерины II, а сложнейшее по использованным в ней технологиям изделие, в котором сконцентрированы современные достижения науки и результаты традиционных отраслей техники [1, стр. 7]. Основной функцией денег является то, что они представляют собой средство обращения и средство платежа, поэтому общественная опасность подделки денежных знаков очень велика. Фальшивомонетничество нарушает порядок деятельности различных организаций и учреждений, а также причиняет значительный ущерб государству.

Долгое время бумага использовалась в качестве сырья для изготовления полиграфической продукции, в том числе и денежных знаков, но с развитием современных технологий многие страны, такие как Австралия, Китай, Гонконг, Израиль, Канада, Румыния, Северная Ирландия и ряд других, стали применять полимерные субстраты в качестве основы печати денежного билета. В связи с этим наблюдается растущий интерес к полимерным банкнотам, а также к элементам защиты, используемым для них.

Бумага, на которой печатаются денежные билеты, представляет собой листвовой волокнистый материал, основным компонентом которого является древесная целлюлоза с добавками из хлопковых, льняных и других волокон для придания ей прочности и стойкости к истиранию. Кроме этого в бумажную массу добавляются клеевые компоненты, наполнители, отбеливающие вещества и различные красители в целях обеспечения нужной плотности, адгезии красителей, белизны, определенного цветового оттенка, а также уменьшения исходного уровня фоновой люминесценции бумаги при воздействии ультрафиолетового излучения. Помимо этого, в состав бумаги входят защитные волокна и нити различных видов, водяные знаки.

Для изготовления полимерных денежных билетов используются полимерные субстраты. Так, например, полимерный субстрат *Guardian*®, разработанный компанией *Innovia Security*, был задействован при выпуске более 140 denominаций и памятных банкнот в более чем 30 странах. Основными элементами субстрата являются базовая пленка под названием *Clarity*®, имеющая непрозрачные (затуманенные) слои, которые позволяют чернилам, нанесенным офсетным и

глубокими способами печати, прилипать к подложке [2, стр. 74]. Среди преимуществ полимерных денежных билетов можно отметить прежде всего сложность подделки, долговечность и износостойкость (они устойчивы к влаге, маслам и иным загрязнениям, а также к высоким температурам, переносят большое количество сгибаний, не рвутся), экологическая чистота, удобство утилизации, т.к. в дальнейшем после срока службы их часто используют в производстве различной пластиковой продукции.

С другой стороны, внедрение полимерных банкнот в оборот требует масштабных затрат как на их изготовление, так на инфраструктуру. Однако использованные пластиковые банкноты можно перерабатывать и использовать повторно, поэтому в будущем их выпуск будет становиться все более рентабельным [3, стр. 52]. В силу этого, при производстве бумажных денежных билетов для повышения ее износостойкости и сопротивляемости к загрязнениям добавляют полимерные композиции.

В ходе сравнительного исследования средств защиты полимерных и бумажных банкнот денежных билетов Банка России номиналом 100, 200, 500, 1000 и 5000 рублей и денежных билетов Гонконга номиналом 10 (рис. 1), 20, 50, 100, 500 и 1000 долларов было установлено следующее (см. табл. 1).

Таблица 1.
Сравнение элементов защиты бумажных денежных билетов Банка России
и полимерных денежных билетов Гонконга

Элементы защиты	Денежные билеты Банка России	Денежные билеты Гонконга
Защитные нити	+	+
Микроперфорация	+	—
Водяной знак	+	—
Защитные волокна	+	—
Прозрачное окно	—	+
Теневое изображение	—	+
Люминесцентные краски	+	+
Метамерные краски	+	+
Оптически переменные краски	+	—
Динамический сдвиг цветов G-Switch	—	+
Скрытый текст (KIPР-эффект)	+	+
Совмещающие изображения	+	+
Микротекст	+	+
Гильошированные элементы	+	+
Бескрасочное тиснение	+	+
Металлографический способ печати	+	+
Офсетный способ печати	+	+
Высокий способ печати	+	+

Рис. 1. 10 долларов 2002 года, Гонконг [4].

Рассмотрим подробнее элементы защиты, характерные для полимерных банкнот.

1. Прозрачное окно – это бесцветная, прозрачная, светопроницаемая область банкноты, которая создается в процессе производства полимерного субстрата – прозрачной пленки толщиной около 0,1 мм, покрытой с обеих сторон белой краской [5] (рис. 2). Данный элемент защиты невозможно получить с использование цифровых методов, а также он служит основой для других защитных средств, таких как голограммическое изображение, выявляемое при проходящем свете, совмещающиеся изображения.

Рис 2. Прозрачное окно, содержащие стилизованное изображение цветка, на гонконгской банкноте номиналом 10 долларов.

2. Теневое изображение – это элемент защиты, представляющий собой изображение с плавными тоновыми переходами и расплывчатыми контурами, выявляемое только в проходящем свете (рис. 3). Теневое изображение является в некотором роде аналогом водяного знака и печатается на поверхности банкноты на стадии его производства.

Рис. 3. Теневое изображение, видимое на просвет, на гонконгской банкноте номиналом 10 долларов.

3. Динамический сдвиг цветов G-Switch – это элемент защиты, представленный в виде рисунка, который в силу «слоеной» структуры покрытия меняет цвет при смене угла зрения (рис. 4). Аналог защитного признака цветопеременой краски-OVI, используемой при печати бумажных банкнот.

Рис. 4 Динамический сдвиг цветов G-Switch на гонконгской банкноте номиналом 10 долларов: а – вид под прямым углом зрения; б – вид под наклоном.

Подводя итоги, можно сказать, что в результате проведенного сравнения денежных билетов Банка России и денежных билетов Гонконга было установлено, что в бумажных и полимерных банкнотах элементы защиты не уступают друг другу в количестве и качестве, хотя и имеется отсутствие в купюрах на полимерной основе ряда «традиционных» защитных элементов (микроперфорация, защитные волокна, покрытие с поляризационным эффектом-POLE). Также элементы защиты (теневое изображение и динамических сдвиг цветов G-Switch), характерные для полимерных банкнот, имеют аналоги на бумажных.

При этом разработка новых элементов защиты на банкнотах, изготовленных из полимерного материала, ведется до сих пор и в отличие от бумаги, которая является двухмерной основой, пластики позволяют использовать трехмерное пространство за счет подключения последних достижений науки в области микро- и нанотехнологий [3, стр. 52]. Это дает возможность в дальнейшем развивать элементы защиты денежных билетов, что позволит снизить количество их подделок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдошин В.В. Определение подлинности и платежеспособности денежных знаков: Методическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. / Ответ. редактор Жилкин И.М. М.: ИнтерКрим-пресс, 2008. 104 с.: ил.
2. Веснина С.Н., Неустроева А.В., Степанюгин К.В. Новые технологии защитных элементов австралийского доллара как средство профилактики фальшивомонетничества // Общество: политика, экономика, право, 2020. С. 72-80.
3. Катеров А.А. Развитие полимерных денег. В сборнике: Экономика и управление в XXI веке. Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Сост. О.В. Афонасьева. 2016. С. 45-53.
4. <https://www.calc.ru/Gonkongskiy-Dollar-Vneshniy-Vid-Banknot-I-Kupyur.html> (дата обращения: 14.02.2021).
5. Глоссарий по банкнотам. [Электронный ресурс] // Regula. URL: www.regulaforensics.com/ru/knowledge-hub/glossary-banknotes/ (дата обращения: 14.02.2021).

Comparative study of the security features of polymer and paper banknotes

N.A. Repnickova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

n.repnickowa@yandex.ru

The article considers the manufacturing process, security features of polymer and paper banknotes, their advantages and disadvantages. Studied the protective features characteristic of polymer banknotes.

Keywords: money, polymer banknote, clear window, shadow image.

ЗНАЧЕНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЛЕГАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Ф.П. Румянцев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

odo-328@mail.ru

В статье анализируются проблемы квалификации результатов проведенных градостроительных экспертиз при рассмотрении судами исков о признании права собственности на самовольно возведенные здания, строения, сооружения, предлагается установление критериев по характеристике степени существенности нарушений требований градостроительного законодательства.

Ключевые слова: градостроительная экспертиза, нарушение требований, самовольная постройка, легализация.

Правовое регулирование легализации самовольных построек продолжает

вызывать противоречивые суждения исследователей [1, стр. 164-174] данной тематики на страницах юридической литературы [2, стр. 49-51]. Тенденция в законодательном подходе к решению данной проблемы прослеживается вполне определенно [3, стр. 102-106] как направленная на усиление требований к возможности придания возвезденным с нарушениями градостроительного законодательства зданиям, строениям, сооружениям статуса недвижимого имущества как объекта гражданского оборота [4, стр. 539-541]. Кроме базового требования, предусмотренного ч. 3 ст. 222 ГК РФ об обладании заявителем земельным участком на праве собственности или ином ограниченном вещном праве, разрешенное использование которого должно соответствовать Правилам землепользования и застройки, утвержденных органом представительной власти муниципального образования согласно Классификатору видов разрешенного использования земельных участков также на возведенную постройку должно иметься разрешение на строительство. Факт соответствия возведенного строения градостроительным требованиям подтверждается наличием акта на ввод построенной недвижимости в эксплуатацию. Указанным документом государство устанавливает обязанность по соблюдению объемно-конструктивных параметров возводимого здания, строения, сооружения, в отношении которых, как правило, на практике и возникает необходимость в проведении государственной градостроительной экспертизы. Наряду с выявляемыми в результате экспертизы нарушениями параметров постройки по максимально допустимой СНИПами высоте построек, а также минимально разрешенным расстоянием до границ с соседними земельными участками и расположеными на них объектами недвижимости с учетом характеристик их пожарной безопасности эксперты определяют степень потенциально создаваемой от возведенной постройки угрозы для жизни и здоровья как обладателей смежных строений, так и неограниченного круга лиц, постоянное нахождение которых в непосредственной пространственной близости с данным объектом будет объективно неизбежным.

Градостроительная экспертиза в вопросе легализации самовольных построек играет, безусловно, определяющую роль. Следует отметить, что из действующих правовых оснований, позволяющих принять положительное судебное решение о признании самовольной постройки законной и которыми на практике в большинстве случаев руководствуются обладатели таких строений, остались лишь положения, содержащиеся в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее по тексту – Пленум). Указанные разъяснительные нормы, позволяющие судам узаконить самовольную постройку, требуют подтверждения условия о безопасности жизни и здоровью граждан. Согласно абз. 1. п. 26 указанного Постановления Пленума нарушения

градостроительных и строительных норм и правил должны носить существенный характер. Указав на критерий нарушений установленных требований как «существенные» Пленум при этом не раскрывает содержания данного критерия, что на практике [5] приводит к противоречивым толкованиям данной характеристики [6]. В связи с чем, считаю целесообразным внести предложение о разработке и утверждении критериев существенности по таким параметрам СНИПов как «отклонение от минимально допустимых расстояний от самовольно возведенного строения до границ с примыкающими земельными участками общего пользования (дорогами, тротуарами), от смежных зданий, строений, сооружений, а также степени нарушения обязательных архитектурных заданий к возведенным объектам (какова степень несочетаемости со сложившейся исторической архитектурой застройки в данном населенном пункте, микрорайоне, улице и пр.). Проведение градостроительной и строительной экспертизы Пленум предлагает лишь в тех случаях, когда отсутствуют профессиональные заключения уполномоченных специалистов отделов архитектуры и градостроительства (или отделов капитального строительства), а также когда заинтересованное лицо приводит в искомом факты, позволяющие усомниться в достоверности выданных заключений по причине субъективного подхода при рассмотрении его обращения в указанные профильные структуры.

Пленум рекомендует судам принимать к рассмотрению иски о признании права собственности на самовольные строения в тех случаях, если у заявителя отсутствует лишь разрешение на строительство, но результаты проведенной градостроительной экспертизы по возведенному зданию, строению, сооружению подтверждают отсутствие нарушений требований СНИПов. Однако для указанной ситуации Пленум рекомендуем судам установить подтверждение наличия волеизъявлений заявителя, направленных на получение им разрешения на строительство от органов местного самоуправления. Считаю данную рекомендательную норму, предложенную Пленумом для руководства при рассмотрении указанной категории исковых требований не вполне обоснованной, поскольку на практике она приводит зачастую к отказу в легализации строений, возведенных без фактических нарушений. Следует отметить, что подобная ситуация является очень распространенной: добросовестный застройщик де-факто соблюдает изначально и на всем протяжении строительства разумные требования по возведению пристроя, надстройки или иных реконструкций принадлежащего ему на праве собственности существующего здания, строения, сооружения, и если государственная градостроительная экспертиза подтверждает де-юре соблюдение требований строительных норм и правил, то в этом случае судам следует рекомендовать признать право собственности на самовольные пристройки, надстройки и отдельно стоящие вновь возведенные строения на земельном участке, принадлежащем заявителю на праве собственности или на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного (бессрочного) пользования, не создающего угрозу жизни

и здоровью граждан, без дополнительного условия подтверждения действий, направленных на получение разрешения на строительство или акта ввода построенного объекта в эксплуатацию как единственного признака, характеризующего содержание понятия самовольной постройки (ст. 222 ГК РФ).

В практической деятельности эксперты при выполнении градостроительной экспертизы по объектам самовольного строительства зачастую сталкиваются с ситуациями не только единичных (точечных) незаконных построек, но и с масштабными нарушениями требований градостроительного законодательства. Типичным примером таких нарушений являются «сомкнутые контуры» уличных деревянных жилых строений без наличия даже минимального «пожарного» разрыва между соседствующими домовладениями. Можно предположить, что в силу каких-то обстоятельств, сложившихся полвека и более лет назад, органы местного самоуправления в данных населенных пунктах регистрировали вновь построенные жилые деревянные дома, надворные и хозяйствственные постройки, которые вплотную возводились к такому же деревянному соседнему жилому дому. Такие улицы существуют по настоящее время, представляя собой реальную угрозу в случае пожара не только здоровью, но и жизни жителям всей подобного рода улице. Но что-то изменить в такой сложившейся «контурной» застройке без планирования органами местного самоуправления осуществления «уличной» реновации достаточно проблематично. Признание данных построек через процедуру проведения градостроительной экспертизы несоответствующими требованиям градостроительного законодательства не может рассматриваться как вариант решения указанной проблемы, сопряженной с обеспечением безопасности жителей подобного рода застроек. Считаю, что в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, проживающих в указанных исторически сформировавшихся типах застройки, органы местного самоуправления должны инициировать реализацию норм нового Федерального закона от 30 декабря 2020 года «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» №494-ФЗ, вошедшего в правовой оборот как «Закон об общероссийской реновации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубничий В.С. АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ СТАТЬИ 222 ГК РФ // Вопросы российской юстиции. 2019. №1. С. 164-174.
2. Наумова О. Самовольное строительство и реконструкция объектов капитального строительства // Жилищное право, 2019, N 2. С. 49-51.
3. Самончик О.А. Тенденции развития законодательства о прекращении прав на земельные участки при их ненадлежащем использовании //Труды Института государства и права РАН. 2015. № 1. С. 102-106.
4. Грязда Э. А. Самовольное строительство как неправомерное действие //

Молодой ученый. 2016. №4. С. 539-541.

5. Определение Верховного Суда РФ от 13.04.2020 N 310-ЭС20-3393 по делу N A83-14882/2017 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 N 4-КГ20-15.
6. Определение Верховного Суда РФ от 13.03.2020 N 306-ЭС19-19642 по делу N A55-12718/2018 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2020 N 308-ЭС19-21484 по делу N A32-30003/2018 // СПС «Консультант Плюс».

The importance of urban planning expertise in the legalization of unauthorized construction objects

F.P. Rumyantsev

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
odo-328@mail.ru*

The article analyzes the problems of qualification of the results of urban planning examinations conducted when considering claims by courts for recognition of ownership rights to unauthorized buildings, structures, structures, and proposes the establishment of criteria for characterizing the degree of materiality of violations of the requirements of urban planning legislation.

Keywords: urban planning expertise, violation of requirements, unauthorized construction, legalization.

СОВМЕСТИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ю.Н. Руф¹, Е.А. Шурганова²

¹*ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)*

²*АО ЭК «Восток» (Россия, Тюмень)*

79222677398@yandex.ru, ruf2077@yandex.ru

В продолжение вопроса о цифровом развитии судебной экономической экспертизы в России хочется отметить, что до сих пор никаких кардинальных изменений в этом направлении не произошло. Можно с натяжкой сказать, что сама по себе судебная сфера «оцифрована» только на уровне предоставления информации из различных государственных баз данных. Сложившаяся на фоне пандемии коронавируса ситуация показала, что страна не готова к сиюминутной оцифровке всех сфер жизни и деятельности. В этой связи в Указе президента от 21 июля 2020 года сказано, что в целях осуществления прорывного развития Российской Федерации одной из национальных целей на период до 2030 года выступит «Цифровая трансформация» [1]. Именно в рамках этой национальной цели президент постановил, что необходимо достичь «цифровой зрелости» государственного управления.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, цифровая трансформация, судебный эксперт, безопасность, государственное управление.

Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы определены в качестве приоритетных направлений внутренней политики, такие как развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры [2].

Во исполнение ранее упомянутого июльского Указа президента в Российской Федерации максимальное количество услуг должно быть доступно населению посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В условиях пандемии государственные органы начали создавать различного рода электронные базы данных, что явилось еще одним шагом на пути всеобщей цифровизации, в том числе государственного управления. Так, на сегодня имеются базы данных почти во всех государственных ведомствах, но некоторые из них носят закрытый характер. Что касается правоохранительных (в т.ч. судебных) органов, то с помощью их сервисов население получает больше информацию справочного характера. Внутренние базы ФСБ содержат сведения о физических и юридических лицах. Официальный сайт ведомства не предлагает гражданам никаких электронных сервисов. Электронные сервисы МВД и ГИБДД дают возможность гражданам взаимодействовать с указанными ведомствами посредством получения необходимой информации. На официальном сайте МВД представлены электронные сервисы поиска и розыска. ГИБДД предлагает на своем официальном сайте следующие сервисы: «Проверка штрафов», «Проверка водителя», «Проверка автомобиля». Существует база данных Федеральной миграционной службы, официальный сайт службы предлагает населению всё также информационные сервисы. ФССП России созданы электронные банки данных и реестры, также гражданам предложен Личный кабинет стороны исполнительного производства ФССП России [3].

Удобство получения информации через электронные сервисы безусловное. Но хотелось бы увеличить эффективность и скорость данного процесса. Как раз об этом и пойдет речь в вопросе о совместности судебной экономической экспертизы и цифровой трансформации.

Российские предприятия давно ведут свою деятельность с применением информационных технологий, включая все аспекты: экономические, управленческие, юридические, производственные и др. Электронные носители используются для накопления, хранения и обновления данных.

На сегодняшний день, например, налажена связь между предприятиями и государственными органами посредством использования программы СБИС. СБИС – система, которая позволяет подготовить, проверить и сдать электронную отчетность через интернет во все государственные органы для предприятий любой ОПФ, а также ИП. По аналогии можно автоматизировать процесс передачи необходимых для проведения экспертного исследования документов судебному эксперту с целью минимизации трудозатрат на поиск таковых среди

бумажных носителей информации. Однако этот вопрос требует урегулирования на законодательном уровне.

В п. 3.1.9 Межгосударственного стандарта «Электронные документы» ГОСТ 2.051-2013 электронный носитель определён как материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [4].

Согласно ст. 164.1. УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий» при производстве по уголовным делам экономической направленности изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением, когда вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации [5]. При этом стоит отметить, что зачастую данные хранятся не напрямую на электронных носителях в организации, а на серверах компании-производителя программного комплекса или в специальном облачном сервисе. По причине использования современных способов «удаленного» хранения баз данных изъятие электронных носителей информации не представляется возможным.

Даже при наличии возможности провести выемку электронного носителя, содержащего всю базу данных организации, следователю или суду необходимо задуматься о целесообразности этого действия. В первую очередь необходимо помнить, что подобное изъятие ограничит доступ сотрудников компании к информации, парализует работу всего предприятия и может стать причиной других правонарушений. Так, если производится выемка электронного носителя с базой данных бухгалтерии организации, то остро встает вопрос о своевременности начислений и выплаты заработной платы работникам. Чем выше степень цифровизации деятельности отдельной компании и экономической сферы в целом, тем более чувствительным для них становится изъятие электронных носителей информации. Статьей 164.1. УПК РФ предусмотрена возможность копирования информации на другие электронные носители. Данные действия защищают права предпринимателей и позволяют организациям продолжать непрерывную деятельность и не терять доходы. Однако остается абсолютно неясным, кто и каким образом должен предоставить другие носители информации. Подобный объем данных нельзя разместить на CD-RV диск, в этом случае необходим современный носитель информации с большой «вместимостью». При этом стоит помнить, что данный носитель будет приобщен к материалам уголовного дела и станет неотделим от него. То есть удаление и перезапись информации для дальнейшего использования в иных целях, в т.ч. при производстве других дел, не представляются возможными. В связи с этим необходимо рассматривать вопрос об источнике финансирования подобных мероприятий.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 164.1. УПК РФ предусмотрена необходимость участия в изъятии специалиста, причем специалиста в области информационных тех-

нологий и технических средств. Это требование порождает ряд проблем, в т.ч. кадровые, так как на текущий момент в правоохранительных органах нет достаточного количества специалистов в соответствующей области знаний. Однако ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ предусмотрена возможность следователя самостоятельно копировать материалы, т.к. для этой операции зачастую не требуются специальные знания. По мнению авторов, данное положение полностью соответствует целям цифровизации деятельности правоохранительных органов. В связи с повсеместным распространением компьютеров и свободным доступом к ним представляется целесообразным предоставление следователю права (а не обязанности) привлекать специалиста для осуществления изъятия электронных носителей информации только в тех случаях, когда для этого действительно требуются специальные навыки.

Кроме того, необходимо понимать, что в выемке всего объема информации, содержащейся в базе данных организации, нет никакой необходимости для следствия, суда и эксперта. Список документов, представляющих интерес для производства судебной экономической экспертизы по конкретному делу, ограничен предметом исследования и периодом. По этой причине более целесообразно не проводить выемку электронного носителя информации, а копировать данные, содержащие необходимые сведения за определенный период. При использовании этого варианта мы снова вынуждены вернуться к вопросу о недостаточной квалификации представителей следствия и суда в области экономики. Проведение выемки без участия специалиста-экономиста или эксперта в этой сфере приводит к изъятию информации, не имеющей отношения к предмету экспертизы, и недополучению необходимых для производства экспертизы сведений.

По этой причине предлагается урегулировать на законодательном уровне порядок действий следствия, суда, экспертов и организаций по получению удаленного доступа в базу данных предприятия. Подобная практика на текущий момент существует для аудиторских организаций. В этом случае у аудитора отсутствует необходимость запрашивать документы и имеется возможность оценить весь объем учетной информации, не отвлекая сотрудников предприятия от рабочего процесса. Этот способ получения информации позволяет оперативно получать все необходимые для производства экспертизы сведения. Это снижает трудозатраты следователей и суда, которые ранее должны были изымать все необходимые документы на бумажных носителях. Кроме того, как ранее упоминалось, представители правоохранительных органов (следователь, прокурор, судья) зачастую не обладают достаточными знаниями в области экономики. Получение экспертом доступа в базу данных организации позволяет решить сразу несколько проблем:

1. Исключает возможность изъятия ненужных документов;
2. Позволяет оперативно получить необходимую для производства экспер-

тизы информацию в полном объёме;

3. Снижает трудовые и временные затраты на производство экспертизы за счёт получения информации в электронном виде, а не на бумажных носителях.

Однако в реализации предложенного варианта существует ряд проблемных вопросов. Во-первых, необходимо обратить внимание на соотношение подобных действий с запретом на самостоятельный сбор материалов для экспертного исследования, установленный п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Предоставление эксперту возможности удаленного подключения к базе данных организации – прерогатива следствия и суда. Поиск, изучение и копирование необходимой информации – обязанность эксперта, которая на текущий момент противоречит положениям уголовно-процессуального законодательства.

Во-вторых, при использовании данного варианта у экспертов возникает потребность в изучении всех программных комплексов, используемых для учетных целей. На текущий момент существует множество таких бухгалтерских программ (из самых известных: SAP, 1С, Контур.Бухгалтерия и др.). В связи с этим государству необходимо изменить образовательные программы подготовки экспертов и специалистов в области экономики. Кроме того, эксперту, как аудитору, необходимо изучить структуру организации и особенности деятельности ее подразделений для корректного самостоятельного формирования отчетности.

В-третьих, вопросы вызывает возможность получения экспертом бесконтрольного доступа ко всей базе данных организации, в том числе к персональным данным сотрудников организации, конфиденциальной информации и сведениям, составляющим коммерческую тайну. Предоставление эксперту ограниченного доступа может оказаться на корректности получаемых им данных и повлиять на результаты экспертного исследования, что недопустимо.

Кроме того, результаты подобных поисков документов сложно приобщить к материалам дела в качестве доказательств, так как доступ к ним имеет только эксперт, а дополнительное копирование и предоставление данных экспертом следствию или суду также будет нарушать действующие процессуальные нормы.

Обобщая все вышесказанное, авторы хотят обратить внимание на низкий уровень цифровизации в области судебной экономической экспертизы и необходимость всестороннего реформирования этой сферы. При этом реформирование должно носить комплексный характер и затрагивать не только вопросы сбора и предоставления материалов для экспертного исследования, но и повышение уровня профессиональных знаний и навыков сотрудников правоохранительных органов и экспертных учреждений и организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 10.02.2021)
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 12.02.2021).
3. Официальные сайты ведомств и организаций: сайт МВД РФ – <https://mvd.ru>, сайт ФССП – России <https://fssp.gov.ru>, сайт ГИБДД РФ – <https://xn--90adear.xn--p1ai/>, сайт УФМС – <https://ufms-gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2021).
4. Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013 введен в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации с 1 июня 2014 г. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2013 г. N 1628-ст. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200106860> (дата обращения: 11.02.2021).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.02.2021).

Compatibility of forensic economic expertise and digital transformation

Y.N. Ruf¹, E.A. Shurganova²

¹Tyumen state University (Russia, Tyumen)

²AO EC «Vostok» (Russia, Tyumen)

79222677398@yandex.ru, ruf2077@yandex.ru

In continuation of the question of the digital development of forensic economic expertise in Russia, so far no fundamental changes in this direction have occurred. It is a stretch to say that the judicial sphere itself is «digitized» only at the level of providing information from various state databases. The situation that has developed against the background of the coronavirus pandemic has shown that the country is not ready for the immediate digitization of all spheres of life and activity. In this regard, the Presidential Decree of July 21, 2020 states that in order to implement the breakthrough development of the Russian Federation, one of the national goals for the period up to 2030 will be «Digital Transformation» [1]. It is within the framework of this national goal that the President has decided that it is necessary to achieve the «digital maturity» of public administration.

Keywords: forensic economic expertise, digital transformation, forensic expert, security, public administration.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ И ИНЫХ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

М.Ф. Сафонова

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

(Россия, Краснодар)

safsf@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые проблемы организации бухгалтерской экспертизы, возбужденной по уголовным делам, связанным с мошенническими действиями в сфере строительства многоквартирных жилых домов с привлечением средств дольщиков. Учитывая общественную и социальную значимость совершаемых противоправных деяний в строительной отрасли, особую важность в раскрытии преступлений играют бухгалтерские документы, содержащие следы указанных преступлений. Проведен краткий статистический анализ количества совершенных преступлений в сфере строительства многоквартирных домов и сумм причиненного ущерба дольщикам, что в очередной раз свидетельствует о социальной опасности совершаемых преступлений. Представлены нормативно-правовые акты, которые были разработаны и приняты на территории РФ с целью контроля отношений, формируемых в области долевого строительства. Разработан алгоритм организации расчетов с применением эскроу счетов при осуществлении сделок по договорам участия в долевом строительстве, что позволило разработать методику бухгалтерской экспертизы расчетов с контрагентами.

Ключевые слова: методика проверки, материальные носители информации, бухгалтерская документация.

Строительная отрасль в современных реалиях находится на этапе подъема, о чем свидетельствует ряд статистических данных, которые будут представлены далее. В частности, за последние 5 лет строительный рынок в России неизменно растет как по объему строительства, так и по добавленной стоимости. Но данный рост номинальных объемов не может объективно характеризовать реальную динамику, так как стоимость фактически созданного конечного продукта увеличивается незначительно (в том числе за счет инфляционных процессов), а строительные компании имеют серьезные проблемы на слабо растущем рынке. Динамика роста также обусловлена реализацией национальных проектов, осуществление которых запланировано до 2022 г. При условии сохранения темпов реализации национальных проектов положительная динамика темпов роста строительной отрасли будет наиболее вероятна.

По итогам 2020 г. удельный вес номинальной добавленной стоимости, произведенной строительной отраслью, в структуре ВВП сократился и составил 5,05%, в сравнении с показателем 2018 г. – 5,1%, в абсолютном выражении – 5,56 трлн. руб., наблюдается рост на 0,22 трлн. руб.¹ Данное значение удельного веса свидетельствует о значительном вкладе строительной отрасли в ВВП и ее значимость для национальной экономики.

¹ Строительство в России. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 113 с.

При сравнении вклада строительной отрасли в ВВП в других странах Россия занимает промежуточные позиции, так по итогам 2019 г. в экономике Польши данный показатель составил 7,69 %, в Китая – 7,16 %, в Испании – 6,43%, во Франции – 5,77%, Германии – 5,37%, в Италии – 4,26%. Экспертами было отмечено, что в России и Италии динамика показателя нисходящая, в отличии от других стран¹.

Именно поэтому основной задачей государства является обеспечение оптимальной системы развития хозяйствования строительной отрасли, которая включает достаточные условия для устойчивого функционирования и развития строительства.

Развитие строительной отрасли и увеличение ее масштабов отражает непосредственное развитие в других отраслях экономики, так, во-первых, строительство вовлекает в оборот значительные объемы ресурсов, во-вторых, продукт строительной отрасли является в большинстве своем фактором развития для использующей отрасли – пополнение и обновление парка основных средств. Сектор жилищного строительства и его показатели важны для диагностики изменений, происходящих в экономике страны, отражающих реальное ее состояние.

Согласно данным Росстата, в 2019 г. было введено в эксплуатацию 82,0 млн м² жилой площади, что на 8%, или на 6,3 млн м² больше, чем в 2018 г. Количества жилых домов, находящихся в незавершенном строительстве, на конец 2019 г. уменьшилось на 5% в сравнении с 2018 г. и составило 7,5 тыс., а площадь незавершенного строительства составляет 46,5 млн м², из которых 2,3 млн м² в домах с приостановленным или законсервированным процессом строительства. Законсервированное и приостановленное строительство жилых домов оказывает негативное воздействие на микроуровне, а также отражает степень несостоенности института девелоперского строительства.

Проблема контроля использования средств вкладчиков – участников долевого строительства застройщиками является ключевой для обеспечения социальной безопасности граждан.

Финансово-хозяйственная деятельность застройщиков, привлекающих средства физических лиц должна подвергаться тщательному контролю со стороны государства, специализированных и общественных организаций. Важным аспектом в данном вопросе является осуществление бухгалтерской экспертизы организаций-застройщиков, которые допустили мошеннические действия в отношении средств граждан.

Противоправные деяния в строительном секторе экономики и, в частности, в области долевого участия при возведении многоквартирных жилых домов несут в себе угрозу для государства и общества, так как являются социально и общественно опасными. Согласно поручению Президента РФ №Пр-2618 от

¹ Инвестиции в инфраструктуру. Строительство 2020» / InfraOneResearch. 2020 г. 92 с.

05.09.2011 г., министерство внутренних дел Российской Федерации в непрерывном режиме должно анализировать практический опыт расследования противоправных деяний, которые совершены в области долевого строительства многоквартирных жилых объектов.

В официальном формате взаимоотношения в области долевого строительства были отражены и закреплены федеральным законом №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Ряд изменений, которые были внесены в указанный закон, сводится к повышению ответственности организаций-застройщиков и предоставлению гарантий дольщикам через счета эскроу.

Окончательно закрепил положение счета эскроу Федеральный закон №478-ФЗ, вступивший в силу 25 декабря 2018 года. Закон ввел положения о том, что застройщик имеет право привлекать средства дольщиков только в случае, если он выбрал одно из средств обеспечения прав дольщика: застройщик или делает взнос в компенсационный фонд или размещает средства дольщика на счетах эскроу. Следует отметить, что в указанном законе содержится информация о том, что с 1 июля 2019 года застройщики в обязательном порядке при получении разрешения на строительство и привлечении средств дольщиков должны применять эскроу счета для расчетов.

Данные стандарты соответствуют положениям федерального закона №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Схему работы со счетами эскроу продолжительное время практикуют при строительстве жилья в развитых странах. В российской практике алгоритм работы схематично представлен на рис. 1.

Для определения схемы учета данного способа финансирования необходимо рассмотреть понятие эскроу-счета. Данное понятие раскрывается в Гражданском кодексе в аспекте условного депонирования (эскроу) в рамках отношения хранения ценностей (глава 47.1 ГК РФ), а также при регламентации видов банковских счетов – счет эскроу (глава 45 ГК РФ). Трактовка понятия счета эскроу заключается в следующем: счет эскроу – это банковский счет, на котором деньги компании или физического лица блокируются до наступления определенных условий. В случае с долевым строительством – деньги на счет вносит покупатель, а застройщик получает их только после успешной сдачи дома в эксплуатацию. Банк выступает как эскроу-агент – независимое третье лицо, которое не имеет своего интереса в сделке.

В средствах массовой информации, регулярно рассматриваются вопросы необходимости контроля отношений, формируемых в области долевого строительства, и, в частности, акцентируется внимание на расследовании уголовных

Рис. 1. Порядок работы с эскроу счетами при осуществлении сделок по договорам участия в долевом строительстве.

Согласно статистике МВД России общее количество преступных деяний, которые рассматриваются как мошеннические действия, с 2003 г. увеличиваются. В 2004 г. он составил 126047, и непосредственно в 2018 г. общее количество мошеннических действий увеличилось до 215000. Многие специалисты объясняют сложившуюся ситуацию серьезным уровнем подготовки лиц, совершающих указанные действия, а также определенной технической оснащенностью.

Следственные подразделения МВД России в 2019 г. изучили 1324 дела с целью принятия процессуального решения. Максимальное количество материалов зафиксировано в государственных судебных органах по Краснодарскому краю – 847, далее в Ростовской области порядка – 70.

Максимальное количество уголовных дел, заклассифицированных в 2019 г. как мошеннические действия в сфере долевого участия и находившихся в производстве органов предварительного следствия, составило 707. Наибольшее количество таких дел находилось в производстве следственных подразделений МВД России по Краснодарскому краю – 156, в республике Крым – 18, Ставропольскому краю – 21, Московской области – 30, Ростовской области – 71.

По рассматриваемым уголовным делам впоследствии было признано потерпевшими 26439 граждан на сумму более 75,2 млрд. руб.

Представленная статистика еще раз подтверждает общественную и социальную значимость контроля данного вида деятельности в строительной сфере.

Учитывая сложность расследования мошеннических действий в сфере строительства многоквартирных жилых домов с привлечением средств дольщиков, возникает острая необходимость назначения судебно-бухгалтерской экспертизы, которая позволяет всесторонне изучить различные по своему наименованию и характеру бухгалтерские документы, содержащие следы противоправных действий [1].

При организации экспертного процесса исследования расчетов с применением эскроу счетов специалисту необходимо руководствоваться не только нормативными актами по ведению учета и составлению отчетности (Закон о бухгалтерском учете №402-ФЗ, Положением по ведению учета и отчетности), но и нормативно-правовыми актами, учитывающими специфику бухгалтерского учета в строительстве – Положение по бухгалтерскому учету «Учет договоров строительного подряда» ПБУ 2/2008 и Положение, утвержденное письмом Минфина России от 30 декабря 1993 г. № 160 «Положение по бухгалтерскому учету долгосрочных инвестиций», в части, не противоречащей более поздним нормативным документам, и другие разъяснительные и рекомендательные разработки по ведению учета и отражению в бухгалтерском учете отдельных операций.

При проведении бухгалтерской экспертизы необходимо принимать во внимание, что порядок отражения средств на счетах учета при применении эскроу-счетов имеет несколько важных аспектов: юридический аспект и бухгалтерский аспект [2].

В табл. 1 рассмотрены основные хозяйствственные операции при применении эскроу счетов и их отражение в системе бухгалтерского учета на основании юридически обоснованного решения.

Таблица 1.
Отражение операций с эскроу счетами в системе бухгалтерского учета строительной организации

Операции	Отражение в бухгалтерском учете	Юридическое основание
Заключение договора долевого участия	Ведение справочника «Контрагенты» по виду «Покупатели» к счету 62 «Расчеты с покупателями и подрядчиками» по каждому договору участия в долевом строительстве с указанием участника и цены договора	Договор долевого участия должен содержать требования ст. 4 ФЗ №214-ФЗ. Считается заключенным с момента обязательной госрегистрации. Отражаются характеристики сделки и сторон по заключенному ДДУ обособленно (п. 1 ст. 18 Закона № 214-ФЗ)
Открытие счета эскроу	Не отражается в системе бухгалтерского учета	На основании зарегистрированного ДДУ покупатель, застройщик и банк подписывают трехсторонний договор эскроу, где определяется срок действия счета эскроу и условия для перехода права владения счетом от покупателя к продавцу (ст. 860.7 ГК РФ). Условия перехода прав на владение счетом: – ввод здания в эксплуатацию; – оформление права собственности на квартиру как минимум одним участником долевого строительства

Зачисление средств на счет эскроу	Дебет забалансового счета 009 «Средства дольщиков на счетах эскроу»	В течение срока, предусмотренного ДДУ и Договором эскроу покупатель вносит средства на счет эскроу. Банк подтверждает факт поступления средств на счет эскроу посредством запроса от застройщика.
Расчёт и привлечение целевого кредита	Дебет счета 51 «Расчетные счета» Кредит счета 67 «Расчеты по долгосрочным кредитам и займам» – получен целевой кредит на долевое строительство. Дебет субсчета 91.02 «Прочие расходы» Кредит счета 67 «Расчеты по долгосрочным кредитам и займам» – начислены проценты за пользование кредитом.	В соответствии с приложением 5 Положения Банка России от 28.06.2017 г. № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности», необходимо провести анализ критерии для кредитования заемщиков-застройщиков, использующих счета эскроу.
		Заключение кредитного договора невозобновляемой кредитной линии при этом лимит кредитной линии обеспечивает покрытие всех расходов на строительство объектов и иных расходов застройщика, связанных реализацией проекта на инвестиционной фазе, за исключением собственных расходов застройщика, предусмотренных пунктом 6.1 Стандартов качества деятельности [3].
Передача квартиры покупателю – дольщику	Дебет субсчета 90.02 «Себестоимость продаж» Кредит счета 43 «Готовая продукция» – на сумму фактических затрат на строительство – передана квартира покупателю после ввода дома в эксплуатацию	Фактом передачи законченного объекта долевого строительства в соответствии с п.1 ст. 8 ФЗ № 214-ФЗ является подписание сторонами передаточного акта или Акта приема-передачи объекта строительства. Данный акт должен содержать характеристики помещения, являющегося объектом долевого строительства и быть подписан не ранее получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.
Передача пакета документов эскроу-агенту для подтверждения наступления условия договора	Не отражается в системе бухгалтерского учета	Подтверждение наступления условий по договору посредством предоставления в банк подписанных Акта приема-передачи объекта и разрешения на ввод дома в эксплуатацию. Законодательно не установлен пакет документов для подтверждения выполнения условий договора и необходимо руководствоваться требованиями договора эскроу.
Признание выручки после регистрации права собственности на квартиру хотя бы одним дольщиком	Дебет счета 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками» Кредит субсчета 90.01 «Выручка» – отражена выручка от реализации жилья на дату подписания передаточного акта. Сумма выручки равна цене договора.	Выручка признается на дату регистрации права собственности за дольщиком (пп. «г» п. 12 ПБУ 9/99)

При осуществлении проверки с целью контроля средств и сроков исполнения обязательств при осуществлении бухгалтерской экспертизы важно осуществить проверку дебиторской и кредиторской задолженности по договорам участия в долевом строительстве с целью выявления неисполнения обязательств перед дольщиками, а также наличия риска снижения финансовой устойчивости в ситуации превышения кредитной потребности [3].

В табл. 2 представлены этапы проведения бухгалтерской экспертизы дебиторской и кредиторской задолженности участников долевого строительства.

1) На первом этапе осуществления взаимоотношений с покупателем – участником долевого строительства важно осуществлять проверку и контроль порядка заключения и параметров договора участия в долевом строительстве, его соответствие положениям федерального закона №214-ФЗ, а также порядку государственной регистрации. Основные положения договора в части информации о качественных характеристиках и сроках сдачи объекта должны соответствовать проектной документации – проектной декларации, разрешению на строительство объекта и соответствовать имеющимся учетным данным.

Таблица 2.
Этапы и процедуры экспертной проверки дебиторской и кредиторской задолженности участников долевого строительства и договора эскроу

Этап проверки	Аудиторские процедуры	Источники информации
Предварительный этап – уточняется перечень дебиторской и кредиторской задолженности, оценивается качество состояния внутреннего контроля по учету операций с контрагентами; с учетом результатов предварительного этапа формируется план и программа аудиторской проверки учета расчетов с контрагентами	<ul style="list-style-type: none"> – тестирование системы внутреннего контроля; – устный опрос сотрудников; – наблюдение; – инспектирование; – аналитические процедуры 	<ul style="list-style-type: none"> – учетная политика организации; – приказы о назначении состава инвентаризационной комиссии и проведении инвентаризации задолженности покупателей и встречной задолженности застройщика; – должностные инструкции; – реестр заключенных договоров долевого участия; – регистры по счетам 62, 60, 66, 67; – результаты опроса сотрудников организации.

Основной этап	<ul style="list-style-type: none"> – проверка бухгалтерского учета операций по расчетам с контрагентами; – инвентаризация задолженности перед контрагентами; – правовая оценка договоров с контрагентами, в том числе ДДУ; – проверка организации первичного документального оформления операций по расчетам с контрагентами; – проверка правильности отражения в бухгалтерском учете различных операций по расчетам с контрагентами с соблюдением сроков; – проверка своевременности и правильности списания дебиторской и кредиторской задолженности и учета списанной задолженности; – проверка соответствия дебиторской и кредиторской задолженности в учете и отчетности 	<ul style="list-style-type: none"> – акты сверки с контрагентами организацией; – запрос к контрагенту (через аудируемое лицо) и подтверждение о состоянии расчетов на определенную дату; – договоры участия в долевом строительстве; – кредитные договоры; – уведомления со счета эскроу, выписки банка; – проектная документация; – регистры аналитического и синтетического учёта по счетам 62, 60, 63, 76, 66, 67; – регистры налогового учета.
Заключительный этап	<ul style="list-style-type: none"> – подготовка аудиторской документации; – оценка эффективности системы эскроу счетов при осуществлении расчетов 	<ul style="list-style-type: none"> – рабочие файлы аудитора

2) Проверка осуществления оплаты покупателем в соответствии с условиями и сроком, установленными в ДДУ на счет эскроу, и получение подтверждения – уведомления от эскроу-агента о зачислении средств и возможности осуществления целевого финансирования.

3) Осуществление проверки на соответствие критериям кредитующего банка по методике, представленной в приложении 5 Положения Банка России от 28.06.2017 г. № 590-П: предполагается проведение аналитической оценки кредитоспособности организации для снижения рисков прекращения осуществления финансирования и открытия эскроу счетов в краткосрочном периоде.

4) Порядок и сроки публикации бухгалтерской отчетности в ЕИСЖС «НАШ. ДОМ.РФ»: промежуточная бухгалтерская отчетность подлежит публикации в срок не позднее тридцати календарных дней после окончания периода; годовая бухгалтерская отчетность подлежит обязательному аудиту и публикуется вместе с аудиторским заключением в срок не позднее ста двадцати календарных дней после окончания соответствующего отчетного года.

5) Для формирования оптимальной системы расчетов с покупателями – дольщиками и кредитными организациями необходимо провести оценку применяемого способа расчётов с покупателями через эскроу счета.

Институциональные изменения, происходящие в настоящее время, отражают важность эффективного и безопасного осуществления жилищного строительства. Система контроля деятельности застройщика приобретает струк-

турный характер, включая внешний контроль со стороны государственных департаментов жилищного строительства, налоговых органов, коммерческих банков (эскроу-агентов), общественного контроля, в том числе за счет развития открытого ресурса раскрытия информации застройщиками. В методологии внутреннего контроля также произошли изменения, возникла необходимость осуществления ежеквартального мониторинга финансового состояния, а также строгие рамки публикации специализированной отчетности в Единой информационной системе жилищного строительства, нарушение которых приводит к значительным финансовым санкциям. Реализация ЕИСЖС стала важным шагом для повышения безопасности и прозрачности системы жилищного строительства, а также снижения удельного веса ложной информации об объекте строительства, сроках сдачи объекта, возможности заключения договора ипотечного кредитования.

Таким образом, обеспечивая качественное взаимодействие участников долевых отношений, институтов в сфере регулирования жилищного строительства, законотворческих институтов будет обеспечено развитие жилищного строительства. Процессы цифровизации также будут способствовать становлению качественной и открытой системы осуществления жилищного строительства, главным институтом которой станет механизм проектного финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юматов В.А., Козменкова С.В. Экономические экспертизы: виды и классификация // в сборнике: Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова. 2018. С. 223-226.
2. Бухгалтерская экспертиза: учебник / М.Ф. Сафонова, И.Н. Калинина, О.И. Швырева. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 413 с.
3. Макаренко С.А., Грабовец О.В. Методика внутреннего контроля дебиторской и кредиторской задолженности // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 3-4. С. 169-173.

Methodological aspects of the organization of accounting expertise in the investigation of embezzlement and other mercenary crimes in the field of construction

M. F. Safonova

Kuban State Agrarian University (Russia, Krasnodar)

safsf@yandex.ru

The article deals with the key problems of organizing accounting expertise initiated in criminal cases related to fraudulent actions in the construction of apartment buildings with the involvement of equity holders. Taking into account the social and social significance of the illegal acts committed in the construction industry, accounting documents containing traces of these crimes play a special role in solving crimes. A brief statistical analysis of the number of crimes committed in the construction of apartment buildings and the amount of damage caused to shareholders is carried out, which once again indicates the social danger of the crimes committed. The article presents the normative legal acts that were developed and adopted on the territory of the Russian Federation in order to control the relations formed in the field of shared-equity construction. An algorithm for organizing settlements with the use of escrow accounts in the execution of transactions under contracts for participation in shared-equity construction was developed, which allowed us to develop a methodology for accounting expertise of settlements with counterparties.

Keywords: verification method, material data carriers, accounting documentation.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕДОСТАВЛЕННЫМИ ЛИМИТАМИ БЮДЖЕТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ

О.Д. Соловьев^{1,2}, Е.С. Игонина^{1,2}

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

²Нижегородская академия МВД России

solod-nn@rambler.ru, eligonina@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные особенности использования специальных знаний сотрудниками правоохранительных органов при выявлении и расследовании преступлений, совершаемых в процессе реализации контрактов в сфере государственных закупок; обосновывается объективная необходимость и возможное использование специальных знаний сотрудниками специализированных подразделений правоохранительных органов, направленных на обнаружение следообразующей информации.

Ключевые слова: государственные закупки, лимиты бюджетных обязательств, выявление и расследование хищений, документационное сопровождение закупок, специальные знания, экспертные исследования.

Исполнения лимитов бюджетных обязательств по государственным контрактам

Институт системы госзакупок призван обеспечить взаимоотношения между государственными заказчиками и организациями, являющимися постав-

щиками товаров различного наименования и номенклатуры, исполнителями работ и услуг для государственных нужд. Реализация мероприятий по государственным контактам оказывает влияние на структуру и динамичное развитие экономики государства, являясь при этом мощным регулятором использования бюджетных средств, выделяемых на государственные нужды. Контрактная деятельность, несмотря на законодательное обеспечение ее функционирования, имеет определенные проблемы – это: недостаточность контрольных мероприятий; заключение государственных контрактов в сжатые сроки; не всегда получаемое от их заключения эффективное использование бюджетных средств; формирование технического задания под конкретного поставщика или подрядчика; реализации не в полном объеме лимитов бюджетных обязательств, выделенных на виды расходов в разрезе кодов бюджетной классификации [4]. Бюджетным законодательством предусмотрены следующие коды вида расходов (далее – КВР) по государственных контрактам:

- 413 – бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства в рамках государственного оборонного заказа;
- 414 – бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности;
- 221 – обеспечение топливом и горюче-смазочными материалами в рамках государственного оборонного заказа;
- 242 – закупка товаров, работ, услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий;
- 247 – закупка энергетических ресурсов;
- 244 – прочая закупка товаров, работ и услуг.

Более детальное изучение содержания государственных контрактов в процессе выявления преступлений правоохранительными органами предполагает анализ учетной документации по 221, 244 видам расходов.

Методические аспекты выявления преступлений, связанных с исполнением государственных контрактов

При проверке заключения и исполнения государственных контрактов по 221 КВР необходимо применять определенную методику и алгоритмы по выявлению преступлений. Выявление хищения необходимо начинать с использования метода встречной проверки, анализируя данные Карточки счета 10533000 «Горюче-смазочные материалы и иное движимое имущество учреждения» вышестоящего подразделения – распорядителя и одновременно подразделения – отправителя нефтепродуктов. Полученная информация должна быть сопоставлена способом встречной проверки соответствующих первичных документов, проходящих по бухгалтерскому учету подразделения – получателя нефтепродуктов: накладных и счетов-фактур, товарно-транспортных накладных транспортного предприятия, извещений об оприходовании получателем нефтепродуктов. Даты отгрузки, наименования и количество нефтепродуктов,

указанные в упомянутых извещениях и накладных, необходимо проверить на идентичность, при этом подтвердить или полное или частичное отсутствие с аналогичными данными карточки счета 10533000. Можно предположить, что организация, в адрес которой были отгружены нефтепродукты, их не оприходовала. Возможно и другое: нефтепродукты не были отгружены филиалу организации и документы на отгрузку собственным автотранспортом являются фиктивными, а сами нефтепродукты похищены посредством составления фальсифицированных актов на списание нефтепродуктов, якобы потребленных собственными транспортными средствами.

Хищение нефтепродуктов нередко осуществляется путем искусственного создания пересортицы за счет фальсификации плотности и умышленного нарушения количества нефтепродуктов при их переводе из килограммов в литры, когда разница между этими показателями также умышленно не учитывается, как это требуется согласно действующему ГОСТу [5].

Для выявления и доказательства факта умышленной пересортицы нефтепродуктов с целью их хищения может быть использована типовая формула расчета плотности нефтепродукта в соответствии с действующим ГОСТом и типовыми правилами перевода нефтепродуктов из килограммов в литры при их отпуске со склада ГСМ и АЗС. В процессе исследования госконтрактов на поставку, транспортировку и хранение нефтепродуктов следует изучать и анализировать акты приемки нефтепродуктов, счета-фактуры поставщиков нефтепродуктов, товарно-транспортные накладные, бухгалтерские справки-расчеты перевода нефтепродуктов по счетам-фактурам поставщиков из килограммов в литры. Согласно упомянутой формуле, плотность нефтепродуктов, а, следовательно, их физический объем увеличивается на определенный расчетный коэффициент, начиная с температуры «+20оС». Например, при плотности автобензина АИ-95 700-719 кг/м³ коэффициент увеличения физического объема составляет 0,01225. По общепринятому порядку учета ГСМ, изменения температуры выше «+20оС» необходимо учитывать в специальном журнале строгой отчетности по датам отчетного периода и маркам нефтепродуктов, в том числе и автобензина.

Хищения бюджетных средств присущи всем направлениям реализации госконтрактов. Так, например, в сфере строительства и выполнения ремонтных работ противоправные способы, направленные на хищение бюджетных средств за счет завышения физических объемов работ при производстве и выполнении ремонтно-строительных работ, как правило, можно выявить способом фактического обмера объемов выполненных указанных работ, а также выборочным вскрытием отремонтированных площадей. Следует отметить, что практически все отношения в сфере государственных закупок подвержены рискам, связанным с неправомерным завладением бюджетными средствами.

Одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных

органов является выявление и расследование хищений бюджетных денежных средств, совершаемых при осуществлении госзакупок.

Неоспоримым фактом является то, что сотрудники оперативно-следственных подразделений должны обладать комплексом специальных знаний в сфере бюджетных отношений и финансирования, организации и проведения государственных закупок. Важно знание порядка функционирования и навыки использования площадок госзакупок, ввиду содержащейся там информации об участниках закупки, о технических заданиях и иной информации, имеющей значение как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при проведении доследственной проверки.

Определенные сложности в процессе выявления и расследования преступлений в сфере госзакупок и состоят в том, что следы преступной деятельности малодоступны к простому восприятию, а установление следообразующих признаков и фиксация доказательной информации без использования специальных знаний затруднительны.

Специальные знания у следователя, оперативного сотрудника, специалиста-ревизора и эксперта различаются по своей структуре и содержанию, т.к. в ходе расследования данные лица наделены разными процессуальными полномочиями и имеют различное процессуальное положение.

Реализация судопроизводства во многом зависит от качества собранного материала, установления наличия признаков преступления и оснований к возбуждению уголовного дела. Принимая решение о возбуждении дела, связанного с госзакупками, следователю необходимо основательно и полно изучить полученные в ходе доследственной проверки доказательственные материалы, коими являются: техническая документация, сам госконтракт, порядок ценообоснования, заявки участников, иные документы по закупкам, в зависимости от сферы заключения контракта: строительно-ремонтные работы, услуги и работы в сфере ЖКХ, медицинские товары (продукция), поставка медицинского оборудования и др.).

В процессе расследования следственные действия должны максимально обеспечить сбор доказательственных материалов.

По уголовным делам данной категории подлежит установлению обязательный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ:

- место совершения преступления: место регистрации и адрес организации, с использованием документов которой совершено хищение; место составления, оформления и подписания документов по контракту;

- период времени подготавливаемых преступных деяний, период деятельности поставщика, время завладения денежными средствами;

- информация о потерпевшем: название, организационно-правовая форма и адрес бюджетной организации;

- сумма похищенных средств с подтверждающей документацией и размер нанесенного ущерба;
- данные о поставщике: банковские счета, их состояние и движение средств на счетах; установление факта реальной деятельности;
- данные о реализации преступного умысла, а также методы, средства и способы получения и оприходования денежных средств.

Особенностью преступлений, связанных с хищением бюджетных средств посредством заключения госконтрактов является проведение комплекса исследований и экспертиз документов и учетной информации в целях формирования доказательственной базы, для чего необходимо правильно и корректно формулировать вопросы специалистам (экспертам), проводящим исследование (экспертизу), что послужит эффективности расследования. К таким экспертным исследованиям по рассматриваемой категории дел относятся:

- строительно-техническая, в том числе связанная с оценкой, и инженерно-техническая экспертизы, которые нужны с целью получения доказательной информации по фактам завышения объема выполненных работ, частичного не выполнения или занижения стоимости проведенных работ и составление подложных и недостоверных документов (например, актов КС-2, КС-3);

- судебно-бухгалтерская экспертиза, позволяющая проанализировать финансовую деятельность поставщика и рассчитать сумму нанесенного ущерба;

- товароведческая экспертиза: для получения данных и установления, на основе качественно-количественных характеристик, фактов соответствия или несоответствия поставленных по заключенным контрактам товаров условиям, прописанным в госконтракте;

- криминалистическая и почерковедческая экспертизы документов с целью получения доказательной информации о причастности организации и ее должностных лиц – как заказчика, так и поставщика – к подписанию документов;

- компьютерно-техническая экспертиза, которая необходима в случае установления фактов наличия (составления, размещения) документации в электронной форме на сайте госзакупок.

Таким образом, эффективность расследования дел о хищении бюджетных средств при заключении государственных контрактов будет зависеть от грамотно выбранной тактики и стратегии расследования уголовного дела, эффективного взаимодействия с контролирующими финансовыми государственными органами и учреждениями, проводящими экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2020).

2. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации : [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 07.12.2020).
3. Единая информационная система в сфере закупок : [Электронный ресурс] : Режим доступа : <https://zakupki.gov.ru/> (дата обращения: 07.12.2020).
4. Игонина Е.С., Бандорина И.В. Эффективность реализации методов финансового контроля при проведении проверки государственных контрактов / Столица науки. 2020. № 2 (19). С. 87-94.
5. Игонина Е.С., Соловьев О.Д. Обеспечение безопасности организации в топливно-энергетической сфере / На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 147-150.

Features of the use of special knowledge in the detection and investigation of crimes related to the provided limits of budget obligations for the execution of state contracts

O.D. Solovev^{1,2}, E.S. Igonina^{1,2}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

*²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)*

solod-nn@rambler.ru, eligonina@mail.ru

The article considers certain features of the use of special knowledge by law enforcement officers in the detection and investigation of crimes committed in the process of implementing contracts in the field of public procurement; justifies the objective need and possible use of special knowledge by employees of specialized law enforcement units aimed at detecting trace-forming information.

Keywords: public procurement, limits of budget obligations, detection and investigation of embezzlement, documentation support of procurement, special knowledge, expert research.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МЕТОДИК СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

B.A. Тимченко

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

forensacc@mail.ru

В статье с позиций общей теории судебной экспертизы рассматриваются наиболее актуальные проблемы формирования экспертных методик. Адаптируя общетеоретические положения, предпринята попытка определить принципы формирования методик судебно-бухгалтерской экспертизы. На основе критического анализа различных точек зрения российских ученых по исследуемому вопросу и с учетом общетеоретических положений автором предложено собственное видение принципов формирования типовых родовых и видовых методик судебно-бухгалтерской экспертизы. Сделан вывод о возможности формирования на предложенных принципах типовых методик и других родов судебной экспертизы, входящих в класс судебно-экономических экспертиз.

Ключевые слова: валидация, методы судебно-бухгалтерской экспертизы, принципы, сертификация, стадии, структура методики, судебно-бухгалтерская экспертиза, экспертные методики.

Проблема совершенствования методического обеспечения судебно-экспертной деятельности является в настоящее время одной из актуальных проблем теории и практики судебной экспертизы. В этой связи мы разделяем мнение ученых о том, что «...в плане методического обеспечения новых родов и видов судебно-экономической экспертизы ... отсутствие научного задела фундаментальных разработок ее методического обеспечения ... приводит и к ряду негативных проявлений в современной экспертной практике» [1, стр. 512]. К этому можно только добавить, что должное методическое обеспечение отсутствует не только для новых родов и видов из класса судебно-экономических экспертиз, но и для традиционных родов и видов судебных экспертиз в этом классе.

Решению данной проблемы, несомненно, будет способствовать разработка принципов формирования экспертных методик судебно-бухгалтерской экспертизы как одного из наиболее распространенных родов из класса судебно-экономических экспертиз.

Однако, прежде чем исследовать вопрос о принципах формирования методик судебно-бухгалтерской экспертизы, необходимо определить понятие методики судебной экспертизы в целом и судебно-бухгалтерской экспертизы в частности. Существуют различные определения понятия методики судебной экспертизы. Так, Т.В. Аверьянова полагала, что «экспертную методику можно определить следующим образом: это система предписаний (категорических или альтернативных) по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов и средств решения экспертной задачи» [2, стр. 290].

Более развернутое определение предложено Е.Р. Россинской: «Под экспертной методикой понимается научно обоснованная последовательность действий для решения конкретной (типовой) экспертной задачи, т. е. методика, в которой выражен обобщенный опыт решения типовой (часто встречающейся в практике) экспертной задачи, а ее содержание представляет собой совокупность основных данных об объектах исследования, экспертной задаче, оборудовании, материалах и способах ее решения» [3, стр. 126].

Конкретизируя понятие методики судебной экспертизы применительно к классу судебно-экономических экспертиз, В.А. Прорвичем было сформулировано следующее определение: «Методика судебно-экономической экспертизы – это сложно-составное понятие, включающее в себя комплекс более простых, элементарных понятий, опирающихся на соответствующие составляющие научного фундамента судебных экспертиз данного класса. Кроме того, данное по-

нятие имеет не только научное содержание, но и правовой статус, установленный, прежде всего, процессуальным законодательством и законодательством о судебно-экспертной деятельности, для обеспечения доказательственного значения заключения судебного эксперта» [4, стр. 338].

Анализируя данные определения, можно прийти к выводу, что каждое из них содержит как достоинства, так и недостатки, которые необходимо учитывать при формулировании дефиниции понятия методики судебно-бухгалтерской экспертизы.

Так, в определении, предложенном Т.В. Аверьяновой, не указано, на какой основе строится система предписаний по выбору и применению существующих или создаваемых методов и средств решения экспертной задачи. Имеется в виду практический опыт или результаты научных исследований?

В определении, предложенном Е.Р. Россинской, усматривается некоторое внутреннее противоречие. С одной стороны она под экспертной методикой понимает научно обоснованную последовательность действий, а с другой, по ее мнению, это выражение обобщенного опыта решения типовой (часто встречающейся в практике) экспертной задачи.

Определение, предложенное В.А. Прорвичем, на наш взгляд, не конкретное. Такие термины, как сложносоставное понятие, элементарные понятия, научный фундамент – не раскрывают сущность экспертной методики.

Попытаемся сформулировать дефиницию экспертной методики с учетом устранения вышепозначенных недостатков. За основу полагаем целесообразным взять определение, предложенные Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. По нашему мнению, методика судебной экспертизы – это программа действий эксперта или компьютерной экспертной системы, сформированная на научной основе с учетом экспертного опыта и результатов различных форм моделирования исследуемых процессов, направленная на решение экспертной задачи. Данная программа предусматривает выбор действий эксперта с объектами экспертного исследования на различных этапах в зависимости от существующих или специально создаваемых условий. К условиям экспертного исследования относится, в том числе, и применение необходимого оборудования и материалов.

Конкретизируя вышеприведенное определение, попытаемся дать дефиницию методики судебно-бухгалтерской экспертизы. Методика судебно-бухгалтерской экспертизы – это программа действий эксперта-бухгалтера, сформированная на научной основе с учетом экспертного опыта и результатов мысленного образного моделирования исследуемых учетных операций, направленная на решение задач судебно-бухгалтерской экспертизы.

В основу методики судебно-бухгалтерской экспертизы должен быть положен не только экспертный опыт, но и результаты мысленного образного моделирования. Это объясняется тем, что для решения экспертных задач может оказаться необходимым исследование ранее не встречавшихся в практике хо-

зяйственных и финансовых операций с точки зрения отражения их в бухгалтерском учете: поэтому экспертного опыта окажется недостаточно.

Также методика судебно-бухгалтерской экспертизы должна содержать указание на перечень объектов исследования, необходимых для решения экспертной задачи, и программные средства, используемые в условиях компьютерных технологий обработки данных.

Определение экспертной методики должно соотноситься с ее структурой. По мнению Е.Р. Россинской, в структуре экспертной методики должны быть представлены: 1) экспертные задачи; 2) объект исследования; 3) сущность методики (принцип решения задачи): а) перечень подзадач (для сложной методики); б) наименование конкретной подзадачи; в) объект исследования для экспертной подзадачи; г) принцип решения подзадачи; 4) совокупность признаков, характеризующих объект; 5) оборудование, материалы и реактивы; 6) последовательность действий эксперта; 7) формулирование выводов эксперта; 8) основная использованная литература» [3, стр. 127]. Разделяя в целом данное мнение, попытаемся адаптировать предложенную структуру применительно к методике судебно-бухгалтерской экспертизы.

В структуре методики судебно-бухгалтерской экспертизы, по нашему мнению, должны найти отражение: 1) задачи, решаемые с помощью данной методики; 2) объекты исследования, необходимые для решения экспертных задач; 3) сведения о нормативно-справочной информации, необходимой для решения экспертных задач; 4) перечень компьютерных программ автоматизации судебно-бухгалтерской экспертизы; 5) методические приемы исследования.

Например, структура методики судебно-бухгалтерской экспертизы может иметь следующий вид: 1) задача, решаемая с помощью данной методики, – исследование полноты оприходования по учету наличных денежных средств в кассе, полученных из банка; 2) объекты исследования, необходимые для решения экспертной задачи, – приходные кассовые ордера, выписки из лицевых счетов в банках; кассовая книга, отчет кассира, регистры синтетического учета по счету 50 «Касса»; 3) нормативно-справочная информация, необходимая для решения экспертных задач: Указание Банка России от 11 марта 2014 г. № 3210-У «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства»; Приказ Министерства финансов РФ от 31 октября 2000 г. № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению»; 4) перечень компьютерных программ автоматизации судебно-бухгалтерской экспертизы – Программа автоматизации бухгалтерского учета «1-С Бухгалтерия», Информационно-справочная система «Консультант плюс», офисные программы «Микрософт Офис» или аналогичные; 5) методические приемы исследования – по выпискам из лицевых счетов организации в

банках устанавливаются даты и суммы выданных наличных денежных средств. Эти сведения необходимо сопоставить с данными о суммах получаемых наличных денежных средств по чекам, которые остаются в корешках чеков в чековой книжке. Затем суммы, указанные в двух названных носителях экономической информации необходимо сопоставить с суммами, указанными в приходных кассовых ордерах, являющихся основанием для записи по учету полученных наличных денежных средств в книгу и отчет кассира, а также в регистры аналитического и синтетического учета по счету 50 «Касса». В условиях использования программы автоматизации бухгалтерского учета 1С Бухгалтерия, это может быть карточка аналитического учета по счету 50 «Касса». Результаты сопоставления по приведенной методике целесообразно записать в таблице следующей формы.

Таблица.
Сведения о суммах наличных денежных средств, полученных из банков
и оприходованных по бухгалтерскому учету за период...

Получено наличных денежных средств в кассу с расчетного счета №... в банке (название), руб.						
Дата	Согласно выписки из лицевого счета	Согласно корешкам чека		В кассовой книге	В отчете кассира	В бухгалтерском учете по дебету счета 50 «Касса»
		№ чека	сумма			
15.01.21	30000	154321	30000	28000	28000	28000
И т.д.						-2000

При наличии признаков подлога в выписке из лицевого счета банка эксперту целесообразно запросить через лицо, назначившее экспертизу, копии таких выписок непосредственно от обслуживающего банка.

В случаях расхождений между суммами эксперту необходимо указать фамилии и должности лиц, на чье имя был выписан кассовый чек, а также фамилии и должности лиц, от чьего имени выполнены подписи в приходных кассовых ордерах, книге и отчете кассира, а также в регистрах аналитического и синтетического учета по счету 50 «Касса».

По нашему мнению, задачи, решаемые судебно-бухгалтерской экспертизой, в основном относятся к сложным диагностическим задачам. Профессор Е.Р. Россинская под такими задачами понимает ситуационные диагностические задачи, то есть «...задачи, связанные с анализом ситуации в целом, когда в качестве объекта исследования выступает система событий» [5, стр. 88]. Мы разделяем ее мнение по данному вопросу. Применительно к вышеприведенному примеру – это задача по исследованию полноты оприходования по учету наличных денежных средств в кассе, полученных из банка. Через методические приемы исследования как раз и раскрывается анализ системы событий по полу-

чению наличных денег в банке и оприходованию их в кассе.

Методика судебно-бухгалтерской экспертизы создается на основе применения в определенной последовательности методов судебно-бухгалтерской экспертизы. В этой связи мы разделяем точку зрения В.А. Прорвич о том, что: «понятия «методика» и «метод» судебно-экономической экспертизы соотносятся как общее, сложно-составное понятие и одна из его составных частей. ... Конкретный набор методов, последовательность их применения и виды взаимосвязей определяются содержанием конкретной методики судебно-экономической экспертизы» [4, стр. 317].

Среди методов судебно-бухгалтерской экспертизы особое значение, по нашему мнению, имеют ее частнонаучные методы, такие как формальная проверка, нормативная проверка, арифметическая проверка, логическая проверка, метод встречной проверки, метод взаимного контроля, хронологический анализ и другие. В большинстве своем методы судебно-бухгалтерской экспертизы представляют собой адаптированные методы экономических наук, таких как ревизия и контроль, аудит, анализ хозяйственной деятельности и некоторых других. Поэтому мы не можем согласиться с Н.В. Князевой, по мнению которой: «Решение задач, стоящих перед СБЭ, обеспечивается методиками производства данного рода экспертиз, которые состоят из комплекса специфических способов и приёмов, направленных на выявление обстоятельств, характеризующих различные стороны финансово-хозяйственной деятельности субъекта. Они базируются на следующих основных принципах бухгалтерского учёта: непрерывность процесса во времени, сплошной учёт всех средств и их источников, их суммовая оценка, ведение учёта способом двойной записи на взаимосвязанных счетах, соблюдение учётной политики, правильности отнесения доходов и расходов к отчётным периодам, отражение хозяйственных операций по мере их совершения и в соответствии с экономическим содержанием и т.д.» [6, стр. 148]. В данном случае Н.В. Князева называет принципы ведения бухгалтерского учёта, которые не могут быть положены в основу методики судебно-бухгалтерской экспертизы, поскольку у бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы разные цели и задачи.

Проведение судебно-бухгалтерской экспертизы предполагает несколько последовательных стадий. Профессор Е.Р. Россинская называет следующие стадии судебно-экспертного диагностического исследования: подготовительная, раздельного исследования, сравнительного исследования и оценка результатов исследования. [5, стр. 260]. Полагаем справедливым такой подход и для судебно-бухгалтерской экспертизы.

Особое значение имеет научная обоснованность экспертных методик. Полагаем, что нельзя не согласиться с мнением С.А. Смирновой и А.И. Усова, справедливо указывающих на необходимость «продолжить изучение международного опыта по повышению научной обоснованности судебно-экспертных

методик и использовать полученные результаты в широком спектре проводимых мероприятий по повышению качества и снижению сроков экспертного производства» [7, стр. 15].

Повышению качества и снижению сроков экспертного исследования, безусловно, будет способствовать более активная деятельность по разработке методик судебно-бухгалтерской экспертизы на базе широкого использования компьютерных технологий обработки экономической информации. В этой связи заслуживает внимания мнение Н.В. Савельевой о влиянии научно-технического прогресса на формирование судебно-экспертных методик. В частности, она отмечает, что «В современных условиях развития науки и техники, ...экспертная методика должна соответствовать последним ее достижениям, прошедшим проверку на практике и свидетельствующим о достоверности результатов при ее применении. Многие существующие методики требуют от эксперта субъективной оценки проведенного им исследования. Думаем, что в условиях компьютеризации и развития научно-технических средств, необходимо переходить от субъективности к объективности в экспертных исследованиях, путем создания новых компьютерных программ с автоматизированной обработкой данных» [8, стр. 424].

Использование компьютерных технологий в методике производства судебно-бухгалтерской экспертизы – это отдельная серьезная проблема. Именно для этого рода судебных экспертиз до настоящего времени не разработано практически никаких специальных программ для автоматизации экспертного процесса с использованием компьютерных технологий. Полагаем, что эта проблема требует незамедлительного решения. Сегодня при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы могут использоваться только программы общего назначения, такие как Microsoft Office, информационно-справочные системы, типа Консультант плюс и подобные. Специальных программ автоматизации судебно-бухгалтерской экспертизы не разработано. Такое положение дел нельзя признать нормальным.

В настоящее время не решена и проблема единства методик судебно-бухгалтерской экспертизы. Этот вопрос неоднократно поднимался в специальной литературе. Например, по мнению А.А. Бессонова: «...все судебно-экспертные методики должны иметь статус национальных стандартов. ... на законодательном уровне следует закрепить императивное

требование для всех экспертов по применению единых методик производства экспертиз одного и того же профиля» [9, стр. 61]. Полагаем такое суждение в настоящее время только благим пожеланием. Реально его выполнить за короткий срок невозможно, хотя стремиться к этому надо. На переходный период, а он может оказаться весьма продолжительным, пока не будут разработаны судебно-экспертные методики, имеющие статус стандартов, целесообразно прислушаться к мнению М.Г. Нерсесян. Она, в частности, отмечает, что «в на-

стоящее время единая классификация СЭЭ, ее родов, видов, а также решаемых задач, отсутствует. Поэтому при вынесении постановления возможно указание о назначении судебной экономической экспертизы без конкретизации ее рода или вида» [10, стр. 83].

Сходное мнение выразила и Е.В. Чеснокова. Она считает, что «поскольку научная классификация хотя и является базовой, но не используется в чистом виде при формировании перечней родов и видов экспертиз, значит существуют и различные взгляды на специфические задачи и, следовательно, методики изучаемых объектов. Такое положение дел может влиять на выработку единого названия стандартов судебных экспертиз и их концепцию. Поэтому важно исходить из представления о научных положениях той или иной экспертизы, не отдавая предпочтения ее названию и положению в системе экспертиз в отдельных перечнях родов и видов экспертиз, производимых в экспертных учреждениях различных ведомств» [11, стр. 245].

По нашему мнению, для решения проблемы единства судебно-экспертных методик необходимо, прежде всего, решить проблему единства наименований судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях различных ведомств. Не может быть единых методик, если однородные экспертизы в разных ведомствах имеют различные наименования. Возможно, решение этой проблемы может быть в объединении всех экспертных учреждений в одном ведомстве – Министерстве юстиции РФ. И только потом можно разрабатывать единые судебно-экспертные методики, имеющие статус государственных стандартов. Однако и при таком подходе необходим переходный период, в течение которого будет допустимым использование разных методик. Причем, говоря о единых методиках, мы понимаем, что речь идет о типовых родовых и видовых методиках.

Проблема формирования единых судебно-экспертных методик тесно связана с проблемой их сертификации и валидации. Вопросы сертификации и валидации экспертных методик активно обсуждаются в специальной литературе. Так, С.А. Смирнова, Г.Г. Омельянюк и А.И. Усов полагают, что «Сертификация компетентности экспертов и научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, а также стандартизация в области судебной экспертизы позволит создать правовой механизм, значительно снижающий зависимость эксперта от интересов органа, назначающего экспертизу, которая имеется в результате административной подчиненности и тех и других руководителю правоохранительного органа, а значит — снизить и коррупционные риски» [12, стр. 225]. Мы разделяем данное мнение, однако считаем, что обязательным условием стандартизации научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности является решение проблемы единства наименований судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях различных ведомств.

Относительно валидации методик судебной экспертизы заслуживает вни-

мание мнение С.Н. Нефедова и С.В. Чащина, согласно которому необходимо разработать специальные документы, регламентирующие порядок проведения валидации. Данные документы, как считают названные авторы «должны раскрывать следующее:

- 1) порядок проведения валидации методик различного уровня, в том числе полномочия лиц, утверждающих методики;
- 2) особенности проведения валидации методик судебной экспертизы в зависимости от типа исследований (количественные, качественные и интерпретационные);
- 3) порядок проведения валидации методик судебной экспертизы в зависимости от структуры методики» [13, стр. 79].

Полагаем, что данное предложение может быть реализовано и применительно к валидации методик судебно-бухгалтерской экспертизы. По нашему мнению, валидацию на вышеназванных принципах целесообразно проводить в отношении типовых родовых и видовых методик судебно-бухгалтерской экспертизы.

Для того чтобы судебно-экспертные методики, прошедшие процедуры сертификации и валидации, нашли широкое применение в экспертной практике, в том числе и в деятельности негосударственных экспертных учреждений, они должны быть доступными самому широкому кругу специалистов-экспертов, а также лицам, представляющим стороны в судебном процессе, и судьям. В этой связи мы разделяем точку зрения С.А. Смирновой и А.И. Усова, которые полагают, что «В отношении реализации принципа доступности методического обеспечения судебной экспертизы заслуживают особого внимания решения, принятые в некоторых государствах и направленные на создание и актуализацию государственных реестров методических материалов по производству судебной экспертизы, а также государственных фондов указанных методических материалов. Здесь в установленном порядке систематизируется и аккумулируется весь методический ресурс судебно-экспертной науки и практики. Так, например, недавно принятый Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI «О судебно-экспертной деятельности» вводит порядок разработки, ведения и использования Государственного реестра методик судебно-экспертных исследований Республики Казахстан» [14, стр. 15].

Резюмируя все изложенное выше можно сделать вывод, что формирование методик судебно-бухгалтерской экспертизы должно осуществляться на следующих принципах:

- 1) определение единого понятия методики судебно-бухгалтерской экспертизы;
- 2) определение единой структуры методики судебно-бухгалтерской экспертизы;
- 3) указание в методике судебно-бухгалтерской экспертизы на экспертные

задачи, для решения которых она предназначена;

4) указание в методике на методы судебно-бухгалтерской экспертизы и последовательность их применения для решения экспертных задач, на которые ориентирована данная методика;

5) перечисление методических приемов экспертного исследования на каждой его стадии;

6) родовые и видовые методики судебно-бухгалтерской экспертизы должны создаваться на научной основе с учетом достижений экспертной практики;

7) родовые и видовые методики судебно-бухгалтерской экспертизы должны быть типовыми и едиными для всех экспертных учреждений и частных экспертов;

8) типовые родовые и видовые методики судебно-бухгалтерской экспертизы должны подвергаться обязательным процедурам сертификации и валидации;

9) используемые и вновь создаваемые типовые родовые и видовые методики судебно-бухгалтерской экспертизы должны быть включены в общедоступный государственный реестр методик судебно-экспертных исследований действующих на территории Российской Федерации.

Полагаем, что вышеперечисленные принципы формирования экспертных методик могут использоваться не только применительно к методикам судебно-бухгалтерской экспертизы, но и в отношении методик других родов судебных экспертиз, входящих в класс судебно-экономических экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / В.А. Прорвич, А.Ф. Волынский, С.В. Растворов, Е.А. Семенова. Москва: ИНФРА-М, 2018. 512 с.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография / Т.В. Аверьянова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 480 с.
3. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Е.Р. Россинская Е.И. Галышина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 368 с.
4. Прорвич В.А. Судебно-экономическая экспертиза в гражданском и арбитражном процессе / В.А. Прорвич, А.Ф. Волынский, И.С. Лящевский, Е.А. Семенова; под ред. В.А. Прорвича и А.Ф. Волынского. М.: ИНФРА-М, 2018. 710 с.
5. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галышина А.М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 368 с.
6. Князева Н.В. Совершенствование методики проведения судебной экономической экспертизы определения чистых активов организации в процессуальном поле // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. №

3. С. 146-163.
7. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. Том 12. 2017. № 2. С. 11-17.
8. Савельева Н.В. Оценка допустимости судебно-экспертных методов и методик в ходе производства судебной экспертизы // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. Кубанский государственный аграрный университет 2016. С. 423-424.
9. Бессонов А. А. К вопросу о формировании единых экспертных методик. Материалы III Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы» // «Вопросы экспертной практики» Специальный выпуск, март 2019. С. 57-62.
10. Нерсесян М.Г. Судебная финансово-кредитная экспертиза при расследовании преступлений о незаконном получении кредита // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 4. С. 82-84.
11. Чеснокова Е.В. Стандарты в области судебной экспертизы как инструмент реализации единого научно-методического подхода в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. №2. С. 242-246.
12. Смирнова С.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 220-227.
13. Нефедов С.Н., Чащин С.В. Валидация методик судебной экспертизы: основные нормативные документы // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 75-80.
14. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 2 (том 12). С. 11-17.

Principles for the formation of forensic accounting expert methodologies

V.A. Timchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
forensacc@mail.ru

The article considers the most pressing problems of the formation of expert methods from the standpoint of the general theory of forensic examination. Adapting the general theoretical provisions, an attempt was made to determine the principles of the formation of forensic accounting expertise methods. On the basis of a critical analysis of various points of view of Russian scientists on the issue under study, and taking into account general theoretical provisions, the author proposed his own vision of the principles of forming typical generic and specific methods

of forensic accounting. It is concluded that it is possible to form, on the basis of the proposed principles, standard techniques and other types of forensic examination included in the class of forensic economic examinations.

Keywords: validation, forensic accounting methods, principles, certification, stages, methodology structure, forensic accounting expertise, expert methods.

МЕХАНИЗМ УЧАСТИЯ ЭКСПЕРТА В ВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

B.YU. Толстолуцкий

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

tolvlad@yandex.ru

В статье введено понятие эксперта-специалиста, как участника следственного действия. Сформулирован критерий «оценка установленных фактов», позволяющий разграничить содержание деятельности эксперта-специалиста, специалиста и эксперта. Предложен механизм участия эксперта-специалиста в версионной деятельности следователя. Цифровизированная форма механизма базируется на авторском программном обеспечении ПО «ФОРВЕР». Использование программы «ФОРВЕР» наиболее целесообразно на этапе начальной неопределенности, характеризующей получение ориентирующего знания при использовании специальных знаний. На основе частотной интерпретации понятия вероятности и байесовского подхода предложена математическая модель принятия решений, обеспечивающая выдвижение следственных версий на основе криминалистических и судебно-медицинских признаков. Альтернативные методы обработки информации представлены искусственным интеллектом. Определено развитие цифровой формы механизма участия судебно-медицинского эксперта в версионной деятельности следователя в виде совершенствования судебно-медицинских признаков кодификатора базы данных в используемом программном обеспечении «ФОРВЕР».

Ключевые слова: следственный осмотр, вероятные заключения специалиста, цифровизация экспертизы.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Использование специальных знаний в расследовании преступлений представляет собой эффективный способ собирания доказательств. Начиная с работ Е.Ф. Буринского и далее на протяжении всего XX века в отечественном уголовном судопроизводстве специальные знания ассоциировались с понятием «судебный эксперт». Обратим внимание на то, что в названии статьи заложен именно этот смысл понятия «эксперт» и целью публикации является анализ возможностей повышения эффективности привлеченного к участию в процессуальных действиях штатного эксперта (назовем его «эксперт-специалист») на примере следственного осмотра трупа на месте его обнаружения.

Необходимость уточнения смысла понятий обусловлена введением «заключение специалиста» в УПК РФ и необходимостью «различать» три формы использования специальных знаний: а) производство «классической» экспер-

тизы, осуществляемое штатным экспертом; б) дача заключения специалистом; в) участие эксперта-специалиста как специалиста в традиционном понимании в производстве следственных (судебно-следственных) действий. Нами анализируется деятельность последнего (то есть эксперта-специалиста), которая «к появлению самостоятельного вида доказательств не приводит, а отражается в протоколах следственных и судебных действий» [1].

В связи с цифровизацией процессуальной и экспертной деятельности в настоящее время возникает необходимость разработки криминалистических и экспертных рекомендаций, удовлетворяющих одновременно трем критериям. По нашему мнению, рекомендации должны быть: 1) представлены в виде алгоритмов деятельности эксперта и обработки им информации, которые структурно оформлены в виде, например, блок-схем, 2) основаны на применении программного обеспечения (то есть выше указанные алгоритмы реализованы в виде программного и аппаратного обеспечения); 3) в них использована обработка информации не только качественных, но и количественных переменных – характеристик исследуемых процессов и объектов, а также математические модели, включая модели принятия решений.

Конкретизация заявленной цели статьи на основании сформулированных выше критериев, характеризующих рекомендации, потребовала использования в статье математического аппарата теории вероятностей.

Отсутствие криминалистической теории в области исследований роли и места эксперта-специалиста в версионной деятельности следователя тормозит цифровизацию участия специалиста в следственных действиях и не позволяет создавать соответствующие программные продукты. Специальные знания в области судебной медицины выступили основой предлагаемого механизма.

Несмотря на более чем вековую историю привлечения судебно-медицинского эксперта к осмотру трупа на месте обнаружения последнего, алгоритм участия эксперта в версионной деятельности следователя разработан недостаточно. Упоминание этой проблемы в судебно-медицинских публикациях ограничивается ее констатацией [2]. Криминалистика все больше использует алгоритмизацию следственных действий в виде механизма расследования преступления [3]. Подчиненное криминалистическому алгоритму расследования участие специалиста в версионной деятельности следователя стало предметом нашего исследования и представляет собой часть общего механизма расследования.

Проанализируем представления судебно-медицинского эксперта о месте своей деятельности в следственном осмотре. В публикациях по судебной медицине отмечается, что в ходе осмотра специалист получает не достоверную, а лишь ориентирующую информацию. Под термином «ориентирующая информация» в судебной медицине понимаются сведения вероятностного характера [4].

С нашей точки зрения, специфика участия штатного эксперта, проводящего

исследование трупа в морге, заключается в том, что он рассматривает получаемые им в статусе специалиста сведения как сведения, предваряющие экспертизу.

Мы не случайно выше по тексту использовали термин «эксперт-специалист». Следственный осмотр трупа для «эксперта-специалиста» — это вынесенное на место преступления начало экспертного исследования. Психологические установки эксперта полностью детерминируют смысл его деятельности при участии в следственном действии в качестве специалиста.

Недостаток информации на начальном этапе расследования выступает объективной причиной неопределенности в суждениях эксперта-специалиста, на этом основании предлагаем выделить его в качестве самостоятельного периода использования специальных знаний. Можно назвать этот этап «первоначальной неопределенности».

Этап первоначальной неопределенности характеризуется тем, что, с одной стороны, у судебно-медицинского эксперта появляется некоторый объем сведений, которые могут иметь значение для следствия, с другой — указанные сведения обладают существенной неопределенностью, то есть выводы эксперта на этом этапе носят вероятностный характер.

Использование этих сведений экспертом на этапе первоначальной неопределенности может быть различным. Негативный сценарий реализуется тогда, когда у эксперта-специалиста срабатывает психологическая установка экспертурного характера на то, что только «категоричные выводы эксперта имеют доказательственное значение» [5]. При таком сценарии, выступая в роли специалиста, судебно-медицинский эксперт оценивает свои выводы, используя критерии оценки заключения выводов экспертизы. Несмотря на то, что формулируемые в ходе следственного осмотра высказывания специалиста никоим образом не могут рассматриваться в качестве его выводов, тем не менее реализуется его психологическая установка на то, что проводимый им осмотр трупа — это «всего лишь» предварительная стадия экспертного исследования.

Для штатного эксперта, хотя и выступающего в качестве специалиста, становится невозможно изменить отношение к своим высказываниям после прочтения следующих душераздирающих строк, написанных в 2020 году Л.В. Лазаревой и С.В. Покровским: «Экспертные заключения, далекие от строгой научности, но воспринятые судьями, присяжными заседателями, а также прокурорами, следователями, дознавателями, становятся частью их внутреннего убеждения и порождают незаконные и необоснованные по своей сути решения, делая виноватыми невиновных и освобождая от ответственности тех, кто в действительности виноват. Не сомневаемся, что осужденному придется в буквальном смысле заново учиться жить, если обвинительный приговор суда будет основан на подобном заключении эксперта» [6].

Исключая из текста цитируемой статьи приведенное высказывание, мы положительно оцениваем направленное на исключение экспертных ошибок содер-

жание статьи Л.В. Лазаревой и С.В. Покровского. Однако, приведенная цитата напоминает охоту на ведьм – экспертов, поскольку именно эксперты становятся виновными в незаконных и необоснованных по своей сути процессуальных решениях. Ошибка указанных авторов в том, что они презюмируют некритическую оценку заключения эксперта в ходе доказывания по уголовному делу.

Полагаем, что целесообразно ставить вопрос о формализации принятия решений перечисленными в статье Л.В. Лазаревой и С.В. Покровского участниками процесса (судьями, присяжными заседателями, а также прокурорами, следователями, дознавателями) в условиях неопределенности и представить процедуру оценки результатов экспертизы в виде осознанно контролируемой последовательности (алгоритма), которую можно уточнять в ходе состязательности сторон.

В рамках этапа первоначальной неопределенности, когда результаты использования специальных знаний выступают исключительно в форме вероятных умозаключений, необходимо разделить их процессуальное и криминалистическое значение.

Процессуальный аспект оценки работы специалиста выражается в собирации доказательств по делу, тогда как криминалистическая сторона – в получении и обработке ориентирующей информации, предваряющей получение доказательств. Предложенное разделение позволяет исключить утрату предмета криминалистики, когда ориентирующая информация упускается из вида и на ее место выступают только процессуальные закономерности, выражающиеся в утверждении, что только категоричные выводы эксперта имеют доказательственное значение, а их оценка осуществляется на основе таких неформализованных в УПК РФ категорий, как усмотрение и внутреннее убеждение. Одной из задач нашей статьи является исключение негативного варианта разрешения ситуации, когда участвующий в следственном осмотре судебно-медицинский эксперт не озвучивает имеющиеся у него вероятные умозаключения, поскольку сохраняет психологические установки эксперта, выполняющего экспертизу, то есть получая ориентирующую информацию он оперирует оценочными категориями процессуального характера, что не адекватно его процессуальному статусу при следственном осмотре.

За этапом «первоначальной неопределенности» использования специальных знаний следует этап конкретизации сведений и выводов, содержание которого заключается в устранении неопределенности. В идеальном случае неопределенность полностью устраняется и становится возможным сформулировать категорические выводы. Второй этап, как правило, воплощается в экспертном исследовании.

Как уже было указано, в силу ориентированности эксперта на производство экспертизы, которая действительно позволяет устраниć неопределенность его умозаключений, например, о причине смерти и механизме ее причинения, ори-

ентирующая информация вероятностного характера оценивается им негативно. Прежде всего это происходит потому, что в условиях следственного осмотра повышается возможность совершения экспертом ошибки «поспешное обобщение», обусловленной неполнотой исследования [4]. В связи с чем, пытаясь минимизировать свои приводящие «к страшим процессуальным последствиям» ошибки, эксперт ограничивается констатацией обнаруженных фактов и указанием, что они предварительны (имеют неопределенность).

Самостоятельной проблемой, закрывающей возможность участия судебно-медицинского эксперта в выдвижении следственных версий, становится вопрос о компетенции эксперта-специалиста. Участие судебно-медицинского эксперта в выдвижении следственных версий в современной теории судебной медицины необосновано рассматривается как выход эксперта-специалиста за рамки своей компетенции.

Наша точка зрения заключается в том, что такой подход, в котором рассматривается участие специалиста – судебно-медицинского эксперта в версионной деятельности следователя как выход за рамки своей компетенции, существенно устарел. В противовес судебно-медицинским экспертам привлеченные к осмотру трупа психологи активно участвуют в версионной деятельности следователя. Создавая поисковый портрет преступника, психологи не считают использование метода профайлинга выходом за рамки своей компетенции [8]. Сравнение с профайлингом показывает, что судебная медицина может повысить свою эффективность и предложить методы создания поискового портрета при расследовании «по горячим следам».

Возвращаясь к особенностям этапа первоначальной неопределенности, отметим проведенные исследования в этой области. В судебно-медицинских публикациях экспертной направленности рассматриваются прикладные вопросы теории вероятностей. Вероятность определяется как численная характеристика частоты появления событий, позволяющая отразить особого типа связи между явлениями [4]. Содержание отмеченной и аналогичных ей публикаций позволяет найти способ применения понятий теории вероятностей для разработки механизма участия эксперта в версионной деятельности следователя, проходящей в условиях неопределенности.

Достижение этой цели требует привлечения криминалистических знаний, в частности, в области закономерностей выдвижения следственных версий, на основе корреляционных связей. Еще с 70-х годов прошлого века до настоящего времени криминалисты повторяют, что именно наличие вероятностных связей позволяет использовать криминалистическую характеристику в качестве основы выдвижения версий [9].

Отметим различие между природой причинно-следственных и корреляционных связей. Различие между ними заключается в следующем. При установлении причинно-следственных связей необходимо соблюдать условие однород-

ности природы признаков, выражающих свойства взаимодействующих в ходе следообразования объектов. Такой подход реализуется посредством критерия, представляющего собой понятие «компетенция эксперта».

Установление корреляционных связей ставит на первое место частотную характеристику признаков, а не их природу, поэтому могут быть использованы разнородные признаки. Такой подход позволяет производить оценку правдоподобности предположения правового характера на основании установленных судебно-медицинским экспертом фактов. Развитие искусственного интеллекта демонстрирует эффективность такого подхода. Большие данные (*big data*) всегда неоднородны. Использование методов обработки нейросетями неоднородных данных позволяет устанавливать такие закономерности, которые не обнаруживаются иными способами. Эффективность использования искусственного интеллекта в других областях знаний позволяет считать только кажущейся парадоксальность утверждения о том, что правовые вопросы могут быть решены на основании судебно-медицинских сведений. Таким образом, искусственный интеллект заставляет пересматривать смысл некоторых утверждений, детерминирующих использование специальных знаний.

Приведенные выше рассуждения совершенно не означают, что эксперту могут быть заданы правовые вопросы. При формулировке следователем вопросов эксперту должна соблюдаться однородность природы устанавливаемой закономерности, а именно: между смыслом версии в вопросе и устанавливаемым экспертом фактом в ответе, то есть принцип компетенции эксперта.

Поскольку нас интересует версионная деятельность следователя, в ходе которой он выдвигает как правовые по природе версии (например, версии квалификации), так и криминалистические – версии, конкретизирующие следообразование и механизм расследуемого преступления, то предметом нашего исследования выступает оценка следователем полученного экспертом факта. Именно на этом этапе на первый план выходят корреляционные связи.

Оценка следователем результатов работы эксперта требует не от эксперта, а от следователя выйти «за пределы компетенции» данного эксперта, поскольку иначе следователь не решит собственные вопросы. На этом этапе анализа мы возвращаемся к вышеуказанной ошибке Л.В. Лазаревой и С.В. Покровского, которые презюмируют некритическую оценку результатов использования специальных знаний, вместо того, что бы ставить вопрос о формализации принятия решений в условиях неопределенности перечисленными в статье Л.В. Лазаревой и С.В. Покровского участниками процесса (судьями, присяжными заседателями, а также прокурорами, следователями, дознавателями).

Следователю требуется связать между собой разнородные данные: полученные экспертом и свои собственные. Переход к разнородным данным не только реально осуществляется в ходе расследования, но доступен для формализации. Средством формализации механизма обработки разнородных сведений высту-

пает, например, отмеченная выше корреляционная связь, которую можно отнести к исторически первым способам обработки разнородных данных.

Как уже было указано, развитие искусственного интеллекта (далее ИИ) основано на обработке разнородных данных большого объема (big date). Попытки применения ИИ в криминалистике предпринимаются все чаще, однако теоретических положений эти работы не содержат, представляя собой прикладные исследования.

Развитие информационных технологий заставляет сместить акцент в процедуре оценки следователем экспертных данных от хорошо исследованных, но уже недостаточных в современных условиях цифровизации оценок только в рамках однородных по компетенции эксперта версий, к оценкам, которые обобщают неоднородные данные. Одним из таких методов выступает упомянутая ранее частотная трактовка понятия вероятности и быстро развивающиеся методы принятия решений на основе байесовских процедур, включая нейробайесовские методы искусственного интеллекта.

Развивая механизм оценки неоднородных данных как основы выдвижения следственных версий, мы создали программу формирования версий «ФОРВЕР». Указанная программа выступает в качестве механизма выдвижения следственных версий, на основе расчета вероятностных связей [10].

Первоначально программа предназначалась для выдвижения следственных версий на основе криминалистически значимых признаков, без привлечения экспертных данных. Поэтому в настоящее время для получения на «выходе» программы «ФОРВЕР» следственных версий и степени их правдоподобия требуется на «входе» программы задать криминалистически значимые признаки, обнаруженные в ходе осмотра места преступления и трупа.

Развитие этого направления научных исследований показало, что математический аппарат, используемый в программе, позволяет дополнить криминалистически значимые признаки и теми признаками, которые установлены судебно-медицинским экспертом. В этом случае принятие решения следователем будет опираться на разнородные данные, которые представлены как, собственно, криминалистически значимыми признаками, так и результатами исследований экспертов различных компетенций. Для реализации этой задачи требуется расширить кодификатор базы данных и занести архивные уголовные дела, формализованные по новому кодификатору.

В текущей версии «ФОРВЕР» кодификатор базы содержит криминалистически значимые признаки при отсутствии признаков, которые требуют для своего установления специальных судебно-медицинских знаний. К наиболее важным из последних относятся те, которые могут быть установлены в ходе производства следственного осмотра трупа на месте его обнаружения. В частности, в описании способа убийства сейчас учитывается только нанесение колото-резанных ранений, без разделения их на колотые, резанные и колото-резанные.

Учитывается число ран, без указания локализации и их связи с наступлением смерти (например, «смертельные» и «не смертельные»). Нет таких характеристик ран, которые могли бы предположить мотив их нанесения (разнородные данные).

При удушении нельзя детализировать кровоподтеки в области шеи и ссадины, причиненные пальцами рук, предплечьями или иными предметами. Нет описания странгуляционной борозды, например, широкая или узкая, от мягких или жестких предметов. Приведённые примеры условных «упущений» в описании повреждений не позволяют провести исследование корреляционных связей между установленными при осмотре данными и следственными версиями.

Тем не менее, даже ограниченный перечень признаков, характеризующий в программе «ФОРВЕР» способ совершения убийства, продемонстрировал свою эффективность в расследовании убийств, совершенных без очевидцев. В работе В.Ю. Толстолуцкого с соавторами [11] продемонстрирован механизм пересмотра следственных версий на основании судебно-медицинских признаков.

Резюмируя изложенное, отметим один специфический аспект рассматриваемого вопроса: частотная интерпретация вероятности и байесовская теория принятия решений позволяют абстрагироваться от проблемы экспертной компетенции. Смещение акцента на Байесовскую процедуру позволяет поставить в центр внимания не компетенцию специалиста, а формирование версионной системы следователя на основе ориентирующей информации, в ситуации, когда последняя получена из различных источников – результатов деятельности разнородных по своей компетенции специалистов и экспертов.

Перейдём к формализации процедуры оценки экспертных данных в механизме выдвижения следственных версий. Предваряя детальное изложение вопроса, укажем, что понятие «оценка следователем судебно-медицинского факта $\langle A \rangle$ » представляет собой выражение $p(H_i/A)$ – правдоподобность версии H_i . При получении результатов работы эксперта-специалиста или эксперта, следователь рассчитывает правдоподобность следственной версии, носящей абсолютно правовой характер, например, совершено убийство, что выражается числом от 0 до 1. При выражении $p(H_i/A)=0$ версия не подтверждается; при $p(H_i/A)=1$ версия подтверждается и носит категорический характер. На этапе неопределенности, когда экспертом установлена странгуляционная борозда на трупе, полная группа версий, состоящая из «убийство, самоубийство, несчастный случай», может иметь следующие правдоподобности соответствующих версий: 0,7; 0,2; 0,1.

Ключевым вопросом при формализации выступает оценочная связь между версией и фактом. Полагаем, что формализовать это положение и представить его в виде математической модели можно следующим образом. Обозначим установленный факт символом A . Правовую задачу, которую необходимо решить следователю, обозначим символом H (гипотеза). Поскольку решение правовой

задачи представляет собой выбор из не менее, чем двух альтернатив, то альтернативы обозначим H_i , где i – число альтернатив.

Введём понятие правдоподобности гипотезы, которое обозначим символом p . Обобщая введенные символы получим выражение $p(H_i/A)$. Выражение обозначает правдоподобность альтернативы H_i в правовой задаче, при условии, что установлен факт A . Таким образом, выражение $p(H_i/A)$ представляет собой оценку прикладного значения факта A .

Рассматриваемое выражение $p(H_i/A)$ можно толковать в терминах теории вероятностей, то есть в качестве условной вероятности. В данном случае выражение обозначает правдоподобность следственной версии H_i (или версии обвинения) при условии, что факт A – установлен (наступило это событие). Обозначение $p(A)$ позволяет формализовать неопределенность установления факта, то есть включать в принятие решения наличие неопределенности в точности его установления или неопределенность в его достоверности (существовании).

Приведенные обозначения позволяют использовать программу «ФОРВЕР», но не сводят рассматриваемую проблему только к использованию теории вероятности. Нас интересует содержательная сторона проблемы, заключающаяся в уяснении вопроса: «Что такая оценка факта?». Факт может быть установлен как следователем, так и экспертом-специалистом, оценка этого факта также осуществляется как следователем, так и экспертом-специалистом.

Введенные выше обозначения позволяют формализовать задачу, которая решается посредством привлечения лица, обладающего специальными знаниями, в качестве участника уголовного процесса, обеспечивающего своей деятельностью собирание доказательств. Выдвинутая в ходе расследования версия должна быть подтверждена или опровергнута. Поскольку версия не может быть одна, то существует как минимум контрверсия. Другими словами, формируется система версий – H_i , которая объединяет все возможные варианты решений и поэтому представляет собой достоверное событие. Сумма вероятностей версий $\Sigma p(H_i)$ в этой системе равна единице, то есть $\Sigma p(H_i)=1,0$.

Привлечение лица, обладающего специальными знаниями, означает, что перед последним ставится задача установления факта A . Тем самым привлечение следователем специалиста есть создание последним процессуальной ситуации, в которой при следственном осмотре трупа следователем решается задача по установлению связи между версией и фактом $p(H_i/A)$. Подчеркнем, что представленная связь не причинно-следственная, а частотная (корреляционная), поэтому проблемы выхода эксперта за пределы своей компетенции не возникает.

Заключение

Предлагается выделить этап начальной неопределенности, характеризующий получение ориентирующего знания при использовании специальных знаний. В рамках этапа начальной неопределенности по отношению к результатам работы лица, обладающего специальными знаниями, предлагаем разделить

процессуальные и криминалистические оценки. На основе частотной интерпретации понятия вероятности и байесовского подхода предложена математическая модель принятия решений, обеспечивающая выдвижение следственных версий на основе криминалистических и судебно-медицинских признаков. Представлена программная реализация математической модели и отмечены направления, требующие совершенствования судебно-медицинских признаков кодификатора базы данных в используемом программном обеспечении «ФОРВЕР». Изложенные в работе результаты исследования представляют собой механизм участия судебно-медицинского эксперта в версионной деятельности следователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс уголовного процесса : учебное пособие / А.А. Арutyнян, Л.В. Брусицын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. Москва : Статут, 2017. 1280 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1014829> (дата обращения: 08.02.2021). С. 506-507.
2. Качина Н.Н. Участие специалиста в области судебной медицины в осмотре места происшествия: правовые основы и организационные особенности. Журнал: Судебно-медицинская экспертиза. 2013;56(2): 40-43. С. 40.
3. Челышева О.В. Место приемов и методов деятельности следователя в механизме расследования. Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 162-169.
4. Ковалев А.В., Шмаров Л.А., Теньков А.А. Достоверные и вероятные выводы в заключениях судебно-медицинских экспертов. Судебно-медицинская экспертиза. 2016;59(1): 60-64. DOI:10.17116/sudmed201659160-64.
5. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Владимир. С. 321-314.
6. Лазарева Л.В., Покровский С.В. О проблемах формирования выводов судебного эксперта. Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3 (25). С. 99-103.
7. Offender Profiling and Crime Analysis. Peter B. Ainsworth. 2005. 197 c. Published simultaneously in the USA and Canada by Willan Publishing c/o ISBS, 5824 NE Hassalo St, Portland, Oregon USA 287 3093 Fac +001(0)503 280 8832 www.istos.com . @ Peter B. Ainsworth 2001. P.176.
8. Потапов С.А. Значение криминалистической характеристики преступлений в расследовании неочевидных преступлений. Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 4. С. 141-148. (С. 141) doi: 10.20310/1819-8813-2017-12-4-141-148.
9. «Программа формирования следственных версий (ФОРВЕР Следователь). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №

2013660539. Дата регистрации 8.11.2013. Авторы: Толстолуцкий В.Ю., Рыбочкин А.В.

10. Толстолуцкий В.Ю., Мигунова Т.Л., Минеева Т.Г. Особенности использования искусственного интеллекта при расследовании убийств, совершенных на железнодорожном транспорте. Научно-практические исследования. 2020. № 1-3 (24). С. 256-259.

Expert's participation in the investigator's version activities

V.Yu. Tolstolutskiy

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
tolvlad@yandex.ru*

The article introduced the concept of an expert specialist as a participant in the investigation. The criterion «assessment of established facts» has been formulated, which allows to distinguish the content of the activities of an expert specialist, a specialist and an expert. The mechanism of participation of an expert specialist in the investigator's version activity has been proposed. The digitalized form of the mechanism is based on the author's software software «FORVER.» The use of the FORVER program is most appropriate at the initial uncertainty stage, which characterizes the acquisition of indicative knowledge in the use of scientific knowledge. Based on the frequency interpretation of the concept of probability and the Bayesian approach, a mathematical decision-making model has been proposed, ensuring that investigative versions are put forward on the basis of forensic traits. Alternative methods of information processing are represented by artificial intelligence. A digital form of participation of a forensic expert in investigative activities and the expansion of the database codifier in the used software «FORVER» are proposed.

Keywords: investigative, probable expert opinions, digitalization of expertise.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный

*ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (Россия, Тула)
alexandrsvetl@rambler.ru*

Статья посвящена комплексному анализу современного состояния и особенностям формирования и развития терминологического аппарата общей теории судебной экспертизы. Рассмотрены особенности появления новых терминов в науке и проблемы их внедрения в существующую терминосистему общей теории судебной экспертизы. Обосновывается необходимость периодической систематизации и инвентаризации терминологии науки. Аргументируется авторское мнение о том, что при исследовании языка общей теории судебной экспертизы необходимо применение комплексного подхода как к сложной, постоянно развивающейся системе терминологических средств, взаимодействующих как между собой, так и внутри обозначенной системы.

Ключевые слова: термин, терминология, общая теория судебной экспертизы, понятийный аппарат, понятийно-терминологическая система, терминологический аппарат, язык науки.

В настоящее время в научной среде научные дискуссии о значении и роли термина являются одними из самых значимых для развития любой науки, но в то же время вопросы в данной области для познания не просты, так как затрагивают, помимо прочего, многие философские и мировоззренческие проблемы. Некоторые ученые полагают, что язык появился более 600 тыс. лет назад. Так, В.П. Алексеев отмечает наличие языка в виде отдельных слов у питекантропов (особенно, у более поздних особей – синантропов) [1, стр. 219]. Эта мысль отражена и в научных трудах С.В. Гринева–Гриневича [2, стр. 182, 183].

Язык, выступая своеобразным отражением человеческого бытия и сознания, прошел все этапы развития вместе с человеком и обществом. В этой связи проблема значения термина имеет давнюю историю и различную терминологическую оболочку (форму).

Изучением специальной лексики с точки зрения ее образования, формирования и развития занимается терминоведение. Это весьма молодая наука, появление которой говорит нам о все большей роли в современном мире терминологии в научной среде и профессиональной коммуникации. Фундаментальные положения терминоведения как самостоятельной науки сложились примерно в 70-е годы прошлого века, включив в себя все полученные научные результаты в данной области за несколько предыдущих столетий. Однако уже в начале текущего столетия, вследствие очередного бурного развития научных знаний, были выработаны новые подходы и методы терминологических исследований, начинает складываться отношение к терминоведению как интегративной науке, имеющей предметом исследования специальную лексику с точки зрения ее типологии, происхождения, формы, содержания, упорядочения и использования и, главное, оказывающей весомое влияние на зарождение, формирование и становление многих научных терминоведческих систем.

Как показывает практика, в настоящее время в отечественной правовой системе одновременно с закономерным процессом появления новых отраслей российского права, что обусловлено естественным развитием многих институтов общественных отношений, происходят и диаметрально противоположные процессы образования и функционирования межотраслевых правовых институтов, обладающих характерными особенностями нормативного регулирования определенных общественных отношений. Ярким примером подобного образования выступает межотраслевой институт судебной экспертизы.

Вместе с тем, как следует из комплексного анализа законодательной базы, с одной стороны, и правоприменительной деятельности, с другой стороны, современный терминологический аппарат многих юридических дисциплин в условиях научно-технического прогресса, развития общественных отношений в целом не всегда своевременно и в полной мере удовлетворяет постоянно растущие запросы повышения эффективности создания, накопления, обработки и передачи научной информации.

В то же время, обмен информацией без использования языка практически невозможен. Посредством закрепленной в языке информации мы получаем знание о накопленном коллективном опыте, что призвано способствовать дальнейшему развитию творческой мысли. Именно через язык «...информационная картина мира получает возможность социального репродуцирования, связанного не с простым копированием, а с активным, целенаправленным отношением к прошлому опыту» [3, стр. 288]. Мы согласны с позицией П.Б. Копнина о том, что «...наука есть знание, зафиксированное в определенной системе знаков, построенной на основании точных правил. Следовательно, наука всегда фиксируется в максимально определенном (для каждого исторического уровня) языке» [4, стр. 27]. Именно поэтому всестороннее исследование языка науки, как справедливо отметил В.А. Штольф, выступает одной из центральных задач современной методологии науки. Данный тезис, безусловно, актуален и в настоящее время [5, стр. 27].

Как правило, ученые рассматривают термины в качестве инструмента для приобретения, хранения, репродукции, передачи особой информации, создающей систему языкового выражения специальных понятий (терминологию), необходимую для развития познавательной и преобразующей деятельности человека. Таким образом, термин служит средством передачи или обмена информацией в пространстве и во времени.

Тем не менее, некоторое время назад в науке появилась тенденция принижения, зачастую «полного отрицания значения логики для правовой теории и практики» [6, стр. 92].

Специальный научный язык, по словам О.Д. Митрофановой, «...включающий целые блоки и суперблоки понятий, невероятно увеличивает плотность информации, оказывается принципиально, а не технически важным» [7, стр. 16]. Е.Б. Хохлов к числу юридических химер, в первую очередь, относит стремление к максимальному усложнению используемой терминологии [8, стр. 4].

Каждая из юридических наук, в том числе, и науки, так или иначе связанные с преступлением и преступной деятельностью (уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминология, криминалистика, судебная экспертиза и др.), должны формировать и развивать свою терминологическую систему, опираясь на принципы однозначности и точности передачи информации, ее полной воспроизводимости и воспринимаемости.

В одном из своих решений вполне обоснованно Конституционный Суд РФ указал, что «...нормы законов должны быть формально определенными, четкими, точными и ясными, не допускающими расширительного толкования...» [9]. Однако, как следует из результатов проведенных нами исследований, многие актуальные, до сих пор не разрешенные проблемы процессуальной регламентации функционирования межотраслевого института судебной экспертизы оказались проблемами понятийного характера.

Недостаточно четкое теоретическое и практическое понимание понятий, терминов и определений, связанных с назначением и производством судебной экспертизы, позволяет не только широко, но и, порой, неправильно понимать их объем и смысл, искаивает роль, значение и даже правовой статус субъектов судебно-экспертной деятельности.

Благодаря анализу существующих в терминоведении как науке подходов к исследованию терминологических проблем были выработаны достаточные основания для проведения всестороннего изучения проблемных вопросов возникновения и развития понятийно-терминологического аппарата общей теории судебной экспертизы. Проведенный анализ заключается в комплексном рассмотрении особенностей развития терминологии, в том числе, с одной стороны, происходящих там процессов инвентаризации, систематизации, первичного упорядочения терминов, с другой стороны, и в способах представления характеристики эмпирического материала. При этом понимание комплексности характеристики понятийного аппарата и избранного способа анализа не только не исключает известных в общей теории судебной экспертизы приемов анализа, но, напротив, предполагает их синтез в методологию проводимого исследования.

Под комплексным анализом терминологической системы общей теории судебной экспертизы нами понимается такой способ характеристики исследуемого явления, который включает оценку состояния понятийного аппарата обозначенной науки с точки зрения ее методологических и структурно-логических (внутринаучная категориальная соотнесенность и систематичность) основ, а также, несомненно, с позиции терминоведения. Специфика анализа определяется неразрывностью методологии и эмпиризма терминоведения. Неразрывность первого видится в попытке объединить названные основы анализа как терминоведения, так и общей теории судебной экспертизы, развить в качестве необходимого аспекта анализа оценку обогащения понятийно-терминологической судебно-экспертной системы. Неразрывность второго объясняется вниманием не только к типичным используемым судебно-экспертным единицам, но и к единицам формирующимися, находящимся на пути к статусу термина. Для большинства вновь появившихся терминов общей теории судебной экспертизы, еще не обозначенных в соответствующих словарях, но уже используемых в научных текстах, не определена строгая категориальная принадлежность, в связи с чем мы придерживаемся той точки зрения, что их инвентаризация и систематизация представляет несомненный интерес.

Посредством применения подобного интегрированного подхода в исследовании весьма непросто учесть все возможные критерии при описании и анализе какого-либо терминологического факта (во многих случаях это, возможно, и не требуется, если для квалификации этого факта оказывается достаточно небольшого количества признаков). Но вполне понятно, что объективность

характеристики терминологической системы может быть достигнута только с позиции комплексного исследования, т.е. сочетания лингвистического, уголовно-процессуального, криминалистического, криминологического и судебно-экспертного анализов. В связи с тем, что исследованию подвергается понятийно-терминологическая система, состоящая из множества организованных и взаимосвязанных элементов, объединенных общностью функций и цели, отражающая диалектику эмпирических и теоретических знаний, многообразие отношений развивающихся объектов и предмета общей теории судебной экспертизы, взаимосвязи ее с внешними явлениями действительности и другими науками, в основании анализа должен лежать системный подход.

Как показывает практика, постоянное развитие терминологической системы общей теории судебной экспертизы не останавливается, протекает в условиях непрерывного накапливания и системной организации количественных и качественных изменений, связанных как с процессом непосредственно судебно-экспертного обновления понятий и терминов, так и с процессами заимствования и уточнения понятий и терминов из других наук, прежде всего, безусловно, криминастики, уголовного процесса, уголовного права и др.

В свете системного подхода формирование понятийно-терминологического аппарата общей теории судебной экспертизы рассматривается как сложный многомерный процесс. Его развитие обусловливается действием совокупности внутринаучных судебно-экспертных и межнаучных (юридических, технических, естественнонаучных и др.) факторов, отражает общезыковые закономерности развития и специфику обогащения терминологии общей теории судебной экспертизы в проявлении признаков, релевантных для всех видов систем: иерархичности и структурности, целостности и единства, связи с социальной и исторической средой функционирования языка в системе развития уголовно-процессуальной науки в целом.

Среди множества принципов отбора терминов считаем особо важным принцип синхронности, суть которого заключается в анализе терминов, появившихся в понятийно-терминологическом аппарате юридических наук в 90-е годы XX века. Начало 90-х годов отмечено как точка отсчета в периодизации процесса обогащения научной терминологии исследования.

Терминологические изменения характеризуют понятийно-терминологический аппарат в первую очередь со стороны количественных накоплений, иначе говоря, отражают процесс приращения состава терминов, что необходимо расценивать как обогащение и новизну понятийно-терминологического аппарата общей теории судебной экспертизы.

Толкование новизны термина позволяет выделить многочисленную группу терминов, которая отражает многообразный процесс обновления терминологии общей теории судебной экспертизы. В соответствии с этим, новыми, во-первых, признаются термины, ранее не отмеченные в научном судебно-экс-

пертном употреблении. Такие термины образуют самую яркую, легко распознаваемую группу исследуемой судебно-экспертной терминологии.

Во-вторых, новым считается термин, внедренный в терминологию общей теории судебной экспертизы в результате межсистемного заимствования. Новый термин может быть компонентом других научных терминосистем. Его новизна определяется активизацией употребления именно в языке общей теории судебной экспертизы. Так произошло заимствование многих философских, психологических, экономических, технических и других терминов.

По нашему мнению, не существует формального искусственного обоснования этого процесса, особенного исключительно только лишь для общей теории судебной экспертизы, хотя при использовании общенаучной терминологии других научных дисциплин можно говорить о частичной профессиональной концептуализации, о частичном изменении смысловых значений терминов, их приспособлении к решению задач в системе профессиональной исследовательской деятельности науки общей теории судебной экспертизы.

Подход к языку общей теории судебной экспертизы как к сложной постоянно меняющейся системе терминологических средств, взаимодействующих и между собой, и внутри этой системы, выступает одним из фундаментальных принципов исследования.

В целом можно схематично так представить методику анализа: отбор и инвентаризация новых терминов, отвечающих принятому рабочему определению (осуществляется методом выборки из современного широкого научного контекста) и пониманию новизны; установление реального синхронного значения (или значений) термина-понятия; для терминов, изменивших свое значение, со-поставление с прежним значением; определение системно-структурной (категориальной) принадлежности термина и соответствия значения нового термина понятию; выяснение систематичности нового термина; обработка полученных данных для выявления проблем и тенденций развития судебно-экспертной терминологии.

В основных терминах-понятиях аккумулированы знания о тех содержательных и структурных компонентах, которые обеспечивают ее научный характер. Предметно-тематическое рассмотрение способствует систематизации терминов, стабильных и новых, дает возможность установить периферийные звенья в терминологической системе, проследить связи терминологических аппаратов разных наук.

Мы полагаем, существование указанного подхода к систематизации терминологии общей теории судебной экспертизы вполне закономерно, поскольку систематизация новых терминов по признаку принадлежности термина к определенной категориальной принадлежности – это одна из задач терминологического исследования, так как анализ современных научных публикаций в области уголовного процесса, общей теории судебной экспертизы и криминалистики,

процессуальной науки в целом, показал неэффективность систематизации терминологии по принципу логического содержания того понятия, которое обозначается термином (предметы, процессы, явления, признаки, свойства, величины и их единицы). Для большинства терминов указанная соотнесенность не установлена в научных текстах. Многие научные понятия не имеют однозначного четкого определения; в дефинициях новых терминов, в большинстве случаев, отсутствует категориальная принадлежность по принципу родовидовых отношений. Некоторые понятия, обозначаемые новыми терминами, недостаточно разработаны, что приводит к невозможности установления их логического статуса (явление или процесс, свойство или признак, метод или прием, и т.п.)

Таким образом, образуется определенная совокупность признаков, которые необходимо учитывать при характеристике терминологического аппарата общей теории судебной экспертизы: квалификация термина как нового, установление значения нового термина, предпосылок его появления, систематизация термина в соответствии с принятой в работе классификацией; для терминов, развивающих содержание, установление изменений в содержании понятия и возможных причин этих изменений, выявление терминов-синонимов; оценка содержательной корректности термина, оценка нормативной корректности термина, определение обогащающей роли термина как знака терминосистемы общей теории судебной экспертизы, выяснение проблем употребления термина в научном педагогическом контексте, выявление ориентирующего свойства термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. 462 с.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
3. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевой терминологии. Дисс. ... докт. филологических наук. М., 1999. 385 с.
4. Копнин П.Б. Логические основы науки. Киев, 1968. 568 с.
5. Штоф В.А. Проблемы методологии научного познания. М, 1978. 269 с.
6. Гайдамакин А.А. Полемические заметки о логике права и правосознании // Государство и право. 2007. №7. С. 92–95.
7. Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. М., 1973. 149 с.
8. Хохлов Е.Б. Юридические химеры как проблемы современной российской юридической науки // Правоведение. 2004. №1. С.4–14.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 03.11. 2003. № 44. Ст. 4358.

Modern problems of terminology of the general theory of forensic examination

T.V. Tolstukhina, A.A. Svetlichny

FSBEI HE «Tula State University» (Russia, Tula)

alexandrsvetl@rambler.ru

The article is devoted to a comprehensive analysis of the current state and features of the formation and development of the terminological apparatus of the general theory of forensic examination. The features of the emergence of new terms in science and the problems of their introduction into the existing terminology system of the general theory of forensic examination are considered. The necessity of periodic systematization and inventory of science terminology is substantiated. The author's opinion is argued that when studying the language of the general theory of forensic examination, it is necessary to apply an integrated approach to both a complex, constantly developing system of terminological means interacting both with each other and within the designated system.

Keywords: term, terminology, general theory of forensic examination, conceptual apparatus, conceptual-terminological system, terminological apparatus, language of science.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СУДЕБНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ НА МЕЖВЕДОМСТВЕННОМ УРОВНЕ ПО ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ В ДОКУМЕНТАХ

Я.М. Чернышова, О.А. Борицева

ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)

prcse-murf@ya.ru

Несмотря на то, что имеются методики для определения абсолютной давности выполнения реквизитов в документах, проблема расчета «возраста» штрихов исследуемых реквизитов остается актуальной.

Ключевые слова: судебно-техническая экспертиза документов, определение «возраста» документа, относительное содержание растворителя в штрихах, модельные штрихи, определение параметра b.

В настоящее время вопросы по определению давности выполнения реквизитов в документах в судебно-технической экспертизе документов как никогда актуальны, так как для решения конкретных задач в судопроизводстве часто возникает необходимость применения специальных знаний в области данной экспертизы. Для этого осуществляется познание как документа, так и отдельных его реквизитов.

Решение задач по определению «возраста» документа на основе изучения временных изменений в составе и свойствах материалов письма в штрихах требует знания закономерностей процесса естественного старения материала письма в штрихах. В ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России была разработана «Ме-

тодика определения давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей» (авторы Тросман Э.А., Бежанишвили Г.С., Батыгина Н.А., Архангельская Н.М., Юрова Р.А.). Процесс естественного старения штрихов материалов письма, содержащих высококопящие органические растворители, в данной методике рассматривается как временная зависимость относительного содержания растворителя в штрихе, то есть количества растворителя, приходящегося на количество красящего вещества в штрихе. Относительное содержание растворителя в штрихе – основной критерий для оценки его «возраста», а процесс естественного старения штрихов описывается уравнением степенной функции: $C=A \cdot x^b$.

По указанной методике возможно определить время выполнения реквизитов в документах двумя способами.

Время выполнения исследуемых штрихов рассчитывают по формуле:

$$x = \frac{t}{b\sqrt{R-1}}$$

в том случае, если экспертом установлено, что характеристики относительного содержания растворителя в штрихах, полученные на начало исследования C_0 и через время t с момента начала исследования C_t , значимо различаются. В обратном случае необходимо использовать модельные штрихи из коллекции СЭУ Минюста России [1; 2].

Поскольку в СЭУ Минюста России требуется ведение коллекции материалов письма, с необходимостью измерения в течение длительного времени, эксперты при оценке давности выполнения реквизитов в документах в основном используют вышеуказанную формулу. Отсюда возникает проблема в определении параметра b – показателя степенной функции, который определяется эмпирически.

Так как точность определения времени выполнения реквизитов в документах зависит от свойств материалов письма в исследуемых штрихах, в ФБУ Приолжском РЦСЭ Минюста России проводилось изучение модельных штрихов паст для шариковых ручек, имеющихся в коллекции.

Исследование состава красителей проводилось методом тонкослойной хроматографии (ТСХ) и методом спектрофотометрии в видимой области. Исследование состава растворителей проводилось методом газожидкостной хроматографии (ГЖХ) с использованием термодесорбции летучих компонентов из штрихов [3]. Состав смол не исследовался ввиду отсутствия необходимого оборудования. Полученные результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1.
Исследуемые модельные штрихи

Материал письма	Состав красителей	Состав растворителей
-----------------	-------------------	----------------------

Паста № 1	Жирорастворимый фиолетовый К (ЖФК); краситель синего цвета с хроматографической подвижностью Rf=0,06	2-феноксиэтанол
Паста № 2	ЖФК	2-феноксиэтанол; летучие компоненты с временеми удерживания 2,50±0,05 мин, 7,80±0,05 мин.
Паста № 3	ЖФК; Спирторастворимый голубой фталоцианиновый (СГФ); Жирорастворимый синий З (ЖСЗ)	Бензиловый спирт; 2-феноксиэтанол
Паста № 4	ЖФК; Основание синего КГ (ОСКГ)	Бензиловый спирт; 2-феноксиэтанол

Исследование динамики относительного содержания летучего растворителя (2-феноксиэтанола) в модельных штрихах паст для шариковых ручек и расчет параметра b в формуле (1) представлен ниже.

Паста для шариковых ручек № 1

№ этапа	Дата	Количество дней	h	A	C
1	23.07.2020	1	393,523	0,126	3123,198
2	27.07.2020	5	72,453	0,078	928,8846
3	30.07.2020	8	52,135	0,091	572,9121
4	11.08.2020	20	24,037	0,083	289,6024
5	14.09.2020	54	17,209	0,118	145,839
6	19.11.2020	120	17,258	0,107	161,2897
7	09.02.2021	202	17,829	0,103	173,0971

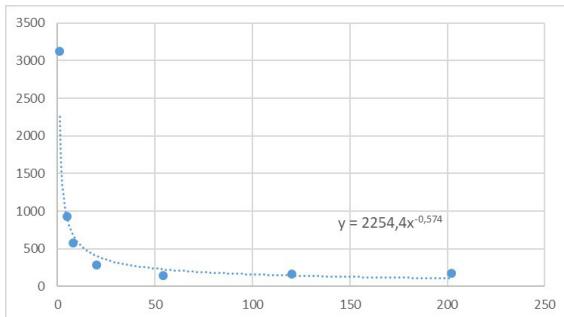

Рис. 1. График зависимости относительного содержания 2-феноксиэтанола в штрихах от времени.

$$R = 18,043$$

$$b = 0,574$$

$$x = 39,66 \text{ дней} (\sim 40 \text{ дней})$$

Паста для шариковых ручек № 2

№ этапа	Дата	Количество дней	h	A	C
1	23.07.2020	1	508,862	0,101	5038,238
2	27.07.2020	5	181,524	0,102	1779,647
3	30.07.2020	8	133,578	0,127	1051,795
4	11.08.2020	20	59,747	0,093	642,4409
5	14.09.2020	54	36,737	0,08	459,2125
6	19.11.2020	120	35,332	0,099	356,8889
7	09.02.2021	202	45,155	0,12	376,2917

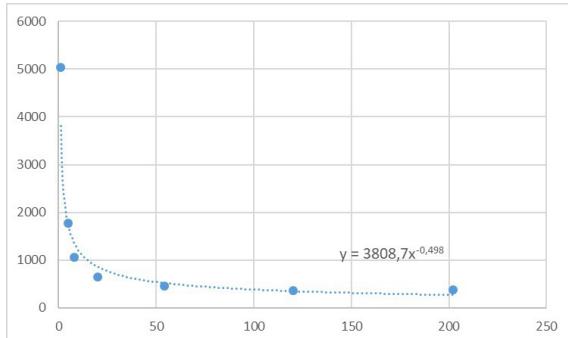

Рис. 2. График зависимости относительного содержания 2-феноксиэтанола в штрихах от времени.

$$R = 13,389$$

$$b = 0,498$$

$$x = 57,68 \text{ дней} (\sim 58 \text{ дней})$$

Паста для шариковых ручек № 3

№ этапа	Дата	Количество дней	h	A	C
1	24.07.2020	1	183,162	0,315	581,4667
2	27.07.2020	4	77,731	0,269	288,9628
3	30.07.2020	7	59,627	0,237	251,5907
4	11.08.2020	19	51,571	0,302	170,7649
5	14.09.2020	53	29,23	0,221	132,2624
6	19.11.2020	120	28,078	0,259	108,4093
7	09.02.2021	201	33,831	0,306	110,5588

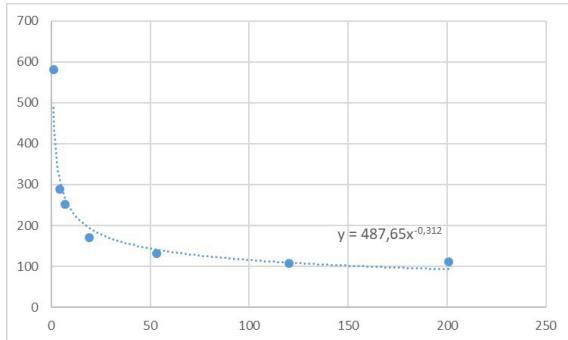

Рис. 3. График зависимости относительного содержания 2-феноксиэтанола в штрихах от времени.

$$R = 5,259$$

$$b = 0,312$$

$$x = 127,89 \text{ дней} (\sim 128 \text{ дней})$$

Паста для шариковых ручек № 4

№ этапа	Дата	Количество дней	h	A	C
1	24.07.2020	1	410,426	0,157	2614,178
2	27.07.2020	4	213,644	0,133	1606,346
3	30.07.2020	7	211,406	0,17	1243,565
4	11.08.2020	19	147,308	0,14	1052,2
5	14.09.2020	53	108,5	0,143	758,7413
6	19.11.2021	120	99,959	0,151	661,9801
7	09.02.2021	201	96,163	0,176	546,3807

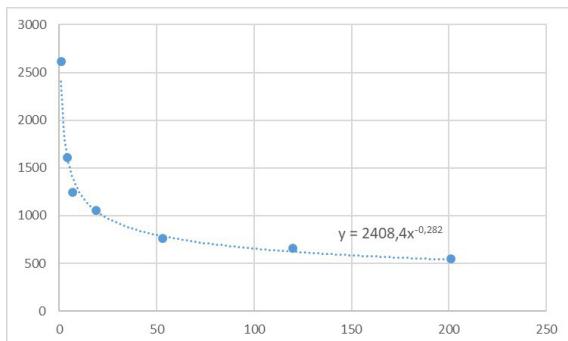

Рис. 4. График зависимости относительного содержания 2-феноксиэтанола в штрихах от времени.

$$R = 4,784$$

$$b = 0,282$$

$$x = 138,10 \text{ дней} (\sim 138 \text{ дней})$$

Таким образом, в результате исследования модельных штрихов паст для шариковых ручек с известным временем выполнения было установлено, что при

определении их «возраста» с рассчитанным показателем степенной функции b получались результаты, несопоставимые с истинной датой выполнения исследуемых штрихов.

Одним из путей решения данной проблемы может являться проведение экспериментов по исследованию конкретных материалов письма для наиболее точного определения показателя b . Таким образом, чтобы повысить качество проведения судебно-технических экспертиз документов по вопросу определения абсолютной давности выполнения реквизитов в документах, в ФБУ Приволжском РЦСЭ Минюста России будут продолжаться работы по определению показателя b для наиболее распространенных материалов письма, полученные данные будут обобщаться и использоваться как справочные данные для исследования реальных объектов и формулирования выводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тросман Э.А., Бежанишвили Г.С., Батыгина Н.А., Архангельская Н.М., Юрова Р.А. Методика определения давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. М: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. 2013. №2.
2. Определение давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей: методические рекомендации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. 26 с.: ил.
3. Состав и свойства материалов письма: справочное пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2017. 108 с.: ил.

Modern technologies for improving the quality of forensic technical examination of documents at the interdepartmental level on the determination of the absolute prescription of the implementation of requisites in documents

Y.M. Chernyshova, O.A. Borshcheva

Privolgsky Forensic Science centre (Russia, Nizhny Novgorod)

prsce-murf@ya.ru

There are methods for determining absolute prescription of execution of documents requisites, the problem of calculation of «age» of strokes of researched documents requisites remains topical.

Keywords: forensic examination of documents, determination of «age» of the document, relative solvent content in strokes, model strokes, parameter b .

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОМ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В.И. Шаров^{1,2}, И.Ю. Антонов^{1,2}

¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)

²Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
v-i-sharov@rambler.ru, antonoviu@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблем использования результатов ОРМ «Исследование предметов и документов» в доказывании по уголовным делам. Рассматриваются правовые основания участия специалиста при проведении оперативно-розыскных мероприятий, понятие и сущность исследования предметов и документов, анализируется заключение специалиста, которое готовится по результатам данного ОРМ и его отличие от заключения специалиста, предусмотренного ст. 80 УПК РФ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, исследование предметов и документов, заключение специалиста.

Современное состояние практики оперативно-розыскной деятельности свидетельствует, что использовать специальные знания, без участия специалиста, для решения многочисленных задач по выявлению и раскрытию преступлений достаточно сложно, если вообще возможно. Только полноценное применение системы технических средств как для фиксации оперативно-розыскной информации, так и для исследования материальных следов преступления позволит привлечь преступника к ответственности за совершенное преступление.

Участие специалиста в оперативно-розыскной деятельности предусмотрено Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее закон об ОРД). Статья 6 закона прямо указывает, что «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, используя помочь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями». Очевидно, что участие специалиста требуется для обнаружения, поиска, изъятия и фиксации материальных следов преступной деятельности, предметов и документов, представляющих интерес для оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, закон об ОРД содержит еще одно положение, косвенно указывающее на возможное участие специалиста. Это применение при проведении оперативно-розыскных мероприятий технических средств, видеозаписи, аудиозаписи, фотосъемки. Для применения конструктивно сложных технических средств, проведения фиксации в сложных условиях могут привлекаться соответствующие специалисты. Во всех этих случаях специалист привлекается для помощи оперативному сотруднику при проведении оперативно-розыскных мероприятий, таких как наблюдение, опрос, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, в том числе связанных

ных с изъятием предметов и документов.

Отдельно следует отметить оперативно-розыскное мероприятие «Исследование предметов и документов», которое проводится специалистом и осуществляется путем проведения специального исследования материальных объектов. Концепция закона не позволяет раскрыть содержание данного ОРМ, но вполне понятно, что по сути проводимых действий оно представляет собой оперативно-розыскной аналог такого следственного действия, как судебная экспертиза. В обоих случаях проводится исследование материальных объектов и делаются выводы, сформулированные в виде ответов на поставленные перед специалистом или экспертом вопросы.

В учебнике оперативно-розыскной деятельности сущность данного ОРМ раскрывается следующим определением: «исследование предметов и документов – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в изучении для решения задач ОРД предметов, документов, веществ и иных объектов, которые сохранили или могли сохранить на себе следы преступления, являлись или могли являться орудием совершения преступления или результатом преступной деятельности в целях выявления следов и орудий совершения преступлений и результатов преступной деятельности» [1]. И хотя авторы избегают в данном определении термина исследование, заменив его на изучение, это мало меняет суть этого ОРМ, мало отличающееся по содержанию от судебной экспертизы.

Субъектами данного мероприятия выступают специалисты, обладающие специальными знаниями в определенной области. Зеркальность, схожесть с судебной экспертизой, придает еще и то, что «фактические исследования проводятся сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, сотрудниками иных государственных судебно-экспертных учреждений» [1]. Иначе говоря, одни и те же люди могут выступать в качестве специалистов при проведении ОРМ и экспертов при проведении судебной экспертизы.

На практике исследование предметов и документов проводится достаточно часто по делам, связанным с незаконным хранением и распространением наркотических средств и иных запрещенных к обороту веществ, возбуждение уголовных дел по которым невозможно без удостоверения, что изъятое вещество является запрещенным. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ряду экономических составов требуется установить величину ущерба, что также осуществляется путем исследования, проводимого специалистом-экономистом.

Вместе с тем, УПК РФ предусматривает более эффективный механизм. Следователь при проверке сообщения о преступлении вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, то есть проводить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела.

ловного дела. Следует заметить, что ранее существовало положение, которое не предусматривало проведение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в порядке рассмотрения сообщения о преступлении, а существовавший порядок возбуждения уголовного дела, основанный на проведении ОРМ «Иследование предметов и документов», был единственно возможным. Сейчас же представляется альтернатива, если хотите, конкуренция способов использования специальных знаний при возбуждении уголовного дела, которая возникает не только в настоящем случае, но и, например, при прослушивании телефонных переговоров, осуществляемое как следственное действие и как оперативно-розыскное мероприятие.

Мы провели исследование практики возбуждения уголовных дел, когда в качестве одного из оснований выступали результаты судебной экспертизы и исследования предметов и документов, и обнаружили следующее. Полной альтернативы не получается. Если следователь возбуждает уголовное дело по результатам ОРМ исследование предметов и документов, то он в дальнейшем, при расследовании по проведенному исследованию проводит еще и судебную экспертизу. Этот неэффективный механизм существовал ранее и вызвал к жизни и закрепил в УПК РФ положение о проведении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, но практика, в первую очередь оперативно-розыскная, по разным причинам не стремится часто его использовать, а судебной экспертизе предпочитает оперативно-розыскное мероприятие исследование предметов и документов. И чаще всего из-за того, что необходимость в специальном исследовании возникает еще до того, как оперативный сотрудник готовит рапорт об обнаружении признаков преступления, а предметы и документы, необходимые для исследования, могут быть уничтожены или потеряют необходимые свойства естественным путем.

У практики проведения исследований до судебной экспертизы есть свои аргументы как за, так и против. Кроме неэффективности, поскольку требуется два раза проводить одни и те же исследования, против может выступать то, что предварительно проведенное исследование может повлиять на саму возможность проведения последующей экспертизы в силу расходования материалов во время исследования. Аргументом «за» выступает возможность проведения исследования как можно раньше, поскольку преступник может уничтожить предметы и документы, необходимые для исследования. В этом случае никакая экспертиза не состоится ввиду отсутствия объектов для исследования.

Однако, вряд ли стоит согласиться с выводом, что роль оперативно-розыскного мероприятия исследование предметов и документов в системе иных ОРМ состоит в возможности осуществлять непроцессуальное исследование различных объектов в условиях, когда производство судебной экспертизы невозможно, нецелесообразно или необходимость такой экспертизы нуждается в обосновании путем проведения рассматриваемого ОРМ [2, стр. 56]. Представляется,

что наряду с другими результатами ОРД, результаты исследований предметов и документов, проводимых специалистами в непроцессуальной форме, также должны использоваться в качестве доказательств.

Вместе с тем, фигура специалиста и его полномочия, сформулированные в УПК РФ, не могут служить основанием для формирования доказательства как результата ОРД. УПК РФ содержит такой источник доказательств, как заключение специалиста. Согласно ст. 80 УПК: «заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Тем самым, УПК РФ отказывает специалисту в праве проводить исследование, которое заменяет лишь возможностью высказывать суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. «Введение в закон – как отмечается в литературе, – нового источника доказательств, равноценного заключению и показанию эксперта, было совершенно неожиданным, неподготовленным с точки зрения теории доказательств, судебной экспертизы и уголовного процесса. Совершенно правы все без исключения ведущие процессуалисты и криминалисты, критикующие нововведение закона до сих пор» [3, стр. 56]. Специалист, согласно сложившейся практики, оказывает помочь следователю при проведении следственных действий и не имеет отношения к специалисту, привлекаемому к ОРМ исследование предметов и документов. Это разные субъекты, хотя люди, порой, одни и те же – сотрудники экспертно-криминалистических учреждений МВД России, выступающие разными, с точки зрения права, фигурами.

В отличии от специалиста, фигурирующего в УПК РФ, имеющего право только высказывать суждение по поставленным вопросам, специалист, проводящий ОРМ исследование предметов и документов, обладает компетенциями и правом проведения соответствующих экспертиз и проводит полноценное исследование. Поэтому, как указывается в литературе, « ... результаты таких исследований по степени достоверности не уступают выводам экспертов. Эти результаты можно и нужно использовать в доказывании» [4, стр. 52].

Направление результатов исследования предметов и документов следует осуществлять по общим для результатов ОРД правилам – в соответствии с межведомственной Инструкцией утвержденной Приказом МВД России № 776, Министерства обороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СБР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Процедура передачи результатов ОРД включает в себя:

– вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о представлении результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю или в суд;

– вынесение, при необходимости, постановления о рассекречивании отдельных оперативно-служебных документов, содержащих государственную тайну;

– оформление сопроводительных документов и фактическую передачу материалов (пересылка по почте, передача с нарочным и т.п. – выбор способа передачи носит технический характер и определяется органом, осуществляющим ОРД).

Поскольку результаты ОРД представляются для использования в доказывании по уголовным делам, то в отношении них следует применить заложенный в УПК принцип, согласно которому должны быть известны обстоятельства и источник получения предоставляемых материалов, а их достоверность может быть подтверждена процессуальными средствами, то есть в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Это обстоятельство говорит о том, что необходимо: – иметь возможность раскрыть обстоятельства получения образцов для сравнительного исследования; – удостоверить принадлежность их к определенному лицу или обстоятельствам преступления; – продемонстрировать ход исследования предметов и документов, подтвердив обоснованность выводов специалиста.

В этом отношении представляется, что не прав В.Н. Хрусталев, который в цитированной ранее работе пишет, что форма заключения специалиста «... должна быть упрощенной с указанием инициатора исследования, перечня поступивших объектов, вопросов и ответов на них – выводов специалиста. Не следует ... подробно описывать ... все этапы исследования с указанием используемого оборудования, выявленных на каждом из этапов признаков исследуемых объектов, подробный анализ совокупности выявленных признаков как основания для выводов» [4, стр. 62]. Такая форма имеет права на жизнь (и используется на практике), когда заключение специалиста (или справка) используются как основание для возбуждения уголовного дела и для обоснования назначения последующей судебной экспертизы. Если же мы намереваемся использовать его в качестве доказательства, то его форма должна быть максимально приближена к его процессуальному аналогу – заключению эксперта. Наличие изложения хода исследования обязательно, поскольку именно это обосновывает вывод специалиста (эксперта) и гарантирует достоверность ответов на поставленные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : Электронное учебное издание. Омск : Омская академия МВД Рос-

- сии, 2020. 206 с. – URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page147.html> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Шабанов В.Б., Харевич Д.Л. К вопросу о сущности и наименовании оперативно-розыскного мероприятия исследование предметов и документов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2. С. 52-56.
 3. Ижнина Л.П. Заключение и показания эксперта и специалиста: проблемы закона и практики его применения // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции, г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 145-149.
 4. Хрусталев В.Н. Пути повышения эффективности участия специалистов в оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4. Вып. 2. С. 57-63.

The use of the results of the study of objects and documents by a specialist in criminal proceedings

V.I. Sharov^{1,2}, I.Yu. Antonov^{1,2}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

*²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)*

v-i-sharov@rambler.ru, antonoviu@yandex.ru

The article deals with the problem of using the results of the ORM «Research of objects and documents» in proving criminal cases. Discusses the legal grounds for the participation of an expert in conducting operational search activities, the concept and essence of the study of objects and documents, and analyzes the opinion of a specialist, which is prepared according to the results of the OPM and its contrast to the opinion of a specialist, under article 80 of the code of criminal procedure.

Keywords: operational-search activities, operational-search activities, research of objects and documents, expert opinion.

ГРАФФИТИ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

B.A. Юматов, Р.И. Захаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

yumatovva@yandex.ru, ruzakharov@yandex.ru

Статья посвящена вопросам комплексного исследования в рамках судебной экспертизы такого объекта, как граффити. В работе показана возможность разноспектральных исследований граффити: судебно-почерковедческих – как почеркового объекта, лингвистических – как конфликтогенных текстов различного содержания. Учитывая масштабы распространения

граффити, во многом определяющих облик современного населенного пункта, их задействованность в различных коммуникациях, а также использование в качестве инструмента совершения правонарушения или преступления, такого рода исследования значимы с теоретической и практической точек зрения.

Ключевые слова: граффити, текст, судебно-почерковедческая экспертиза, лингвистическая экспертиза, комплексная экспертиза.

ВВЕДЕНИЕ

Облик любого современного населенного пункта и в России, и в мире невозможно представить без множества надписей, графических изображений и рисунков, располагающихся на различных объектах инфраструктуры. Все это разнообразие объединено понятием «граффити», которое происходит от итальянского «graffiati», что означает «царапать». Именно как «древний рисунок или средневековая надпись магического, бытового или иного характера, нацарапанные на стенах зданий, на стенках металлических изделий, сосудов и т.п.» [1] определяется граффити в большинстве толковых словарей. Это значение отражает историческую сущность данного термина. Помимо указанного выше определения семантика слова включает иные значения, которые условно можно объединить в одну группу, например, «рисунок или надпись на монолитной стене здания или на какой-либо иной поверхности, выполненные углем, мелом или краской с помощью спреевого баллончика» [1], «совр. надписи на стенах и заборах, нанесенные аэрозольной краской» [2], «надписи на стенах зданий, сделанные от руки» [3]. На основе приведенных определений можно сформулировать следующее понятие «граффити» в обыденном его понимании: надписи или рисунки на вертикальных, реже горизонтальных поверхностях в общественных местах, сделанные от руки с помощью аэрозольной краски, мела, угля и пр.

В экспертной практике возникают трудности с исследованием различных надписей и рисунков, выполненных на нетрадиционных поверхностях необычными пишущими приборами, что обусловлено отсутствием единого подхода к определению сущности граффити именно в криминалистическом смысле. Историческое и обыденное понимание данного термина, которые были рассмотрены, не позволяют выделить круг объектов, подлежащих исследованию судебным экспертом. Для решения возникающих перед правоохранительными органами вопросов целесообразнее привлечь лиц, обладающих специальными познаниями в различных областях знаний, а именно в криминалистических и речеведческих экспертизах. Исходя из цели нашего исследования необходимо сформулировать понятие граффити именно как объекта судебно-почеркового и лингвистического исследований.

ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на многообразие объектов, граффити возможно классифицировать по видам и в качестве критериев взять: 1) характерные особенности, а именно: размер, количество цветов и характер исполнения; 2) техника, способ нанесения. В таком случае выделяются следующие группы граффити.

«Writing» («райтинг») – это основной, классический вид граффити, который представляет собой разнообразные надписи и рисунки на различных поверхностях. «Writing» является «базовым» для всевозможных стилей, поэтому для него характерно отсутствие каких-либо ограничений. Каждый исполнитель граффити («райтер») сам решает, в какой технике его создать. Чаще всего выполняется краской-спреем в форме стилизованных «выпуклых букв» с использованием двух или более цветов (рис. 1).

Рис. 1. Граффити вида «Writing» («райтинг»).

«Bombing» («бомбинг») – это экстремальный вид граффити, который представляет собой различные надписи и рисунки, нанесенные на разные виды транспорта (чаще всего поезда) или в каких-либо рискованных условиях (на большой высоте, в самом многолюдном месте и т.д.). Характеризуются большой площадью, быстротой и небрежностью нанесения. Этому виду граффити свойственна плохая прорисовка мелких деталей, так как райтеры ограничены временем (рис. 2).

Рис. 2. Граффити вида «Bombing» («бомбинг»).

«Tagging» («тэгинг») – один из самых распространенных видов граффити,

который представляет собой своеобразную подпись («тэг») ее исполнителя, чаще всего его имя. Выполняется под готовой работой либо в качестве самостоятельного граффити на различных объектах в общественных местах с целью «саморекламы». Для его быстрого создания обычно используется только один цвет. Кроме того, райтеры при создании тэгов нередко применяют свои навыки и умения в различных других видах и стилях граффити, и даже – в области каллиграфии (рис. 3).

Рис. 3. Граффити вида «tagging» («тэгинг»).

«Scratching»/«Scrabbing» («Скрэтчинг»/«Скрэбинг») – специфический вид граффити, который представляет собой надпись или рисунок на стеклянной поверхности (окна общественного транспорта), нанесенные (нацарапанные) с помощью подручных предметов с заостренным краем (стержнем). Иногда для создания граффити может применяться раствор химических веществ (для травления граффити). Таким образом, удалить граффити с поверхности стекла невозможно. Полученная надпись не отличается яркостью и красотой (рис. 4).

Рис. 4. Граффити вида «scratching» / «scrabbing» («скрэтчинг»/ «скрэбинг»).

Граффити располагаются в публичных местах. Для исполнителя не имеет

значения, какой именно объект инфраструктуры выбрать для нанесения надписи или рисунка. Главное, чтобы они были видны как можно большему количеству людей (находились в общественном месте). Поверхность может быть абсолютно любой: горизонтальной и вертикальной, плоской и объемной, гладкой и шероховатой; стекло, дерево, металл, кирпич, полимерные и иные материалы. Для нанесения граффити может использоваться любой пишущий прибор: в основном – аэрозольная краска (спрей-краска) или маркеры, реже – мел, уголь, ручка, карандаш, обычная краска, различные подручные предметы с заостренным стержнем и др. Основной приоритет в выборе «инструмента» – это быстрота, качество (яркость, броскость) нанесения и возможность сохранения в неизменном виде на протяжении длительного времени (сложность стирания). Содержание граффити разнообразно.

Проанализировав особенности конструктивного строения выделенных видов граффити, мы пришли к выводу о том, что граффити вида «tagging» и «scratching» могут быть исследованы в рамках судебно-почерковедческой экспертизы. По характеру исполнения они представляют собой рукописные знаки, в которых отображаются особенности письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков исполнителя. Граффити остальных видов и стилей представляют собой рисованные знаки, которые не содержат в себе почерковой информации. Для установления исполнителей таких граффити необходимо использовать возможности других родов и видов экспертиз (криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий – анализ состава красящего вещества, которым выполнено граффити, и решение на этой основе ряда вопросов идентификационного и диагностического характера; судебно-искусствоведческая экспертиза – исследование граффити, приближающегося к понятию «произведение искусства», и др.).

Сформулируем понятие «граффити» именно как объекта судебно-почерковедческой экспертизы – это рукописная надпись, обладающая содержанием или являющаяся своеобразной подписью, вида «tagging» или «scratching», нанесенная исполнителем на поверхность объектов инфраструктуры с помощью различных пишущих приборов или подручных предметов. Выделим основные черты (признаки), которые характеризуют (раскрывают) «почерковедческую» сущность граффити. Во-первых, граффити как почерковый объект по своей форме представляет собой надпись. По своей сути граффити может представлять собой знак (буква, цифра, символ), изображение или их совокупность – надпись, целый законченный рисунок. Почерковедческому исследованию подлежат надписи, состоящие, как правило, из трех и более букв, цифр или символов. Во-вторых, граффити как почерковый объект должен быть рукописного выполнения. Надписи на различные объекты инфраструктуры могут наноситься двумя способами: рукописным (непосредственное выполнение граффити рукой исполнителя, при этом оно может быть написано, нарисовано или нацарапано);

техническим (для выполнения граффити используется заранее изготовленный трафарет и какое-либо красящее вещество (обычная или аэрозольная краска)).

При выполнении граффити-надписи на исполнителя воздействует ряд естественных (неумышленных) «сбивающих» факторов объективного и субъективного характера, которые оказывают влияние на почерк. Субъективные факторы: чаще всего при выполнении граффити исполнитель испытывает сильное душевное волнение, связанное с боязнью быть застигнутым на месте выполнения надписи; может присутствовать «непривычная установка пишущего на письмо, не связанная с желанием изменить свой почерк, – быстрое или «старательное» письмо» [4, стр. 32]. Объективные факторы: при выполнении граффити исполнитель находится в необычной позе (стоя, «на корточках», согнувшись и т.д.); могут присутствовать необычные условия выполнения граффити – при недостаточном освещении, в движущемся транспорте и прочее; влияние оказывают характер материалов письма – расположение поверхности нанесения граффити в пространстве, ее размер, материал, непривычный пишущий прибор. Степень влияния этих факторов на механизм письма в зависимости от особенностей исполнителя и конкретных условий может быть различной, однако, не учитывать их при почерковедческом исследовании граффити нельзя.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе расследования правонарушений, связанных с неправомерным нанесением граффити на объекты инфраструктуры, перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы идентификационного характера: «Одним или разными лицами выполнены граффити (надписи), подлежащие исследованию?», «Кем, предполагаемым исполнителем (-ями) или другим лицом, выполнено граффити (надпись), подлежащее исследованию?». Кроме того, может возникнуть потребность в решении ряда диагностических вопросов: «Каким способом выполнено граффити (надпись), подлежащее исследованию?» (решение вопроса о рукописном или техническом способе его нанесения); «Имеются ли в исследуемом граффити (надписи) признаки изменения первоначального содержания? Если да, то какие именно и каково первоначальное содержание граффити (надписи)?», «Имеются ли в исследуемом граффити (надписи) признаки необычного выполнения?» Данный вопрос может возникнуть при необходимости решения вопроса о состоянии лица, нанесшего граффити (алкогольное и наркотическое опьянение). Также могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением некоторых характеристик исполнителя, например, определение пола, возраста и т.д.

Решение перечисленных задач идентификационного и диагностического характера осуществляется в отношении следующих объектов исследования: объекты (предметы) инфраструктуры с нанесенными на них граффити (надписями); фотографии указанных объектов и их фрагментов. Фотоснимки граффити

могут выступать в качестве самостоятельного объекта исследования в случае возникновения трудностей с предоставлением в распоряжение эксперта объекта «в оригинал»: невозможность транспортировки объекта с нанесенным на него граффити или фрагмента «воспринимающего» объекта с надписью, угроза уничтожения граффити к моменту производства экспертизы и в силу иных обстоятельств. Однако не все ученые и практики считают возможным производство экспертного исследования по фотоснимку, поскольку он является своеобразной копией объекта, что в свою очередь обуславливает ряд проблемных аспектов: возможность внесения изменений в изображение граффити с помощью современного компьютерного программного обеспечения; возможность утраты ряда существенных признаков почерка, отображающихся при письме в стиле граффити; вероятность искажения признаков почерка в граффити на получаемых фотоснимках; невозможность дифференциации природы происхождения отдельных признаков.

По нашему мнению, приведенные выше проблемные вопросы можно разрешить, а фотографии граффити могут быть полноценными объектами почерковедческого исследования: исключить сомнения в «подлинности» фотоснимков граффити можно с помощью фототехнической экспертизы; в случае угрозы утраты ряда признаков граффити или возникновения возможных трудностей с определением их природы необходимо сделать дополнительные увеличенные изображения фрагментов надписи, подлежащей исследованию; с целью исключения возможных искажений на фотоснимках необходимо осуществлять фотографирование по правилам криминалистической фотосъемки и с учетом общих знаний о природе искажений изображений при фотографировании. «Таким образом, пригодность фотоизображений для производства почерковедческой экспертизы или исследования определяется исключительно их качеством, количеством дополнительных узловых и детальных снимков, качеством надписи на них» [5, стр. 142].

Далее рассмотрим принципы (особенности) решения каждого из вопросов, возникающих при исследовании граффити, в соответствии с общепринятым делением процесса производства экспертизы на четыре стадии: предварительное исследование, раздельное исследование, экспертный эксперимент (факультативная стадия), сравнительное исследование, оценка результатов и формулирование выводов. Отметим, что почерковедческое исследование граффити осуществляется в соответствии с традиционной методикой производства почерковедческой экспертизы рукописных записей с учетом специфики объекта исследования.

Рассмотрим особенности решения идентификационной задачи по установлению факта выполнения граффити предполагаемым исполнителем или иным лицом. На предварительной стадии эксперту необходимо ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы. Эксперт определяет круг вопросов, ко-

торые ему необходимо решить, выясняет «их относимость к данному роду экспертиз, к компетенции эксперта, их соответствие представленным объектам» [5, стр. 170]. Особое внимание необходимо уделить изучению обстоятельств дела, касающихся самого процесса нанесения граффити и особенностей личности предполагаемого исполнителя, а именно: характеристики поверхности объекта исследования, материал письма, особенности освещения, время, затраченное на выполнение граффити, поза в процессе нанесения граффити, наличие навыков у предполагаемого исполнителя по нанесению граффити (является ли он «профессиональным райтером»), его психофизиологические особенности и т.п. Совокупность этих сведений позволяет эксперту правильно подойти к анализу и оценке признаков почерка, отображающихся при письме в стиле граффити. Эксперту следует уточнить возможность исследования граффити «в оригинале» – в натурном виде, и ходатайствовать лицу, назначившему экспертизу, об обеспечении доступа к месту выполнения граффити для производства исследования непосредственно на месте.

В случае предоставления на исследование фотоснимков граффити необходимо также изучить характеристики конкретного граффити (его расположение, размерные характеристики и т.д.), полученные при его непосредственном изучении, а также – данные о применяемом фотографическом средстве фиксации (технические характеристики фотоаппаратуры) и условиях осуществления фотографирования. «Если представленные изображения неудовлетворительного качества, то эксперт вправе вынести ходатайство о представлении изображений надлежащего качества» [5, стр. 171]. В случае предоставления фотографий граффити в электронном виде описывается электронный носитель информации – его тип, форма, материал, цвет, наличие маркировочных обозначений и т.п.

Далее осуществляется осмотр представленных на исследование объектов, проверяется их соответствие перечню, приведенному в постановлении о назначении экспертизы. Фиксируются следующие сведения: внешний вид объекта-носителя граффити, его размерные характеристики, материал, цвет, характер поверхности; расположение граффити на объекте-носителе, цвет красящего вещества, которым нанесена надпись, его размеры; в случае предоставления фотографий граффити в электронном виде описываются содержащиеся на нем файлы (их количество, наименование, расположение, характеристики, краткое описание). Общий вид объекта исследования фотографируется с указанием месторасположения на нем граффити, сама надпись с его увеличенными фрагментами.

Граффити (в натурном виде, его фотографическое изображение) как объект почерковедческой экспертизы должно быть исследовано на предмет установления способа его выполнения: рукописное или техническое, а также – наличия или отсутствия признаков изменения его первоначального содержания. Если экспертом в процессе исследования будут выявлены признаки технического

(трафаретного) способа нанесения или признаки монтажа (изменения первоначального содержания) граффити, то его исследование прекращается в силу того, что оно не относится к объектам судебно-почерковедческой экспертизы.

Стадия раздельного исследования предполагает детальное исследование общих и частных признаков в исследуемом граффити, а также в образцах предполагаемого исполнителя (-ей). Сначала эксперт исследует спорное граффити с целью установления способа его выполнения (рукописный или технический). В случае «трафаретного» выполнения граффити, экспертное исследование завершается в силу того, что исследуемая надпись не является почерковым объектом. Также следует указать на признаки необычного выполнения надписи. После чего эксперт приступает к изучению общих признаков почерка в исследуемом граффити, отмечая их в соответствующей графе таблицы-разработки.

Объем граффити определяет применение для его характеристики общепринятой системы общих признаков (граффити-текст), либо «адаптированной» для такого специфичного почеркового объекта (граффити-краткие надписи, граффити-тэг). «Адаптированная» система общих признаков граффити включает четыре группы признаков:

1-я характеризует общее строение граффити и включает три составляющие: общий вид, транскрипция и четкость надписи (применяется как для характеристики граффити-тэга (аналог обычной подписи), так и граффити-кратких надписей);

2-я характеризует пространственное размещение движений при выполнении граффити, включает только пять компонентов (при характеристике рукописных текстов – 10 признаков, подписей и кратких записей – 3): размещение самого граффити, размер интервалов между словами надписи (не всегда), направление линии граффити, форма основания граффити, размещение движений при выполнении знаков препинания и символов граффити;

3-я характеризует степень, характер форсированности письменно-двигательного навыка;

4-я характеризует структуру движений по их траектории.

Общие признаки не отличаются специфичностью, применяются для исследования граффити в общепринятом виде. Вместе с тем, ряд отдельных признаков данной системы имеет непривычные градации характеристик: транскрипция (буквенная, безбуквенная, смешанная, цифровая); размещение граффити (относительно различных непривычных для почерковедческой экспертизы «ориентиров» на пишущей поверхности и окружающей обстановки); размер интервалов между словами (как по вертикали, так и горизонтали); размещение знаков препинания и символов граффити (транскрипция знака или символа, направление движений при их выполнении, расположение знака или символа относительно срединной линии граффити, основной части надписи, интервал между ними); размер почерка (малый – высота письменных знаков и символов

граффити до 10 см, средний – до 50 см включительно, большой – более 50 см); нажим (оценка только его дифференцированности).

Проведенным нами исследованием выявлены следующие особенности общих признаков почерковых объектов граффити: отсутствие больших по разме-ру интервалов между отдельными словами, письменными знаками и символами (иначе теряется «целостность» надписи); отсутствие надписей, выполненных в медленном темпе и с низкой координацией движений («профессиональная» де-ятельность райтеров); преобладание левонаклонных движений (механизм удер-жания пишущего прибора).

Система частных признаков почерка, применяемая для анализа почерковых объектов-граффити, количественно и качественно не отличается от традиционной методики, при этом эксперту-почерковеду необходимо учитывать ряд осо-бенностей: 1) необходимость использования норм прописей русского и латин-ского алфавитов, скорописного и печатного почерков; 2) помимо букв и цифр тщательного анализа также требуют символы и знаки препинания в граффити; 3) выявленная отличная от преобладающей форма движений может являться особынностью стиля или шрифта граффити, т.е. не являться частным призна-ком вовсе; 4) наиболее часто выявляемые частные признаки характеризуют протяженность и относительное размещение движений при выполнении пись-менных знаков и их элементов. В связи с ограничением объема статьи осо-бенности исследования частных признаков в граффити в зависимости от условий их исполнения будут рассмотрены в последующих работах авторов.

Далее эксперт приступает к исследованию и описанию общих и частных признаков в образцах предполагаемого исполнителя в следующей последова-тельности: в свободных образцах почерка, выполненных в аналогичных с ис-следуемым граффити условиях; в свободных образцах почерка, выполненных в сходных (приближенных) с исследуемым граффити условиях; в эксперимен-тальных образцах почерка, выполненных в обычных условиях письма с помо-щью традиционных материалов письма (шариковой ручкой на листе бумаги на вертикальной поверхности); в экспериментальных образцах почерка, вы-полненных в аналогичных к исследуемому граффити условиях; в эксперимен-тальных образцах почерка, выполненных в приближенных к исследуемому граффити условиях. Общие признаки почерка исполнителя (-ей) фиксируются с использованием соответствующих граф таблицы-разработки, частные – с по-мощью текстовых или алфавитных разработок.

На стадии сравнительного исследования происходит сравнение общих и частных признаков почерка, выделенных при раздельном изучении спорного граффити и образцов почерка предполагаемого исполнителя. Сравнительное исследование осуществляется с помощью таблицы-разработки общих призна-ков почерка, текстовых или алфавитных зарисовок-разработок частных при-знаков почерка, а также с помощью разметки совпадений и различий на изо-

бражениях в фототаблице к заключению эксперта. Согласно традиционной идентификационной почкероведческой методике на данной стадии возможно прийти к категорическому отрицательному выводу, если степень выработанности в исследуемом объекте ниже, чем в образцах. Однако применительно к граффити подобный вывод не допустим в связи с особым механизмом отображения признаков почерка: координация и степень выработанности движений могут быть повышены в связи «с действованием в большей части мышц предплечья, плеча, корпуса, и даже с возможным перемещением исполнителя относительно поверхности по ходу выполнения надписи (речь идет о записях большого размера)» [5, стр. 167]. При сравнении граффити и образцов эксперту следует ориентироваться не только на высокую идентификационную значимость конкретного частного признака, но и на его частоту встречаемости, особенно необходимо учитывать «сквозные признаки», встречающиеся в образцах, выполненных в обычных условиях привычными пишущими приборами, и в самом исследуемом граффити. В случае возникновения сомнений относительно идентификационной значимости того или иного признака эксперт может запросить дополнительные образцы почерка предполагаемого исполнителя.

«Оценка результатов сравнительного исследования – чрезвычайно ответственная стадия: это сложный акт осознания ценности признаков. Ее итоги во многом зависят от качества всей проведенной работы на предыдущих стадиях экспертизы. Вывод о наличии или отсутствии тождества в почкероведческой экспертизе будет обоснованным только в том случае, когда в основу его положены результаты качественной и количественной оценки всех выявленных признаков» [6, стр. 77]. На основании этого могут быть сформулированы: категорический положительный / отрицательный вывод; вероятный положительный / отрицательный вывод; вывод о невозможности решения вопроса.

Категорический положительный вывод формулируется в случае, когда совпадающие признаки, выявленные в исследуемом граффити и образцах почерка предполагаемого исполнителя, устойчивы (высокая частота встречаемости), существенны (высокая информативность) и образуют индивидуальную совокупность (такое сочетание признаков почерка, которое исключает их повторение в почтерках у разных лиц). Различающиеся признаки отсутствуют вовсе или являются несущественными и объяснимыми. Категорический отрицательный вывод – формулируется в случае наличия комплекса устойчивых и существенных различающихся общих и частных признаков почерка, выявленных в исследуемом граффити и в образцах предполагаемого исполнителя. Совпадающие признаки отсутствуют или являются несущественными и объяснимыми (например, сходством почтерков).

Вероятный положительный вывод – эксперт приходит к данному выводу в случае, если выявленные совпадающие общие и частные признаки почерка: неустойчиво проявляются в образцах почерка предполагаемого исполнителя;

несущественны, некоторые из них имеют низкую идентификационную значимость; не образуют индивидуальной совокупности в силу их малого количества (краткость, простота, частичная несопоставимость граффити). Вероятный отрицательный вывод дается экспертом, когда некоторые различающиеся общие и частные признаки почерка неустойчивы, имеют низкую идентификационную значимость или не образуют совокупности в силу их количественной и качественной недостаточности для категорического отрицательного вывода.

Вывод в форме «решить вопрос не представляется возможным» может быть дан в случаях, когда: выявленные совпадающие / различающиеся признаки малочисленны и обладают низкой идентификационной значимостью; невозможно объяснить природу выявленных различающихся или совпадающих признаков; исследуемое граффити и представленные на экспертизу образцы несопоставимы и др.

Результаты исследования фиксируются в заключении эксперта, в том числе и в фототаблице. Оформлению иллюстративной части следует уделить особое внимание, поскольку именно она наглядно отображает установленные совпадающие и различающиеся общие и частные признаки. Таблица изображений должна содержать (при наличии): внешний вид упаковки объектов; общий вид объекта-носителя граффити (пунктирной рамкой можно выделить подлежащее исследованию граффити); общий вид исследуемого граффити с разметкой диагностических признаков (при необходимости); общий вид исследуемого граффити с разметкой частных признаков; общий вид 2-3 образцов почерка предполагаемого исполнителя граффити с разметкой частных признаков, в том числе последние две – без разметок. При необходимости – детальные фотографии фрагментов исследуемого граффити и образцов (для иллюстрации совпадающих или различающихся частных признаков почерка). В качестве приложений к заключению эксперта выступают: таблица-разработка диагностических признаков граффити; таблица-разработка общих признаков граффити; таблица-разработка частных признаков почерка в граффити; таблица вариационности граффити.

Рассмотрим особенности решения идентификационной задачи по установлению факта выполнения нескольких граффити одним или разными исполнителями. Данная задача будет решаться в соответствии с методическими рекомендациями, приведенными нами ранее – для идентификационного исследования граффити на предмет его выполнения предполагаемым исполнителем или иным лицом. Однако вместо одной исследуемой надписи и образцов почерка предполагаемого (-ых) исполнителя (-ей) на экспертизу поступает несколько граффити (два и более). Сначала каждое из них изучается отдельно, а затем сравнивается с другими с остальными поступившими на исследование граффити.

Особенности решения диагностической задачи по установлению способа выполнения граффити, поступившего на исследование, относятся к компетен-

ции сведущего лица в области не судебно-почерковедческой, а технико-криминалистической экспертизы документов. Поэтому между практикующими экспертами ведется дискуссия по поводу ее решения в рамках самостоятельной технико-криминалистической экспертизы документов (далее ТКЭД) или части идентификационного судебно-почерковедческого исследования. По нашему мнению, в рамках почерковедческой экспертизы должен решаться вопрос только о рукописном или техническом (трафаретном) способе нанесения граффити на объект инфраструктуры, поскольку от этого зависит ход всего дальнейшего исследования. Решение же диагностического вопроса о конкретном способе выполнения надписи (с помощью какого именно пишущего прибора нанесена надпись) должно осуществляться экспертом в рамках производства ТКЭД. Если вопрос о способе выполнения граффити поставлен отдельным пунктом, то его решение также целесообразно осуществить эксперту, обладающему компетенциями в области ТКЭД.

Итак, при поступлении на исследование граффити эксперту-почерковеду сначала следует установить способ нанесения надписи. Для чего необходимо установить наличие или отсутствие признаков рукописного или технического выполнения надписи. Отметим, что использование трафаретов возможно лишь вместе с аэрозольной или обычной краской, которая позволяет быстро заполнять пробельные фрагменты и элементы клише будущей надписи. При использовании райтером для нанесения надписи аэрозольной и обычной краски могут отображаться следующие признаки рукописного выполнения граффити: нечеткие края штрихов; внутри штрихов наблюдается множество хаотично расположенных точек различного диаметра и размера (плотность их расположения уменьшается от центра штриха к его краю и увеличивается в точках начала и окончания штрихов).

При использовании трафаретного способа нанесения граффити возможно наличие следующих признаков: четкие и ровные края штрихов (в случае не-плотного прилегания трафарета в штрихах могут наблюдаться неровности); одноименные знаки, цифры, символы выполнены одинаково; по всей площади нанесения граффити наблюдается множество хаотично расположенных штрихов и точек различного размера.

При использовании иных пишущих приборов для нанесения граффити в обоснование рукописного способа нанесения надписи возможно использовать следующие признаки:

маркер или фломастер (ровные края штрихов, причем их четкость зависит от гладкости воспринимающей поверхности; в границах штриха различаются продольные трассы; относительно равномерное распределение красящего вещества в штрихах; в местах смены направления движения толщина штриха отличается от соседних участков – этот признак обусловлен особенностями формы пишущего узла и характерен для маркеров с плоским наконечником стержня);

мел, восковой карандаш или стик губной помады (края штрихов неровные; красящее вещество в штрихах распределено неравномерно – «рыхлость» структуры зависит от самого пишущего прибора и воспринимающей поверхности; маслянистый блеск (не всегда);

инструменты и предметы с заостренным концом (штрихи представляют собой линейные трассы, вдавленные или образованные путем удаления вещества следовоспринимающей поверхности; относительно ровные края штрихов; в самих штрихах могут различаться параллельные трассы; наличие уплотнений красящего вещества или материала воспринимающей поверхности по краям штрихов; в начале штрихов может быть статическое отображение следообразующей заостренной части предмета или инструмента.

Таким образом, решение вопроса о способе нанесения граффити в рамках комплексной почековедческой и лингвистической экспертизы должно осуществляться вначале исследования, поскольку от этого зависит возможность дальнейшего исследования надписи. Данный факт отражается отдельным абзацем в заключении эксперта сразу после описания поступивших на исследование объектов. Особенности решения диагностической задачи по установлению факта изменения первоначального содержания граффити необходимо решать эксперту в ходе производства технико-криминалистической экспертизы документов, которая включает процесс выявления в исследуемой надписи диагностических признаков изменения первоначального содержания и их сравнение с имеющимися описаниями комплексов признаков, характеризующих различные способы изменения первоначального содержания (например, монтаж, предварительная подготовка, нерукописный способ выполнения надписи).

Решение диагностической задачи по установлению признаков необычного выполнения граффити на стадии предварительного исследования каких-либо особенностей иметь не будет, все действия эксперта описаны нами в пункте, посвященном решению идентификационной задачи по установлению факта выполнения граффити предполагаемым исполнителем или иным лицом. Стадия раздельного исследования включает в себя процесс выявления в исследуемой надписи диагностических признаков ее необычного выполнения, сравнение данных признаков с имеющимся описанием комплекса признаков, характеризующего необычность выполнения рукописных надписей. Отметим, что нанесение граффити на объекты инфраструктуры уже предполагает процесс написания в необычных условиях. В этой связи возникает проблема, связанная с дифференциацией признаков, обусловленных особым механизмом написания граффити и его необычным выполнением (проблема разграничения конкретных «сбивающих» факторов). Решение данного проблемного вопроса предложено ученым-почековедом В.Э. Яскиной: «мы предлагаем исключить только конкретные факторы – выполнение рукописи заданными инструментами письма на заданной поверхности, по аналогии с исследуемой рукописью, и

вычленять при сравнительном исследовании рукописей в образцах те диагностические признаки, которые будут совпадать. Это необходимо для выявления признаков воздействия тех факторов, которые нам точно известны. Остальные выявленные признаки (при их наличии и определенной комплексности) и будут свидетельствовать о присутствии иных сбивающих факторов, воздействовавших на исполнителя в момент выполнения рукописи» [5, стр. 152, 153].

Таким образом, после раздельного исследования спорного граффити должна быть стадия экспертного эксперимента. У исполнителя граффити необходимо отобрать образцы для сравнительного исследования: образцы, выполненные на той же поверхности и тем же пишущим прибором, что и исследуемое граффити; образцы, выполненные на той же поверхности и тем же пишущим прибором, что и исследуемое граффити, но с воссозданием необычных условий выполнения. Затем эксперту необходимо сравнить признаки почерка в экспериментальных образцах, выполненных «по аналогии» с исследуемым граффити и в необычных условиях, и выделить комплекс диагностических признаков, проявляющихся при воздействии дополнительных сбивающих факторов.

В ходе сравнительного исследования эксперт сопоставляет выявленные признаки необычного выполнения в исследуемом граффити и в установленном «диагностическом комплексе», анализирует их, устанавливает совпадения и различия. В соответствии с полученными результатами эксперт формулирует вывод и оформляет результаты исследования. В иллюстративной части обязательно должны присутствовать таблицы-разработки диагностических признаков: исследуемого граффити и экспериментальных образцов, а также фотографии с разметкой соответствующих признаков. Необходимо отметить, что решение данного диагностического вопроса возможно только при наличии установленного исполнителя, а также без указания конкретного сбивающего фактора.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Задача лингвистической экспертизы – исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания. Исследованию подлежат разные тексты: устные и письменные, монокодовые (вербальные) и поликодовые (креолизованные). Граффити как объект лингвистического исследования – это всегда письменная форма языковой презентации, моно- или поликодовый текст, который может быть представлен различной транскрипцией: знаками кириллического или латинского алфавитов или их комбинацией, с возможным включением символов, изображений, цифр. Состав и специфика комбинирования этих структурных элементов определят пригодность объекта для проведения лингвистического исследования – возможность интерпретации содержания и восстановления, при необходимости, текстовой информации с опорой на невербальные средства, обоснованность и целесообразность участия в производстве экспертизы эксперта-лингвиста и соответствие поставленных вопросов

его компетенции.

Здесь необходимо подчеркнуть следующее: в отличие от почерковедческих исследований для лингвистических исследований вид и способ выполнения граффити не столь значимы. На предмет смыслового содержания могут быть исследованы объекты, выполненные как рукописным способом и содержащие в себе почерковую информацию, так и техническим (трафаретным) способом, поскольку характер выполнения не играет в данном случае доминирующей роли. Также возможно проведение лингвистического исследования объекта, в отношении которого положительно был решен вопрос о наличии признаков монтажа (изменения первоначального содержания): в результате трансформации рождается новый текст, в котором органично задействована информация первоначального текста. Этот случай представляет особый интерес для исследования, поскольку перед экспертом-лингвистом дополнительны могут быть поставлены вопросы о смысловом содержании стимульного сообщения. В результате исследования такого диалогического, по сути, текста могут решаться и вопросы экстралингвистического характера: информация о различных аспектах этой спонтанно выстроенной коммуникации.

Главное условие проведения лингвистического исследования – представленный объект должен быть текстом. Поэтому экспертом-лингвистом первоначально решается вопрос (вне зависимости от того поставлен он на разрешение или нет) об определении следующих характеристик сообщения: разборчивость, цельность, связность, достаточность лингвистических признаков для решения поставленных вопросов. Экспертом исследуются такие текстовые признаки, характеризующие объект, как: параметр структуры (объем и сложность словесной организации), функционально-стилевой параметр (цель и сфера общения), параметр подготовленности, параметр цельности / связности, параметр соответствия определенному шаблону, параметр степени экспликации замысла, функционально-прагматический параметр, тематика и содержание.

Граффити задействованы в различных коммуникациях: обиходно-бытовой, общественно-политической, образовательной, эстетической, рекламной, легального и нелегального характера и т.д. Как следствие, разнообразие видов и тематики сообщений: информация о своих соседях и политических фигурах, о ситуации в стране и мире; побуждения к различного рода действиям; продвижение товаров и услуг, в том числе запрещенных (наркотиков); отражение политической борьбы; материалы экстремистского содержания; материалы, содержащие негативно-оценочную информацию, в том числе в неприличной форме, в отношении как рядовых граждан, так и общественно-политических деятелей и т.д. и т.п. То есть граффити как текст тематически разнообразны.

Следует сказать, что термин «граффити» может обозначать не только объект экспертного исследования, но и особый канал связи коммуникантов. Как любой коммуникационный канал он определяет форму и содержание трансли-

руемых сообщений. Граффити-канал обладает значительной аттрактивностью, ему свойственны антиофициальность, отсутствие регламентации речепроизводства (в данном контексте мы не учитываем реакцию социума, в частности правоохранительных органов). Например, для ряда сетевых ресурсов (чатов, форумов, телеконференций и т.д.) характерна модерация – установление правил проведения общения и контроль за их исполнением пользователями и деятельность по их соблюдению. Субъект этой деятельности – модератор – имеет более широкие права, чем обычные коммуниканты, следит за соблюдением правил в конкретных темах или разделах ресурса, может ограничивать коммуникацию вплоть до ее прекращения: удалять сообщения, в разной степени редактировать их, удалять страницы пользователей, ограничивать пользователей в правах редактирования и просмотра сайта (банить). В пространстве стен (условное название поверхностей для размещения граффити безотносительно к их особенностям) ситуация иная, ограничения непосредственно в процессе речепорождения минимальны, в основном, обусловлены коммуникативной интенцией субъекта речи. Форма и содержание речи нерегламентированы: адресант может сказать о чем хочет, что хочет и как хочет. Нравственные и правовые нормы, правила эффективной коммуникации часто не являются регуляторами речевого поведения, скорее наоборот, значимыми становятся эмоционально-экспрессивные характеристики речи и ощущение свободы. Следует добавить, что в определенных условиях, например, при усилении регламентации общения в интернет-среде и наложении запретов на тематику обсуждаемого, значимость граффити – и как коммуникационного канала, и как текста – может возрасти (о потенциальности см. [10]). Отмеченные особенности речепорождения получили отражение в граффити, размещенных на объектах инфраструктуры населенных пунктов; их следует учитывать при проведении лингвистических исследований граффити-текстов.

Граффити как лингвистический объект могут быть разного объема: однословные и многословные, – обладать разной информативностью и коммуникативным эффектом. Объем объекта исследования не столь важен, главное, отметим это еще раз, чтобы представленный объект был текстом, то есть цельным и связным сообщением, содержащим определенную информацию, которую возможно обоснованно эксплицировать методами лингвистического анализа.

Как отмечено в «Типовой методике судебной лингвистической экспертизы», пред назначенной для экспертных подразделений МВД, ФСБ и СК России, а также для других подразделений, осуществляющих правоохранительную функцию, при проведении лингвистических экспертиз тексты могут быть исследованы в различных аспектах: как носители информации о событиях и ситуациях; как содержащие оценочный компонент; как речевой акт; как речевое событие, имеющее место при тех или иных обстоятельствах [7, стр. 4].

Значительная часть граффити-сообщений, предназначенных для массовой

(неперсонифицированной) аудитории, созданы с использованием буквенной русскоязычной транскрипции и представляют собой вербальные или креолизованные тексты. Как и любой текст, граффити-текст – объект поливекторного анализа. Предметом анализа такого конфликтогенного текста являются:

– денотативный компонент текста – вопрос о предмете речи, речевом выражении каких-либо фактов действительности или положения дел. Такой вопрос теоретически возможен, но мало вероятно, что он будет основным или частотным, также как вопрос о маскировке содержательных элементов;

– оценочный компонент – вопросы о наличии оценки, положительной либо отрицательной, лица или группы лиц, свойств или действий;

– иллокутивный компонент – выражение волеизъявления, призывы, информация агитационного или пропагандистского характера, вербальная агрессия в форме угрозы;

– экстралингвистический компонент – информация об адресанте и адресате речи, характере взаимодействия коммуникантов (стимул-реакция, иерархия отношений) в граффити-диалогах, условиях (время, место), канале связи коммуникантов и др. [7, стр. 4, 6–7].

Выявление и оценка имеющихся в исследуемом объекте лингвистических признаков разных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического), характеризующих различные компоненты граффити-текста, а также диагностика признаков, характеризующих коммуникативную ситуацию создания и воспроизведения текста, могут быть проведены с использованием методов, описанных в специальной литературе, например, [7, с. 6–7; 8, с. 47–53] и др. Как смыслообразующие факторы при исследовании граффити-текстов также могут быть рассмотрены особенности графической визуализации текста и цветового решения как сообщения в целом, так и отдельных его фрагментов. Исследование невербальной составляющей поликодовых граффити-текстов осуществляется в соответствии с методическими рекомендациями по исследованию креолизованных текстов.

В заключение следует сказать, что граффити могут быть исследованы не только в процессе расследования правонарушений, связанных с неправомерным нанесением граффити на объекты инфраструктуры, но и по другим категориям дел: ненадлежащая реклама, защита чести и достоинства, противодействие экстремизму и распространению порнографии и т.д. Как показывают проводимые на кафедре судебной экспертизы ННГУ исследования, в рамках комплексной экспертизы граффити-тексты, содержащие различную информацию, могут быть исследованы методами почековедческого, технико-криминалистического и лингвистического анализа. В зависимости от специфики объекта для получения результата возможны различные сочетания этих видов экспертного исследования. На предварительном этапе методами почековедения, ТКЭД и судебной лингвистики сначала определяется пригодность представленного объекта

для того или иного вида исследований и, соответственно, тот тип информации, который может быть изучен в ходе производства комплексной экспертизы, а также последовательность дальнейших исследовательских процедур экспертов соответствующих специальностей. Так, при исследовании конфликтогенных граффити-текстов рукописного выполнения определяется наличие/отсутствие признаков монтажа объекта и его пригодность для почерковедческого и лингвистического исследований. Методами лингвистического анализа выявляется значимая для дела текстовая информация (например, негативная оценка определенного лица или группы лиц в неприличной форме, информация о преимуществе одного человека или группы лиц перед другими людьми, побуждение к совершению насильственных действий и т.д.). При исследовании таких граффити, а также выполненных под готовой работой тэгов как почерковых объектов возможным является установление исполнителя конфликтогенных текстов по отображению его письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков, конечно, при условии предоставления сопоставимых образцов.

В этом контексте отметим значимость исследования тэгов. Тэг – это идентификатор райтера, им он отмечает свои работы, по ним райтеры узнают работы друг друга. Райтеры редко меняют тэги, так как их смена ведет к уничтожению личностной истории автора и необходимости создания новой: поэтому исследование тэгов так важно при решении вопросов об авторстве граффити.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные разновидности криминалистической информации в граффити-объектах и актуальность проблем комплексного подхода в судебной экспертизе обусловили логику предпринятого авторами исследования. Методика комплексной экспертизы должна включать «решение задачи, затрагивающей две или более области знаний, где исследование одного объекта (однородной группы) целесообразно с использованием разных экспертных специальностей (родов или видов экспертиз) и без проведения такого рода исследования нельзя получить ответы на указанные вопросы. <...> Характерной особенностью такой логической связи является тот факт, что два (или более) экспертов решают единую задачу, рассматривая ее с разных сторон. Здесь происходит генерация нового знания на стыке разных специальностей, которые востребованы / порождены проблемной ситуацией и где необходим поиск новых решений, который невозможно получить традиционным путем. Такое взаимоотношение характеризуется тем, что конечным результатом может быть только единое экспертное заключение, то есть итог соединительного умозаключения двух (или более) экспертов, – интеграционное решение, оформленное общим выводом» [9, стр. 366, 371].

По итогам исследований различных видов граффити авторами были опре-

делены специфика граффити как объекта судебно-почерковедческого и лингвистического исследований и возможности его комплексного исследования в рамках судебной экспертизы:

– граффити как почерковый объект – это рукописная надпись, обладающая содержанием или являющаяся своеобразной подписью, вида «tagging» или «scratching», нанесенная исполнителем на поверхность объектов инфраструктуры с помощью различных пишущих приборов или подручных предметов, отображающая письменно-двигательный функционально-динамический комплекс навыков исполнителя и пригодная для решения вопросов об авторе;

– граффити иных видов, стилей и направлений не отображают письменно-двигательный функционально-динамический комплекс навыков исполнителя, поэтому для установления «авторства» таких граффити следует использовать специальные знания из других родов и видов экспертиз;

– определены задачи идентификационного и диагностического исследования граффити как почеркового объекта и дана характеристика системы общих и частных признаков почерка;

– граффити как объект лингвистического исследования – это письменная форма языковой презентации, моно- или поликодовые тексты, представленные различной транскрипцией: знаками кириллического или латинского алфавитов или их комбинацией, с возможным включением символов, изображений, цифр. Они задействованы в разных коммуникациях, тематически разнообразны, имеют разный объем, обладают разной информативностью и коммуникативным эффектом;

– лингвистическими методами могут быть исследованы граффити, выполненные как рукописным, так и техническим способом, а также объекты, в отношении которых был положительно решен вопрос о наличии признаков монтажа.

Предлагаемый авторами комплексный подход к исследованию граффити учитывает многоаспектность объекта исследования, предполагает использование современных достижений науки и техники. Вместо назначения и производства целого комплекса судебных экспертиз в границах разных экспертных специальностей в отношении одного и того же объекта становится возможным одновременное решение комплекса задач по различным категориям дел в рамках комплексной экспертизы с получением интегрированных выводов как обобщенных результатов исследований. Такой подход расширит возможности судебной экспертизы в решении сложных задач посредством интеграции научного знания и позволит детальнее исследовать информацию, содержащуюся в вещественных доказательствах. Тем самым на практике реализуются основные принципы государственной экспертной деятельности: объективность, всесторонность, полнота проводимых исследований, – и, как следствие, интеграционное экспертное решение даст правоохранительным органам возможность по-

высить эффективность своей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: ACT, Астрель, Харвест, 2006. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/155664>/Граффити (дата обращения: 27.10.2019).
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/15658/Граффити (дата обращения: 27.10.2019).
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред С.А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/16926>/Граффити (дата обращения: 27.10.2019).
4. Коровкин Д.С., Якушев В.В. Криминалистическое исследование объектов граффити: методическое пособие. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2012. 64 с.
5. Яскина В.Э. Теоретические и практические основы криминалистического исследования рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма : дис... канд. юрид. наук. СПб., 2019. 260 с.
6. Юматов В.А., Лесникова П.Г. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2017. 308 с.
7. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации // Гримайлло Е.А., Назарова Т.В., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П., Ростовская А.В. / Под редакцией к.ю.н., доцента, Заслуженного юриста РСФСР В.Ф. Статкуса. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 63 с.
8. Юматов В.А., Радбиль Т.Б. Язык и метод в современной судебной экспертизе. Монография. М: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. 216 с.
9. Юматов В.А., Юматова Э.Г. Комплексный подход в судебной экспертизе в структуре правовой и экспертной деятельности // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2020. 400 с.
10. Юматов В.А., Захаров Р.И. Граффити как медиатекст: поиск оснований в рамках междисциплинарного подхода // Сборник научных статей V Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире». Симферополь, 2021. (Сдано в печать.)

Graffiti as an object of complex forensic handwriting examination and linguistic examination

V.A. Yumatov, R.I. Zakharov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
yumatovva@yandex.ru, ruzakharov@yandex.ru

The article is devoted to the issues of complex research of graffiti such an object of forensic examination. The science paper reveals the possibility of multi-aspect studies of graffiti: as forensic-handwritings object and as linguistic object specifically as a conflictogenic text of different content. Given the scale of the spread of graffiti, which largely determines the appearance of a modern settlement, their involvement in various communications, as well as their use as a tool for committing an offense or crime, this kind of research is significant from a theoretical and practical point of view.

Keywords: graffiti, text, forensic handwriting examination, linguistic examination, complex research.

ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СЛЕДОВ ПОДОШВ ОБУВИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

C.B. Юматов

Экспертно-криминалистический отдел Управления МВД России
по г. Н. Новгороду (Россия, Нижний Новгород)
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
sergey.yumatov@mail.ru

В статье рассмотрены основные направления современной литературы по исследованию следов подошв обуви. Сделан вывод о недостаточном освещении вопроса о вероятных выводах при сравнительном исследовании следов подошв обуви и обуви (оттисков обуви) проверяемых лиц. Некачественное изъятие следов, нарушение условий проведения эксперимента, применение не всего комплекса методов и средств исследования не позволяют в полной мере использовать потенциал следов подошв обуви в процессе доказывания. Предложены рекомендации по совершенствованию процесса изъятия и экспериментального исследования следов подошв обуви. Определены направления развития в научной деятельности по исследованию следов подошв обуви.

Ключевые слова: трасология, след подошвы обуви, вероятный вывод, микротрасология.

Трасологическая экспертиза следов подошв обуви является одной из самых распространенных в экспертной практике. Следы обуви, в большинстве своем, изымаются в ходе осмотра места происшествия по различным уголовным делам, таким как: кражи, грабежи, разбои, убийства, изнасилования; и могут стать по таким преступлениям важным источником как доказательственной, так и ориентирующей информацией. При этом в практической деятельности сложилось неверное представление об экспертизе следов подошв обуви, как одной из самых простых, элементарных.

Основополагающими научными трудами по экспертизе следов обуви стоит

назвать работы Л.Г. Грановского [1], И.И. Пророкова [2]. Значительный вклад внесла Н.П. Майлис [3] (касательно положений микротрасологии).

Научная деятельность в сфере исследования следов ног активно продолжается и сегодня. Анализ диссертаций, монографий, научных статей позволяет выделить несколько основных направлений исследований:

- исследование всего процесса экспертного исследования (А.А. Байбарин, О.Ю. Локтионова [4]);
- диагностические исследования человека на основе следов обуви, дорожки следов (Соколова О.А. [5], Н.В. Максимов [6], З.Л. Шхагапсоев, В.А. Шаужаева [7], И.Л. Бадзюк [8]);
- исследование признаков в следах, их искажения при различных условиях следообразования (В.А. Чванкин [9], А.А. Отаров, В.А. Гаужаева [10]);
- совершенствование экспертурно-криминалистического учета следов подошв обуви (Н.Л. Эйхвальд [11]);
- новые способы и средства изъятия следов ног (А.А. Носова [12]).

Необходимо отметить, что несмотря на немалое количество работ и исследований, остаются проблемные вопросы, которые требуют изучения. Одним из таких проблемных моментов является сложность в установлении тождества обуви проверяемых лиц по их следам.

Анализ практики производства сравнительных экспертиз по следам подошв обуви и обуви подозреваемых (обвиняемых) показывает, что в большинстве случаев эксперты приходят к вероятному выводу. Вероятный вывод означает «неполную внутреннюю психологическую убежденность в достоверности аргументов, среднестатистическую доказанность факта, невозможность достижения полного знания; они допускают возможность существования факта, но не исключают абсолютно другого (противоположного) вывода» [13, стр. 436]. Такой вывод является не самым лучшим для процесса доказывания, установления лица, причастного к совершению преступления.

Опрос следователей, дознавателей свидетельствует об их скептическом отношении к использованию в процессе доказывания экспертиз с вероятным выводом. Подобный вывод не исключает возможности оставления следа подошвы обуви на месте происшествия иным лицом, что не может говорить наряду с другими доказательствами о вине подозреваемого, обвиняемого в совершенном деянии. При этом зачастую в процессе раскрытия и расследования преступления следователю, дознавателю приходится оперировать ограниченным числом доказательств, из-за чего потеря каждого из них ощутима.

Эксперты-криминалисты отмечают, что вероятный вывод в большинстве своем обусловлен плохим качеством следа или плохим качеством сравнительного материала (см. рис. 1).

Нами было проведено исследование 50 заключений эксперта, в которых были сделаны выводы: «след подошвы обуви, изъятый в ходе осмотра места

происшествия, вероятно оставлен обувью подозреваемого (обвиняемого). Цель исследования – определение причин и условий, по которым в процессе производства судебной экспертизы невозможно прийти к категорическому выводу о тождестве.

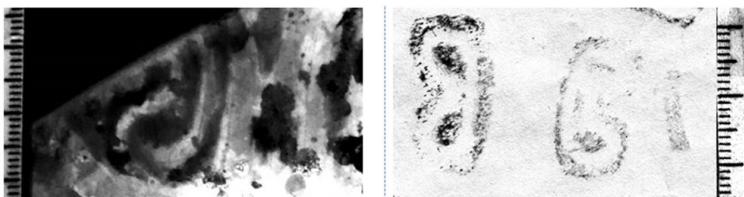

Рис. 1. Сопоставление следа подошвы обуви, изъятого в ходе осмотра места происшествия с помощью фотосъемки, и оттиска подошвы обуви подозреваемого, выполненного на листе бумаги белого цвета наслоением вещества синего цвета. Типичная ситуация для экспертного исследования: сам след и оттиски плохого качества. Сделать категорический вывод о тождестве невозможно.

Объектами экспертиз являлись следы, изъятые различными способами: фотоснимки (36), вместе с объектами (5), на дактилоскопических пленках (5), следы, на клейкой ленте (скотче) на листе бумаги (4).

В качестве сравнительного материала в 9 случаях была предоставлена обувь, в 41 – оттиски. При этом оттиски были изготовлены на дактилоскопической пленке – 7 экспертиз, на листах бумаги синей или типографской краской – 34 экспертизы. В тех экспертизах, когда были предоставлены следы на фотоснимках и обувь, экспериментальные следы с помощью фотосъемки были получены в одном исследовании.

Объемные следы исследовались в 26 экспертизах (на снегу – 8; на грунте – 14; песке – 4), поверхностные исследовались в 24 экспертизах (на линолеуме – 4; на плитке – 7; асфальте – 2; картоне – 2; деревянной поверхности – 2; бетоне – 3; листе бумаги – 2; грунте – 1; подоконнике полимерном – 1).

В 13 экспертизах в следе была зафиксирована вся подошва, в 7 экспертизах какая-либо отдельная часть (подметочная или каблучная), в 30 экспертизах определить участок подошвы до сравнительного исследования не представилось возможным.

Во всех следах происходило искажение общих и частных признаков. Общие признаки: размытость контуров, увеличение размера подошвы в целом или ее отдельных частей, изменение формы всей подошвы или ее отдельных частей. Частные признаки: появление ложных признаков (например, перерывов в отображении элементов), отсутствие признаков, которые должны быть; изменение формы и размеров признаков, их положения и взаиморасположения. Самые сильные искажения наблюдались в объемных следах на песке, поверхностных следах на различных поверхностях, где следообразующая или следовоспринимающая поверхности были влажными, из-за чего след становился нечетким, размытым (см. рис. 2). Фрагментарность следов, сдвиги в момент следообразо-

вания практически исключают наличие частных признаков.

В сложившейся ситуации одним из выходов может служить использование микропризнаков, то есть микрорельефа следообразующей поверхности. В рассматриваемых экспертизах исследование таких признаков не проводилось. Причинами подобного положения вещей является как банальное незнание возможностей микротрасологии, несмотря на то, что это направление в трасологии существует уже достаточно давно, так и качество изъятия следов.

На наш взгляд, основным способом повышения качества изымаемых следов является правильная фотосъемка, использование микрофотосъемки следа в целом, отдельных его частей. Все остальные способы изъятия следов (за исключением изъятия вместе с объектом), в силу различных причин (плохой липкий слой дактилоскопической пленки, невозможность принять форму объекта, плохой материал для смеси и т.п.), не позволят исследовать микропризнаки, так как при таких изъятиях они не отображаются.

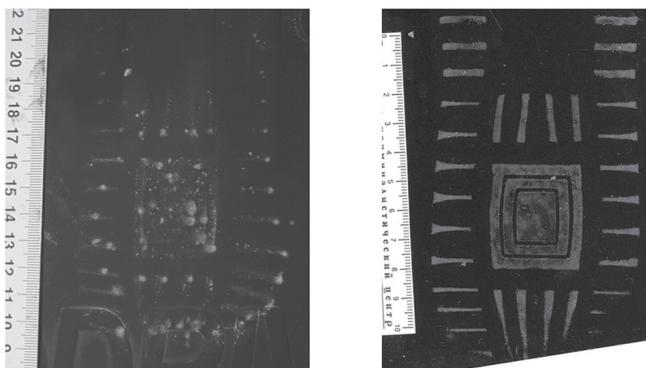

Рис. 2. Сопоставление следа подошвы обуви, изъятого в ходе осмотра места происшествия с помощью фотосъемки, и оттиска подошвы обуви подозреваемого на темной дактилоскопической пленке. След был образован во влажную погоду в результате наложения вещества на резиновую поверхность, из-за чего он не имеет четких контуров. Имеются сильные искажения частных признаков, которые исключают категорический вывод о тождестве. Кроме того, качество фотосъемки не позволяет проводить исследование микропризнаков.

Вместе с тем, исследование микропризнаков имеет свои особенности, связанные с их формированием, методами и средствами их исследования [3, стр. 34], которые не позволят в полной мере решить проблему с установление тождества при производстве экспертиз.

Анализ судебных экспертиз показал, что на практике имеет место нарушение условия о сопоставимости сравниваемых объектов. В качестве сравнительного материала, в большинстве случаев, были представлены оттиски подошв обуви, независимо от того, каким образом изымались следы. Подобная практика приводит к тому, что механизм следообразования остается неизученным

до конца в процессе исследования, не выявляется весь комплекс частных признаков. При назначении и производстве судебных экспертиз наблюдаются две группы ошибок: организационные и операционные.

Организационные ошибки заключаются в направлении следователем, дознавателем на экспертизу в качестве сравнительного материала только оттисков, но не саму проверяемую обувь. Это происходит по различным причинам: незнание следователя, дознавателя о такой необходимости; отсутствие у подозреваемого, обвиняемого другой обуви; нахождение подозреваемого, обвиняемого в местах заключения под стражу.

Операционные ошибки состоят в неправильном проведении экспериментального эксперимента. Так, например, если след представлен на фотографии, а экспериментальные следы были получены на дактилоскопической пленке. Если след на фотографии, то обувью, представленной на исследование, должны оставляться экспериментальные следы на поверхности аналогичной (или схожей) с той, на которой оставлен исследуемый след. После чего для получения образцов для сравнительного исследования экспериментальный след должен быть сфотографирован при аналогичных условиях, что и представленный на экспертизу след [14].

Проведенный анализ экспертиз с вероятными выводами позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию и направлению развития данного вида экспертиз:

1) Необходимо изменить алгоритм работы со следами обуви при осмотре места происшествия. Сначала след фиксируется целиком, после чего фотографируются отдельные его участки по правилам микрофотосъемки. Фотографирование – один из основных способов изъятия следов.

2) На первоначальном этапе работы со следами следует определять перспективу их использования, исходя из следовоспринимающей поверхности, вида следа, участка подошвы, которой оставлен след. Это позволит изначально выявить, какие следы можно использовать для получения ориентирующей информации (установление лица, пристального к совершению преступления, серийности преступления), а какие для установления тождества.

3) Проведение дальнейших исследований по определению искажения признаков в следах при различных условиях следообразования (разные следообразующие и следовоспринимающие поверхности, погодные условия и т.п.). Необходима подготовка соответствующей справочной литературы.

Кроме того, необходим анализ особенностей отображения микропризнаков в следах с малой площадью (отобразился неопределенный участок подошвы) и с большим искажением признаков.

4) Совершенствование качества подготовки экспертов, методической литературы. При обучении судебных экспертов, повышении квалификации большее внимание уделять положениям производства экспериментального эксперимента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановский Г.Л. Основы трасологии. Особенная часть. М., 1974. 240 с.
2. Пророков И.И. Криминалистическая экспертиза следов (трасологическое исследование): Учебное пособие. Волгоград, 1980. 224 с.
3. Майлис Н.П. Судебная трасология: Учебник для студентов юридических вузов. М.: Изд-во «Экзамен», Право и закон, 2003. 272 с.
4. Байбарин А.А., Локтионова О.Ю. Понятие следа, проблемные аспекты идентификации и сравнительного анализа следов подошв обуви, изъятых с осмотра места происшествия // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73). С. 189–205.
5. Соколова О.А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям : автореферат дис. доктора юридических наук : 12.00.12 / Соколова Ольга Александровна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. Москва, 2018. 54 с.
6. Максимов Н.В. Теоретические и методические основы криминалистической диагностики роста человека по следам ног : автореферат дис. кандидата юридических наук : 12.00.12. / Максимов Николай Валерьевич; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. Москва, 2018. 34 с.
7. Шхагапсоев З.Л., Гаужаева В.А. Диагностические трасологические исследования дорожки следов обуви // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 49–51.
8. Бадзюк И.Л. Установление внешних параметров человека при исследовании единичных следов и дорожки следов ног в рамках учебной дисциплины «трасология и трасологическая экспертиза» // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (2). С. 23–26.
9. Чванкин В.А. Качественные и количественные характеристики признаков, отобразившихся в следах обуви // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2018. № 13. С. 218–221.
10. Отаров А.А., Гаужаева В.А. Влияние погодных условий на следовую картину при работе специалиста со следами обуви // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 277–279.
11. Эйхвальд Н.Л. К вопросу автоматизации криминалистического учета следов подошв обуви // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. № 17. С. 91–92.
12. Носова А.А. Возможности использования нетрадиционных материалов для фиксации, изъятия и исследования трасологических объектов // Успехи современной науки. 2017. Т 1. № 12. С. 106–109.
13. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. М.: Норма, 2009. 480 с.
14. Юматов С.В. Особенности производства экспертизы по следам подошв обуви // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 277–279.

Trasological examination of footwear soles traces: current state and development prospects

S. V. Yumatov

*Forensic Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the city of N. Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

sergey.yumatov@mail.ru

The article discusses the main directions of modern literature on the study of traces of shoe soles. It is concluded that there is insufficient coverage of the issue of probable conclusions in a comparative study of the traces of the soles of shoes and shoes (shoe prints) of the tested persons. Poor removal of traces, violation of the conditions for conducting an expert experiment, the use of not the entire range of methods and research tools do not allow to fully use the potential of traces of shoe soles in the process of proving. Recommendations for improving the process of removal and expert study of traces of shoe soles are offered. The directions of development in scientific activity on the study of traces of shoe soles are determined.

Keywords: trasology, trace of the sole of shoes, probable conclusion, microtrasology.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

1. **Алексеев Илья Владимирович**
заведующий лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России
(г. Нижний Новгород)
2. **Антонов Игорь Юрьевич**
доцент кафедры ОРД ОВД Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
3. **Афанасьев Алексей Юрьевич**
старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
4. **Ахраменко Татьяна Викторовна**
преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)
5. **Бзычkin Артём Максимович**
государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
6. **Бондарь Наталья Николаевна**
ведущий государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва)
7. **Борщева Ольга Александровна**
государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
8. **Бочаров Геннадий Геннадьевич**
заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва)
9. **Виноградова Марина Михайловна**
главный государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, кандидат юридических наук (г. Москва)
10. **Воронов Сергей Сергеевич**
начальник кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учёта Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

11. **Галышина Елена Игоревна**
профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор (г. Москва)
12. **Голубятников Севир Павлович**
профессор кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учёта Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
13. **Горбачева Алена Владиславовна**
старший преподаватель кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учёта Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
14. **Граница Юлия Валентиновна**
доцент кафедры математических и естественнонаучных дисциплин Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, специалист по внутреннему контролю качества ООО «Премьер аудит», кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
15. **Грачев Михаил Александрович**
профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
16. **Григорян Вараздат Гевондович**
заведующий лабораторией судебной автотехнической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, кандидат технических наук (г. Москва)
17. **Дёмин Константин Евгеньевич**
доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Российского университета транспорта (МИИТ), доцент кафедры оружиеведения и трасологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)
18. **Дорофеев Кирилл Игоревич**
старший эксперт отдела информационно-правового обеспечения Управления правовой информации МВД России (г. Москва)
19. **Ефременко Николай Васильевич**
доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

20. **Жильцова Юлия Валерьевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
21. **Жук Игорь Олегович**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
22. **Журавлев Сергей Юрьевич**
профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
23. **Зайцева Ольга Валерьевна**
преподаватель кафедры иностранных языков Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ведущий эксперт ГБУ МИЦ «Московский исследовательский центр» (г. Москва)
24. **Захаров Руслан Иванович**
младший научный сотрудник кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
25. **Зиле Аэлита Имантовна**
лектор Рижского университета Страдиня, магистр юридических наук, доцент (г. Рига, Латвия)
26. **Зорина Татьяна Евгеньевна**
государственный судебный эксперт лаборатории судебно-почерковедческих экспертиз ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
27. **Игонина Елена Сергеевна**
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат экономических наук (г. Нижний Новгород)
28. **Калакутин Артем Васильевич**
старший государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
29. **Кирвель Виталий Казимирович**
доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, член Литовского криминалистического общества, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

30. **Козиков Юрий Владимирович**
старший государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
31. **Козменкова Светлана Вячеславовна**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
32. **Кудряшов Дмитрий Александрович**
старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)
33. **Лалль Анника Эвальдовна**
доктор юридических наук (PhD), доцент (г. Таллинн, Эстония)
34. **Латышов Игорь Владимирович**
профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
35. **Лесникова Полина Галлимуловна**
заместитель начальника ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
36. **Лоу Билл**
профессор Университета Ковентри (г. Ковентри, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)
37. **Лубин Александр Фёдорович**
профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Нижний Новгород)
38. **Лубин Сергей Александрович**
доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
39. **Лужинская Елена Леонидовна**
старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)
40. **Лютынский Антон Мечиславович**
доцент Северо-западного института (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент (г. Вологда)

41. **Мазурина Анастасия Валерьевна**
эксперт Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по
Московской области (г. Москва)
42. **Малкова Наталья Андреевна**
судебный эксперт-товаровед ООО НПО «Эксперт Союз» (г. Нижний
Новгород)
43. **Матлак Антон Николаевич**
старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз след-
ственно-экспертного факультета Академии Министерства внутрен-
них дел Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)
44. **Мясникова Татьяна Владимировна**
заместитель заведующего лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Ми-
нистра России (г. Нижний Новгород)
45. **Никишин Владимир Дмитриевич**
директор Центра академического развития и образовательных ин-
новаций Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук (г. Москва)
46. **Новосёлова Антонина Николаевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ
им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент (г. Ниж-
ний Новгород)
47. **Огорелков Игорь Витальевич**
начальник отдела лингвистических экспертных исследований ГБУ г.
Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва)
48. **Павлють Ольга Вячеславовна**
преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-
экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)
49. **Подполухо Максим Михайлович**
заместитель начальника управления экспертиз документов, денежных
знаков и почерка главного управления криминалистических экспертиз
центрального аппарата Государственного комитета судебных экспер-
тиз Республики Беларусь – начальник отдела почерковедческих экспер-
тиз, магистр юридических наук (г. Минск, Республика Беларусь)
50. **Полякова Анастасия Васильевна**
старший преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического
факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
51. **Пронин Владимир Николаевич**
начальник ФБУ Приволжский РЦСЭ Министра России (г. Нижний Нов-
город)

52. **Радбиль Тимур Беньюминович**
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания
Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕ (г. Нижний Новгород)
53. **Репникова Наталья Алексеевна**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
54. **Ропот Руслан Михайлович**
доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного
факультета Академии Министерства внутренних дел Республики
Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика
Беларусь)
55. **Румянцев Федор Пиликтович**
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ННГУ им. Н.И.Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
56. **Руф Юлия Николаевна**
доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и
контроля Тюменского государственного университета, кандидат экономических
наук, доцент (г. Тюмень)
57. **Рябова Наталья Борисовна**
старший государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ
Минюста России (г. Нижний Новгород)
58. **Сафонова Маргарита Фридриховна**
заведующий кафедрой аудита Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина, доктор экономических наук, профессор (г. Краснодар)
59. **Светличный Александр Алексеевич**
и.о. заведующего кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела
Тульского государственного университета, кандидат юридических
наук, доцент (г. Тула)
60. **Соловьев Олег Демьянович**
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской
академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических
наук, доцент (г. Нижний Новгород)

61. **Тимченко Владимир Александрович**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
62. **Толстолуцкий Владимир Юрьевич**
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института экономики, управления и права ВГАВТ; профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор медицинских наук, профессор (г. Нижний Новгород)
63. **Толстухина Татьяна Викторовна**
профессор кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Тула)
64. **Утенков Сергей Матвеевич**
заведующий лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
65. **Чванкин Вадим Аркадьевич**
доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)
66. **Чернышова Яна Михайловна**
заведующий лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
67. **Шаров Виктор Иванович**
профессор кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
68. **Шурганова Екатерина Александровна**
специалист АО ЭК "Восток" (г. Тюмень)
69. **Юматов Василий Алексеевич**
заведующий кафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, профессор РАЕ (г. Нижний Новгород)
70. **Юматов Сергей Васильевич**
старший эксперт экспертно-криминалистического отдела Управления МВД России по г. Н. Новгороду, ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

СОДЕРЖАНИЕ

Rudolf Carnap: The limiting of genius, empiricism and inductive probability <i>Bill Louw</i>	3
Возможности экспертного исследования документов, изготовленных при помощи лазерного принтера <i>T.B. Ахраменко</i>	14
Современные возможности проведения почерковедческой экспертизы по копиям документов (на основе практики Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь) <i>H.B. Ефременко, M.M. Подполухо</i>	18
Корреляция результатов серий экспериментов, проведенных в Эстонии и Латвии, по оставлению, визуализации и изъятию латентных следов папиллярных узоров с кожи человека <i>A.I. Зиле, A.Э. Лалль</i>	22
Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» и Федеральный Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: сравнительно-правовой анализ общих (основных) положений <i>B.K. Кирвель</i>	31
Информационный подход к понятию предмета и объекта судебной портретной экспертизы <i>E.L. Лужинская</i>	41
Механизм образования следов на снарядах при стрельбе из ручного гладкоствольного огнестрельного оружия <i>A.H. Матлак</i>	47
К вопросу о некоторых аспектах судебного почерковедения <i>O.B. Павлють</i>	53
Особенности криминалистической оценки электромеханического пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий <i>P.M. Роном</i>	62
Совершенствование методики проведения судебной дактилоскопической экспертизы в Республике Беларусь <i>B.A. Чванкин</i>	66

Технологии повышения качества судебно-экспертной деятельности с использованием современных технических методов производства комплексных автотехнических экспертиз с привлечением экспертов других специальностей (на примере экспертной специальности 13.4)	72
И.В. Алексеев, А.В. Калакутин	
Методология криминалистики	84
А.Ю. Афанасьев	
Современное состояние судебно-бухгалтерской экспертизы	88
А.М. Бзычkin	
Сложности процессуальной оценки экспертного заключения на примере судебной экспертизы предметов фалеристики	92
Г.Г. Бочаров	
Развитие судебной экономической экспертизы в современных условиях	98
М.М. Виноградова, Н.Н. Бондарь	
Особенности экспертных исследований по делам о преступлениях коррупционной направленности	102
С.С. Воронов	
Информационно-мировоззренческая безопасность личности в социальных сетях и проблемы выявления словесного экстремизма	108
Е.И. Галяшина, В.Д. Никишин	
Использование материалов судебно-бухгалтерской экспертизы при раскрытии и доказывании преступлений экономической направленности	113
А.В. Горбачева, [С.П. Голубятников]	
Экспертиза информационной безопасности бизнес-процессов экономических агентов в области управления финансами	120
Ю.В. Граница	
Проблемы изучения пиктографического криминального письма экспертами-лингвистами	127
М.А. Грачев	
Об особенностях механизма образования следов губ человека	131
К.Е. Дёмин, А.В. Мазурина	
Влияние отмывания преступных доходов и финансирования терроризма на национальную экономическую систему России	137
Ю.В. Жильцова	

К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании преступлений террористической направленности

И.О. Жук 142

Криминалистическая культура и реализация экспертной функции в процессе правоприменения

С.Ю. Журавлев 148

Об аспектах правового регулирования противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (опыт зарубежных стран)

О.В. Зайцева, К.И. Дорофеев 155

Влияние информации о состоянии здоровья исполнителя на процесс производства судебно-почерковедческой экспертизы (случай из практики)

Т.Е. Зорина, П.Г. Лесникова 159

Современные технологии при производстве судебных строительно-технических и землеустроительных экспертиз, используемых для повышения точности и качества проводимых исследований

Ю.В. Козиков 168

Особенности методики судебной экономической экспертизы в связи с применением новых федеральных стандартов бухгалтерского учёта

С.В. Козменкова 171

К вопросу об особенностях интеграции экспертных технологий при производстве судебно-баллистических экспертиз

Д.А. Кудряшов 177

Аппаратно-программные комплексы в обеспечении производства криминалистических экспертиз

И.В. Латышов 183

Предмет взаимодействия оперативных работников и следователей со специалистами и экспертами при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы (при выявлении и расследовании налоговых преступлений)

А.Ф. Лубин, С.А. Лубин 190

К проблеме соотношения выводов эксперта с усмотрением правоприменителя в уголовном судопроизводстве (тезисы)

А.М. Лютынский 196

Актуальные проблемы назначения и производства судебной товароведческой экспертизы

Н.А. Малкова 201

К вопросу о различии подходов к производству лингвистических экспертиз по делам о клевете

Т.В. Мясникова, Н.Б. Рябова 206

Эристическая аргументация и речевая агрессия: проблемы определения при проведении судебно-лингвистической экспертизы

А.Н. Новосёлова 212

Перспективы развития судебной автороведческой экспертизы

И.В. Огорелков 217

Проблемные вопросы определения места ситуационных экспертиз в общей теории судебной экспертизы

А.В. Полякова 221

Экспертное исследование действий водителя при наезде на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе

В.Н. Пронин, В.Г. Григорян, С.М. Утенков 226

Постклассическая теория речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме

Т.Б. Радбиль 231

Сравнительное исследование средств защиты полимерных и бумажных банкнот

Н.А. Репникова 245

Значение градостроительной экспертизы в легализации объектов самовольного строительства

Ф.П. Румянцев 249

Совместимость судебной экономической экспертизы и цифровой трансформации

Ю.Н. Руф, Е.А. Шурганова 253

Методические аспекты организации бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений и иных корыстных преступлений в сфере строительства

М.Ф. Сафонова 259

Особенности использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с предоставленными лимитами бюджетных обязательств на исполнения государственных контрактов

О.Д. Соловьев, Е.С. Игонина 268

Принципы формирования экспертных методик судебно-бухгалтерской экспертизы

В.А. Тимченко 273

Механизм участия эксперта в версионной деятельности следователя <i>В.Ю. Толстолуцкий</i>	284
Современные проблемы терминологии общей теории судебной экспертизы	
<i>Т.В. Толстухина, А.А. Светличный</i>	294
Современные технологии повышения качества судебно-технической экспертизы документов на межведомственном уровне по вопросу определения абсолютной давности выполнения реквизитов в документах	
<i>Я.М. Чернышова, О.А. Борицева</i>	301
Использование результатов исследования специалистом предметов и документов в уголовном процессе	
<i>В.И. Шаров, И.Ю. Антонов</i>	307
Граффити как объект комплексной судебно-почерковедческой и лингвистической экспертизы	
<i>Б.А. Юматов, Р.И. Захаров</i>	312
Трасологическая экспертиза следов подошв обуви: современное состояние и перспективы развития	
<i>С.В. Юматов</i>	333
Авторы выпуска	
.	340

Всероссийская научная конференция
с международным участием

Национальные и международные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Печатается в авторской редакции

Формат SRA3 1/4. Гарнитура Minion Pro.
Аvt. л. 22,07. Уч.-изд. л. 22,58.

